ЧУВАШСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ
НАУК

ISSN 2225-7314

ЧУВАШСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

№ 15

АРХЕОЛОГИЯ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ
ПРАВОВЕДЕНИЕ
СОЦИОЛОГИЯ
ФИЛОЛОГИЯ
ЭКОНОМИКА
ЭТНОЛОГИЯ

2020

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Н.И. Ашмарин çуралнăранпа
150 çул çитнине халалланӑ

Посвящается 150-летию со
дня рождения Н.И. Ашмарина

№ 15

ЧУВАШСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

АРХЕОЛОГИЯ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ
ПРАВОВЕДЕНИЕ
СОЦИОЛОГИЯ
ФИЛОЛОГИЯ
ЭКОНОМИКА
ЭТНОЛОГИЯ

Чебоксары 2020

Учредитель БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики

Редакционная коллегия:

Ю.М. Артемьев, доктор филологических наук, профессор,
Н.С. Березина, кандидат исторических наук,
И.И. Бойко, доктор исторических наук, профессор,
А.П. Долгова, кандидат филологических наук,
Д.В. Егоров, кандидат исторических наук,
В.П. Иванов, доктор исторических наук (заместитель главного редактора),
Р.Р. Исхаков, доктор исторических наук,
М.Г. Кондратьев, доктор искусствоведения, профессор,
П.С. Краснов, кандидат философских наук (главный редактор),
Г.А. Николаев, кандидат исторических наук,
А.К. Салмин, доктор исторических наук,
А.А. Трофимов, доктор искусствоведения, профессор (художественный редактор)

Ответственный редактор
В.П. Иванов

Чувашский гуманитарный вестник
Чебоксары, 2020. № 15

Научный журнал
Основан в феврале 2006 г.
Выходит 1 раз в год

© Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2020
© Редколлегия журнала «Чувашский гуманитарный вестник» (составитель), 2020

УДК 811.512.111(09)

ЧГВ, 2020 г., № 15
© Э.Е. Лебедев

АШМАРИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (1870–1933)

Статья посвящена жизни и научному творчеству известного специалиста по чувашскому языку, профессора Н.И. Ашмарина (1870–1933). В ней даются основные сведения о вехах жизни ученого и другая биографическая информация, представлен краткий обзор его языковедческих трудов.

Ключевые слова: основоположник чувашского языкознания, словарь чувашского языка, булгары и чуваши, синтаксис, подражательные слова.

4 октября 2020 г. вся научная общественность нашей республики отметила 150-летний юбилей со дня рождения великого русского ученого, профессора-языковеда, доктора филологии, члена-корреспондента АН СССР, автора 17-томного «Словаря чувашского языка» Н.И. Ашмарина.

Будущий ученый родился в 1870 г. в г. Ядрине Казанской губернии в семье купца И.Ф. Ашмарина. Через несколько лет его семья переехала на постоянное место жительства в г. Курмыш, где он провел большую часть своего детства и отрочества. Именно здесь маленький Николай, благодаря своей бабушке со стороны матери, имевшей торговые отношения с приезжающими в город чувашами, впервые слышит их речь и знакомится с языком. После окончания Курмышского городского училища, Н.И. Ашмарин учится в Нижегородской классической гимназии, где постигает азы латинского и французского языков. В это время в его руки попадают научные работы Н.И. Золотницкого и других авторов по чувашскому языку, после прочтения которых он твердо решает посвятить свою жизнь его изучению.

В 1891 г. выпускник гимназии делает выбор в пользу продолжения своего образования в г. Москве, в одном из престижных высших учебных заведений того времени – Московском институте восточных языков (так на-

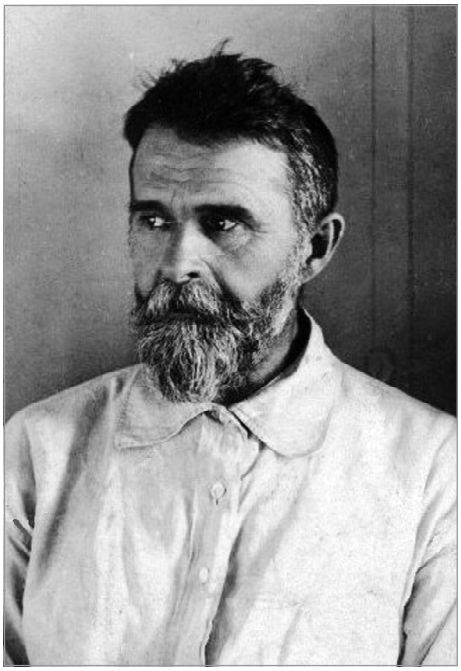
Эдуард Евгеньевич Л е б е д е в – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: edlebed@gmail.com.

зываемом, Лазаревском институте). Выбор восточно-лингвистического направления для Николая Ивановича также был обусловлен его интересом к научному исследованию чувашского языка, так как изучение восточной филологии наиболее подходило для познания необычной структуры его грамматики. В Москве студент Ашмарин издает и свою первую научную работу под названием «Очерк народной поэзии у чуваш», написанную на основе материалов чувашского прозаика и собирателя фольклора И.Н. Юркина. Во время учебы в институте у молодого исследователя рождается замысел разработки грамматики чувашского языка, и он начинает собирать материалы для своей будущей книги.

После окончания в 1894 г. Лазаревского института Н.И. Ашмарин решает продолжить профессиональную карьеру в г. Казани, где работает сначала учителем татарского языка в Казанской крещено-татарской школе, а затем с 1900 г. – преподавателем географии в Казанской учительской инородческой семинарии. Здесь Николай Иванович приступает к подготовке «Словаря чувашского языка». С этой целью в «Известиях» Общества археологии, истории, этнографии (ИОАИЭ) при Казанском университете он публикует «Программу для составления словаря», в которой обращается ко всем общественным деятелям, ученым и просто любителям чувашской культуры и языка с просьбой помочь в сборе лексического материала. На эту просьбу откликнулось огромное количество людей, и в 1910 и 1912 гг. при непосредственном участии Н.Ф. Катанова и возглавляемой им Переводческой комиссии вышли первые два тома словаря. Однако затем его издание прекращается.

На рубеже XIX–XX вв. Н.И. Ашмариным подготовлено к печати и опубликовано сразу несколько знаковых работ. Среди них: «Материалы для исследования чувашского языка» (1898), «Болгары и чуваши» (1902), «Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 1» (1903). Как справедливо отметил видный исследователь чувашского языка М.Р. Федотов, ученый «вошел в чувашское языкознание сразу с крупными научными трудами»[1]. В «Материалах для исследования чувашского языка» Н.И. Ашмарин обращается к изучению двух языковых уровней – фонетического и морфологического. В соответствии с этим, книга состоит из двух частей: «Учение о звуках» и «Учение о формах». Исследование выполнено автором в лучших традициях отечественной тюркологической науки, и все основные темы в нем рассматриваются на базе наиболее передовых на тот момент знаний в области теории лингвистики. Между тем сам ученый остался не совсем довольным окончательным вариантом книги. В предисловии первой части «Опыта исследования чувашского синтаксиса» он пишет: «… я встречаю в ней (в «Материалах». – *Э.Л.*) очень важные пробелы, а кое-где и прямые погрешности»[2]. Само название работы также как бы указывает на то, что она представляет собой лишь собрание материалов, на основе которых уже можно писать настоящую грамматику чувашского языка. Однако время показало, что «Материалы» Н.И. Ашмарина в действительности явились тем

классическим трудом, который на десятилетия вперед определил основные направления исследования чувашской грамматики. Ни один из авторов грамматических сочинений, созданных до этого труда Н.И. Ашмарина, не смог так полно и скрупулезно изложить основы фонетики и морфологии чувашского языка. Таким образом, будет справедливым утверждать, что настоящая история чувашского языкознания начинается именно с «Материалов». Но структура книги не ограничивается только двумя упомянутыми частями. В конце своего исследования ученый счел необходимым составить приложение, в котором сделан обзор фонетических и грамматических особенностей говоров Козьмодемьянского уезда. Эти говоры представляют собой верховой диалект чувашского языка и имеют некоторые интересные отличия от других диалектов. Исследование упомянутых особенностей выполнено автором на очень высоком уровне и может считаться образцом для подобных диалектологических изысканий[3]. Наибольшее внимание в фонетической части монографии привлекает разработанная лично Н.И. Ашмариным транскрипция для передачи чувашских звуков. Не будет преувеличением сказать, что эта «ашмаринская» транскрипция до настоящего времени является непревзойденной с точки зрения передачи самых сложных звуковых оттенков чувашского языка[4]. Актуальные вопросы поднимаются и в морфологической части работы. Многие из них до Н.И. Ашмарина не были подробно рассмотрены ни в одной из существовавших на тот момент грамматик. К таким вопросам, в частности, относится проблематика именного и глагольного словообразования. В параграфах, где исследуются соответствующие формы, ученый с присущей ему тщательностью разбирает такие темы, как аффиксальное производство слов и словосложение[5]. То же самое можно утверждать и в отношении тех параграфов, где речь идет о словоизменительных категориях имени и глагола.



Сочинение «Болгары и чуваши» представляет собой небольшую по объему книгу, в которой, однако, Н.И. Ашмарин сумел рассмотреть достаточно большой ряд вопросов, касающихся связи языка современных чувашей с языком волжских булгар[6]. Для этого ученый, наряду с историей собственно булгар, подробно изучил историю их предшественников в лице племен хунну и гуннов. Несмотря на то, что работа в первую очередь посвящена лингвистическому разбору эпитафий на могильных памятниках, обнару-

женных в Волго-Камском регионе и относящихся к периоду существования и распада Волжской Булгарии (XIII–XIV вв.), Н.И. Ашмарин затрагивает в ней и другие темы, тесно связанные с вопросом происхождения чувашского народа. Так, например, им рассматривается тема заимствований чувашского типа в венгерском языке. При этом ученый приводит факты, собранные венгерским исследователем Б. Мункачи, который на их основании делает вывод, что предки современных чувашей проживали на территории Среднего Поволжья и, по всей вероятности, составляли этнический компонент населения Волжской Булгарии. Основной особенностью этих заимствований является то, что большинство из них представляют собой слова *р-* типа, характерные для чувашского языка. Отдельно исследуются связи чувашского языка с другими финно-угорскими языками Поволжья. В отношении слова *суас*, которым луговые марийцы называют татар, Н.И. Ашмарин высказывает свое предположение, что оно заимствовано ими из языка чувашского типа, но в процессе смены государственного устройства в регионе этноним перешел на кыпчакоязычных татар, которые «унаследовали то политическое значение, какое сначала принадлежало булгарам»[7]. Все же основное внимание в книге уделено тем немногочисленным памятникам волжско-булгарского языка, которые сохранились до нашего времени в виде эпитафий. Ученый подробно разбирает перевод этих памятников, выполненный такими учеными как И.Н. Березин, Х. Фейзханов, Ю. Клапрот и др. На основании скрупулезного анализа Н.И. Ашмарин выявляет ошибки в этих переводах, обусловленные тем, что их авторы не догадывались о том, что надписи могут быть сделаны языком, близким по своей структуре современному чувашскому, и естественно, не обращались к его материалу для их расшифровки. К таким ошибкам, например, относится загадочное слово *Heir*, которое Ю. Клапрот принимает за собственное имя, но которое в действительности соотносится с чувашским словом *хĕр* «дочь»[8]. Неточности в переводах также касаются и летоисчисления. Благодаря нашему ученому и здесь все становится предельно ясным – слова, вызывавшие сложность при переводе, на поверку оказываются ротацированными вариантами тюркских числительных, как в современном чувашском языке: *саккăр* «восемь», *çĕр* «сто» и др.[9] Результатом всей проведенной работы является вывод автора о том, что гипотеза В.В. Радлова об изначально финно-угорском происхождении чувашей требует «коренных изменений»[10], что по сути означает ее замену на теорию булгаро-чувашской языковой преемственности.

Две части другой классической работы Н.И. Ашмарина «Опыт исследования чувашского синтаксиса», которые были изданы с интервалом в 20 лет (1903 и 1923 гг.), стали настоящим прорывом в области исследования синтаксической структуры чувашского языка. При этом надо четко понимать, что проблематика, исследуемая в этих частях, выходит за пределы традиционного синтаксиса, каким его понимает большинство современных ученых-лингвистов. Строго говоря, темы, рассматриваемые в данном двух-

томнике, в соответствии с современной терминологией, правильней было бы назвать морфосинтаксисом (этот термин успешно используется в работах некоторых чувашеведов), так как в основу исследования положены чисто морфологические категории, такие как число, падеж имени существительного, наклонения и времена глагола и др. Ученый изучает эти категории через призму сочетаний слов, оформленных соответствующими аффиксами, что выводит само исследование из рамок собственно синтаксиса. Другой точкой зрения на структуру и содержание «Опыта», является то, что Н.И. Ашмарин в нем впервые в истории чувашского языкознания применил так называемый «функционально-семантический метод», который стал особенно популярным в 80–90 гг. XX в. в исследованиях представителей некоторых тюркологических школ СССР и России. Суть этого метода состоит в том, что в качестве объекта исследования на первый план выходит не внешняя форма, а внутреннее содержание, семантика морфемы. А так как значение любого языкового знака может быть выявлено только в его окружении, само исследование проводится на контекстных примерах с рассмотрением отдельных словосочетаний (в отличие от метода разбора классических парадигм, применяемого в чисто морфологических работах). Н.И. Ашмарин действительно уделял семантике форм большое внимание. Именно поэтому в его трудах, и «Опыт» здесь не является исключением, представлено огромное количество контекстных примеров, полученных на материале, прежде всего, устного народного творчества. Таким образом, ученому удавалось выявлять тончайшие семантические оттенки, передаваемые той или иной формой. Зная, насколько скрупулезно работал Николай Иванович над иллюстративным материалом, понимаешь, сколько трудов стоило ему определить то или иное значение конкретного аффикса. Иногда количество этих значений доходило до двухзначных чисел. Так, во второй части «Опыта» у формы настоящего времени на основании обнаруженных ученым примеров выявлено 11 значений, среди которых: событие, совершающееся в момент, когда о нем говорят; обозначение того, что происходит всегда, обыкновенно; обозначение будущего действия; риторические вопросы; живой рассказ о прошедших событиях и др.[11] Примерно так же дело обстоит с формой будущего времени – она может передавать 16 значений[12], с формой прошедшего времени – 11 значений[13] и т.д.

Основной задачей, стоявшей перед Н.И. Амшариным, было создание как можно более подробного и полного описания синтаксического уровня чувашского языка. И с этой задачей ученый успешно справился. Более того, как и в случае с «Материалами», данное исследование стало той базой, на основании которой впоследствии создавались работы других чувашеведов, трудившихся в области грамматики, и в частности синтаксиса. Н.И. Ашмарин, первым вступивший на это ранее совсем не изученное «поле» чувашского языкознания, сумел заложить надежный фундамент для дальнейших изысканий.

Нет такой области языка, которая не была бы исследована Николаем Ивановичем на протяжении его относительно недолгой научной карьеры: фонетика, морфология, синтаксис, мимология, лексикография, история языка и др. Помимо этого, ученый занимался проблемами литературоведения, мифологии, языкового строительства. Несколько работ, написанных им в сфере татарского языкознания и литературоведения, получили высокую оценку специалистов. К трудам, написанным Николаем Ивановичем по вопросам, не связанным с языкознанием, относятся, например: «Очерк народной поэзии у чуваш», «Декаденты Запада и поэзия волжских инородцев», «Любовь в жизни и песнях инородцев», «Очерк литературной деятельности казанских татар-мохаммедан за 1880–1895 гг.», «Обзор текущей инородческой литературы», «Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш», «Введение в курс чувашской народной словесности» и др.

В 1919 г. Н.И. Ашмарин принят на работу в Северо-Восточный археологический и этнографический институт на должность профессора чувашского и татарского языков. Но работает там недолго – осенью 1920 г. по приглашению Чувашского областного отдела народного образования он вместе с семьей выезжает в г. Симбирск для преподавания в открывшемся Чувашском практическом институте народного образования (ЧУВИНО). Здесь же он издает вторую часть «Опыта исследования чувашского синтаксиса» (1923).

Следующим этапом в жизни ученого стала работа в должности заведующего кафедры тюркологии на Восточном факультете Азербайджанского государственного университета г. Баку, куда он с домочадцами переехал в 1923 г. Помимо преподавания различных лингвистических дисциплин профессор занимается здесь сбором материала для словаря тюркских говоров Азербайджана, готовит к публикации и издает небольшую работу под названием «Общий обзор народных тюркских говоров гор. Нухи» (1926). 3 февраля 1925 г. по представлению Восточного факультета Советом Азербайджанского государственного университета Н.И. Ашмарину присуждается степень доктора тюркологии без защиты диссертации, по совокупности изданных работ. В марте 1926 г. происходит еще одно знаменательное событие в жизни ученого – выступление на Первом тюркологическом съезде. Тема его доклада – «Кое-что о прошлом тюркологии и ее настоящем состоянии».

В 1926 г. семья Ашмариных возвращается в Казань, где вплоть до 1931 г. Николай Иванович работает в должности профессора чувашского языка на кафедре сравнительного тюрко-татарского языкознания Восточного педагогического института. В это время также выходит ряд его научных работ, посвященных мимологии, сравнительной грамматике, истории языка. Кроме этого, Н.И. Ашмарин принимает активное участие в общественной жизни, является почетным членом Общества изучения местного края, других научных обществ Казани и Москвы. 31 марта 1927 г. Вторым Всечувашским съездом Советов он избран членом ЦИК Чувашской АССР.

Высшей точкой научной карьеры ученого стало его избрание членом-корреспондентом АН СССР. Это произошло 13 февраля 1929 г.

Одним из знаковых трудов Н.И. Ашмарина стала монография «О морфологических категориях подражаний в чувашском языке», изданная в Казани в 1928 г. К теме подражательных слов (в терминологии автора – мимем) ученый обращался и ранее. Еще в 1918 г., после выступления на Первом общечувашском съезде учащихся, им была подготовлена небольшая брошюра под названием «Основы чувашской мимологии», а в 1925 г. в «Известиях Азербайджанского университета» вышло несколько частей другой работы на эту тему – «Подражание в языках Среднего Поволжья». Н.И. Ашмарин по праву считается основателем нового научного направления в тюркологии – мимологии. Правда, отдельные исследования, посвященные подражательным словам в тюркских языках, публиковались и до него. Так, нам известно о статье М. Биттнера «Ономатопоэтические глаголы в турецком языке», вышедшей в 1912 г. Но в работах нашего ученого эти вопросы исследуются на более высоком уровне, в связи с чем его труды оказали гораздо большее влияние на развитие этого направления тюркологии в будущем. Отрадно отметить, что разработанную Н.И. Ашмариным классификацию и терминологию в области подражательных слов впоследствии полностью принял и использовал в своих работах крупный советский исследователь тюркских языков академик Н.К. Дмитриев[14].

В книге «О морфологических категориях подражаний в чувашском языке» ученый делает весьма интересные выводы о природе подражательных слов вообще и в чувашском языке в частности. Так, он справедливо замечает, что в европейских языках мимем гораздо меньше, и они используются для передачи очень широкого спектра значений. Значения же подражательных слов в языках Поволжья, наоборот, более конкретны[15]. Другим важным выводом автора является то, что исследователь, изучающий подражательные слова, обязан выйти за рамки одного языкознания. Он должен изучить природу и среду проживания, быт и историю народа, говорящего на данном языке. Это связано с тем, что мимемы отражают в своем своеобразии условия жизни людей, которые в какой-то степени являются уникальными для каждого народа[16]. Также Н.И. Ашмарин утверждает, что в исследованных им языках подражательные слова имеют однообразное строение, в связи с чем их можно распределить по отдельным группам и рядам, разобрать по определенным формулам. Мимемы более простой структуры могут при этом создавать более сложные слова при помощи повторения или наращения новых аффиксов[17].

На основе своих исследований чувашских мимем Николай Иванович пытается делать более глобальные выводы, склоняясь к звукоподражательной гипотезе происхождения всех человеческих языков на земле. Однако эта гипотеза и в настоящее время не имеет большого количества сторонников среди лингвистов, а в советское время ее тем более не признавали, так как она противоречила положениям марксисткой теории[18]. Поэтому по-

пытки Н.И. Ашмарина увязать исследование мимем с вопросом происхождения языка были подвергнуты критике со стороны других ученых-чувашеведов. Как писал В.Г. Егоров, «подражательные слова представляют интересную тему для лингвиста, но Н.И. Ашмарин несколько уклонился от правильного пути исследования»[19].

В 1931 г. после закрытия чувашского отделения Восточного педагогического института Н.И. Ашмарин выходит на пенсию. Отныне все свое свободное время он посвятит только одному делу – подготовке и изданию труда всей жизни, многотомного «Словаря чувашского языка». К этому времени в печати уже вышло пять его томов. Николай Иванович, преодолевая безденежье, многочисленные бытовые проблемы, а также неповоротливость советской бюрократической машины, упорно работает над подготовкой шестого тома. Но ему так и не доведется увидеть напечатанными все тома своего словаря. По возвращении из очередной поездки в Чебоксары ученый заражается сыпным тифом, и через некоторое время 26 августа 1933 г. умирает на больничной койке. Дело по дальнейшей подготовке «Словаря чувашского языка» к печати продолжили ученики Н.И. Ашмарина. Последний, 17-й том, был издан в Чебоксарах только в 1950 г., через семнадцать лет после смерти его автора.

Научное творчество Николая Ивановича высоко оценено как в нашей стране, так и за рубежом. Еще при жизни его называли крупнейшим специалистом по чувашскому языку. О трудах ученого в восторженных тонах писали венгерские исследователи Б. Мункачи и Д. Месарош. С особым уважением к Н.И. Ашмарину относился основоположник тюркологической науки в России академик В.В. Радлов. В дружеских отношениях с ним были профессора Н.Ф. Катанов и А.Н. Самойлович. После его смерти в адрес Чувашского НИИ пришли письма от ведущих ученых страны – Н.Н. Поппе, И.И. Мещанинова, Н.Ю. Крачковского, В.А. Гордлевского, С.Е. Малова. В них корифеи науки высоко отзывались о творческом наследии нашего ученого и, прежде всего, о фундаментальном труде, включившем в себя все культурное богатство и многообразие чувашского народа – «Словаре чувашского языка».

Имя Николая Ивановича Ашмарина навеки в наших сердцах. Его труды, не потерявшие своей актуальности, и поныне являются тем маяком, который освещает нам путь в мир чувашского языка, литературы и культуры.

Литература и источники

[1] *Федотов М.Р.* Н.И. Ашмарин. Краткий очерк жизни и деятельности. Чебоксары: ЧГИГН, 1995. С. 9.

[2] *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 1. Казань, 1903. С. I.

[3] *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898. С. 344–392.

[4] Там же. С. 1–102.

[5] Там же. С. 103–116, С. 153–158, С. 255–289.

[6] *Ашмарин Н.И.* Болгары и чуваши. Казань, 1902. Чебоксары, 2012 (репринтное издание).

[7] Там же. С. 52.

[8] Там же. С. 78.

[9] Там же. С. 76, 89.

[10] Там же. С. 128.

[11] *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 2. Симбирск, 1923. С. 171–178.

[12] Там же. С. 178–184.

[13] Там же. С. 185–204.

[14] *Дмитриев Н.К.* К изучению турецкой мимологии // Строй тюркских языков. М., 1962. С. 59.

[15] *Ашмарин Н.И.* О морфологических категориях подражаний в чувашском языке. Казань, 1928. С. 9.

[16] Там же.

[17] Там же. С. 10.

[18] *Павлов И.П.* Н.И. Ашмарин как исследователь морфологии чувашского языка // Н.И. Ашмарин – основоположник чувашского языкознания. Чебоксары, 1971. С. 72.

[19] *Егоров В.Г.* Н.И. Ашмарин как исследователь чувашского языка. К 100-летию со дня рождения. Чебоксары, 1970. С. 21.

E.E. Lebedev

ASHMARIN NIKOLAY IVANOVICH (1870–1933)

The article is devoted to the life and scientific work of the famous expert of the Chuvash language professor N.I. Ashmarin (1870-1933). It describes the main milestones of the scientist's life and other biographical data, it provides a brief overview of his linguistic works.

Keywords: Founder of Chuvash linguistics, Chuvash Dictionary, Bulgars and Chuvashes, syntax, words of imitative character.

УДК 811.512.111(09)

ТРУДЫ И НАУЧНАЯ БИОГРАФИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКОВЕДА В.Г. ЕГОРОВА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЧГВ, 2020 г., № 15
© А.П. Хузангай

Рассматриваются разные позиции В.Г. Егорова относительно происхождения чувашского языка и этноса в условиях доминирования «нового учения о языке» Н.Я. Марра, в период восстановления норм классического сравнительно-исторического языкознания, его вклад в изучение исторического развития чувашской лексики. Прослежена биография ученого.

Ключевые слова: чувашский глотто- и этногенез, Н.Я. Марр, яфетическая теория, скрещение языков, автохтонность чувашей, компаративистика, жизненный путь.

Есть спокойные и мудрые люди, чье присутствие в жизни и науке дает современникам и коллегам чувство уверенности в необходимости своих научных штудий, самой науки, несмотря на все изменения, происходящие в общественно-политической обстановке. Василий Георгиевич Егоров, выдающийся исследователь чувашского языка, патриарх чувашской гуманитарной науки, всемирно известный тюрколог, был именно такой личностью. Около семидесяти лет проработал он на ниве просвещения и чувашской филологии. Сотни и сотни педагогов, ведущие чувашские языковеды прямо или косвенно с гордостью считали и считают себя его учениками.

В.Г. Егоров родился 11 февраля 1880 г. в д. Андреево-Базары Яниковской волости Цивильского уезда (ныне – Козловский район). Учился в Шутнеровской начальной земской школе, в 1892 г. поступил в Бичуринское двухклассное училище, первую по времени открытия в Чувашии школу повышенного типа, где в свое время учился один из основоположников чувашской литературы М. Федоров, автор знаменитой баллады «Арçури» (1884). С отличием окончив училище в 1895 г., В.Г. Егоров едет учиться в прославленную Симбирскую чувашскую учительскую школу. После ее окончания он некоторое время работает в Бичуринском же училище народным учи-

Атнер Петрович Хузангай – кандидат филологических наук, доцент; e-mail: anvaska @mail.ru.

телем. В эту пору он увлекается собиранием образцов устно-поэтического творчества и делает первые попытки изучения особенностей чувашского языка. Однако, ощущая нехватку знаний и научной подготовки, юноша загорается мечтой о высшем образовании, но для этого нужно было учить классические (греческий, латинский) и новые иностранные языки. В 1901 г. он поступает в IV класс Симбирской духовной семинарии, в 1904–1908 гг. учится на миссионерском отделении Казанской духовной академии. Арабским, французским и турецким языками В.Г. Егоров занимается у крупного исламоведа и арабиста П.К. Жузе, уроженца Иерусалима.

В 1908 г. по линии Российского Палестинского общества его командируют в Сирию и назначают начальником школ г. Хомса. В своих воспоминаниях Василий Георгиевич отмечал: «Я ехал в далекую и незнакомую страну со страхом и робостью, но по приезде туда при первой же встрече с арабами эти чувства сразу рассеялись. Учителя и учительницы приняли меня весьма дружелюбно. В моем ведении было четыре больших школы, при них четыре детских сада, 30 учителей и около 1500 учащихся. Арабы оказались очень гостеприимными. Приглашали меня к себе не только учителя, но и некоторые городские жители <...> Радушное отношение я встречал во всех арабских городах – Дамаске, Триполи, Бейруте, Хайфе, Яффе, Иерусалиме, Назарете, Порт-Саиде, Александрии»[1]. Среди арабов будущий чувашский ученый пробыл около двух лет. По возвращении в Россию он стал работать учителем русского языка в Стахеевском женском училище в г. Елабуге.

Но мысль о получении полноценного филологического образования не оставляла его. В 1912 г. он добивается разрешения на поступление в Санкт-Петербургский университет. Выбрав славяно-русское отделение историко-филологического факультета, он слушает лекции и проходит курс обучения у выдающихся лингвистов И.А. Бодуэна-де-Куртенэ, А.А. Шахматова, Л.В. Щербы. Одновременно как слушатель он посещает занятия в Археологическом институте. В.Г. Егоров окончил университет с дипломом первой степени. Пройдя блестящую школу, получив, по сути, три высших образования, он был готов к самостоятельной научной работе. Как языковед В.Г. Егоров начал с русистики. В 1916 г., будучи преподавателем русского языка в Елабужском реальном училище, он опубликовал свой первый научный труд «Согласование числительных с существительными в великорусских юридических памятниках XV–XVII веков»[2], который можно считать одним из разделов исторической грамматики русского языка.

В начале 1917 г. В.Г. Егоров переводится в г. Златоуст на должность инспектора народных училищ, где и застает Октябрьскую революцию. Сложилось так, что во второй половине 1918 г. город захватили чехи. В.Г. Егоров был временно арестован и отстранен от педагогической деятельности. Вместе с отступающими белочехами он попадает в Омск и только с восстановлением советской власти активно включается в процесс формирования новой советской школы, назначается инструктором Омского отдела народного образования.

В 1920 г. организуется Чувашская автономная область. Требовались кадры из лиц коренной национальности для реализации планов в сфере образования, культуры, науки и языкового строительства. В.Г. Егоров приглашается в Чувашию и в 1921–1923 гг. (вплоть до первого выпуска) занимается организацией работы первого чувашского рабфака, преодолевая сопротивление чиновников Наркомпроса. В 1923 г. он начинает работать в Казанском чувашском педагогическом техникуме, где, наконец-то, получает возможность приступить к осуществлению своей заветной мысли – изучению чувашского языка, разработке проблем чувашского этно- и глоттогенеза (происхождение чувашского народа и языка). Причем ученый всегда исследовал чувашский язык не изолированно, а в кругу родственных тюркских, а также языков, с которыми на протяжении веков скрещивалась его судьба: прежде всего поволжских угро-финских, монгольских, иранских, арабского, славянских и др. В 1928 г. появляется вторая научная публикация В.Г. Егорова «Закон гармонии гласных в чувашском языке»[3]. В ней он раскрывает специфику чувашского сингармонизма, открывает новый его вид – лабиальный, присущий отдельным говорам верхового и среднего диалектов чувашского языка, делает ряд широких и перспективных обобщений. С 1925 г. работу в педагогическом техникуме он совмещает с преподаванием в высших учебных заведениях Казани: Восточном педагогическом институте и Татарском коммунистическом университете. Педэр Хузангай (впоследствии народный поэт Чувашии), вспоминая своего Учителя, на его 75-летие написал следующие стихотворные строки:

Этем вăл хăйшĕн хăй парне.
Нимрен пахи – çак пурнăç. Хамăр.
Анчах мĕскершĕн хăш-пĕрне
Çĕре çитех пуçа таятпăр?

Пур пирĕн вирлĕ чĕлхере
Пултар сăмах. Сав пулĕ тупсăм
Çавна туйтартăн ĕмĕрех,
Вĕрентекенĕм, аслă тусăм[4].

Человек сам себе дар.
Всего дороже – эта жизнь. Мы сами.
Но почему же некоторых
Мы почитаем земным поклоном?

Есть в нашем сильном языке
Слово *Твори*. Здесь разгадка.
Ты всегда это почувствовать давал.
Учитель мой, великий друг.

С 1933 по 1944 г. В.Г. Егоров попеременно работал и в Казанском, и в Чувашском педагогических институтах, читал студентам курсы современного русского языка, его истории, общего языкознания, старославянского и чувашского языков. В Чебоксарах он редактировал первые стабильные учебники для чувашской школы, сам принимал участие в составлении учебников по русскому языку для начальной и средней чувашской школы. Некоторые из них переиздавались десятки раз.

В 1930 г. в Москве (Центриздат) была издана книга В.Г. Егорова «Введение в изучение чувашского языка», в которой исследователь вплотную подошел к темам, ставшим в дальнейшем делом всей его жизни. Прежде всего нужно отметить его интерес к общелингвистической проблематике, вопросам сравнительно-исторического языкознания. Он четко обозначил мес-

то чувашского языка в кругу языков алтайской семьи. Этим трудом ученый значительно продвинул вперед исследование лексического состава чувашского языка, дал классификацию лексики в плане выявления общетюркских элементов, а также разновременных заимствований из китайского, монгольских, семитских (древнееврейского, арабского), иранских, финно-угорских (пермских и поволжских), татарского и славянских языков. С другой стороны, булгаро-чувашский язык сам был источником заимствований во многие из вышеперечисленных языков. В силу известной ангажированности советской лингвистики в целом (в 1920–1930-е гг. из-за господства «нового учения о языке» Н.Я. Марра, а с 1950 г. после появления «гениального» произведения И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»[5]) В.Г. Егорову методом «осторожной» диалектики пришлось отдавать неизбежную дань политической конъюнктуре того или иного периода и несмотря на это отстаивать свое понимание и видение чувашского глоттогенеза, который он неизменно связывал с историей и самих носителей языка (то есть, с проблемой этногенеза).

Первая монография ученого является классическим по фактуре и стилю «введением» в чувашское языкознание с элементами общего языкознания, с постановкой вопроса о месте чувашского языка в алтайской семье языков, с развитием позиций и новыми аргументами в пользу теории булгаро-чувашского глотто- и топогенеза, с важными экскурсами на тему «историческое развитие чувашской лексики». Яфетическая теория Н.Я. Марра привлекается автором лишь в той степени, в какой она подкрепляет булгарскую теорию происхождения чуваш и их языка. И, соответственно, он сочувственно цитирует Н.Я. Марра, который утверждал, что «чуваши в поздней древности, именно в средние века, в две их эпохи, более раннюю и позднейшую, намечаются как активные участники не только делом, но и словом, своей родной речью, и как творцы восточно-европейских национальных образований, хазарского и болгарского»[6].

Основные же выводы В.Г. Егорова относительно происхождения чувашского языка все же делались в рамках аксиоматичной и общепризнанной (после публикации работы Н.И. Ашмарина «Болгары и чуваши», 1902) булгарской теории («чувашский язык – потомок языка древних волжско-камских болгар») и «классической» алтайской теории, базирующейся на капи-

тальных трудах Г.Й. Рамстедта и Н.Н. Поппе, которые ученый скрупулезно и тщательно проштудировал.

Позднее В.Г. Егоров в более явной форме пересказывал труды Н.Я. Марра и применял его методику и основные понятия «яфетической теории» к чувашской хронотопологии и глоттогенезу. Так, в неопубликованной статье «Чувашский язык в яфетидологическом освещении академика Н.Я. Марра» он уже заявляет, что «вопрос о происхождении чувашского языка так и остался точно не разрешенным <...> Вплоть до академика Марра чувашский язык, таким образом, оставался в науке на положении беспризорного, без роду и племени»[7], и принимает понятие «скрещения языков» в так называемую доисторическую стадию, признает изначальное, доисторическое родство чувашского языка с яфетическими языками (мегрельским, лазским, грузинским, сарматским, шумерским < *субары*, баскским, армянским и др.). В соответствии с теорией Марра один из параграфов данной статьи назван «Чувашский язык как яфетическая подпочва и творческая формирующая сила в процессе образования финских, тюркских и русского языков». Завершается статья знаменитой цитатой из работы Н.Я. Марра «Чуваши-яфетиды на Волге»: «Из доисторического населения Европы, яфетического, создателя начал европейской культуры, в Восточной Европе сохранился одинодинешенек чувашский народ, органически связанный и с созиданием средневековой культуры того же района, и этот народ с языком, перебрасывающим мост на север к угро-финнам и на восток к туркам (тюркам. – *А.Х.*) и монголам, должен занять первенствующее место в очередных изысканиях человечества по истории зарождения и эволюции своей культуры и по установлению ее источников»[8].

В.Г. Егоров взял на вооружение понятие «скрещения языков» и обосновывал с его помощью этногенез чуваш по данным языка. Ученый выделял два этапа этого процесса: 1) «...скрещение доисторических разноязычных местных племен, давшее этническую подоснову чувашского народа»; 2) «скрещение чуваш с волжско-камскими булгарами» (< союз болгаро-хазарских племен, смешавшихся с аланами, армянами, грузинами и другими кавказскими племенами).

В изучении исторического развития лексики чувашского языка В.Г. Егоров оказался достойным преемником Н.И. Ашмарина, видных зарубежных исследователей – финнов Г.Й. Рамстедта (1873–1950), Х. Паасонена (1865–1919), Ю. Вихмана (1868–1932), М.О. Рясянена (1893–1976), венгров Й. Буденца (1836–1892), З. Гомбоца (1877–1935) и др. Чувашский язык он описал не только в литературной форме, но и во всем многообразии его живых говоров. К этому исследованию органично примыкает аннотированный «Библиографический указатель литературы по чувашскому языку» (1931), охватывающий источники на иностранных, чувашском и русском языках, с середины XVIII в. по 30-е гг. XX в. Ибо в филологии, в чувашской в частности, новое слово может быть сказано только тогда, когда ты знаешь труды своих предшественников. В.Г. Егоров был редким знатоком истории

изучения чувашского языка. Специальные статьи им были посвящены памятникам чувашской письменности XVIII в., первой грамматике чувашского языка (1769), жизни и деятельности Н.И. Золотницкого, Н.И. Ашмарина, Казанской школе тюркологии и ее роли в разработке проблем чувашского языка.

У В.Г. Егорова в период канонизации марровского «нового учения о языке» были, вероятно, определенные сомнения относительно чувашского глоттогенеза, и он в 1940-е гг. совершает «отход» в область языковой типологии (может быть, следуя за учеником Марра И.И. Мещаниновым). О широте лингвистических интересов ученого говорит тема его кандидатской диссертации «Основные типы образования сложных слов в разных системах языков», которую он успешно защитил в 1942 г. в Казанском университете. В этом исследовании он выступает как языковед-типолог, привлекая широкий материал генетически несходных языков и демонстрируя блестящую лингвистическую эрудицию. Работа бесспорно являлась пионерской по своей типологической направленности.

Несмотря на то, что В.Г. Егоров с опорой на «яфетическую теорию» как бы подвел итог собственным глоттогоническим изысканиям и выступил с обширным докладом[9] на совместной научной сессии Отделения истории и философии АН СССР и ЧНИИЯЛИ 30–31 января 1950 г., подготавливая к печати свою монографию «Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении», он снимает из первой части все вопросы, касающиеся собственно чувашского глотто- и этногенеза, хотя оставляет проблематику исторического развития лексики чувашского языка (правда, в более суженном виде по сравнению с «Введением…». Впоследствии В.Г. Егоров, естественно, вынужден был отказаться от «яфетической теории» и выступить «против извращений Н.Я. Марра в области изучения чувашского языка»[10], но тем не менее и после 1950 г. в своих трудах ученый оперирует понятием «скрещение языков» (впрочем, в брошюре И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» также встречается этот термин, в современном же языкознании скрещивание языков считается «устаревшим термином, обозначающим один из видов языковой конвергенции»[11]) и сохраняет свои прежние выводы, правда, заменяя цитаты из Марра на сталинские, а также развивая так называемую «теорию автохтонности чуваш на территории Среднего Поволжья». Нам кажется, что подсознательно В.Г. Егорову хотелось увязать процесс чувашского глоттогенеза с конкретным и привычным **топосом**, Поволжско-Уральским регионом, и потому в издании «Современного чувашского литературного языка...» Ч.1 (СЧЛЯ) 1954 г. он писал о «вхождении предков чуваш в восточно-финскую этническую общность», о том, что «утверждение сторонников булгарской теории, что чуваши – прямые потомки булгар, не выдерживает критики. Наличие в чувашском языке древнейших слов, необъяснимых при помощи данных тюркских языков, красноречиво свидетельствует о существовании чуваш на нынешней территории их задолго до прихода на Волгу булгар и об этнической близости их к

некоторым первобытным угро-финским племенам, в особенности марийцам»[12]. Соответственно, ученый категорически заявлял, что «язык у доисторических предков чуваш был безусловно не тюркский». Далее начинается «процесс постепенного скрещивания и слияния предков чуваш с пришлыми кочевыми тюрками в единую общую народность с преобладанием тюрков и языка их. <...> Мы склонны думать, что только после скрещения предков чуваш с булгаро-сувазами (по мнению В.Г. Егорова, это происходило уже во II–I вв. до н.э. – *А.Х.*) и после окончательного освоения ими тюркской речи и начинается история чувашского (сувазского) народа и языка»[13]. Далее ученый как бы дает реконструкцию полиэлементной основы чувашского этноса и языка и сложения различных этнических элементов (финно-угорского, булгарского, кыпчакского, татарского, марийского) и, конечно же, подчеркивает «значение великого русского народа в культурном развитии чуваш». К сожалению, эта привязанность к **родному топосу** заставила ученого практически отказаться от алтаистической перспективы изучения чувашского языка. В статье «Чувашский язык и чувашское языкознание»[14] после проработочной критики – и это через 20 лет после издания книги! – он вынужден был, собственно говоря, отречься от своего «Введения в изучение чувашского языка» и заявить, что «работа в настоящее время устарела, а первые три главы ее являются порочными: в них проводится господствовавшая в старое время буржуазная теория праязыка и чувашский язык относится к алтайской семье языков, которая никогда и нигде не существовала»[15]. И все же, несмотря на эту декларируемую полиэлементность чувашского этноса, В.Г. Егоров «осторожно-диалектически» заявляет: «В чувашской народности... булгарский этнический элемент отложился довольно мощным творческим пластом, он и языку чувашскому сообщил тюркский строй речи и тюркский словарный фонд»[16]. Все дело в том, что выдающийся чувашский языковед по-прежнему разделял, очевидно, точку зрения Н.Я. Марра на существование стадии доисторического развития (доисторизма) и то, что «происхождение новых исторических народов протекало путем скрещения многочисленных племен доисторического типа до нас не дошедших в чистом виде – скрещения, возникавшего на экономической базе концентрации этнических масс»[17]. Его более всего интересовали именно доисторизм и древности чувашского языка, а не чувашский язык, «застигнутый современностью в период борьбы двух уже исторического порядка процессов воздействия со средних веков турецких (тюркских. – *А.Х.*) народов, особенно длительно казанско-татарского и затем русского»[18]. То есть, в результате скрещивания генетически разнородных языков якобы возникал некий новый язык, и этот первоначальный акт глоттогенеза, или, говоря метафорически, акт зачатия нового (исторического) чувашского языка «произошел» между пассивной восточно-финской этнолингвистической общностью – «матерью» и активным (творческим) булгарским языком – «отцом». Но в конечном итоге этот язык оказывается «безусловно» тюркским. «Какую бы область общественно-хозяйственной жизни чуваш мы ни взяли, везде в названиях и частей тела, и родства, и предметов домашнего обихода, животных и птиц и пр., везде мы видим исключительное преобладание тюркских слов, представляющих глав-

ным образом древнебулгарское наследство и только частично являющихся заимствованиями из татарского языка или созданиями самих чуваш по внутренним законам развития своего языка»[19].

Одновременно с научной разработкой сугубо теоретических, фундаментальных проблем, связанных с историей чувашского языка на протяжении, по крайней мере, двух тысячелетий, В.Г. Егоров не оставлял вне сферы своего внимания насущные потребности его носителей. Он успешно занимался практической лексикографией. Так, в 1935 г. он издает «Чувашско-русский словарь», содержащий 25 тысяч слов, наиболее полно (вплоть до завершения издания 17-томного Словаря Н.И. Ашмарина) представлявший словарный состав чувашского языка. Автор словаря проделал также немалую работу по нормализации лексики, выявлению неологизмов, уточнению значений многих слов и сфер их употребления. В 1954 г. словарь вышел вторым изданием. Тогда же им был подготовлен «Русско-чувашский словарь», но он был опубликован лишь в 1960 г. (2-е издание, 1972).

Все разнообразные направления научной мысли В.Г. Егорова, будь то широкие историко-типологические построения, фронтальный анализ лексики чувашского языка, описание фонетического строя, весь богатый лингвистический опыт, который накапливался при соприкосновении с материалом многих языков, относящихся к разным языковым семьям, знание фундаментальных работ ведущих тюркологов мира, получили логическое завершение в его докторской диссертации «Современный чувашский литературный язык в сравнительно историческом освещении», которую он защитил в 1951 г. «Энциклопедией чувашской грамматики, Porta linguae Tschuvaschicae – вратами чувашского языка, ведущим все пытливые умы в Thesaurus linguae Tschuvaschicae – сокровищницу чувашского языка» назвал этот труд член-корреспондент АН СССР, профессор Н.К. Дмитриев, выступивший на защите официальным оппонентом. Первая часть этого труда под тем же названием была опубликована дважды (1954, 1971), вторая часть – в виде отдельных извлечений вошла в коллективную монографию «Материалы по грамматике современного чувашского языка» (1957). В этом исследовании, как отмечает доктор филологии Клара Адягаши (Венгрия): «В.Г. Егоров впервые определил систему источников изучения чувашского языка в диахронии. <...> За прошедшие полвека после выхода в свет книги В.Г. Егорова отечественным и зарубежным чувашеведением были достигнуты очень значительные результаты. Они могли появиться благодаря начатому В.Г. Егоровым системному изучению различных источников истории чувашского языка»[20].

В 1944–1948 гг. В.Г. Егоров – старший научный сотрудник Научно-исследовательского института при Совете министров Чувашской АССР, также заведовал в нем сектором языка. В 1948–1956 гг. работал на кафедре чувашского языка и литературы Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева. В последующие годы Василий Георгиевич был внештатным сотрудником Научно-исследовательского института, в 1967–1969 гг. – профессор историко-филологического факультета Чувашского государственного университета.

Своего рода лебединой песней среди трудов В.Г. Егорова стал его «Этимологический словарь чувашского языка» (1964). Это был первый сло-

варь подобного типа в отечественной тюркологии, который подводил итоги многолетним этимологическим изысканиям автора и конкретизировал генетическую общность рассматриваемых лексем (всего около 2600) на общетюркском уровне и позволял выявить контакты и связи чувашского языка с иносистемными языками на протяжении всего его исторического пути. Видные российские и зарубежные языковеды-тюркологи положительно оценили этот словарь как новый вклад в тюркскую лексикологию и этимологию.

Научный и человеческий авторитет Василия Георгиевича среди своих чувашских коллег, тюркологов Советского Союза и представителей зарубежных научных школ (он вел переписку со многими учеными) был весьма высок. При этом официальных наград и званий у него было совсем немного: Почетная грамота Президиума Верховного Совета Чувашской АССР (1945), заслуженный деятель науки Чувашской АССР (1955), медаль К.Д. Ушинского и орден «Знак Почета» (1970). В.Г. Егоров скончался 25 января 1974 г. в Чебоксарах.

На протяжении своего долгого жизненного пути В.Г. Егоров в разных идеолого-политических ситуациях («новое учение о языке» Н.Я. Марра в 1920–1930-х гг., сталинское толкование вопросов языкознания с позиций марксизма в 1950 г., постепенное возвращение советского языкознания в русло нормального развития в 1960–1970-е гг.) сумел отстоять свое видение и понимание историко-лингвистического процесса как истории слов чувашского языка и смог показать в своих трудах «незасвидетельствованный исторический факт чувства непрерывности языка, развивающегося в том или ином направлении» (Л.В. Щерба)[21] применительно к чувашскому глоттогенезу путем стратификации чувашской лексики, а также булгаро-чувашских заимствований в языках, контактировавших с чувашским в разные периоды его истории. Не строго следуя теории и лишь отчасти используя технику сравнительно-исторического метода, он смог представить реальную картину исторического развития родного языка, расширить хронологические рамки и тем самым донести до нас, живущих уже в XXI столетии, живое дыхание истории.

Обширные энциклопедические познания в области чувашской филологии, исключительная скромность, трудолюбие, верность поставленной цели, отзывчивость как лучшие черты народного характера воплотились в самой личности ученого и притягивали к нему многих людей. Василий Георгиевич как мудрый человек «стерег свою мысль, трудно постижимую, крайне изощренную, спотыкающуюся... Трепещущую, дрожащую мысль, легко уязвимую и с трудом сдерживаемую, мудрец направляет, как лучник стрелу»[14].

Когда Василию Георгиевичу исполнилось девяносто лет, его ученик Педэр Хузангай, находясь уже в преддверии смерти (скончался 4 марта 1970 г.), написал ему такие строки:

90! В.Г. Егоров профессора – ЧЧ!
тăхăр вунă çулне сума суса,
сывлăх сунса.
Вĕрентекенĕм! Халăхăмăр – аслă
Вĕçĕ-хĕррисĕр ăсĕ, ун хевти.

90! Профессору В.Г. Егорову – ЧЧ!
На его 90-летие с уважением,
желая здравия
Учитель мой! Велик народ наш,
Его ум и сила бесконечны.

Сана вăл çĕнĕ пин çул пуçламалăх	Тебя начать тысячелетье новое
Пиллетĕр пил хурса çĕре çити!	Пусть он благословит поклоном до земли!

25 нарас, 1970.
Шупашкар *П. Хусанкай*[22]

И речь идет все о том же, о бессмертии и величии народа, который породил таких людей, как Василий Георгиевич Егоров. Чувашский народ всегда будет с благодарностью вспоминать его имя, учиться у него мудрости, а новые поколения чувашских языковедов, следуя его примеру, постараются также соединить в своем научном творчестве прошлое и современность чувашского языка с тем, чтобы он оставался живым, по-прежнему сохранял духовное начало, помогал людям ясно выражать свои мысли и чувства и оставался с нами, по крайней мере, на протяжении XXI в.*

Литература и источники

[1] *Егоров В.Г.* К истории культурных связей между народами Советского Союза и Арабского Востока // Вопросы чувашского языка, литературы и искусства. Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1960. С. 179.

[2] Филологические записки. Воронеж, 1916. Вып. 2–3. С. 189–236; вып. 4–5. С. 474–523.

[3] Научно-педагогический сборник Восточно-педагогического института. Казань, 1928. Вып. 4. С. 33–63.

[4] *Хусанкай Петĕр*. Пултару // Унăнах. Çырнисен пуххи. 2-мĕш т., Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2002. С. 110.

[5] *Сталин И.В.* Марксизм и вопросы языкознания. Правда, 1950. 48 с.

[6] *Марр Н.Я.* Чуваши-яфетиды на Волге // *Его же*. Избранные работы. Т. 5. Этно- и глоттогония Восточной Европы. М.; Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1935. С. 358.

[7] НА ЧГИГН. Отд. IV. Ед. хр. 5.

[8] *Марр Н.Я.* Указ. соч. С. 370.

[9] См. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 213. С. 161–191.

[10] Статья с аналогичным названием была опубликована в Записках ЧНИИЯЛИ. Чебоксары, 1953. С. 63–80.

[11] *Старостин С.А.* Скрещивание языков // Лингвистический словарь (ЛЭС). М., 1990. С. 457.

[12] *Егоров В.Г.* Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении (СЧЛЯ). Часть 1. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1954. С. 14, 17.

[13] Там же. С. 17, 20.

[14] Записки НИИЯЛИ. Чебоксары, 1950. С. 65–89.

[15] Там же. С. 84.

[16] СЧЛЯ. С. 22.

[17] *Марр Н.Я.* Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий. С. 306.

[18] Там же.

[19] СЧЛЯ. С. 30.

[20] *Адягаши К.* В.Г. Егоров – основоположник источниковедения чувашского языка // Чăваш чĕлхи: аваллăхран малашлăха. Шупашкар: ЧПГАИ, 2000. С. 11, 13.

[21] *Щерба Л.В.* О понятии смешения языков // *Его же*. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 65.

[22] Хусанкай халалĕсем // Петĕр Хусанкай. Статьясен пуххи. Шупашкар: ЧЛИЭНТИ, 1988. С. 98.

A.P. Khuzangai

WORKS AND SCIENTIFIC BIOGRAPHY OUTSTANDING CHUVASH LINGUIST V.G. YEGOROV IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT SOVIET LINGUISTICS

Different positions of V.G. Egorova regarding the origin of the Chuvash language and ethnos in the conditions of the dominance of the «new doctrine of language» N.Ya. Marr, in the period of the restoration of the norms of classical comparative historical linguistics, his contribution to the study of the historical development of the Chuvash vocabulary. The biography of the scientist is traced.

Keywords: Chuvash glotto- and ethnogenesis, N.Y. Marr, japhetic theory, mixing of languages, autochtonism of Chuvash, comparativistics, biography.

---

* Библиографию трудов В.Г. Егорова см.: Чувашский язык, литература и фольклор. Вып. 4 / ЧНИИ. Чебоксары, 1974. С. 378–382.

УДК 902(470.344)

ЧГВ, 2020 г., № 15
© Е.П. Михайлов

ПАВЕЛ ДМИТРИЕВИЧ СТЕПАНОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИИ ЧУВАШИИ

В статье на основе изучения материалов Научно-отраслевого архива Института археологии Российской академии наук, Государственного исторического архива Чувашской Республики, Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук, личных архивов с использованием опубликованных трудов рассматривается вклад П.Д. Степанова в археологическое изучение Чувашии. Особое внимание уделено изучению им в 1950-е гг. поселений балановской культуры (фатьяновской культуры, по П.Д. Степанову). Отмечено, что именно памятники Чувашии явились основой для доказательства существования постоянных мест проживания населения культуры бронзового века. Освещен и его вклад в открытие и исследование памятников абашевской и срубной культур этой эпохи, а также и объектов более раннего и позднего времени. Приводятся выявленные автором документы, дополняющие известные ранее страницы жизни и деятельности ученого, позволяющие проследить характер его взаимоотношений с чувашской научной общественностью, Чувашским НИИ.

Ключевые слова: П.Д. Степанов, археология, археологические памятники Чувашии, балановская (фатьяновская) культура, открытие и исследование поселений этой культуры, О.Н. Бадер, Чебаковское поселение, Тиханкинский курган абашевской культуры, памятники раннего железного века, Средневековья и Нового времени, Чувашский НИИ, В.Д. Димитриев.

Павел Дмитриевич Степанов (1898 – 1974) – известный советский археолог, крупный специалист и неутомимый исследователь в области древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья, автор более 60 оригинальных научных работ. Жизни и деятельности Павла Дмитриевича Степанова посвящены как отдельные статьи, так и книги, изданные в основном в Мордовии[1]. О П.Д. Степанове, его вкладе в археологическое изучение территории современной Чувашской Республики и этнографическое изучение саратовских чувашей кратко писали и мы[2].

Евгений Петрович Михайлов – старший научный сотрудник археологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: mihaylov.evgeniy.1958@mail.ru.

Павел Дмитриевич Степанов родился 14 ноября 1898 г. (по старому стилю) в г. Саратове в русской семье металлиста-котельщика. В 1915 г. он окончил Саратовское городское четырехклассное училище. Его трудовая деятельность началась с должности чиновника низшего VI разряда Саратовской почтовой конторы. Затем до 1921 г. он работал конторщиком на Рязанско-Уральской железной дороге (на станциях Улеши, Саратов-1, в Управлении дороги). Работая на железной дороге, учился – сначала на общеобразовательных курсах при Саратовской консерватории, затем, с 1919 г. – на лингвистическом отделении педагогического факультета Саратовского государственного университета.

С 1922 по 1932 г. П.Д. Степанов являлся научным сотрудником и заведующим этнографического отдела Саратовского областного музея. В эти годы он занимался активным сбором экспонатов под руководством видных ученых Саратова Б.М. Соколова, П.С. Рыкова, А.А. Гераклитова и др., умело размещал коллекции, создал новые научные экспозиции. П.Д. Степанов сыграл видную роль в сборе материалов и оформлении этнографического отдела Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промысловой выставки 1923 г. в Москве. В годы работы в Саратове он был также ассистентом в университете и читал курс «Этнография», возил студентов в этнографические экспедиции, доезжая даже до районов Мордовии.

С 1932 по 1934 г. П.Д. Степанов находился на Дальнем Востоке, заведовал краеведческим пунктом Тугуро-Чумиканской культбазы на берегу Охотского моря, исследовал материальную и духовную культуру эвенкийского населения. В 1935 г. он вернулся в Саратов на должность старшего научного сотрудника в Нижневолжский НИИ краеведения. В 1938 г. нелегкая судьба (репрессии) забрасывает ученого в Коми АССР, где он продолжил собирать этнографический и археологический материал. В Коми государственном педагогическом институте П.Д. Степанов читал курс лекций «Основы археологии». В 1940 г. его приглашают из Коми в Саранск на должность старшего научного сотрудника по археологии и этнографии Мордовского НИИ, где он развернул деятельность по изучению древностей мордовского народа. В 1940/41 учебном году П.Д. Степанов читал студентам Мордовского педагогического института курс «Основы археологии».

С 1942 по 1945 г. П.Д. Степанов служил командиром отделения и замполитом, и парторгом роты в запасных частях Красной Армии, награж-

ден медалями. В 1945–1946 гг., вернувшись в Саранск, он продолжил работу в Мордовском НИИ. В 1946 г. за монографическое исследование «История мордовского народа с древнейших времен до XVI века» ему была присуждена ученая степень кандидата исторических наук. С 1946 г. он вновь жил и работал в Саратове. В Саратовском государственном педагогическом институте работал на кафедре истории СССР (с 1949 г. в звании доцента), в 1949–1952 гг. был ее заведующим. П.Д. Степанов читал студентам лекции по истории СССР (с древнейших времен до 1861 г.) и основам археологии. В 1959 г. он вышел на пенсию.

С 1965 г. П.Д. Степанов жил в Саранске, работал в Мордовском НИИ, преподавал в Мордовском университете. 1 марта 1971 г. ему было присвоено звание профессора. В 1967 г. за монографию «Ош Пандо» ему была присвоена ученая степень доктора исторических наук. Он удостоен звания заслуженного деятеля науки Мордовской АССР. Умер П.Д. Степанов 27 января 1974 г. в Саранске.

Первые его научные интересы и увлечения были связаны с этнографией. В Саратове в начале 1920-х гг. развертывается широкая программа этнографических исследований населяющих Саратовский край национальностей: русских, украинцев, мордвы, татар, чувашей, немцев. В 1920 г. П.Д. Степанов участвовал в экспедиции во главе с профессором Б.М. Соколовым в Хвалынский уезд, где было обследовано 1 мордовское, 3 чувашских, 6 татарских и 10 русских селений. На основе собранного материала был организован этнографический музей и выпущен в свет «Саратовский этнографический сборник». В 1924 г. Степанов участвовал в этнографической экспедиции к чувашам с. Казанла Вольского уезда Саратовской губернии, опубликовал эти материалы в научных изданиях[3]. Особая роль принадлежит ему в изучении этнографии мордовского народа, опубликовал по этой теме ряд работ. Также его интересовали этнография и история марийцев, удмуртов, коми.

С 1940 г. П.Д. Степанов свои научные интересы больше всего связывал с археологией. Под его руководством было проведено около 40 археологических экспедиций, давших большой материал для археологической карты Среднего Поволжья. На территории Мордовии, Горьковской, Пензенской, Ульяновской областей, Чувашии П.Д. Степановым обнаружен целый ряд новых, ранее неизвестных неолитических стоянок, поселений и могильников бронзового, раннего железного веков и Средневековья. Своими трудами он внес большой вклад в археологическую науку. На территории Мордовии в нижних слоях городища Ош Пандо им было открыто первое в Советском Союзе поселение фатьяновской (балановской) культуры, изучены памятники именьковской культуры, выделена примокшанская культура эпохи бронзы. Раскопанный им Андреевский курган в Мордовии – уникальный памятник, позволивший наметить решение многих неясных вопросов истории народов Среднего Поволжья и, в частности, мордвы на рубеже нашей эры. Материалы Андреевского кургана послужили основой для возникновения новой теории происхождения древней мордвы. Многолетняя исследова-

тельская и экспедиционная деятельность дала ему возможность подготовить и издать в Москве подробную археологическую карту западной части Среднего Поволжья, в том числе и территории Чувашии[4]. В ней использован широкий круг литературы и источников. Можно сказать, что это одна из первых научных археологических карт Чувашии. Несмотря на небольшие погрешности (повторы, ошибочная привязка, размещение на карте, вызванные наличием множества одноименных населенных пунктов и т.д.), карта П.Д. Степанова является неоценимым справочным изданием, став важным источником при составлении нами «Археологической карты Чувашской Республики» в 3 томах Чебоксары (2013–2015), и остается ориентиром для последующих археологических исследований.

В числе исследователей памятников археологии Чувашии имя П.Д. Степанова стоит во множестве публикаций. Роль П.Д. Степанова в открытии поселений балановской (фатьяновской) культуры и изучении бронзового века на территории Чувашии оценена во многих изданиях[5]. Авторы положительно рассматривают его публикации, но не все положения его работ получили поддержку[6]. Его заслуги по открытию, изучению памятников раннего железного века и раннего Средневековья Чувашии отмечены рядом исследователей[7]. Отмечается и его участие в исследовании могильников Нового времени[8]. Надо отметить, что некоторые памятники, открытые или изученные П.Д. Степановым, явились ориентиром для последующих исследователей. В 1956–1963 гг. некоторые из них (Мурзакасинское, Сареевское городища в Ядринском, Ягаткинское городище в Моргаушском, Тиханкинское, Калугинское городища в Красночетайском районах) исследовались Н.В. Трубниковой. В 1980–2000-е гг. большинство их в разведочном порядке обследовали Е.П. Михайлов, М.И. Федулов, С.А. Краснов и др.

В 1950 г. П.Д. Степанов провел раскопки и разведочные работы в Чувашской АССР и Горьковской области. Начались они со стационарных раскопок на городище «Хула çучĕ» близ д. Изванкино Аликовского района[9]. Всего было обследовано 9 городищ, 2 кургана, 5 селищ, 3 могильника, 2 дюны, было 3 случая нахождения костей «ископаемых животных»[10]. К сожалению, дожди, сопровождавшие работы почти на всем протяжении маршрута, помешали полностью выполнить план намеченных П.Д. Степановым работ и закончить их в г. Алатыре. Экспедиция была организована Саратовским педагогическим институтом, в котором и работал П.Д. Степанов. Студенты-историки этого вуза и стали его помощниками при археологических работах.

Как отметил П.Д. Степанов в своем отчете по итогам работ 1950 г., «экспедиция большое внимание уделяла городищам в связи с поисками фатьяновских поселений»[11]. Открытые и изученные памятники исследователь классифицировал хронологически и по культурам: «Было открыто 4 фатьяновских поселения, 6 городищ с городецкого типа керамикой, 2 городища с керамикой типа древнемордовской, 2 селища с поздней керамикой, 2 чувашских и 1 мордовский могильник, был раскопан 1 курган Абашевской культуры»[12].

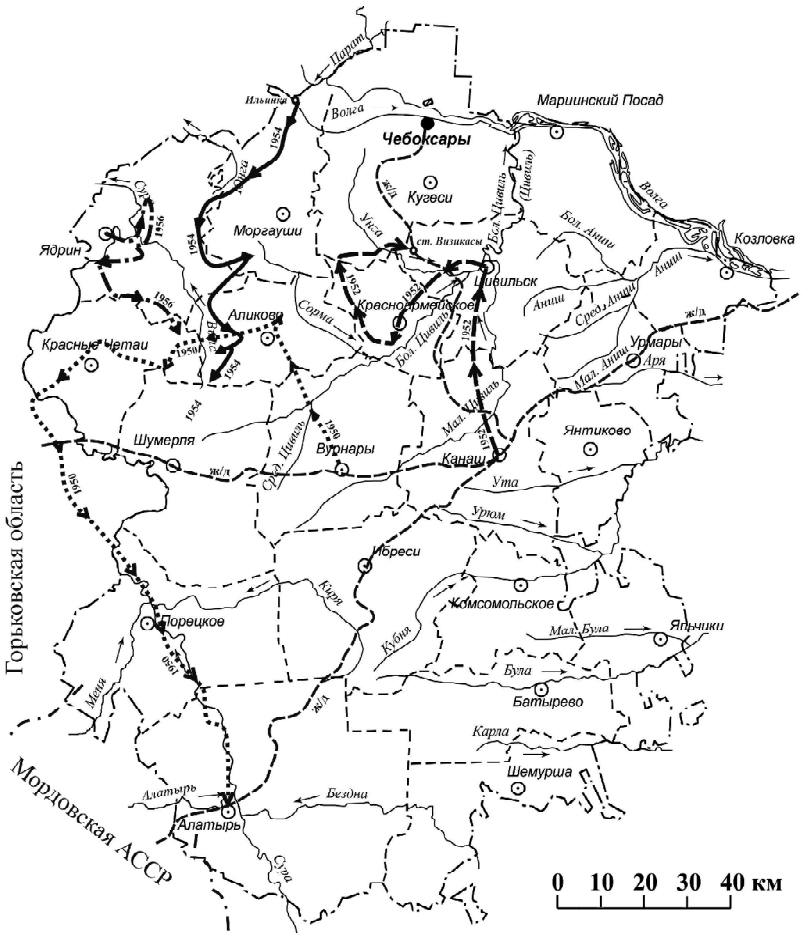


Рис. 1. **Маршруты экспедиций П.Д. Степанова по Чувашской АССР:**

- 1950 г. **- 1954 г.**

- 1952 г. **- 1956 г.**

В 1952 г. П.Д. Степанов продолжил свои разведочные работы в Чувашии. Открытый лист № 106 был выписан ему 22 июля 1952 г. по форме № 1, то есть с правом производства археологических раскопок памятников на территории Чувашской АССР. Как и в 1950 г., экспедицию 1952 г. организовал Саратовский пединститут. В ее составе помощниками руководителя стали студентки-историки СГПИ А.П. Борисовская и А.В. Гаврикова[13]. П.Д. Степанов выделил 3 основные задачи экспедиции 1952 г.: 1) поиски поселений фатьяновской культуры; 2) открытие неизвестных памятников; 3) обучение студентов приемам полевой исследовательской работы[14]. Всего за 8 рабочих дней августа 1952 г. экспедицией под руководством П.Д. Степанова было «открыто новых, обследовано известных – 15 памятников. При обследовании этих памятников собрано 357 №№ вещей, главным образом, образцов керамики. Сделано 33 фотоснимка, сделаны планы 3 городищ и т.п.»[15].

П.Д. Степанов продолжил работы экспедиции Саратовского педагогического института на территории Чувашской АССР в 1954 г. на основании выданного ему ИИМК АН СССР Открытого листа № 101 от 13 июля по форме № 2 (с правом производства только археологических разведок). Помощниками П.Д. Степанова, как и в 1952 г., явились студентки А.П. Борисовская и А.В. Гаврикова. В 1954 г. к ним присоединился еще и студент Л. Гавриков. В 1954 г., по сравнению с 1952 г., работы в Чувашии были более продолжительными и результативными. За 20–21 день работ было открыто, описано и обследовано 30 памятников разного времени, собрано более 2050 № разных вещей, преимущественно керамики, сделано 110 фотоснимков[16].

Работы 1956 г. явились для П.Д. Степанова последними, завершающими на территории Чувашии. Они велись на основании Открытого листа № 141 (форма № 2, с правом производства археологических разведок) от 29 июня 1956 г., выданного ИИМК АН СССР. В отличие от предыдущих лет, экспедиция была организована не Саратовским педагогическим институтом, а Саратовским государственным университетом, где П.Д. Степанов в том году и преподавал. Она проходила на территории Ядринского, Советского и Красночетайского районов Чувашской АССР во второй половине июля 1956 г. Помощниками П.Д. Степанова в полевых работах были студенты-историки Саратовского университета В. Пугаев, В. Чепрунова, М. Носова. Как отметил в своем итоговом отчете руководитель экспедиции Степанов, задачами экспедиции были «поиски и исследования фатьяновских поселений, а также и других видов археологических памятников разных эпох»[17]. В 1956 г. разведочная экспедиция проходила «исключительно в районе левобережных притоков реки Вылы»[18]. В ходе работ 1956 г. было зафиксировано, частью осмотрено 42 памятника, из них 1 местонахождение костей древних животных. Был собран вещевой материал (473 №№), преимущественно керамика, составлены планы поселений и городищ, велось фотографирование памятников и находок[19].

Нельзя не отметить, что все 4 года работ в Чувашии П.Д. Степанов и его помощники-студенты проходили маршрут обследования пешком, практически не используя транспорт, что мешало расширению территории обследования. Руководителю приходилось делать отметки на открытых листах о прибытии и убытии в сельсоветах, что также требовало времени и усилий. Возникавшие неблагоприятные погодные условия, особенно в 1950 г., также осложняли ход работ.

Его первая статья («заметка», по П.Д. Степанову), посвященная археологическим памятникам Чувашии, была опубликована в Москве в 1954 г.[20] Она написана по итогам экспедиционных работ 1950 г. Из содержания статьи мы узнаем, что поводом для них стали хранившиеся в Чувашском республиканском краеведческом музее вещественные материалы из разведок Б.А. Латынина и Т.С. Пассек в 1925 г. на городище «Хула çучё» близ д. Изванкино Аликовского района[21]. Нам хорошо известно о ходе этих разведочных работ только начинавших тогда свои научные исследования известных советских археологов. Важным является то, что П.Д. Степанов, вероятнее

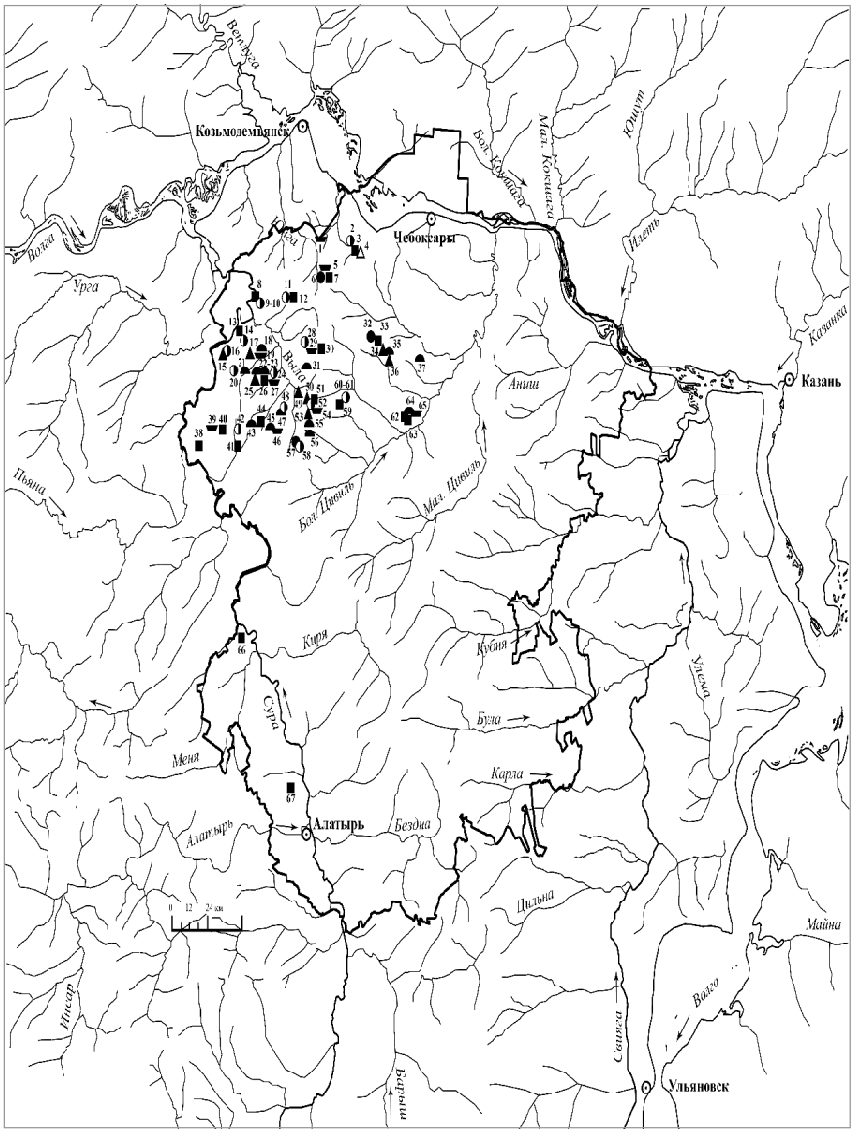


Рис. 2. **Археологические памятники Чувашии, исследованные и зарегистрированные П.Д. Степановым в ходе разведочных экспедиций 1950-х гг.**

1 – Турикасинский могильник; 2 – Новошокинское поселение; 3 – Кармышское (Каршлыхское) городище «Сардон»; 4 – Максикасинская отдельная находка; 5 – Юнгапосинский могильник; 6 – Юнгапосинское селище; 7 – Юнгапосинское городище «Хола варё»; 8 – Чебаковское (Второчебаковское) городище «Кизим Висту»; 9, 10 – Чебаковские поселения; 11– Мурзакасинское поселение; 12 – Мурзакасинское городище «Пахча Сет»; 13 – Сареевское городище «Ножа Вар»; 14 – Балдаевское поселение «Угандр-вар-весь»; 15 – Чеморданское местонахождение; 16 – Чеморданское поселение «Убабусь»; 17 – Атликасинское местонахождение; 18 – Атликасинские курганы; 19 – Атликасинское погребение; 20 – Малосундырское поселение; 21 – Малокумаркинский курган; 22 – Нижнеачакский курган; 23 – Верхнеачакский курган; 24 – Верхнеачакское поселение; 25 – Нижнеачакское местонахождение; 26 – Верхнеачакское городище «Синдзе сет»; 27– Верхнеачакский могильник; 28 – Нижнесунарское поселение; 29 – Дворикский (Ягаткинский) могильник; 30 – Карман-Сирминское (Ягаткинское) городище «Пичке сӑрчё»; 31 – Ордашевский курган; 32 – Эндимиркасинское селище; 33 – Эндимиркасинское городище «Хула ту»; 34 – Ямайкасинское

местонахождение; 35 – Ямайкасинский курган; 36 – Головские местонахождения I и II; 37 – Шинарпосинский курган; 38 – Пчелкинское городище «Хула сăмси»; 39 – Калугинский могильник «Мигуç çăви»»; 40 – Калугинское городище «Хула сюче»; 41 – Тоганашское городище «Хула сюче»; 42 – Тоганашское поселение; 43 – Тиханкинские курганы; 44 – Тиханкинское городище «Мул Сюч»; 45 – Новоатайские курганы; 46 – Новоатайский (Обыковский) могильник; 47 – Чербайский курган; 48 – Чербайское поселение; 49 – Выла-Базарский могильник; 50 – Пизенерское местонахождение; 51 – Пизенерское городище «Кив Çёрт»; 52 – Пизенерское поселение; 53 – Большевыльское местонахождение; 54 – Каракловский могильник; 55 – Раскильдинский (Шерашевский) курган «Канзан хысь»; 56 – Раскильдинский (Таутовский) курган; 57 – Тури-Выльское селище; 58 – Тури-Выльское поселение «Хонки Сёт»; 59 – Изванкинское городище «Хула çучĕ»; 60–61 – Ярушкинские поселения I и II; 62 – Кюльхиринское городище «Мăн сăрт»; 63 – Досаевское городище; 64 – Досаевские курганы; 65 – Нижнекожарский могильник; 66 – Устиновское городище «Вшивая горка»; 67 – Ичиксинское городище «Шишка-Шелом».

всего, в 1946–1950 гг. ознакомился с коллекциями Чувашского музея. Большая часть статьи посвящена проведенным раскопкам на Изванкинском городище в 1950 г., где двумя раскопами и шестью шурфами была вскрыта площадь 98 кв. м. Исследователь выделяет два слоя и два разновременных комплекса: нижний, относящийся к фатьяновскому поселению, и верхний – «к городищу городецкой культуры»[22]. Он подробно останавливается лишь на фатьяновском вещевом комплексе, состоявшем в основном из керамики. Керамика охарактеризована по форме, цвету, орнаментации, технике изготовления. К фатьяновскому комплексу отнесен и найденный на городище, вероятно, местными жителями до раскопок, каменный шлифованный сверленый топор из зеленоватого диорита, с тамгой в виде косого креста на одной из сторон[23]. В нижних частях культурного слоя, как отметил П.Д. Степанов, было найдено «кострище жилища». Он предположил, что постройка «явно не была очень большой»[24]. П.Д. Степанов на основе полученного материала устанавливает время существования фатьяновского комплекса Изванкинского городища. Он считает, что фатьяновцы проживали здесь «продолжительное время, в течение которого облик материальной культуры менялся»[25]. В основном существенные изменения были в облике глиняной посуды. Они почти не коснулись формы. Значительно больше изменений было в технике изготовления, в характере и расположении орнамента, а также в способе орнаментировки[26]. «Технические приемы указывают на некоторый упадок керамического производства»[27]. В заключение статьи П.Д. Степанов приводит свое понимание причин значительных изменений в облике фатьяновской керамики, а также и в среде балановских и ошпандинских племен фатьяновкой культуры, объясняя это исторической обстановкой в начале I тыс. до н.э.[28] Фатьяновский вещевой материал, по его словам, не может быть связан с могильником, «во-первых, потому что никаких следов могил, захоронений не было обнаружено, и, во-вторых, потому что в аналогичных условиях в Присурье располагались и другие фатьяновские поселения с тем же инвентарем и остатками кострищ»[29]. По мнению П.Д. Степанова, изучение особенностей памятников типа Изванкинского городища представляет «огромный научный интерес для решения проблемы фатьяновской культуры и проблемы этногенеза народов Среднего Поволжья»[30].

В статье «О фатьяновских поселениях» (1958)[31] П.Д. Степанов в ответ на «значительную долю недоверия» к открытым им поселениям (в публи-

кациях А.В. Арциховского, М.Е. Фосс и др.) подробно изложил известные по его работам, а также накопленные в 1950-е гг. материалы раскопок фатьяновских памятников Д.А. Крайнова в Верхнем Поволжье, Н.В. Трубниковой в Чувашии, В.П. Денисова на р. Вятке. Как отметил П.Д. Степанов, большинство поселений расположено в Горьковской, Ульяновской областях, Чувашской и Марийской АССР, но наибольшее их число обнаружено в Чувашии (в его статье приведены и планы почти всех исследованных им поселений). Он отмечает общие черты в их расположении: «все они располагаются на высоких местах»[32]. Археолог выделяет три группы этих памятников по их расположению. К поселениям на «высоких приречных мысах» на территории ЧАССР отнесены Калугинское, Тоганашское поселения в Красночетайском, Изванкинское в Аликовском, Чебаковское I и II, Чеморданское «Убабусь» в Ядринском и Эндимиркасинское (у П.Д. Степанова «Эндимеры». – *Е.М.*) в Чебоксарском районах. Отмечено, что практически почти все они перекрыты слоями городищ раннего железного века («городецкой культуры»)[33]. Вторая группа выделена по их расположению «непосредственно на краях или берегах водных потоков (некоторые из них уже высохли)», а также и в вершинах оврагов: в Чувашии это Тоганашское «Хархли Сёт» в Красночетайском, Мурзакасинское, Верхнеачакское и Чеморданское в Ядринском, «Шокинское» поселения в Моргаушском районах, а также Балдаевское местонахождение «Угандр-вар-весь» в Ядринском районе. Археолог предположил, что к этой группе относится и исследованное в 1956 г. Н.В. Трубниковой поселение «у с. Б. Таутово» (Степанов имеет в виду поселение «Токташские могилы» у д. Таутово Аликовского района. – *Е.М.*). Как отметил П.Д. Степанов, большинство поселений из этой группы перекрыто

Рис. 3. **Раскопки Изванкинского городища в 1950 г. (из отчета П.Д. Степанова)**

более поздними слоями[34] (Там же. С. 126). К третьей группе отнесены Чербайское поселение в Красночетайском и Малосундырское в Ядринском районах, расположенные «прямо в поле или на огородах», оказавшиеся однослойными памятниками[35]. В выводах по статье он заключил: «Поселения фатьяновцев всегда располагаются на высоких местах: на приречных или овражных мысах, на берегах оврагов, на лесных полянках и на опушках леса»[36].

П.Д. Степанов предложил пересмотреть отнесение некоторых «фатьяновских» памятников к могильникам и считать их поселениями, например, Говядиновский «могильник», исследованный В.И. Смирновым, а также находки 1920-х гг. у пос. Чеморданы в Ядринском районе, интерпретированные П.Н. Третьяковым как вещи из разрушенного курганного погребения фатьяновцев (место находок осматривалось П.Д. Степановым в ходе экспедиции 1956 г.). Он считал, что находки каменных топоров, глиняной посуды и других предметов бронзового века в Ядринском районе связаны не с местами распаханных курганов («Улăп тăпри»), а с фатьяновскими поселениями. Степанов отметил, что только в окрестностях д. Атликасы Ядринского района им было открыто в 1956 г. 5 фатьяновских поселений[37].

Археолог на основе изучения расположения памятников этой культуры предположил, что «фатьяновские племена находились в зависимости от лесных угодий. Соседство с лесом определяло характер занятий населения и условия быта»[38]. Небесспорный тезис о зависимости от леса приводит Степанова к выводу, что во 2-й половине II тыс. до н.э. «на территории обитания фатьяновских племен были большие лесные массивы»[39]. Как пишет П.Д. Степанов, размеры поселений фатьяновцев различные, определялись в основном по распространению керамики на пашне. При распашке керамика могла быть растаскана на большую площадь[40]. Археолог заметил, что поселения фатьяновских племен «не имели никаких оборонительных сооружений»[41]. Подтверждением этому, на его взгляд, служит то, что они не выявлены ни на одном однослойном поселении [в качестве которых он отметил Мурзакасинское, Чебаковское I («Эндерски»), Чеморданское поселения в Ядринском районе и т.д.], а также тем, что наряду с расположением на высоких приречных мысах, где могли строиться укрепления, в не меньшем числе они находились в поле и на берегах оврагов[42]. П.Д. Степанов пишет, что толщина сохранившегося слоя на этих поселениях различна. В пример приведены Ош Пандо в Мордовии (0,6–0,9 м), Чебаковское поселение I (0,48 м) и Мурзакасинское поселение (0,15–0,15 м) в Ядринском районе. На отмеченных однослойных поселениях «фатьяновская керамика лежала слоями на грунтовом суглинке»[43]. На Изванкинском городище в Аликовском районе, где П.Д. Степановым в 1950 г. была раскопана площадь около 100 кв. м, фатьяновский слой был позже (РЖВ) нарушен, «все же удалось проследить остатки фатьяновских кострищ и части пола фатьяновского жилища»[44]. Археолог признает, что на остальных выявленных поселениях закладывались небольшие шурфы, показавшие наличие лишь небольшой толщины культурного слоя, иногда наличие малого числа или отсутствие находок в

них, а также то, «что фатьяновская керамика залегает всегда ниже слоев городецкой культуры»[45].

На основе внешних признаков (размер, мощность культурного слоя, «насыщенность» вещевым материалом) П.Д. Степанов предложил разделить поселения фатьяновцев на «долговременные, похожие на “селища” эпохи бронзы, с мощными культурными слоями» и кратковременные, «похожие на стойбища таежных охотников-оленеводов Сибири»[46]. В выводах по рассматриваемой статье П.Д. Степанов в заключении статьи делает небесспорный вывод: «Небольшие размеры многих поселений позволяют предполагать, что фатьяновцы кочевали небольшими родственными группами в пределах племенных территорий, располагавшихся по среднему и нижнему течению р. Суры, в бассейне р. Цивиль, и доходили до Волги»[47]. В этой же статье он рассматривает и жилища насельников этой культуры. С жилищами он связывает обнаруженные им при раскопках кострища на Ош Пандо в Мордовии, в «фатьяновском» слое на Изванкинском городище «Хула çучĕ» Аликовского района, предполагает, что круглодонный горшок, выпаханный на поселении у пос. Чеморданы в Ядринском районе, находился рядом с кострищем[48]. Интерес представили найденные на Ош Пандо три каменные вымостки, которые Степанов связал с жилищами. В своих выводах о жилище в конце статьи он говорит о двух типах жилищ у фатьяновцев: 1) «легкое переносное жилище, аналогичное чуму таежных охотников-оленеводов Сибири с кострищем посредине» и 2) «долговременное жилище в виде наземного сооружения с каменной вымосткой пола и несколькими кострищами, где обитало большое число людей одновременно»[49].

П.Д. Степанов подчеркивает, что в вещевом материале фатьяновских поселений преобладает керамика, но на Ош Пандо в культурном слое найдены также и другие типично фатьяновские вещи: «плоские» (клиновидные?) и со сверлением каменные топоры, кремневые ножи и скребки, наконечник стрелы, костяные долота, бронзовый наконечник копья и целые круглодонные сосуды, как и в могильниках, а также кости домашних животных[50]. «Эти находки в культурном слое поселений позволяют говорить о бесспорной принадлежности всех поселений к фатьяновской культуре, так как вещевой материал тождественен тому, что находится в фатьяновских могильниках Среднего и Верхнего Поволжья»[51].

Рассматривая фатьяновскую керамику, он отмечает ее «неоднородность», что она различается на разных поселениях по форме, орнаментике и технике изготовления, что «позволяет проследить эволюцию техники, формы и орнаментики»[52]. В развитии фатьяновской керамики, по его мнению, можно выделить два или три этапа. В статье «О фатьяновских поселениях» он говорит о двух типах фатьяновской керамики. Более ранний тип – балановский (по Степанову – ошпандинско-балановский) – в «наибольшем количестве» найден на левобережных сурских поселениях, в основном, на исследованных Степановым памятниках в Мордовии и Горьковской области, а на территории Чувашии найден «единицами». Более поздний тип керамики он назвал

«Хула Сюч» по названию исследованного им в 1950 г. Изванкинского городища «Хула çучё» с фатьяновским слоем. Он отмечает, что этот тип керамики широко распространен на поселениях Чувашии, замечая в ее орнаментике «еще много черт, сближающих ее с балановским типом»[53]. В выводах по статье он пишет, что на позднем («хуласючском») этапе происходит «огрубление техники производства сосудов и переход к новым формам орнаментики»[54]. В заключении статьи П.Д. Степанов пишет, что в Западном Поволжье фатьяновские племена проживали долго и оставили не только поселения, но и могильники [Балановский, Таутовский (у Степанова – Большой Таутовский. – *Е.М.*), Атликасинский в Чувашии, Сергачский в Горьковской области], а также культовое место «Хонки Сёт» у д. Тури Выла Аликовского района. П.Д. Степанов заключает: «Есть основание считать эту территорию племенной территорией, поэтому памятники других культур, обнаруженные здесь, нужно относить или к более раннему, или к более позднему времени»[55].

Сделанные П.Д. Степановым в статье и других местах положения и выводы о хозяйстве фатьяновцев вызвали обоснованную критику со стороны многих археологов. Он пишет, что они вели полукочевой образ жизни, о чем свидетельствуют места расположения и характер их поселений, типы жилища. По нему полученные при исследованиях «все материалы» на поселениях фатьяновцев в Западном Поволжье «характеризуют быт отсталых в хозяйственном отношении (по сравнению со степными племенами того же времени), бедных, и вероятно, немногочисленных охотников и скотоводов»[56]. О.Н. Бадер, ссылаясь на правильное заключение Степанова в статье «О фатьяновских поселениях» о существовании у фатьяновцев поселений «с мощными культурными слоями» и долговременными жилищами, считает неверным его же вывод в этой же статье о полукочевом образе их жизни[57]. Бадер считает парадоксальным, что П.Д. Степанов, доказавший существование фатьяновских поселений с культурным слоем, отсутствием которых многие археологи (П.Н. Третьяков и др.) объясняли их полукочевой образ жизни («перекочевки» и др.), «целиком воспринял» старую точку зрения. О.Н. Бадер не согласился с П.Д. Степановым и в оценке фатьяновцев (балановцев) как отсталых в хозяйственном отношении, с чем «не позволяют согласиться многие факты», изложенные О.Н. Бадером в книге «Балановский могильник»[58].

В 1958 г. в журнале «Советская археология» была опубликована и другая статья П.Д. Степанова – «Новые фатьяновские памятники на территории Чувашской АССР». В ней он знакомит с материалами трех новых выявленных им и исследованных в ходе экспедиции 1954 г. фатьяновских поселений: 1) близ д. Новое Шокино (у П.Д. Степанова Шокино. – *Е.М.*) нынешнего Моргаушского района, 2) около д. Мурзакасы Ядринского района и 3) у д. Тури-Выла Аликовского района[59].

«Шокинское» поселение располагалось на площадке высокого древнего правого берега р. Сундырка, правого притока Волги. Оно оказалось двуслойным. Фатьяновское поселение было перекрыто, «скрывается» под поздним селищем, в культурном слое которого П.Д. Степанов обнаружил

керамику с текстильными отпечатками (ранний железный век (РЖВ), I тыс. до н.э.). Вследствие этого в ходе разведочных работ невозможно было определить площадь поселения фатьяновцев[60].

Мурзакасинское поселение располагалось «над обрывом», не имело следов оборонительных сооружений. Часть памятника в 1954 г. распахивалась. Подъемный материал (керамика, оказавшаяся только фатьяновской) собран на площади 3–4 тыс. кв. м. В заложенных на поселении траншеях на глубине 15–20 см найдены керамика, кости животных, угольки. Мурзакасинское поселение оказалось, по П.Д. Степанову, первым выявленным однослойным фатьяновским поселением в Поволжье[61].

«Хонки Сёт» у Тури-Выла стоит особняком среди памятников балановской (фатьяновской) культуры, и не только в Чувашии. Он находится в овраге «Хула сюч», в 3 км к ЮЮВ от деревни, на останце, имеющем длину 56 м, ширину – от 7 до 16 м, высоту над дном оврага – 7–9 м. В культурном слое заложенной на останце траншеи площадью 28 кв. м было найдено множество обломков глиняной посуды, а также «мелкие пережженные косточки». За пределами траншеи на всей площадке останца следов культурного слоя не оказалось. В керамическом материале «Хонки Сёт» преобладали фрагменты посуды, также найдены одна шишкообразная ручка сосудика, обломок «носика» горшка, несколько «пробочек», которые вываливались из отверстий на дне больших сосудов (считается, что такая посуда могла служить для переработки молочных продуктов), два обломка небольших пряслиц и обломок шлифованного каменного орудия[62]. Керамический материал (более 1500 обломков), по П.Д. Степанову, относится к типу «Хула сюч», относящемуся к «наиболее позднему времени существования фатьяновской культуры в Среднем Поволжье»[63]. Найдены фрагменты небольших кубков для питья, средние и большие сосуды, предназначавшиеся для молока, напитков. Автор насчитал в раскопанном материале более 200 разнообразных сосудов. Керамика типично «хуласючская»: преобладает прием нарезки рисунка орнамента, часто встречается отпечаток веревочки на шейке, распространен прием выдавливания небольших шишечек на шейке, плечики обычно украшены каннелюрами[64]. Он же отмечает, что в керамике «Хонки Сёт» не было ни одного фрагмента «реповидных» сосудов, сосудов с низкой отогнутой шейкой и сосудов с «воротничком». В нескольких случаях отмечена остроребернность плечиков сосудов. Рассматривая обнаруженный на «Хонки Сёт» остеологический материал, П.Д. Степанов пишет, что он «сильно пережжен, измельчен и не поддается определению», затруднительно и обнаружение места сжигания костей[65]. Следует отметить, что в статье на основании находок пережженных костей не говорится о культовом характере этого памятника, возможно, статья напечатана с редакторскими правками. В своем отчете по работам 1954 г. он представлял его как могильник с трупосожжением, или сочетающий в себе могильник и святилище[66]. Свою точку зрения о «Хонки Сёт» высказал А.Х. Халиков (в отличие от П.Д. Степанова он считал его памятником балановской культуры): «Воз-

можно, что тут функционировал могильник с погребальным обрядом типа трупосожжения»[67]. «Хонки Сёт», по А.Х. Халикову, перекликается с материалами, полученными Н.В. Трубниковой в 1957 г. при раскопках Медякасинского (Янымовского) кургана, отнесенного также к «поздней поре» с погребальным ритуалом «с сожжением»[68]. Далее Халиков приводит спорный тезис, что наличие трупосожжения у балановских племен на поздних этапах «объясняет известные случаи трупосожжения у абашевских и срубных племен»[69]. О.Н. Бадер в своей монографии «Балановский могильник» повторил точки зрения П.Д. Степанова и А.Х Халикова, не высказав своего к ним отношения, но назвав памятник «поселением»[70].

В выводах по статье об исследованных в 1954 г. в Чувашии трех фатьяновских поселениях, П.Д. Степанов датирует их более поздним временем, чем Балановский могильник и Ош Пандо в Мордовии (конец II – начало I тыс. до н. э.), считает возможным говорить об однослойных фатьяновских поселениях с разнообразными находками в Западном Поволжье. На его взгляд, бассейн р. Вылы и его ближайшие окрестности «представляют особый интерес для изучения истории фатьяновских племен на позднем этапе их жизни»[71].

Высказанные в рассмотренных трех статьях 1950-х гг. по памятникам Чувашии положения П.Д. Степанов повторил и развил в изданной в 1967 г. монографии «Ош Пандо», посвященной первому открытому и изученному поселению фатьяновской (балановской) культуры, многослойному памятнику (эпоха бронзы, I тыс. до н.э., именьковская и древнемордовская культуры 2-й половины I тыс. н.э.), раскопанному П.Д. Степановым в 1946–1949 гг. в Мордовии[72]. Надо отметить, что во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. проводились новые исследования памятников балановской (фатьяновской) культуры в Чувашии и других регионах. Н.В. Трубникова в 1955–1957 гг. вела раскопки на многослойном Криушском памятнике в Козловском районе, в 1956 г. она исследовала Таутовские могильник и поселение «Токташские могилы» в Аликовском районе, в 1957 г. она же вела раскопки Янымовского поселения «Хорăнсор сăрчĕ», Медякасинского кургана в Ядринском районе, В.Ф. Каховский в 1957 г. раскопал Кумаккасинский курган в Ядринском районе, в 1961 г. он открыл захоронение литейщика в Чурачикском кургане в Цивильском районе, Т.А. Кравченко в 1962 г. исследовала один из Мамалаевских курганов в Вурнарском районе. О.Н. Бадер опубликовал в 1961 г. в журнале «Советская археология» статью «Балановская культура», а в 1963 г. – монографию «Балановский могильник». Появились своды по фатьяновской культуре Д.А. Крайнова. П.Д. Степанов пристально следил за открытиями в Чувашии и новыми изданиями по фатьяновской (балановской) культуре, что нашло отражение и в его книге «Ош Пандо». Здесь он при рассмотрении вещевого материала памятника в Мордовии, различных аспектов (хронология, территория, топография поселений и др.) фатьяновской (балановской) культуры часто приводит в пример аналогии как изученные им самим, так и раскопанные другими археологами объекты на

территории Чувашии (Балановский и Таутовский могильники, Атликасинские курганы и др.)[73].

Особое внимание необходимо обратить на непризнание П.Д. Степановым выделения О.Н. Бадером особой балановской культуры. В статье «О фатьяновских поселениях» П.Д. Степанов пишет: «Нам кажется, что при современном наличии материалов из фатьяновских памятников Западного Поволжья нет оснований выделять (как это делает О.Н. Бадер) самостоятельную балановскую культуру»[74]. В монографии «Ош Пандо» он не раз обосновывает свою точку зрения: «Аргументация автора (О.Н. Бадера. – *Е.М.*) в пользу существования особой балановской культуры, по нашему мнению, не убедительна. Он указывает, что Балановский могильник отличается от фатьяновских обилием коллективных могил и большими размерами. Но это не признак особой культуры…»[75]. На его взгляд, неубедительны примеры О.Н. Бадера в отношении размеров, форм, техники изготовления глиняной посуды, примеры с каменными топорами и поделками из бронзы, а также его ссылки на антропологические данные[76]. П.Д. Степанов подчеркивает: «Пока, по имеющимся материалам, как нам кажется, мы можем говорить только о восточном варианте единой и большой фатьяновской культуры. Существующие же различия могут быть объяснены хронологическими и местными причинами»[77]. Памятники восточного варианта (восточной группы), по нему, «фатьяновская культура, получившая ряд особенностей вследствие развития и обособленного существования»[78].

В вопросе о фатьяновских (балановских) поселениях П.Д. Степанова поддержал О.Н. Бадер. Он высоко оценивал его заслуги: «Первые серьезные шаги для реального разрешения проблемы фатьяновских поселений были сделаны в послевоенные годы П.Д. Степановым (Саратов), открывшим и частично обследовавшим на территории Чувашской и Мордовской республик 20 древних поселений типа селищ с остатками, по своему характеру приближающимися к фатьяновским (точнее, к балановским)»[79]. О.Н. Бадер подчеркивает, что некоторые археологи, несмотря на ряд публикаций в издаваемых ИИМК журналах, все же продолжали высказывать сомнения, что П.Д. Степановым открыты поселения, а не распаханные, разрушенные могильники. П.Д. Степанов проявил настойчивость. Он на пленуме ИИМК по итогам полевых работ 1956 весной 1957 г., а также в письме к директору ИИМК от 8 апреля 1957 г. «очень решительно поставил вопрос о командировании одного или нескольких сотрудников ИИМК предстоящим летом (1957 г. – *Е.М.*) для исследования совместно с ним одного из упомянутых поселений и об отпуске Академией наук средств на эти раскопки»[80]. Выступление и обращение П.Д. Степанова на секции неолита и бронзы пленума ИИМК весной 1957 г., по словам О.Н. Бадера, было воспринято положительно. После пленума это обращение обсуждалось на заседании сектора неолита и бронзы ИИМК и было также поддержано. После этого дирекция ИИМК решила командировать научного сотрудника ИИМК О.Н. Бадера летом 1957 г. в Чувашию для работ вместе с П.Д. Степановым. Открытый лист на раскопки

был выдан на имя О.Н. Бадера[81]. К сожалению, пока нам не удалось ознакомиться с перепиской О.Н. Бадера и П.Д. Степанова по поводу намеченных раскопок. Можно предположить, что П.Д. Степанов провел какую-то работу по подготовке, организации экспедиции, собирался взять с собой саратовских помощников. Из публикации О.Н. Бадера мы знаем, что для совместного исследования П.Д. Степанов предложил, вероятно сразу же, поселение у с. Чебаково в Ядринском районе «как однослойное и представляющее удобства для раскопок»[82]. П.Д. Степанов, несомненно, ждал экспедицию и надеялся на хорошие результаты, но случилось неожиданное. Прямо перед выездом в Чувашию он заболел, скорее всего, тяжело. Об этом мы знаем в изложении О.Н. Бадера: «К сожалению, перед началом раскопок П.Д. Степанов, вследствие болезни, не смог выехать из Саратова и рекомендовал мне провести организованные и подготовленные работы без него»[83]. В 1957 г., вероятно в апреле или мае, О.Н. Бадер обратился к руководству ЧНИИЯЛИЭ с предложением финансовой поддержки раскопок Чебаковского «фатьяновского» (балановского) поселения в Ядринском районе, открытого в 1956 г. П.Д. Степановым[84]. По поручению директора института М.А. Андреева ответ написал его заместитель и ученый секретарь В.Д. Димитриев: «… Ваше предложение о проведении Вами раскопок фатьяновского поселения в Ядринском районе мы поддерживаем и можем выделить Вам 5000 руб. Раскопки можно будет провести в конце июля или в августе месяце. Не откажите сообщить, удовлетворяет ли Вас предлагаемое нами время проведения раскопок»[85]. 28 июня 1957 г. В.Д. Димитриев в письме к О.Н. Бадеру предложил изменения в поддержку раскопок Чебаковского поселения: «…Мы Вас ожидаем к 15 июля. Наш Институт выделяет Вам средства на раскопки Балановского могильника, которому грозит угроза полного разрушения. Институт заинтересован в том, чтобы Вы по приезду в Чувашии (Так в оригинале. – *Е.М.*) в первую очередь занялись исследованием Балановского могильника. Средства, выделяемые Вам другими учреждениями, можете использовать на изучение фатьяновского поселения на р. Суре»[86]. Раскопки Чебаковского поселения (у О.Н. Бадера и «Чебаковское селище». – *Е.М.*) под руководством О.Н. Бадера прошли 19–31 июля 1957 г. В помощники себе он пригласил Т.Н. Буркову из Перми. Для ознакомления с ходом раскопок Чебаковского поселения дважды приезжали директор ЧНИИЯЛИЭ М.А. Андреев и министр просвещения Чувашской АССР В.Ф. Каховский[87]. В отчете и публикации результатов раскопок Чебаковского поселения в урочище «Эндерски» О.Н. Бадер не забыл подчеркнуть, что оно было открыто П.Д. Степановым «несколько лет тому назад», и им была собрана керамика в карьере по добыче песка и глины и в разведочном шурфе, «обнаружившем хорошо выраженный, нетронутый культурный слой»[88]. Раскопки О.Н. Бадера на Чебаковском поселении были успешными. Вероятно, О.Н. Бадер проинформировал об основных результатах работ П.Д. Степанова, а тот в ответ сообщил какие-то сведения, уточнения. В ходе раскопок была найдена одна глиняная затычка «в виде заклепки с грубо выполненной шляпкой».

О.Н. Бадер пишет: «По любезному сообщению П.Д. Степанова, в его раскопках такие “пробки” найдены не раз – как отдельно, так и в отверстии сосуда…»[89]. В выводах по итогам раскопок О.Н. Бадер широко пользуется материалами и публикациями П.Д. Степанова. Керамика на Чебаковском поселении, по Бадеру, «имеет весьма полную аналогию» в фатьяновском (по Бадеру – балановском) поселении на Изванкинском городище «Хула çучĕ». О.Н. Бадер считает «справедливым» отнесение П.Д. Степановым существования Изванкинского поселения к началу I тыс. до н. э.[90] В итоге, и Чебаковское поселение датировано им началом I тыс. до н. э.[91] Бадер отмечает, что «по первому впечатлению» Чебаковское селище «Эндерски» невозможно относить к балановской культуре[92]. В то же время, уже накопленные П.Д. Степановым материалы по поселению Ош Пандо, хуласючским памятникам Чувашии и Мордовии позволили О.Н. Бадеру согласиться с балановской (фатьяновской) принадлежностью «Эндерски». Он отметил: «Сопоставление поселений эпохи бронзы, исследованных П.Д. Степановым в средневолжском правобережье, с Балановским и Атликасинским (так в публикации. – *Е.М.*) могильниками позволяет согласиться с принадлежностью всех этих памятников к одной культуре, называемой нами балановской, а П.Д. Степановым – восточным вариантом фатьяновской культуры, и в то же время предложить периодизацию этих памятников пока в виде рабочей гипотезы…: балановский, атли-касинский и хула-сючский»[93]. При характеристике второго и третьего этапов О.Н. Бадер опирается на памятники, открытые и изученные П.Д. Степановым, раскопанные им материалы[94].

Почти неизвестным оставалось практически до последнего времени исследование П.Д. Степановым кургана абашевской культуры на территории Чувашии. В 1950 г. его экспедиция раскопала один из имевшихся двух курганов у д. Тиханкино Красночетайского района. В планы его работ входило исследование памятников фатьяновской культуры. Приступая к раскопкам кургана, он ожидал открытие под насыпью захоронения именно этой культуры: «Раскопка была организована с целью найти погребение Фатьяновской культуры, типа Атли-Касы»[95]. Вряд ли он мог подозревать, что в западных районах Чувашской АССР есть курганы абашевской культуры. П.Д. Степанов раскопал остающийся до сего времени самым западным на территории Чувашской Республики курган. По мнению П.Д. Степанова, абашевское погребение в Тиханкинском кургане интересно еще и тем, что «располагается на территории распространения фатьяновских памятников»[96]. У д. Тиханкино еще в конце XIX в. по данным Атаевского волостного правления в 1 версте от деревни отмечались два кургана[97]. П.Д. Степанов, конечно, был знаком с этой информацией, на месте провел их поиски. Они с местным названием «Олăп ту» оказались на противоположных концах деревни, на пашне, то есть распаханными. П.Д. Степанов раскопал один курган, который был в сторону «Тоганашского леса». Так как результаты этих раскопок остались неопубликованными, мы даем более полное изложение хода раскопок из отчета и дневника П.Д. Степанова за 1950 г. Диаметр раско-

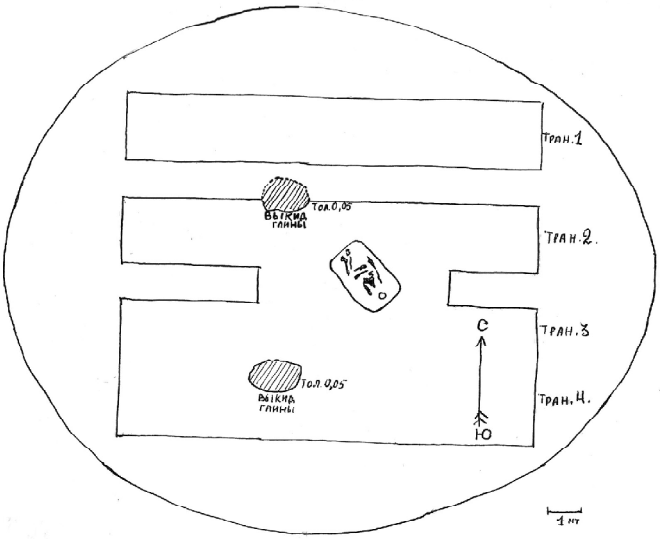


Рис. 4. **План Тиханкинского кургана (из отчета П.Д. Степанова за 1950 г.)**

панного кургана 15–19 м, высота – 0,4 м. Раскопки велись не на полный снос насыпи, а траншеями с его северной полы, длиной 12 м и шириной 2 м. Между траншеями оставлялись бровки («интервалы») шириной 1 м (рис. 4).

В траншее № 1 после снятия 1-го штыка (20 см) на всем пространстве вышла материковая («грунтовая») глина, в слое находок обнаружено не было.

В траншее № 2 на уровне 1-го штыка по концам траншеи оказалась коричневая материковая глина. В центральной части траншеи № 2 выявилась часть могильного пятна, уходившая к югу. Вокруг пятна оказались остатки желтой глины – выкида (выброса) из могилы. Выкид появился на глубине 15 см, имел толщину 5 см, ширину до 1,5 м. Он лежал на древней дневной поверхности, от которой до материковой глины 20 см. На уровне 2-го штыка (до глубины 45 см) в траншее № 2 на всей площади оказалась материковая глина, а выявившееся в 1-м штыке могильное пятно «приобрело отчетливые контуры».

В траншее № 3 после снятия 1-го штыка (20 см) по краям ее показалась материковая глина, а в центральной части лежал коричневый слой, продолжение могильного пятна в траншее № 2. В этом месте была снята бровка. К юго-западу от могильного пятна был прослежен второй глиняный выкид, уходящий к югу (в бровку). Выкид лежал на той же глубине, что и выкид в траншее № 2, имел такую же толщину (5 см), но был шире в разрезе – 2 м. При снятии 1-го слоя в траншее № 3 был найден «железный предмет в виде узкой пластинки с крючками по концам»[98]. В той же траншее № 3 был снят 2-й штык (до общей глубины 40 см). В итоге на всей площади траншеи вышла материковая глина, а могильное пятно приобрело четкие границы.

В траншее № 4 сразу после снятия 1-го штыка (20 см) на всей поверхности оказалась материковая глина. В северной части траншеи вышло продолжение глиняного выкида из могилы с шириной с севера на юг 70 см.

Далее раскапывалось по контуру само могильное пятно, занимавшее под курганной насыпью центральное место. Оно оказалось прямоугольной формы (длина 1,85 м, ширина 1,25 м), ориентированное по линии северо-запад – юго-восток. Могильное пятно в своей центральной части имело черный цвет, а вдоль края по всему периметру наблюдалась неширокая полоска глины, «не то от обмазки стен могилы, не то получившаяся вследствие засыпания могилы сначала желтой грунтовой глиной, а затем уж черноземом»[99]. Этот глиняный слой оказался наклонным от краев могилы к его центру.

Могила имела глубину 36 см от материка или 75 см от верхушки кургана. П.Д. Степанов отметил, что в могиле во время раскопок было «очень сыро». На дне могилы лежал на спине, со сваленными влево ногами, головой к северо-западу «умерший человек» (пол не определен). Длина костяка 1,75 м. П.Д. Степанов, отмечая плохую сохранность костей, добавляет, что все крупные кости сохранились, но «при чистке и они отделялись вместе с глиной»[100]. От костей черепа остался только след, а также коронки коренных зубов. Правая рука оказалась вытянутой вдоль туловища, левая – согнутой в локте, ее кисть – на груди. Тазовые кости лежали на месте, кости ступней ног располагались параллельно и прямо, а не на боку (рис. 5).

На не очень ровном дне могилы П.Д. Степанов проследил лубяную подстилку. Слева под черепом была найдена одна серебряная, в полтора оборота, привеска, концы которой были расширены. Привеска, по П.Д. Степанову, абашевского типа. Слева же «против головы близ угла могилы» стояли рядом два горшка. Один небольшого размера: диаметр горла 11,4 см, высота «приблизительно» 8 см, толщина стенок 7 мм. Этот горшок имел высокую шейку, которая заканчивалась острым ребром; от ребра горшок суживался ко дну. П.Д. Степанов предположил, что дно было округлое, так как «плоской части не оказалось»[101]. Обжиг горшка коричневый, очень слабый, отчего стенки плохой сохранности. Шейка горшка орнаментирована при помощи зубчатого штампа («чекана»). Вдоль верха горшка нарисован зигзаг из трех линий, затем прямая линия, потом цепоч-

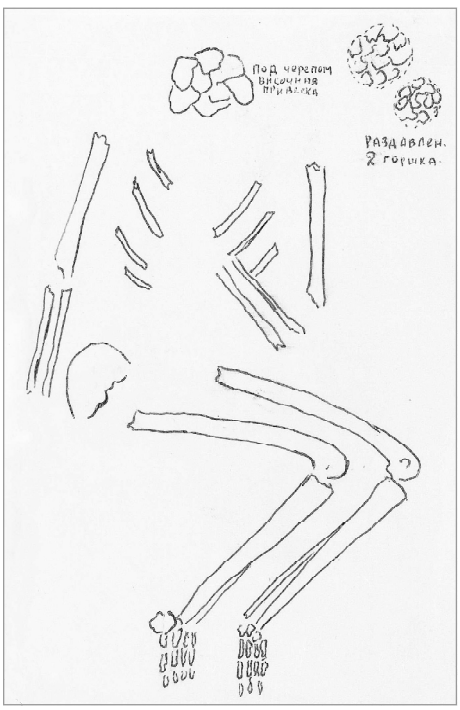


Рис. 5. **План погребения из Тиханкинского кургана (из отчета П.Д. Степанова за 1950 г.)**

ка ромбов поперек шейки, затем прямая линия и зигзаг из трех линий, который опирался о ребро. Ниже края ребра был поясок из небольших круглых ямок. Нижняя часть горшка была без орнамента. От второго горшка сохранились лишь венчик и часть стенок. П.Д. Степанов предположил колоколообразную его форму. Край горшка несколько отогнут наружу. Как и у первого горшка, обжиг второго – коричневый, слабый. Никакого орнамента на втором горшке не оказалось. Диаметр горла горшка 15 см, высота неизвестна, толщина стенок 6 мм. По П.Д. Степанову, оба горшка типично абашевские.

Таким образом, исследователь Тиханкинского кургана пришел к выводу, что как погребальный обряд, так и весь вещевой материал, «не вызывают никаких сомнений в принадлежности этого погребения именно Абашевцам»[102].

К сожалению, П.Д. Степанов не ввел в широкий научный оборот результаты раскопок Тиханкинского кургана, они оставались лишь в его отчете по работам в Чувашии в 1950 г., а также в упоминании в его публикации[103]. Сведения об этом кургане мы не нашли ни в одной обобщающей работе, статье, диссертации по абашевской культуре, местной литературе о памятниках Чувашии 1950–1970-х гг. Лишь в статье А.Д. Пряхина и А.Х. Халикова «Абашевская культура» в книге «Эпоха бронзы лесной полосы СССР» (1987) на карте «Территория абашевской культурно-исторической общности» среди семи памятников северной и западной частей Чувашии и правобережной территории Республики Марий Эл обозначено Тиханкино, то есть исследованный в 1950 г. Тиханкинский курган[104] [Пряхин А.Д., Халиков А.Х. 1987. С. 126–127 (карта 23: 29), 465]. В середине 1980-х гг. нам удалось ознакомиться с отчетами Степанова по работам в Чувашии 1950-х гг. Стало известно и о раскопках Тиханкинского кургана 1950 г. В конце 1990-х гг. я сообщил эту информацию археологу Б.С. Большову (Йошкар-Ола), посвятившему много лет изучению этой культуры. Мои слова были для него откровением. Несомненно, он читал статью А.Д. Пряхина и А.Х. Халикова и заметил Тиханкино, но не знал, как попал этот памятник на карту. В 2003 г. в Йошкар-Оле вышла его монография «Средневолжская абашевская культура (по материалам могильников)», где он написал о раскопках П.Д. Степановым кургана у д. Тиханкино и включил его в список абашевских памятников Среднего Поволжья[105]. Краткие сведения о раскопках П.Д. Степановым Тиханкинского кургана ввел в научный оборот и автор данной статьи[106].

В ходе экспедиций в Чувашию П.Д. Степанов старался собирать сведения и осматривать курганы. Например, в 1950 г. он получил от местных жителей информацию о распаханном кургане в поле к юго-западу от д. Калугино Красночетайского района, но не смог его осмотреть сам[107]. В 1952 г. в его дневниковых записях отмечены (вероятнее всего, после осмотра) три кургана в Красноармейском районе: 1) с северо-северо-восточной стороны д. Ямайкасы «на приусадебной земле», высотой до 1 м; 2) к северо-западу от д. Ямайкасы, ближе к д. Сесмеры (у П.Д. Степанова «Систеры». – *Е.М.*), высотой более 1 м; 3) близ д. Шинарпоси, около леса, «близ шоссейной доро-

ги на с. Михайловку» Цивильского района, высотой до 1 м[108]. В том же 1952 г. он получил сведения о «высоком» кургане около д. Досаево этого же района, в 145-м лесном квартале, курганах к северу и северо-востоку (от д. Досаево?), «за лесом». Эти курганы П.Д. Степанов не осматривал[109]. Вероятно, тогда же он побывал на «группе курганов» в поле к северо-востоку от д. Досаево, отметив, что здесь в 1927 г. П.П. Ефименко «раскопал 3 погребения»[110]. В 1954 г. в с. Раскильдино Аликовского района он получил информацию о кургане «Канзан Хысь» к северу от села в сторону д. Шерашево, «за лесом на пашне… Его копали до революции и нашли в нем посуду»[111]. Там же, в с. Раскильдино ему сообщили о распахивавшемся кургане высотой до 1,5 м, от села в сторону д. Таутово, в 100 м от дороги[112]. В 1956 г. П.Д. Степанов отметил, вероятно, со слов жителей, «большой курган» к ЮВ от д. Ордашево Ядринского района[113].

Другим малоизвестным фактом из экспедиционных работ в Чувашии является открытие и исследование им памятника срубной культуры эпохи бронзы – поселения (по П.Д. Степанову – «селища») около д. Нижние Сунары Ядринского района в 1954 г.[114] Памятник был открыт и отмечен в 0,5–1 км к северо-востоку от этой деревни, за мостом по дороге на д. Дворики (Моргаушский район), на мысу при впадении безымянной речки в р. Ербашка на первой надпойменной террасе. На пашне на площади 100х40 м были собраны обломки керамики «в довольно большом количестве». Керамика грубая, как без орнамента, так и с орнаментом, «типичная для Срубно-Хвалынской культуры эпохи бронзы»[115]. Он подчеркивал, что это самое северное из известных поселений к западу от Волги[116]. Обосновывая отнесение этого памятника к срубной культуре, П.Д. Степанов отмечает его расположение и характер керамики: «Обломки принадлежат сосудам с прямыми или слегка выпуклыми стенками. Край или прямо срезан, или слегка отогнут. Посуда прочная, хорошего обжига, черного или красноватого снаружи. Стенки гладкие. На шейке находится нарезной орнамент в виде елочки. Есть орнамент ямками и один обломок с отпечатками крупно-зубчатого чекана»[117].

Большой вклад внес П.Д. Степанов в изучение памятников раннего железного века Чувашии. Большинство исследованных памятников отнесены к городищам «городецкого (городищенского) типа» или городецкой культуры. В 1950 г. раскопки проводились как на «двуслойных» городищах (Изванкинское в Аликовском, Тоганашское, Калугинское в Красночетайском районах), так и однослойных (Тиханкинское и Пчелкинское «Хула сăмси» в Красночетайском районе). Характерной особенностью керамики этой культуры на них, по П.Д. Степанову, является отсутствие утолщения в том месте, где дно соединяется со стенкой. «Стенка обычно ко дну примазывается под углом. Дно обычно бывает не толстое»[118]. На них же были найдены типично городецкие вещи – глиняные грузила пирамидальной формы и пряслица, обычно цилиндрической формы. На Изванкинском городище были обнаружены глиняные «кружки» (пряслица?) диаметром 6–6,5 см, толщиной 1,5 см,

с отверстием в середине диаметром до 1,5 см[119]. На двуслойных городищах городецкий слой перекрывал фатьяновские поселения. В 1952 г. П.Д. Степанов заложил на Досаевском городище в Красноармейском районе два шурфа на площадке, а также сделал зачистку (ширина 1,1 м) стенки «волчьей ямы» на втором напольном («внутреннем») валу городища[120]. Городище однослойное, «городецкое». На поверхности и в шурфах найдена немногочисленная гладкостенная, с «грубой» поверхностью, неорнаментированная керамика. По П.Д. Степанову, это городище «было обитаемо в течение непродолжительного времени, вследствие чего остался незначительный культурный слой, слабо насыщенный культурными остатками»[121]. Двуслойным (нижний фатьяновский, верхний – «более поздний с керамикой типично городищенской») оказалось городище «Хула ту» у д. Эндимиркасы (у П.Д. Степанова искажено – Эйдимеры. – *Е.М.*) нынешнего Чебоксарского района. В разных местах площадки памятника было изучено 5 шурфов. Находки в шурфах и на поверхности, в основном, керамика, обломки глиняных грузил, а также кости, угольки, шлифовальный или точильный камень, составили 355 единиц[122]. В 1954 г. экспедиция П.Д. Степанова заложила 5 шурфов на известном по работам М.М. Хомякова, П.П. Ефименко городище «Сардон» у монастыря Каршлых (у Степанова оно дано по отношению к д. Кармыши)[123]. П.Д. Степанов отмечает сравнительно хорошую насыщенность культурного слоя в шурфах, где найдены кости животных, остатки кострищ, плита из песчаника, обломок кремня и др. Важной для датировки находкой стал найденный на краю шурфа № 2 обломок бронзовой кованой гривны, относящийся к первым векам н.э. Было много керамики двух типов: 1) гладкая, грубая, плоскодонная со слегка отогнутым краем, 2) с текстильным орнаментом. В отчете за 1954 г. он пишет, что на городище не найдено фатьяновской керамики. Однако в публикации 1962 г. П.Д. Степанов относит городище к фатьяновской и городецкой культурам, то есть к двуслойным[124]. Посетил в 1954 г. П.Д. Степанов и известное еще с работ С.М. Михайлова середины XIX в. и небольших раскопок П.П. Ефименко 1926 г. Юнгапосинское городище «Хола варё». В заложенных трех шурфах обнаружен лишь один обломок керамики[125]. Исследователь причисляет этот памятник к городецкой культуре.

В том же 1954 г. он открыл и исследовал распаханное двуслойное поселение у д. Новое Шокино (фатьяновское поселение позднее в I тыс. до н.э. перекрыто городецким селищем)[126]. Подъемный материал был собран на площади 150х80 м: керамика, обломки точилок из кварцита, обломок большого глиняного «прясла», осколки кремня. В заложенных двух шурфах 1х1 м также обнаружены фрагменты керамики, угольки. Фатьяновская керамика хуласючская. Керамика РЖВ («городецкая») гладкостенная и с текстильным отпечатком, грубая, плоскодонная; «края шеек слегка отогнуты и плечики слегка вздуты»[127]. В 1954 г. он заложил три шурфа на Ягаткинском (у П.Д. Степанова – Карман-Сирминское) городище «Пичке сăрчё» (Степанов – «Пичке-Сёрт») в нынешнем Моргаушском районе[128], открытом и опи-

санном В.К. Магницким в 1890-х гг. Кроме фрагментов грубой неорнаментированной керамики на площадке были найдены «пряслице, пирамидальной формы грузило, обломок бронзовой пластинки». Особое значение для датировки памятника имеет найденная в шурфе № 3 стеклянная золоченая бусина. Исследователь предположил «связь обитателей этого городища с населением, оставившим древний Иваньковский могильник на Суре, датируемый 1-й пол. 1-го тыс. н.э.»[129]. П.Д. Степанов описывает и конструкцию обвалившейся части вала. Учитывая продолжающееся разрушение городища, наличие на нем хорошего культурного слоя, он отметил целесообразность проведения на этом городище раскопок[130] (Там же). В 1958, 1960 гг. отряд ЧАЭ под руководством Н.В. Трубниковой исследовал почти всю площадку этого памятника. В 1956 г. экспедиция П.Д. Степанова посетила и провела небольшие разведочные работы (6 шурфов) на Сареевском городище «Ножа Вар»[131] (Там же. Д. 1427. Л. 5–6, 8–9, 33, 34). Оно было известно исследователю по данным М.В. Воеводского, открывшего памятник в 1927 г.[132] В 1958–1959 гг. вслед за ним это городище раскапывал отряд ЧАЭ под руководством Н.В. Трубниковой. В работе «Ош Пандо» П.Д. Степанов отнес Сареевское городище к числу древнемордовских памятников[133]. В том же 1956 году экспедиция П.Д. Степанова открыла и обследовала городище «Кизим Висту» около д. Второе Чебаково (с 1965 г. – с. Чебаково)[134]. Был собран и получен в двух шурфах вещевой материал (обломки керамики, кости, угли). Керамика неорнаментированная, грубая, «по характеру близка поздне-городецкой»[135]. Особое место из обследованных П.Д. Степановым городищ занимает Кюльхиринское «Мăн çăрт» в Красноармейском районе, открытое им в 1952 г.[136] Археолог заложил на его площадке три шурфа по 1х1 м, но нашел только угольки и «маленькую косточку». На поверхности найден лишь один обломок горшка с грубой поверхностью. Он отметил: «По всем данным, городище не было обитаемо»[137]. Это городище осмотрено Е.П. Михайловым в 1987 г., подъемного материала не было[138]. К городищам-убежищам отнес П.Д. Степанов обследованное в 1954 г. Пизенерское (у Степанова – Пизинер-Токтамыши) городище «Кив Çёрт»[139]. Оно в 1896 г. было описано В.К. Магницким по указанию местного учителя К.С. Степанова. Заложенные экспедицией три шурфа не дали следов культурного слоя и находок. На задернованных площадках и на склонах было найдено 5 неорнаментированных обломков керамики. П.Д. Степанов предположил, что городище-убежище использовалось жителями расположенных поблизости поселков-селищ. Одно такое селище (размеры 100х30–50 м) и было открыто в 1954 г. за напольным валом Пизенерского городища на расстоянии 100–200 м, на пашне[140]. На распашке, а также в трех шурфах найдены фрагменты керамики, кремневый отщеп, обломок каменного орудия, фрагмент костяной вещи, угли, кости. Найденная керамика оказалась неорнаментированной, грубой, от плоскодонных горшков. «Только один обломок черного цвета имел гребенчатый орнамент»[141]. Второе селище было открыто П.Д. Степановым в 1 км от этого же городища, на левой стороне оврага «Сатлай Çирма», на мысу, при впадении оврага «Палк Çирмы». Здесь на пашне обнару-

жено три фрагмента керамики, из них один «с чеканным, зубчатым орнаментом»[142]. К числу городищ без обнаруженного культурного слоя относится и Мурзакасинское (Янымовское городище) «Пиндер Вар» («Пахча Сёт»), где два шурфа не дали материала, лишь на восточном склоне найдено несколько неорнаментированных фрагментов керамики[143]. Все исследованные им самим, а также известные по другим источникам городища вошли в его специальную статью (в приложении, в списке)[144].

П.Д. Степановым исследованы и «однокультурные с городищами» селища. Располагались они «исключительно на мысах». Например, в 1952 г. открыты два селища (найдены фрагменты «грубых» горшков, в том числе и с орнаментом, культурный слой не обнаружен) около д. Голов Красноармейского района, а также селище на мысу в 50–60 м к юго-западу от Эндимиркасинского городища «Хула ту» в нынешнем Чебоксарском районе, где была собрана «типично городищенская» керамика[145]. Среди открытых П.Д. Степановым селищ выделяется открытое им в 1950 г. «селище» (поселение) «Хархли сёт» (более верное название «Хирхли çот». – *Е.М.*) в 4 км к северу от д. Тоганаши Красночетайского района. В дневнике он отметил, что здесь на распаханном мысу на большой площади были собраны обломки керамики, «среди которых были современные и древние типа городищенских», а также один фрагмент «от репообразного сосуда, какие встречаются в Балановском могильнике». В отчете за 1950 г. П.Д. Степанов затруднился по небольшому собранному материалу (20 обломков) датировать этот памятник[146]. В вышедшей в 1962 г. карте он отметил «Хархли сёт» относящимся к фатьяновской, абашевской, срубно-хвалынской, сейминской, поздняковской, городецкой культурам[147]. Возможно, к городецким относится и Юнгапосинское селище, на мысу, в 0,5 км от колхозной молочной фермы. На пашне было собрано небольшое количество гладкой, неорнаментированной, грубой керамики. В шурфе культурного слоя не оказалось[148].

П.Д. Степанов выделял на территории Чувашии пьяноборские и древнемордовские памятники. В 1954 г. экспедиция П.Д. Степанова в д. Максикасы нынешнего Моргаушского района (находится близко к Каршлыхскому городищу «Сардон») узнала, что в этой деревне на огороде были найдены два куска цепи длиной 40 см и особый вид пряжки – «рожки». Исследователь в отчете отметил, что эти вещи близки пьяноборским[149]. В том же году на двуслойном поселении около д. Новое Шокино (по П.Д. Степанову – «с. Шокино») экспедицией на распашке была найдена бронзовая бляшка в виде розетки. Исследователь подчеркивает, что такого типа бляшки «характерны для памятников пьяноборского времени»[150]. Отличительной чертой древнемордовских городищ, по П.Д. Степанову, «является устройство вала в виде шишки в узкой части перешейка городища». Таким образом, «городище располагается как бы на островке». К таким он отнес исследованные в 1950 г. Устиновское городище «Вшивая горка» (открыто П.Д. Степановым) в Порецком и Ичиксинское городище «Шишка» в Алатырском районах. Сюда же по форме вала он относит и Тиханкинское городище в Красночетайском районе, но по находкам считает относящимся к более ранним, городецким городи-

щам[151]. Главное отличие древнемордовской керамики от городецкой («городищенской») состоит, по П.Д. Степанову, в «том, что отсутствовала на наружной стенке сосудов сетчатая орнаментика, а также всегда существует утолщение в месте соединения стенки и днища»[152]. Важно, что на Устиновском городище был найден и датируемый обломок красной пастовой бусины того же типа, что встречается в ранних мордовских могильниках. Заложенный на этом городище шурф 1х1 м оказался без следов культурного слоя. На известном еще с конца XIX в. городище «Шишка-шелом» у с. Ичиксы Алатырского района П.Д. Степанов снял его глазомерный план, заложил шурф на его площадке[153]. В культурном слое найдено много костей и «черепков». Керамика неорнаментированная, грубая, плоскодонная, «шейки сосудов слегка отогнуты наружу». По П.Д. Степанову, керамика данного типа «характерна для верхнего, древнемордовского слоя на городище “Ош Пандо”, датируемого VI–IX вв. н.э.»[154]. Надо отметить, что П.Д. Степанов хорошо знал материалы исследованных другими археологами древнемордовских памятников на территории Чувашии (Иваньковский могильник в Ядринском и Таутовское захоронение (могильник) в Аликовском районах[155].

Изучал П.Д. Степанов и могильники позднего Средневековья и Нового времени. В 1950 г. экспедиция открыла «древний чувашский» могильник «Мигушева» (чувашское название «Микуç çăви». – *Е.М.*) близ д. Калугино Красночетайского района, раскопала одно разрушавшееся мужское погребение. Костяк лежал на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками, головой к западу. Близ левой бедренной кости с внутренней стороны был большой железный нож с деревянным черенком, острием вниз. Рядом с ножом лежал кусок кремня от огнива. На пальце левой руки находился серебряный перстень с округлой печаткой (диаметр 22 мм). П.Д. Степанов отнес погребение к «дохристианскому времени»[156]. В 1961 г. этот могильник осмотрел отряд ЧАЭ (Н.В. Трубникова). В публикации она дает искаженное его название – «Минуш (Миндац?)»[157]. В 1988 г. два погребения могильника «Микуç çăви» раскопаны Е.П. Михайловым[158]. В том же 1950 г. П.Д. Степанов отметил «древне-чувашское» кладбище “Хозяр варь”» на огородах за д. Тиханкино Красночетайского района с северной стороны, где местные жители находили человеческие кости, железные вещи и др. Экспедиция здесь раскопки не провела[159]. Много времени в 1950 г. П.Д. Степанов уделил поискам известных по экспедиции П.Н. Третьякова 1930 г. и другим сведениям двух могильников (один из них – мордовский XV в.) около с Порецкое[160]. В поисках могильника экспедиция осмотрела часть дюны «Шишка» в 2 км от с. Порецкое (как «песчаный курган» она известна по «Археологической карте Симбирской губернии» В.Н. Поливанова 1900 г.), но «остатков древнего населения» не нашла. П.Д. Степанов написал: «Ввиду непрекращающихся дождей поиски и обследования могильников производить было невозможно» (Там же). Близ с. Сыреси Порецкого района он в том же 1950 г. отмечает древнемордовский (мордовский?) «поздний» могильник «Ташта Калма» (сам там не побывал), где при постройке колхозного сарая «находили разные вещи». П.Д. Степанов отмечает, что две монеты (жетоны) с могильника хранились

в школе с. Сутяжное (с 1965 г. – с. Раздольное)[161]. В ходе работ 1952 г. П.Д. Степанов в заложенном шурфе раскопал одно детское погребение на месте указанного ему могильника «Сиве ту» (Вероятно, «Çăва ту». – *Е.М.*) близ урочища «Хура киреметь», недалеко от д. Нижние Кожары Красноармейского района. В головах, за черепом был найден обломок железного ножа. В 1 м к юго-западу от раскопанного погребения был обнаружен второй череп детского же погребения, но раскопок не было. П.Д. Степанову местные колхозники рассказали о частых находках при распашке могильника костей и вещей, в том числе «бронзовых браслетов»[162]. В том же 1952 г. он записал информацию о находках черепа, костей в 1,5 км к западу от д. Шипырлавар Красноармейского района на распаханной возвышенности в урочище «Ходазой» («Холазой»? – *Е.М.*). Место не осматривалось[163]. В 1954 г. П.Д. Степанов получил информацию об известном по раскопкам П.П. Ефименко 1926 г. Юнгапосинском «древнем чувашском» могильнике, а также «древнем» могильнике около д. Турикасы на р. Юнге, близ мельницы, «где заметны могилы»[164]. Возможно, он сам посетил в 1954 г. или получил информацию от местных жителей о «древнем чувашском» могильнике между деревнями Дворики и Ягаткино Моргаушского района, где находили топоры, ножи и другие вещи[165]. В ходе экспедиции того же 1954 г. к юго-западу от д. Караклово (у П.Д. Степанова – Кроклав) Аликовского района был обследован «древний чувашский могильник», открытый при рытье канавы для пруда[166]. Была заложена траншея 1х2 м, затем расширенная по контуру могильного пятна. В могиле (глубина 85 см от поверхности) обнаружен костяк мужчины в возрасте до 25 лет в вытянутом положении на спине, с руками на животе (тазовых костях) головой к ЗСЗ. Слева от головы над черепом лежали два куска дерева – дуба длиной 35 и 40 см. У левой стороны таза лежало кресало в виде прямоугольного куска железа и небольшой кремневый отщеп[167].

В 1956 г. экспедиция обследовала два разрушавшихся погребения с монетами XVII в. на могильнике близ д. Верхние Ачаки Ядринского района, а также зафиксировала чувашский могильник близ деревень Обыково и Новые Атаи Красночетайского района, под урочищем «Белая глина»[167a].

На наш взгляд, недооцененным до сих пор является сделанное П.Д. Степановым в деле исследования «поздних чувашских селищ». В 1954 г. на расстоянии до 0,5 км от д. Выла-Базар Аликовского района на пашне и в заложенном шурфе экспедицией П.Д. Степанова были найдены обломки керамики, кости, фрагмент пряслица. Керамический материал селища грубый, без орнамента, днища плоские. Степанов отметил: «Такого типа керамика характерна для поздних чувашских селищ»[168]. К «чувашским памятникам» отнес он и «позднее селище», или «место на одном из оврагов», под названием «Угане Сюч», указанное ему в том же году местными жителями в пределах д. Пизенеры того же района (у Степанова – Пизинер-Токтамыш). Здесь находили обломки горшков. Местность находок П.Д. Степановым не осматривалась[169]. Возможно, к этим же памятникам относятся открытые П.Д. Степановым два селища около д. Ярушкино Аликовского района, где были собраны неорнаментированные, грубые фрагменты лепной керамики[170].

Нельзя не отметить и значимости сведений, записанных в дневниках П.Д. Степанова в районах Чувашии от местного населения. В них отражаются палеонтологические и другие отдельные находки, сведения о курганах, поселениях, городищах. Например, в 1950 г. в с. Сыреси Порецкого района он получил информацию, что «на Суре у Красного Яра» найдены кости мамонта, которые доставили в с. Порецкое. Само место им не осматривалось[171]. В с. Ичиксы Алатырского района тогда же ему рассказали о находке костей мамонта примерно 15 лет назад (1935 г.?) в речке, «но в каком месте, неизвестно»[172]. В том же году в д. Пчелка нынешнего Красночетайского района он записал, что в 1938 г. в поле к югу от деревни «пастух нашел каменный молоток со сверлиной, который потерялся неизвестно где. Был также найден клиновидный топор, который был разбит на огниво»[173]. В ходе работ на Калугинском городище в 1950 г. от местных жителей была получена ценная информация, что в 1926–1930 гг. на этом городище производились раскопки учащимися Красночетайского педтехникума, «во время которых был перерезан траншеей вал. Яма же на валу выкопана мальчишками в 1950 году»[174]. Рассказы жителей подтверждаются выявленным нами документами. В июне 1925 г. Центральное бюро краеведения направило в Российскую академию истории материальной культуры выписку из сообщения Чувашского кружка Красночетайского педтехникума, из которой становится известным, что осенью 1924 г. члены этого кружка (руководители Сидуганов и В.С. Разумов) провели несанкционированную самовольную раскопку двух валов (в сообщении неверно – «курганов») Калугинского городища. Большой (напольный) вал был разрезан поперек на глубину 1,5 аршина (1 м), найдены «остатки глиняных сосудов (черепки), каких-то костей, много углей»[175]. Архивные данные только уточняют дату начала этих «раскопок». В том же 1950 г. П.Д. Степанов записал от жителей д. Пчелка Красночетайского района сведения, что в 5 км от этой деревни к северу, вниз по Суре, на берегу, у пристани «Степана Разина» есть городище. Археологу не удалось осмотреть этот памятник. Информация оказалась достоверной. В 2000-е гг. оно изучалось сотрудниками ЧГИГН. Непроверенной остается другая дневниковая запись П.Д. Степанова 1950 г., что к югу от д. Пчелка, недалеко от д. Красный Яр есть урочище – такая же крутая гора как Пчелкинское городище «Хула сăмси», но без вала и рва, «где пугачевцы ограбили попов». Исследователь не смог проверить это сообщение жителей[176]. Тогда же в с. Ичиксы Алатырского района ему рассказали о находках, вероятно, около этого села, «черепков», пряслиц в урочище «Старый майдан» или «Пустой майдан». Осмотреть эту местность П.Д. Степанову не удалось[177]. В с. Ичиксы ему сообщили, что обломки керамики и пряслица обнаруживают на горе «На царе» среди оврагов, против с. Чуварлеи Алатырского района. Эта местность П.Д. Степановым также не посещалась[178]. В 1954 г. П.Д. Степанов в д. Юнга (нынешнего Моргаушского района) записал, что в 1934 г. в деревне «было найдено 12 шт. железных стрел», которые были сданы в «Республиканский музей» (тогда Чувашский Центральный музей. – *Е.М.*)[179]. В том же году

ему сообщили, что в овраге близ Юнгапосинского селища в устье оврага «Хола варё» «года два назад» были найдены «каменный топор и каменный наконечник стрелы»[180]. Оказалась важной и полученная в ходе экспедиции 1954 г. запись «по рассказам» о городище близ д. Адабай Моргаушского района, где вблизи находились торфоразработки[181]. Известно, что в 1958 г. Адабайское городище исследовалось отрядом ЧАЭ (Н.В. Трубникова). В ходе работ 1954 г. в Аликовском районе в д. Тури-Выла он отметил, что по рассказам жителей с южной стороны деревни, на пашне, в вершине оврага, на левой стороне, найдены обломки керамики. «Селище» экспедицией не осматривалось[182]. Вероятно, П.Д. Степанов узнал (возможно, и осмотрел его) и о селище близ с. Большая Выла, где также были найдены обломки керамики. Место указано по дороге из д. Караклово, «перейдя овраг, налево от дороги …на площадке между двух оврагов», против обследованного в том же 1954 г. Каракловского чувашского могильника[183]. В ходе эспедиционных работ 1954 г. в Аликовском районе П.Д. Степанов записал у жителей, что каменные топоры есть в д. Нижние Елыши у П.А. Андреева (найден в 1948 г.), а также у заведующего школой в д. Тимирзькасы этого района[184]. В 1954 г. в с. Раскильдино Аликовского района он узнал, что в 2–3 км к СЗ от села пастухом в 1953 г. был найден небольшой шлифованный сверленый каменный топор, который хранился в Раскильдинской школе. Такой же топор, но несколько большего размера также был найден в окрестностях села, в 1954 г. был в частных руках[185].

Необходимо отметить, что П.Д. Степанов не только подробно записывал сведения о находках, но и при возможности собирал или покупал некоторые из них для хранения в музеях. В 1950 г. во время раскопок Изванкинского городища колхозник М.Н. Никифоров передал П.Д. Степанову каменный шлифованный сверленый топор «булавовидного типа», найденный на площади этого же городища в 1945 г. [186] В 1952 г. он получил от жителя д. Ямайкасы Красноармейского района Л.М. Михайлова каменный сверленый топор фатьяновской (балановской) культуры, найденный им у себя в огороде в 1919 г.[187] В 1956 г. лесник из д. Сареево А.М. Помощников передал экспедиции «медный браслет из прута круглого сечения с утолщенными концами», найденный 60–70 лет тому назад на распаханной площадке городища «Ножа Вар»[188].

Экспедиции П.Д. Степанова в Чувашии 1950-х гг. были успешными. Но были у него и моменты разочарования. При раскопках городища (I) «Мул Сюч» (Çинче çёт) и кургана абашевской культуры близ д. Тиханкино Красночетайского района были проведены поиски (с помощью проводника) указывавшегося несколькими местными жителями второго городища недалеко от этой же деревни в вершине р. Нижней Кумашки, однако найти его не удалось[189]. В том же году им была получена информация, что на дороге из с. Сыреси Порецкого района в с. Кладбищи (с 1962 г. – с. Междуречье) Алатырского района, перейдя речку Казимиру, есть урочище «Ош Пандо», что в переводе с мордовского означает «место города», то есть городище.

Однако «никаких признаков городища не обнаружено»[190]. В 1952 г. было приложено немало усилий на поиски открытого и описанного в 1890-х гг. священником Н.А. Архангельским городища у с. Большая Шатьма Красноармейского района. Ссылаясь на его публикацию, это городище значится в работах П.Н. Третьякова и Н.Ф. Калинина. В дневниковых записях за 1952 г. П.Д. Степанов написал: «В районе с. Бол. Шатьма следов городища нигде не обнаружено. Осмотрена местность в сторону с. Голов, окрестности сел Пикшик, Синьялы, Ямай-Касы, Шапорлавер (верно «Шипырлавар». – *Е.М.*). Везде производились опросы населения. Никаких следов нахождения городища не обнаружено»[191]. Поиски этого городища осуществлены нами в 1987 г. Оно все же есть и представляет научный интерес[192]. Кстати, П.Д. Степанов был почти у городища, в овраге «Хула вар», осмотрел останец «Укçа тёми» (на этом «кургане» он видел вырытые местными жителями «одну большую и другую яму поменьше»), находящийся недалеко от него. В 1954 г. он отметил, что в 3 км к ЮЮВ от д. Тури-Выла есть овраг «Хула сюч». В вершине этого оврага П.Д. Степанов городища не нашел, но, вероятнее всего, это городище и исследовал отряд ЧАЭ в 1956 г. (Н.В. Трубникова). Конечно, это ни в коей мере не говорит о плохой работе археологов… От неудач не застрахован никто.

Нельзя не отметить, что в ходе экспедиций П.Д. Степанова в районах Чувашии возникали непредвиденные препятствия и затруднения в поисках и изучении как известных, так и вновь открытых памятников. В 1954 г., имея информацию о городище на южной стороне д. Тури-Выла Аликовского района (публикация В.К. Магницкого 1890-х гг.), он пытался его обследовать, сделать обмеры, но узнав от жителей, что оно занято усадьбами, не стал его даже осматривать, отметив: «Местные жители отрицают наличие городища близ деревни»[193]. В том же году в 1 км от Пизенерского городища на пашне было найдено три обломка керамики, один из них «с чеканным, зубчатым орнаментом». Однако, обследовать площадь всего селища не удалось из-за того, что она «была засеяна гречихой». В 1956 г. П.Д. Степанов намеревался раскопать известные Атликасинские курганы в Ядринском районе, но «не удалось вследствие занятости курганов посевом»[194].

П.Д. Степанов в ходе прохождения маршрутов в Чувашии не игнорировал памятники всех эпох. Откровением для нас явилось то, что в 1956 г. он обследовал дюну в окрестностях г. Ядрина, но культурный слой не обнаружил[195].

Этнографические исследования не входили в задачи экспедиций 1950-х гг., однако в отчетах П.Д. Степанова отразился, особенно в фотографиях, его интерес к культуре чувашского народа.

П.Д. Степанов внес огромный вклад в археологическое исследование районов Чувашии, особенно северо-западных и западных (Ядринский, Красночетайский, Аликовский, Красноармейский, Моргаушский, Чебоксарский, Порецкий, Алатырский). Им были обнаружены и исследованы десятки памятников эпохи бронзы, раннего железного века, Средневековья. Ему уда-

лось открыть здесь около 20 несомненных поселений с остатками долговременных жилищ с присутствием балановской (фатьяновской) керамики, после чего существование поселений этой культуры стало признанным фактом. В большинстве случаев они обнаруживались под культурными наслоениями позднейших городищ. Открытые и изученные им поселения позволили уточнить территорию распространения балановской (фатьяновской) культуры. П.Д. Степанов не поддержал точку зрения О.Н. Бадера о существовании самостоятельной балановской культуры, рассматривал открытые им поселения как памятники, принадлежавшие «фатьяновцам на балановской стадии развития». Материалы исследованного им позднебалановского поселения в нижних слоях городища «Хула çучё» близ д. Изванкино в Аликовском районе дали название завершающему хуласючскому этапу балановской культуры (по О.Н. Бадеру и А.Х. Халикову).

В заключение статьи приводим выявленные нами в архивах Чувашии документы, связанные с П.Д. Степановым. Самый ранний относится к 1952 г.

«Директору Чувашского научно-исследовательского
института при Совете Министров Чувашской АССР
кандидата исторических наук,
доцента СГПИ Степанова Павла Дмитриевича

Докладная записка.

В течение ряда лет я занимаюсь археологическими исследованиями на территории Западного Поволжья, в том числе на территории Чувашской АССР. Работы проходят успешно. Наибольший интерес и большую историческую ценность имеют мои открытия поселений Фатьяновской культуры эпохи бронзы (2 тыс. до н. э.). Часть указанных памятников, и наибольшая, располагаются как раз на территории Чувашской АССР. К настоящему времени открыто мною 7 поселений Фатьяновской культуры, из них 4 расположены на территории Чувашской АССР. У меня имеется полная уверенность в том, что Фатьяновские поселения на территории Чувашской АССР будут еще найдены, как это было в 1952 г.

Однако в деле изучения указанных памятников до сего времени не принимает никакого участия ни Ваш институт, ни Республиканский музей. Между тем пришло время, когда от разведочных работ следует переходить к углубленному изучению, т. е. к раскопкам указанных памятников. В связи с этим ставлю перед Вами вопрос о необходимости организации раскопок одного из Фатьяновских поселений в течение 1953 г. Руководство указанными раскопками я могу взять на себя, материалы поступят в Ваше распоряжение, но Вы должны будете выделить необходимые средства для производства раскопок.

По приблизительным подсчетам на 15 дней раскопок, с расходами на оборудование экспедиции, потребуется 6–7 тысяч рублей.

Было бы целесообразно привлечь для указанных работ силы студентов и средства Чебоксарского Пединститута и средства музея. Организация экспедиции должна быть от Вашего института.

Для того, чтобы убедиться в важности и необходимости предлагаемых работ, Вы можете запросить Институт Истории материальной культуры Академии Наук СССР, который, несомненно, поддержит мое предложение.

Прошу включить в смету будущего года сумму на раскопки Фатьяновских поселений.

Канд. ист. наук Степанов.
10/ IX 1952. Саратов. Ул. Ракова, 177, кв. 1»[196].

Директор ЧНИИ Т.Г. Гусев по прочтении этого письма наложил на нем такую резолюцию: «Тов. Григорьеву. Дать свои соображения. Написать ответ. 13/IX. 52». Поручение было адресовано историку, сотруднику института Петру Григорьевичу Григорьеву. Нам не удалось обнаружить его письма к П.Д. Степанову, поэтому трудно однозначно представить «соображения», представленные П.Г. Григорьевым Т.Г. Гусеву. На основе имеющихся документов и других данных можно предположить, что П.Г. Григорьев благосклонно отнесся к содержанию письма П.Д. Степанова.

К сожалению, надо отметить, что 4 года экспедиционных исследований П.Д. Степанова практически не нашли освещения в республиканских, районных газетах и журналах. Мы обнаружили пока лишь одну маленькую заметку в газете «Коммунизм ялавĕ» от 7 сентября 1956 г., в которой М. Захаров сообщил, что у пос. Чеморданы летом 1956 г. работала археологическая экспедиция Саратовского университета, «обнаружила интересные для истории предметы, отметила три поселения древних людей»[197].

Нельзя не отметить, что руководство ЧНИИ в 1950–1970-е гг. могло бы лучше оценить его вклад в археологическое исследование Чувашии. В 1958 г. в ЧНИИ были избраны внештатные научные сотрудники и члены-корреспонденты института. Среди них от археологов оказались А.П. Смирнов, Н.В. Трубникова, П.Н. Третьяков, О.Н. Бадер и др. Однако имя П.Д. Степанова было забыто. Его не поздравляли с 60-летием со дня рождения (1958), 65-летием (1963). В просмотренных нами архивах Чувашии документы, связанные с П.Д. Степановым, единичны. Это говорит о недооценке сделанного им для археологии Чувашии.

В ноябре 1968 г. П.Д. Степанову исполнилось 70 лет. В Саранске прошли чествования юбиляра. Нами в Государственном историческом архиве Чувашской Республики (фонд ЧНИИ=ЧГИГН, ф. 1515) выявлены документы, связанные с проведением торжеств и участии в них чувашских ученых. 15 ноября 1968 г. дирекция Мордовского НИИЯЛИЭ при Совете министров Мордовской АССР составила и отправила в Чувашский НИИЯЛИЭ на имя И.Д. Кузнецова, считая его директором (с 1 августа 1968 г. директором института был назначен В.Д. Димитриев, письмо (на бланке Мордовского НИИ) следующего содержания:

«…26 ноября 1968 года в 5 часов вечера состоится заседание Ученого совета Института, посвященное 70-летию со дня рождения видного советского ученого, доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Мордовской АССР СТЕПАНОВА Павла Дмитриевича.

Просим Вас принять возможное участие в чествовании Степанова П.Д.

Дирекция Института»[198].

25 ноября 1968 г. директор ЧНИИЯЛИЭ В.Д. Димитриев составил текст поздравительной телеграммы юбиляру:

«Саранск Пролетарская, 37 Мордовский научно-исследовательский институт

Степанову

Дорогой Павел Дмитриевич Чувашские ученые горячо поздравляют Вас славным семидесятилетием присуждением степени доктора исторических наук Ваши исследования археологии Поволжья представляют крупный вклад науку. Особенно благодарны Вам раскопки территории Чувашии Желаем долголетия новых открытий

Директор Чувашского научно-исследовательского института Димитриев

г. Чебоксары Чувашской АССР 25 ноября 1968 года»[199].

Судя по выявленным пока документам, дирекция ЧНИИЯЛИЭ ограничилась посылкой телеграммы на художественном бланке. Сведений об участии представителя Чувашии на торжествах в Саранске не обнаружено. Вероятнее всего, текст телеграммы от ЧНИИ был зачитан на заседании Ученого совета НИИ ЯЛИЭ Мордовской АССР 26 ноября 1968 г. и вручен П.Д. Степанову. Конечно, приятна телеграмма, в которой особая благодарность высказана ему за «раскопки на территории Чувашии». Однако ученый, конечно же, был достоин более высокой благодарности. В Интернете есть информация, что он является заслуженным деятелем науки Чувашской АССР. К сожалению, она неверна, не подтверждена документами. Руководство ЧНИИ не поздравило его и с 75-летием со дня рождения в ноябре 1973 г., а в январе 1974 г. П.Д. Степанов умер. Не обнаружили мы и отправленных в связи с этим соболезнований чувашских ученых… Нельзя, вероятно, говорить о полном игнорировании чувашскими учеными П.Д. Степанова. В ноябре 1973 г. директор ЧНИИ В.Д. Димитриев написал проект плана коллективного труда «Исторические связи народов Среднего Поволжья и Приуралья в период феодализма» (объем 25 авторских листов)[200]. Авторами десяти разделов (тем) предполагались известные московские ученые А.П. Смирнов, Ш.Ф. Мухамедьяров, С.О. Шмидт, А.А. Преображенский, а также Е.П. Бусыгин, Н.В. Зорин (Казань), Г.Н. Айплатов (Йошкар-Ола) и др. В теме «Этнические связи в этногенезе народов Среднего Поволжья и Приуралья» В.Д. Димитриев поставил авторами А.П. Смирнова, Р.Г. Кузеева (о башкирском народе), В.Ф. Каховского (о чувашском народе), Г.А. Архипова (о марийском народе), П.Д. Степанова (о мордовском народе). Авторы по татарам и удмуртам не были подобраны. К сожалению, этот план остался не осуществленным. Неизвестно и то, знал ли об этом плане сам П.Д. Степанов, умерший 27 января 1974 г. в Саранске. А в мае того же года скончался и А.П. Смирнов…

О связях П.Д. Степанова с Чувашией свидетельствуют не только архивные материалы. В библиотеке ЧГИГН имеется несколько его книг и статей с дарственной надписью. Например, 24 августа 1958 г. он направил библиотеке ЧНИИЯЛИЭ оттиск только вышедшей в свет своей статьи «О фатьяновских поселениях» («Советская археология», 1958. № 2. С. 124–136), подписав: «Библиотеке Чувашского Научно-Исслед. Института. 24/VIII. 1958 г. Автор». П.Д. Степанов поддерживал связи и с известным чувашским археологом В.Ф. Каховским. Нам удалось выявить в его личной библиотеке «подаренные» ему автором публикации П.Д. Степанова. В декабре 1964 г. в Са-

ранске состоялась научная сессия по этногенезу мордовского народа. В ней участвовали и чувашские ученые В.Ф. Каховский и В.Д. Димитриев[201]. В.Ф. Каховский выступил с сообщением «Мордовско-чувашские отношения по данным материальной и духовной культуры». Несомненно, выступавший на сессии П.Д. Степанов имел контакты с чувашскими исследователями.

Чувашские ученые знали об экспедиционных работах в районах Чувашии. Например, в июле 1967 г. заместитель директора ЧНИИЯЛИЭ В.Д. Димитриев в письме к жителю д. Нижние Ачаки Герасиму Ильину, сообщившему о памятниках древности близ своей деревни, пишет, что работы близ д. Нижние Ачаки проводил «доцент Саратовского университета Степанов» и ему известно о проведенных им археологических разведках[202].

Литература и источники

[1] Степанов Павел Дмитриевич // Этнография. 1926. № 1–2. С. 347–348; *Инжеватов И.К., Котков К.А.* Видный советский ученый (К 70-летию со дня рождения Павла Дмитриевича Степанова) // Труды Мордовского НИИ. Саранск, 1970. Вып. 39. С. 3–14; *Жиганов М.Ф., Вихляев В.И.* Степанов Павел Дмитриевич (1898–1974) // Советская археология. 1975. № 4. С. 314–315 (Некролог); Памяти П.Д. Степанова // Труды Мордовского НИИ: материалы по археологии Мордовии. Саранск, 1976. Вып. 52. С. 171–172 (Некролог); Памяти Павла Дмитриевича Степанова (1898–1974) // Вопросы истории и археологии Мордовской АССР: сб. научных трудов Мордовского государственного университета. Саранск, 1976. Вып. 2. С. 183–184; *Вихляев В.И.* Степанов Павел Дмитриевич (1898–1974) // Мордовский университет: историко-хроникальный очерк. Саранск, 1992. С. 141–144; *Шитов В.Н.* Степанов Павел Дмитриевич // История Мордовии в лицах: биографический сборник / сост. В.С. Лунин. Саранск, 1994. С. 187–188; *Арсентьев Н.М., Вихляев В.И., Шапкарин К.И.* Павел Дмитриевич Степанов (1898–1974). Саранск, 1997. 112 с.; Библиография изданных работ Павла Дмитриевича Степанова / сост. В.Н. Шитов и К.И. Шапкарин // Там же. С. 101–110; Литература о П.Д. Степанове. С. 110–111; *Арсентьев Н.М., Вихляев В.И., Шапкарин К.И.* Павел Дмитриевич Степанов – исследователь древней и средневековой истории народов Восточной Европы // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию П.Д. Степанова. Саранск, 1998. С. 5–12.

[2] Степанов Павел Дмитриевич // Исследователи этнографии и археологии Чувашии. Биобиблиографический словарь / сост.: П.П. Фокин, Г.Б. Матвеев, Е.П. Михайлов и др. Чебоксары: ЧГИГН, 2004. С. 261–262; *Михайлов Е.П.* Степанов Павел Дмитриевич // Чувашская энциклопедия. Т. 4. Си–Я. Чебоксары, 2011. С. 124.

[3] *Степанов П.Д.* Село Казанлы. Материальная культура (внешний быт) // Труды Нижневолжского областного научного общества краеведения. Ч. 4. Саратов, 1926. Вып. 34.

[4] *Степанов П.Д.* Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья // МИА. № 111 / Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. IV. М., 1962. С. 221–272.

[5] *Смирнов А.П.* Железный век Чувашского Поволжья. М., 1961. С. 6; *Михайлов Е.П., Березина Н.С., Мясников Н.С.* Археологические памятники Чувашского Поволжья. Некоторые итоги и задачи изучения (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 22). Чебоксары: ЧГИГН, 2015. С. 5, 16.

[6] *Смирнов А.П.* Указ. соч. С. 45, 49, 50.

[7] *Мясников Н.С.* Этнокультурные процессы в Чувашском Поволжье в I–VIII веках нашей эры в свете археологических данных (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 13). Чебоксары: ЧГИГН, 2013. С. 4, 7, 20, 21; *Михайлов Е.П., Березина Н.С., Мясников Н.С.* Археологические памятники… С. 5, 25.

[8] *Михайлов Е.П., Березина Н.С., Мясников Н.С.* Археологические памятники… С. 38.

[9] *Степанов П.Д.* Отчет о работе археологической экспедиции по раскопкам городища «Хула Сюче» близ с. Изванкино Аликовского района Чувашской АССР летом 1950 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН (далее: НОА ИА РАН). Ф. 1. Р-1. Д. № 438.

[10] *Степанов П.Д.* Отчет о работах археологической экспедиции в пределах Чувашской АССР и Горьковской области летом 1950 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 454. Л. 3.

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] *Степанов П.Д.* Отчет о разведочной работе археологической экспедиции Саратовского педагогического института в пределах Чувашской АССР летом 1952 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 686. Л. 4, 10.

[14] Там же.

[15] Там же. Л. 4.

[16] *Степанов П.Д.* О работе разведочной археологической экспедиции Саратовского государственного педагогического института летом 1954 г. в пределах Чувашской АССР // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 990. Л. 4.

[17] *Степанов П.Д.* Отчет о работе археологической разведочной экспедиции Саратовского государственного университета летом 1956 г. в Чувашской АССР// НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 1427. Л. 3.

[18] Там же.

[19] Там же.

[20] *Степанов П.Д.* Фатьяновские поселения в Западном Поволжье // КСИИМК. М., 1954. Вып. 53. С. 55–60.

[21] Там же. С. 55.

[22] Там же. С. 56.

[23] Там же. С. 57.

[24] Там же. С. 58.

[25] Там же.

[26] Там же. С. 58, 60.

[27] Там же. С. 58.

[28] Там же. С. 60.

[29] Там же. С. 58.

[30] Там же. С. 60.

[31] *Степанов П.Д.* О фатьяновских поселениях // Советская археология. 1958. № 2. С. 124–136.

[32] Там же. С. 125.

[33] Там же.

[34] Там же. С. 126.

[35] Там же.

[36] Там же. С. 136.

[37] Там же. С. 129.

[38] Там же. С. 130.

[39] Там же.

[40] Там же. С. 130–131.

[41] Там же. С. 131.

[42] Там же.

[43] Там же. С. 132.

[44] Там же.

[45] Там же.

[46] Там же. С. 132, 136.

[47] Там же. С. 136.

[48] Там же.

[49] Там же. С. 136.

[50] Там же. С. 133–134.

[51] Там же. С. 134.

[52] Там же.

[53] Там же. С. 135.

[54] Там же. С. 136.

[55] Там же.

[56] Там же.

[57] *Бадер О.Н.* Балановский могильник: из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М.: Наука, 1963. С. 285.

[58] Там же. С. 286.

[59] *Степанов П.Д.* Новые фатьяновские памятники на территории Чувашской АССР // Советская археология, 1958. № 4. С. 200–202.

[60] Там же. С. 200.

[61] Там же. С. 200–201.

[62] Там же. С. 201.

[63] Там же.

[64] Там же. С. 201–202.

[65] Там же. С. 202.

[66] *Степанов П.Д.* О работе… 1954 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 990. Л. 5, 8–9, 10.

[67] *Халиков А.Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы // Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола, 1960. Т. I. С. 140–141.

[68] *Бадер О.Н.* Балановский могильник… С. 176.

[69] Там же.

[70] Там же. С. 227.

[71] *Степанов П.Д.* Новые фатьяновские памятники… С. 202.

[72] *Степанов П.Д.* Ош Пандо. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1967 (Мордовский НИИЯЛИЭ). 211 с.

[73] Там же. С. 24, 25, 26, 27, 29, 30–31, 35, 36–37, 39, 41, 42, 43, 46, 46, 47, 48, 49, 55, 57, 58, 59, 60, 61, 196–199, табл. X–XIII.

[74] *Степанов П.Д.* О фатьяновских поселениях… С. 134.

[75] *Степанов П.Д.* Ош Пандо… С. 65–66.

[76] Там же. С. 66.

[77] Там же. С. 37.

[78] Там же. С. 47.

[79] *Бадер О.Н.* Чебаковское поселение эпохи бронзы на р. Сура // Ученые записки ЧНИИЯЛИЭ. Вып. XIX: Вопросы археологии и истории Чувашии. Чебоксары, 1960. С. 126.

[80] Там же.

[81] Там же.

[82] Там же.

[83] Там же.

[84] *Степанов П.Д.* Отчет о работе… 1956 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 1427. Л. 4, 9–11, 33, 35.

[85] Научный архив (НА) ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 1111 (Ч. 1). Фонд В.Д. Димитриева. Л. 380–381.

[86] Там же. Л. 361–361об.

[87] *Бадер О.Н.* Чебаковское поселение… С. 126.

[88] Там же. С. 127.

[89] Там же. С. 133.

[90] Там же. С. 138.

[91] Там же. С. 140.

[92] Там же. С. 138.

[93] Там же. С. 139.

[94] Там же. С. 139–140.

[95] *Степанов П.Д.* Отчет о работах… 1950 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 454. Л. 9–10.

[96] Там же. Л. 10.

[97] *Поливанов В.Н.* Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск, 1900. С. 53, 64, карта.

[98] *Степанов П.Д.* Отчет о работах… 1950 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 454. Л. 16.

[99] Там же. Л. 17.

[100] Там же.

[101] Там же. Л. 18.

[102] Там же. Л. 10.

[103] *Степанов П.Д.* Отчет о работах… 1950 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 454. Л. 9–10, 15–18, 48; *Степанов П.Д.* Материалы для археологической карты… С. 235 (карта), 253 (№ 235).

[104] *Пряхин А.Д., Халиков А.Х.* Абашевская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 126–127 (карта 23: 29), 465.

[105] *Большов С.В.* Средневолжская абашевская культура (по материалам могильников) // Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола: Марийский НИИ, 2003. Т. 8. С. 9, 91(№ 18), 95 (табл. I: 18), 99 (табл. V: 16), 102 (табл. IX: 16), 120 (рис. 2А: 18).

[106] Чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2011. Т. 4. С. 228–229; Археологическая карта Чувашской Республики: научно-справочное издание / авт.-сост. Е.П. Михайлов, Н.С. Березина, А.Ю. Березин и др. Чебоксары, 2014. Т. 2. С. 24–25.

[107] *Степанов П.Д.* Отчет о работах… 1950 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 454. Л. 24.

[108] *Степанов П.Д.* Отчет о разведочной работе… 1952 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 686. Л. 15, 18.

[109] Там же. Л. 12.

[110] Там же.

[111] *Степанов П.Д.* О работе… 1954 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 990. Л. 30.

[112] Там же.

[113] Там же. Л. 27.

[114] Там же. Л. 5–6, 25, 50–51, 124, 138.

[115] Там же. Л. 25.

[116] Там же.

[117] Там же. Л. 5.

[118] *Степанов П.Д.* Отчет о работах… 1950 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 454. Л. 7.

[119] Там же.

[120] *Степанов П.Д.* Отчет о разведочной работе… 1952 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 686. Л. 6–7, 11–12, 32–33, 36.

[121] Там же. Л. 12.

[122] Там же. Л. 4, 5, 6, 7, 9, 15–18, 19–32, 34, 36.

[123] *Степанов П.Д.* О работе… 1954 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 990. Л. 15–16, 19–21, 44–45, 124.

[124] *Степанов П.Д.* Материалы для археологической карты… С. 235 (карта), 240 (№ 42).

[125] *Степанов П.Д.* О работе… 1954 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 990. Л. 21–22.

[126] Там же. Л. 7, 8, 15–16, 18–19, 40–44, 124.

[127] Там же. Л. 19.

[128] Там же. Л. 15–16, 25–26, 124.

[129] Там же. Л. 16.

[130] Там же.

[131] *Степанов П.Д.* Отчет о работе… 1956 г. // НОА ИА РАН. Ф, 1. Р-1. Д. № 1427. Л. 5–6, 8–9, 33, 34.

[132] Архив ИИМК РАН (Санкт-Петербург). Ф. 2. Оп. 1. Д. 204 / 1927 г. Л. 14–15.

[133] *Степанов П.Д.* Ош Пандо… С. 105.

[134] *Степанов П.Д.* Отчет о работе… 1956 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 1427. Л. 5, 6, 11–12, 36.

[135] Там же. Л. 11–12.

[136] *Степанов П.Д.* Отчет о разведочной работе… 1952 г. // НОА ИА РАН. Ф, 1. Р-1. Д. № 686. Л. 13–14, 33, 36.

[137] Там же. Л. 14.

[138] *Михайлов Е.П.* Разведочные работы 1986–1988 гг. в районах Чувашии (Материалы к археологической карте ЧССР) // Вопросы археологии и антропологии Чувашии: сб. статей ЧНИИЯЛИЭ. Чебоксары, 1991. С. 41–42.

[139] *Степанов П.Д.* О работе… 1954 г. // НОА ИА РАН, Ф. 1. Р-1. Д. № 990. Л. 17.

[140] Там же. Л. 27–28.

[141] Там же. Л. 28.

[142] Там же.

[143] Там же. Л. 23.

[144] *Степанов П.Д.* Хвалынские городища // Труды Саратовского областного музея краеведения. Саратов, 1960. Вып. III. С. 50–89.

[145] *Степанов П.Д.* Отчет о разведочной работе… 1952 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 686. Л. 6, 8, 14, 18, 34, 36.

[146] *Степанов П.Д.* Отчет о работах… 1950 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 454. Л. 9, 20–21, 32.

[147] *Степанов П.Д.* Материалы к археологической карте… С. 231 (рис. 4: 16), 235 (карта), 253 (№ 234).

[148] *Степанов П.Д.* О работе… 1954 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 990. Л. 22.

[149] Там же. Л. 21.

[150] Там же. Л. 15–16, 19.

[151] *Степанов П.Д.* Отчет о работах… 1950 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 454. Л. 8.

[152] Там же. Л. 9.

[153] Там же. Л. 8–9, 11, 29, 40, 44, 45, 46, 48, 54.

[154] Там же. Л. 29.

[155] *Степанов П.Д.* Ош Пандо… С. 3, 87, 105, 106, 111, 112.

[156] Там же. Л. 23–24, 31, 48.

[157] *Трубникова Н.В.* Археологические работы в Чувашии в 1961 году // Ученые записки ЧНИИЯЛИЭ. Вып. XXV: Археологические работы в Чувашской АССР в 1958–1961 годах. Чебоксары, 1964. С. 212.

[158] *Михайлов Е.П.* Разведочные работы 1986–1988 гг. …С. 53–56.

[159] *Степанов П.Д.* Отчет о работах… 1950 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 454. Л. 15.

[160] Там же. Л. 28.

[161] Там же.

[162] *Степанов П.Д.* Отчет о разведочной работе… 1952 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 686. Л. 10, 34, 36, 40, 41.

[163] Там же. Л. 15.

[164] *Степанов П.Д.* О работе… 1954 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 990. Л. 22.

[165] Там же. Л. 26.

[166] Там же. Л. 17, 29, 140 (рис.).

[167] Там же. Л. 29, 140 (рис.).

[168] Там же. Л. 28–29.

[169] Там же. Л. 17, 28.

[170] *Степанов П.Д.* Отчет о работах… 1950 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 454. Л. 13.

[171] Там же. Л. 28.

[172] Там же. Л. 30.

[173] Там же. Л. 25.

[174] Там же. Л. 23.

[175] Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 174/ 1925 г. Л. 1–3.

[176] *Степанов П.Д.* Отчет о работах… 1950 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 454. Л. 25.

[177] Там же. Л. 29.

[178] Там же. Л. 30.

[179] *Степанов П.Д.* О работе… 1954 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 990. Л. 22.
[180] Там же.
[181] Там же. Л. 23.
[182] Там же. Л. 30.
[183] Там же.
[184] Там же. Л. 14.
[185] Там же. Л. 30.
[186] *Степанов П.Д.* Отчет о работах… 1950 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 454. Л. 13.
[187] *Степанов П.Д.* Отчет о разведочной работе… 1952 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 686. Л. 5, 15, 34.
[188] *Степанов П.Д.* Отчет о работе… 1956 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 1427. Л. 9.
[189] *Степанов П.Д.* Отчет о работах… 1950 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 454. Л. 15.
[190] Там же. Л. 28.
[191] *Степанов П.Д.* Отчет о разведочной работе… 1952 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 686. Л. 9, 14–15.
[192] *Михайлов Е.П.* Разведочные работы 1986–1988 гг. … С. 42–43.
[193] *Степанов П.Д.* О работе… 1954 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 990. Л. 30.
[194] *Степанов П.Д.* Отчет о работе… 1956 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. № 1427. Л. 6.
[195] Там же. Л. 8.
[196] Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 1515 (ЧНИИ). Оп. 1. Д. 271. Л. 38.
[197] *Захаров М.* Авалхи япаласем // Коммунизм ялавё. 1956. Сентябрь 7.
[198] ГИА ЧР. Ф. 1515. Оп. 12. Д. 145. Л. 407.
[199] На ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 1112 (Ч. 2). Фонд В.Д. Димитриева. Л. 718; ГИА ЧР. Ф. 1515. Оп. 12. Д. 145. Л. 406.
[200] ГИА ЧР. Ф. 1515. Оп. 12. Д. 212. Л. 126–128.
[201] Там же. Ф. 1515. Оп. 12. Д. 99. Л. 60, 63, 394; Д. 100. Л. 315.
[202] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 1112 (Ч. 2). Фонд В.Д. Димитриева. Л. 522; ГИА ЧР. Ф. 1515. Оп. 12. Д. 135. Л. 294.

E.P. Mikhailov

PAVEL STEPANOV – RESEARCHER OF ARCHAEOLOGY OF THE CHUVASHIA

The article examines the contribution of P.D. Stepanov to the archaeological study of Chuvashia based on the materials of the Scientific and branch archive Of the Institute of archeology of the Russian Academy of Sciences, the State historical archive of the Chuvash Republic, the Scientific archive of the Chuvash state Institute of Humanities, and personal archives using published works. Special attention is paid to his study of the settlements of the Balanov culture in the 1950s (fatyanovo culture according to P. D. Stepanov). It is noted that the monuments of Chuvashia were the basis for proving the existence of permanent places of residence of the population of the bronze age culture. His contribution to the discovery and research of monuments of the Abashev and srubnaya cultures of this era, as well as objects of earlier and later times, is also highlighted. The documents identified by the author are given. these pages complement the previously known pages of the scientist's life and work, allowing us to trace the nature of his relationships with the Chuvash scientific community and the Chuvash research Institute.

Keywords: P.D. Stepanov, archeology, archaeological monuments of Chuvashia, Balanov (Fatyanov) culture, discovery and research of settlements of this culture, O.N. Bader, Chebakov settlement, Tihankinsky Kurgan of Abashev culture, monuments of RZHV, middle Ages and Modern times, Chuvash research Institute, V.D. Dimitriev.

УДК 94(470.344)”04/14”

ЧГВ, 2020 г., № 15
© С.В. Охотникова

ПРОБЛЕМЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ЧУВАШСКОГО НАРОДА В ТРУДАХ И.П. ПАНЬКОВА

В статье освещены основные этапы жизни и научной деятельности чувашского историка И.П. Панькова, а также рассмотрены его взгляды по основным проблемам средневековой истории чувашского народа. Представлен подробный анализ первого обобщающего исследования по истории чувашского этноса – неопубликованного труда И.П. Панькова «История чувашского народа. С древнейших времен до конца XVIII в.», отличающегося разнообразием привлеченного автором фактического материала.

Ключевые слова: этногенез чувашей, Волжская Булгария, Казанское ханство, И.П. Паньков, историография истории чувашского народа.

Есть историки, которые не нуждаются в представлении современному читателю, знакомому с чувашской исторической наукой. Есть и дилетанты, чьи сочинения содержат всевозможные антинаучные «теории» и «концепции», а потому не заслуживают внимания. Есть и несправедливо забытые историки – талантливые, но в силу каких-то причин, часто субъективных, временно отошедшие в тень. Книги этих авторов не переиздаются, и даже сами их имена большинству наших современников неизвестны.

Одним из таких забытых чувашских ученых является Иван Павлович Паньков. Будущий историк родился 12 мая 1914 г. в д. Тузи-Сярмус Ядринского уезда Казанской губернии (ныне Вурнарского района Чувашской Республики) в крестьянской семье. После окончания Тузисярмусской школы и Канашского педагогического техникума работал учителем начальной школы. Затем последовала учеба в Калининском педагогическом институте (1931–1935 гг., ныне – Тверской государственный университет) и в аспи-

Светлана Валерьевна Охотникова – кандидат исторических наук, научный сотрудник секции истории исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: svetlana-goncharova7@rambler.ru.

рантуре при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова (1936–1939), завершившаяся присуждением степени кандидата исторических наук[1]. Кандидатская диссертация на тему «К вопросу о взаимоотношениях России с волжскими калмыками в XVIII в.» была защищена в МГУ в 1940 г.[2] В 1935–1936, 1939–1941 гг. И.П. Паньков преподавал в Калининском педагогическом институте, в феврале 1941 г. был утвержден в ученом звании доцента по кафедре «История СССР».

И.П. Паньков – участник Великой Отечественной войны с июня 1941 по декабрь 1945 г. Служил на Волховском фронте старшим инструктором политотдела 59-й отдельной стрелковой бригады 2-й ударной армии. За смелость, проявленную в бою у д. Большое Еглино Новгородской области в феврале 1942 г., в марте этого года награжден медалью «За отвагу»[3], в мае – орденом Красной Звезды. С апреля 1942 г. его сослуживцем был татарский поэт и журналист Муса Джалиль, приехавший на фронт в качестве военного корреспондента армейской газеты «Отвага». В бою в ночь с 24 на 25 июня 1942 г. в ходе Любанской наступательной операции вблизи д. Теремец-Курляндский Новгородской области И.П. Паньков, будучи раненным, был захвачен в плен. Судьба военнопленного провела Ивана Павловича через концлагеря д. Выра Ленинградской области, г. Псков, г. Тапа в Эстонии, г. Маутхаузен в Австрии, но оставила в живых[4]. В октябре 1945 г. И.П. Паньков награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

После возвращения к мирной жизни находился на преподавательской работе в Калининском педагогическом институте (1945–1955), по совместительству учительствовал в Старицкой средней школе рабочей молодежи (1953–1955). В Калинине И.П. Паньков разрабатывал тему «Крестьянство Тверской губернии в конце XVIII и в первой половине XIX в.» на основе архивных материалов областного исторического архива[5], в сферу его научных интересов входили и некоторые моменты истории Калининской области советского периода[6]. Одновременно историк занимался подготовкой докторской диссертации на тему «История чувашского народа до присоединения к Московскому государству»[7].

В 1955 г. историк переехал в г. Чарджоу Туркменской ССР. Вплоть до 1960 г. И.П. Паньков занимал должность доцента, и.о. заведующего кафедры истории Чарджоуского педагогического института (в 1958 г. преобразован в Туркменский педагогический институт им. В.И. Ленина). В этот период он вновь вернулся к изучению истории калмыков, опубликовав по этой теме ряд работ[8], однако сохранил интерес и к истории Чувашского края[9]. В 1957 г. Ивану Павловичу поступило предложение занять вакантную должность старшего научного сотрудника сектора истории Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР (ЧНИИ, ныне – Чувашский государственный институт гуманитарных наук, ЧГИГН) и вести дальнейшую работу над докторской диссертацией[10], но оно не было принято.

Вся последующая научная и преподавательская деятельность И.П. Панькова связана с г. Уссурийском Приморского края. С сентября 1961 по 1987 г. он занимал должность доцента кафедры философии и научного коммунизма Приморского сельскохозяйственного института (ныне – Приморская государственная сельскохозяйственная академия). Занимался разработкой методики преподавания этой дисциплины, активно участвовал в общественной жизни института: руководил школой молодого лектора, являлся внештатным лектором горкома КПСС и заместителем председателя правления общества «Знание» при институте[11]. Параллельно И.П. Паньков готовил к защите докторскую диссертацию на тему «Очерки истории народов Среднего Поволжья в XIX в.». Объемная рукопись в 700 страниц была завершена им в 1961 г., однако по неизвестным причинам диссертация так и не была защищена.

Иван Павлович ушел из жизни 16 сентября 1996 г., похоронен в г. Уссурийске[12].

Еще в студенческие годы И.П. Паньков заинтересовался историей народов Поволжья, а в послевоенные годы опубликовал ряд исследований по истории чувашей, казанских татар, калмыков. Автор 9 книг, 10 научных и около 200 газетных статей.

В научной деятельности Ивана Павловича важнейшее место заняло изучение ключевых проблем средневековой истории чувашского народа. Обобщающими исследованиями И.П. Панькова по истории чувашей стали работы, написанные в конце 1940-х – начале 1950-х гг. в г. Калинин: в 1950 г. был закончен труд «История чувашского народа. С древнейших времен до конца XVIII в.», в 1952 г. – «Чуваши под властью Золотой Орды и Казанского ханства» и «Чувашия в составе Московского государства во второй половине XVI – первой половине XVII вв.»[13]. В научный архив ЧНИИ эти рукописи поступили в 1951, 1952 и 1958 гг.

Судьба данных рукописей складывалась непросто. В 1951 г. ЧНИИ приступил к написанию обобщающего труда «Очерки по истории Чувашской АССР». Изначально планировалось, что автором раздела «Чуваши под властью Золотой Орды и Казанского ханства» станет Л.В. Черепнин, но он отказался, и тогда работа была поручена внештатному сотруднику И.П. Панькову[14]. Обсуждения представленных им рукописей в секторе истории института в 1953–1955 гг. показали, что главы «Чуваши под гнетом Золотой Орды» и «Чуваши в составе Казанского ханства», написанные И.П. Паньковым, требовали серьезной доработки: необходимо было их дополнение новыми данными из области языкознания и этнографическими материалами[15]. В связи с этим их публикацию отложили на неопределенное время.

Первыми публикациями И.П. Панькова, частично отразившими взгляды историка по проблемам средневековой истории чувашского народа, стали три статьи в сборнике «Материалы по истории Чувашской АССР» (1958), две из которых изданы в соавторстве с В.Д. Димитриевым[16]. В совместных

статьях представлена концепция булгарского происхождения чувашского народа, в связи с чем многие взгляды и материалы И.П. Панькова оказались устаревшими, неактуальными. Тем не менее в них вошли разделы о ремеслах, общественно-политическом строе, частично о торговле и внешнеполитических связях Булгарского государства, написанные Иваном Павловичем[17].

В 1960-х гг. архивные материалы и статьи И.П. Панькова были использованы В.Д. Димитриевым при подготовке первого тома коллективного труда «История Чувашской АССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции», изданного в 1966 г. И.П. Паньков стал соавтором ряда глав, посвященных XIII – первой половине XVI в.[18] Последняя его публикация по чувашской истории (также в соавторстве с В.Д. Димитриевым) – три главы в первом томе «Истории Чувашской АССР», вышедшем в 1983 г. вторым изданием[19]. Уже по прошествии многих лет В.Д. Димитриев отметил, что в этих работах главные сюжеты средневековой истории чувашей «освещены в основном правильно, однако без охвата всех сохранившихся источников. Авторы еще не знали об опустошении Болгарской земли в конце XIV – начале XV вв., образовании “дикого поля”, о расселении оставшихся в живых “худых болгар” – чувашей в Приказанье, Заказанье, на территории нынешней центральной и северной Чувашии»[20].

Таким образом, при рассмотрении взглядов И.П. Панькова по проблемам средневековой истории чувашского народа необходимо опираться не столько на опубликованные его работы, сколько на труды, хранящиеся в настоящее время в научном архиве ЧГИГН. Это связано не только с малочисленностью публикаций историка, но и с тем, что многие из них подверглись переработке и дополнению, так как были изданы в соавторстве.

В труде «История чувашского народа. С древнейших времен до конца XVIII века»[21] И.П. Паньковым освещены главнейшие вехи и принципиальные проблемы чувашской истории, при этом автор не ставил своей задачей разрешение всех вопросов истории чувашей до конца XVIII в. и не претендовал на фундаментальность своего труда. Безусловным достоинством данной работы является стремление автора охватить все имевшиеся в то время в его распоряжении источники (лингвистические, археологические, этнографические и письменные) и проанализировать опыт предшественников по изучаемой проблематике.

Несомненно, свою роль в становлении концепции И.П. Панькова сыграли и научное окружение, и историографическая ситуация, и историческая эпоха в целом. Анализируя труд историка, необходимо учитывать, что работа над «Историей чувашского народа...» происходила в период расцвета марксистской исторической науки и доминирования формационной концепции, утвердившей пятичленную схему прогрессивного развития человечества. Особое значение в марксистской историографии придавалось проблеме перехода от первобытнообщинной формации к классовым обществам. Возможно, именно поэтому в творческом наследии И.П. Панькова история Волжской Булгарии является одной из основных тем и занимает важное место среди остальных исторических сюжетов.

Состоявшаяся 30–31 января 1950 г. в Москве объединенная сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР и Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров ЧАССР, посвященная этногенезу чувашского народа и истории Чувашии, уделила большое внимание гипотезе об автохтонном происхождении чувашей. Вместе с тем усилилось внимание ученых к истории Волжской Булгарии. Достигнутые на сессии договоренности чувашских исследователей и историков Москвы по принципиальным вопросам истории Чувашии получили отражение в исследованиях И.П. Панькова. Значительное влияние на молодого исследователя оказали взгляды языковеда Н.Я. Марра[22] и его последователей, доказывавших, что этнические группы были сформированы не миграцией, а автохтонно на территории, которую они занимают в настоящее время.

Поселение бежавших от экспансии хазар под предводительством Котрага булгар в Среднем Поволжье автор относит к концу 640-х – началу 650-х гг. При этом он не исключает возможности, что отдельные группы булгарских племен появились на Волге еще раньше, до прихода основной их массы. Историк предполагал, что малочисленные пришельцы-булгары застали на Волге племена, стоявшие на той же стадии социального развития, что и они сами (а именно – на стадии перехода от племенного союза к государству). Из этого он сделал вывод, что пришлые булгарские племена не имели существенного влияния на развитие местной культуры и этнический состав населения Волго-Камского края, а в процессе экономического и общественного развития так сблизились с автохтонными племенами, что полностью растворились среди последних.

Взгляды И.П. Панькова на роль булгар, пришедших из Причерноморья, в формировании единой народности волжских булгар зачастую кардинально противоположны положениям, опубликованным в двух изданиях «Истории Чувашской АССР». Это несоответствие связано со сменой исторической парадигмы после проведения 21–22 мая 1956 г. Чувашским научно-исследовательским институтом научной сессии, посвященной вопросам этногенеза чувашского народа. В докладах ученых были высказаны серьезные доказательства в пользу булгарского происхождения чувашей. На их основе сессия пришла к выводу о том, что чувашская народность сформировалась в результате сложного этногенетического процесса, основную роль в котором сыграла ассимиляция булгарами-сувазами местных финно-угорских племен[23].

В рамках новой концепции материалы И.П. Панькова были использованы В.Д. Димитриевым для написания главы «Болгарское государство X – начала XIII в.» для «Истории Чувашской АССР» (т. 1, 1966). Помимо утверждения о преобладании суваро-булгарского этнического элемента над финно-угорским в процессе складывания единой булгарской народности, В.Д. Димитриев внес положение о более высоком, чем у местных племен, уровне развития классовых отношений у булгар и сувар, ускорившем создание нового государства – Волжской Булгарии[24].

Вернемся к взглядам И.П. Панькова относительно территории Булгарского государства, образовавшегося во второй половине X в. после разгрома Хазарского каганата Киевской Русью. Опираясь на археологические и летописные данные, историк описывает границы Волжской Булгарии домонгольского периода следующим образом: западная граница доходила до р. Свияги и Суры, на востоке границей служила р. Белая, вероятная северная граница проходила по правому берегу Камы и по нижнему течению р. Иты и Тоймы, южной границей Булгарского царства была р. Яик. В «Истории Чувашской АССР» В.Д. Димитриев внес важное уточнение: данных границ булгары достигли лишь в XII столетии, расширив свою первоначальную территорию[25].

Большое внимание И.П. Паньковым уделено истории булгарских городов. Особенно детально им описаны столицы государства – Булгар и Биляр, а кроме них – города Сувар на р. Утке, Ошель на правобережье Волги, Керменчук на р. Кирмень, Джукетау (Жукотин) на р. Каме. С опорой на археологические и письменные источники, а также анализ научных трудов предшественников[26], автор попытался изучить не только местоположение, историю основания и наименования крупных городов Волжской Булгарии, но и доказать, что они являлись военными, торгово-ремесленными и административными пунктами. В ходе исследования историк отметил одну специфическую особенность булгарских городов, заключающуюся в том, что они возникли как племенные центры. Так, г. Ошель назван центром племени эсегель, г. Сувар – центром племени сувар. По мнению автора, дальнейшее развитие городов и рост численности городского населения явились одним из условий, предопределивших централизацию политической власти в Волжской Булгарии.

Достаточно подробное освещение на основе археологических, арабо-персидских и русских письменных источников в труде И.П. Панькова получили вопросы экономического развития Волжской Булгарии. Автор констатировал, что в X–XIII вв. господствующей отраслью сельского хозяйства было земледелие, а второстепенное место занимало скотоводство, нередко в кочевой форме. Значительный удельный вес в экономической жизни Волжской Булгарии имели высокоразвитое ремесло и интенсивная внутренняя и внешняя торговля. Ссылаясь на скудость источников, историк весьма бегло рассмотрел общественно-политический строй Волжской Булгарии, охарактеризовав его как «дофеодальное, варварское государство, которое опиралось ... на силу дружины»[27]. Складывающаяся феодальная знать держала в подчинении сельские общины.

Освещая историю Волжской Булгарии в отдельной главе своего труда «История чувашского народа...», И.П. Паньков выделил в ней раздел «Чувашия в эпоху Волжской Булгарии» (под «Чувашией» подразумевается территория Чувашского Поволжья). Исходя из господствовавшей на тот момент марксистской концепции об автохтонном происхождении чувашского этноса, исследователь рассматривал развитие «чувашских племен» в тесной вза-

имосвязи с развитием волжских булгар. Описание хозяйственной жизни и общественных отношений «чувашских племен» в эпоху Волжской Булгарии если и не повторяет, то написано по аналогии с булгарским обществом. Историк выделил основные черты, сближающие чувашей XIX в. с булгарами: сходство орудий обработки земли и жилищ, близость булгарского и чувашского языков, наличие сходных антропологических характеристик, сохранение пережитков булгарской культуры в чувашских обычаях, наличие «отзвуков» эпохи Волжской Булгарии в исторической памяти, преданиях чувашей. Несмотря на богатые материалы, свидетельствующие о родстве чувашей с булгарами, вывод автора однозначен: они «не дают основания утверждать о том, что чуваши – потомки волжских булгар»[28]. Ссылаясь на труды Н.Я. Марра, историк утверждает, что автохтонные «чувашские племена» именовались в эпоху Волжской Булгарии «суварами».

Особо значимым аспектом формирования чувашского народа в домонгольский период И.П. Паньков считал их взаимоотношения с соседями – финно-угорскими племенами (марийскими, мордовскими, удмуртскими), а также с тюрками (хазарами, буртасами) и Русью. Взаимовлияние племен историк попытался проследить по археологическим, антропологическим, лингвистическим и этнографическим материалам. На взгляд автора, имеющиеся источники свидетельствуют о существовании в эпоху Волжской Булгарии тесных взаимосвязей между марийскими, удмуртскими и чувашскими племенами. Общность чувашских и мордовских племен прослежена им лишь в сходстве традиционных верований. Хазарское (тюркское) влияние названо одним из важнейших факторов формирования чувашского народа, проявившимся в «глубокой внутренней связи», «взаимном скрещении» чувашской и хазарской культур в их историческом развитии. В состав формирующегося чувашского народа И.П. Паньковым частично включены буртасы, отнесенные им к тюркским племенам.

На взгляд историка, процесс образования чувашского народа в домонгольский период включал в себя не только ассимиляцию части пришлых тюркских племен, но и постепенное объединение двух больших групп «чувашских племен» – *вирьял* (населяли северо-западную часть территории современной Чувашии) и *анатри* (проживали в ее юго-восточной части). Характеризуя религиозные верования «чувашских племен», И.П. Паньков отметил, что наряду с исламом у них бытовали языческие представления, а в северо-западной части Чувашии, не входившей в состав Булгарии (у вирьялов), ислам получил незначительное распространение.

В контексте торговых и культурных связей Волжской Булгарии с Русью рассмотрены и «чувашско-русские» взаимоотношения. В число булгарских купцов, интенсивно торговавших с Русью, И.П. Паньков включал и «чувашских» купцов. Крестьяне-«чуваши» названы основными производителями хлеба, вывозившегося из Булгарии. Помимо торговых связей, историком подробно освещена военная борьба между Русью и Волжской Булгарией за экономическое господство на Волге и Оке, завершившаяся победой Руси в 1220-х гг.

Сложная задача стояла перед И.П. Паньковым при написании главы, посвященной истории Чувашского края в период монголо-татарского ига. После выхода в свет постановления ЦК ВКП(б) от 8 сентября 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», вскрывшего в трудах отдельных татарских историков «ошибки буржуазно-националистического характера, выразившиеся в идеализации Золотой Орды»[29], разработка проблем истории Золотой Орды была фактически свернута. Как справедливо отметил историк, практически никто из исследователей не изучил положения отдельных (чувашских, марийских и др.) племен в этот исторический период. В качестве источниковой базы им были привлечены русские летописные материалы, восточные и европейские источники, чувашские предания, археологические свидетельства. Кроме того, автор опирался на немногочисленные труды по истории Золотой Орды[30] и работы, характеризующие положение населения Среднего Поволжья под властью монголо-татар[31].

Исследователем описан процесс образования Золотой Орды и включения в ее состав территории Волжской Булгарии, именуемой в период монгольского владычества в XIII–XIV вв. «Булгарским улусом». Экономическое, политическое и культурное развитие Булгарского улуса рассматривалось И.П. Паньковым в рамках традиционного восприятия монгольского завоевания как «погибели» для всех покоренных народов. Вступая в полемику с М.Н. Покровским, историк категорически опровергает мнение о положительной роли Золотой Орды в истории Восточной Европы, в частности, Среднего Поволжья. Автор убежден, что несмотря на частичное восстановление хозяйства края после варварского разрушения захватчиками и возрождение некоторых разоренных городов (Булгара, Жукотина, Биляра, Сувара), эксплуатация и угнетение населения тормозили хозяйственное развитие Булгарского улуса. Покоренное население, управляемое местными феодалами (тарханами), находилось в исключительно тяжелом положении. Помимо выполнения в пользу монголо-татар многочисленных повинностей, оно испытывало систематические набеги ордынских отрядов, носивших большей частью карательный характер в связи с восстаниями на местах.

Подробное освещение получила тема борьбы населения Среднего Поволжья против монголо-татарских завоевателей, наиболее ярким выражением которой являлось восстание 1238–1241 гг. под руководством беков Баяна и Джику. Вместе с тем при рассмотрении данного вопроса автору не удалось избежать некоторых фактографических ошибок: восстание 1237–1240 гг. под предводительством кипчака Бачмана, в котором приняли участие булгары, ошибочно отнесено ко второй половине XIII в.

Политическая история Булгарского улуса, распавшегося в XIV в. на два фактически самостоятельных княжества – Булгарское и Жукотинское, рассмотрена И.П. Паньковым в тесной взаимосвязи с историей Золотой Орды и Русских земель. Описывая феодальные междоусобицы в Орде и грабительские набеги эмиров и князей на булгарские земли, автор упоминает и о

захвате в 1361 г. Булгара и территории Булгарского улуса ордынским князем Булат-Тимуром, и о приходе в Булгар в 1395 г. хана Тохтамыша. Однако он оставляет без внимания опустошение южных районов Булгарии и разорение всех городов и селений Закамья в 1391 и 1395 гг. основателем среднеазиатской державы Аксак-Тимуром (Тамерланом). В связи с этим историком сделан неверный вывод о том, что ордынские разорения, которым подверглась Булгария, вызвали уход населения в Закамье, и влияние булгарской культуры в это время сказалось на культуре закамских чудских племен. Большое внимание историком уделено описанию постоянного военного давления Руси на булгарские княжества во второй половине XIV – начале XV в., завершившееся взятием Булгара в 1431 г. московским войском князя Федора Пестрого.

Отдельный раздел посвящен рассмотрению истории Чувашского Поволжья в золотоордынский период. По мнению И.П. Панькова, в период монголо-татарского ига процесс образования чувашского народа вступил в новую фазу, характеризующуюся сложными процессами. Спасаясь от ордынских погромов, часть населения Булгарского улуса переходила с левобережья на правобережье Волги, в район г. Сувар и племени сувар (чуваш). Постепенно «сувары (чуваши) сближались с соседними лесными аборигенами» (имеются в виду марийские племена) и «впитывали в себя новые элементы, искавшие защиты от монгольского разорения в суварском союзе»[32]. К концу XIV–XV в. исследователь отнес слияние чувашских племен воедино и образование чувашского народа, а также складывание чувашского языка. Историк отметил, что до конца первой четверти XVI в. чуваши известны русским летописцам под названием «горных черемис» (мари). Отметим, что современные исследователи также относят формирование чувашской народности к этому периоду, однако основным ее компонентом считают сельское булгарское население, не принявшее ислам[33]. Историком не обойден вниманием вопрос формирования татар Среднего Поволжья. Будучи сторонником мнения, что монгольское завоевание весьма слабо изменило этнический состав населения покоренных областей, И.П. Паньков относил к основным «компонентам» складывания татарского народа кыпчаков, проникавших из степей на левобережье Волги, и местное булгарское население.

Несостоятельной можно назвать попытку автора рассмотреть политическую историю чувашских племен в золотоордынский период. Автор признает, что трудно сказать, в какой мере они участвовали в событиях политической жизни булгарских княжеств второй половины XIV – первой половины XV вв., зафиксированных в русских летописях. Отсутствие упоминания сувар в летописных рассказах И.П. Паньков объясняет смешением горных мари и чувашей в одном понятии «горные черемисы». Ссылаясь на отсутствие данных, историк не уделил внимания и развитию хозяйства чувашских племен, упомянув лишь, что уровень их производительных сил был выше, чем у монголо-татар. Согласно автору, монголо-татарское влияние коснулось, главным образом, чувашского языка, быта и религиозных веро-

ваний, причем этому влиянию подверглись преимущественно низовые чуваши (*анатри*).

С проблемой скудности письменных источников И.П. Паньков вновь столкнулся при написании главы «Истории чувашского народа...», посвященной истории Чувашского края в составе Казанского ханства. Историком привлечены русские летописи и путевые записки современников XV–XVI вв., а также неизвестные науке ко времени написания книги М.Г. Худякова[34] документы[35]. Наряду с этим были использованы научные труды других отечественных ученых[36], в том числе чувашских[37] исследователей, по истории Казанского ханства. Помимо нехватки письменных источников сжатость освещения темы, вероятнее всего, связана с ограничением научной разработки истории постзолотоордынских татарских государств, и в том числе и Казанского ханства, после выхода в свет известного постановления ЦК ВКП(б) от 8 сентября 1944 г.

Создание феодального Казанского государства, ускоренное приходом отряда Улу-Мухаммеда, И.П. Паньков считал закономерным итогом социально-экономического развития народов Среднего Поволжья и Прикамья – татар, чувашей, марийцев, мордвы, удмуртов и частично башкир. Бегло рассмотрев экономическое развитие Казанского ханства, историк уделил особое внимание развитию сельского хозяйства, подчеркнув господствующую роль земледелия и отметив сохранение у части населения кочевого скотоводства. На взгляд автора, в Среднем Поволжье «земледелие, хотя и экспансивное, при двухпольном севообороте, стояло не ниже по своему уровню, нежели в Московском государстве»[38]. Важное место в хозяйственной жизни народов Казанского ханства историк отвел промыслам, а также внутренней и внешней торговле.

Подробное освещение получил в труде вопрос социально-классовой структуры Казанского ханства. С опорой на письменные источники историком выстроена следующая иерархическая лестница класса феодалов: высший слой – эмиры, беки, мурзы, князья нетатарского населения ханства; второй слой – служилые люди, освобожденные от государственной повинности (тарханы); третий – профессиональные военные, стоявшие во главе воинских частей и получавшие за службу земельные пожалования (огланы или уланы). Видимо, по причине отсутствия источников, автором не упомянута особая группа феодалов – высшее мусульманское духовенство (сеиды, шейхи, имамы), владевшее вакуфными землями и другим имуществом. Рассматривая крестьянское население ханства, историк разделил его на две основные группы: лично свободные крестьяне-общинники, зависимые от ханской власти, и «крепостные» крестьяне, принадлежавшие тарханам. В.Д. Димитриев внес в это положение важное уточнение: под властью феодалов находились ясачные люди, пожалованные в условное владение, и кабальные люди (холопы)[39]. К угнетаемому населению ханства И.П. Паньковым отнесены также рабы (*чура кул*), главным образом, из военнопленных.

Вскользь рассмотрев вопрос политического строя Казанского ханства, историк сделал вывод о том, что он представлял собой «сочетание осо-

бенностей политического управления Волжской Булгарии и элементов политической организации Золотой Орды»[40]. По мнению автора, Казанское ханство не смогло стать централизованным государством вследствие внутриполитической борьбы между отдельными группами феодалов.

Окончательное формирование не только чувашского, но и татарского народа И.П. Паньков относил к середине XV столетия, при этом подчеркивая общность булгарского наследия для чувашей и татар. Анализируя источники, историк верно подметил их особенность – долгое время современники, в том числе и русские летописцы, смешивали чувашей с горными марийцами, мордвой, но чаще всего – с казанскими татарами. По мнению исследователя, под встречающимся в русских источниках XVI в. названием «горные черемисы» следует понимать проживавших на правобережье Волги горных марийцев и чувашей, «поскольку они жили вместе и даже вперемешку»[41]. Именование чувашей «татарами» он объясняет тем, что летописцы обычно присваивали это собирательное название всем нерусским народам Среднего Поволжья. Опираясь на наблюдения Н.И. Золотницкого, Н.И. Ашмарина и В.К. Магницкого, И.П. Паньков пришел к выводу, что и само нерусское население Поволжья (в частности, луговые марийцы) нередко смешивало чувашей с татарами, даже в XIX – начале XX в. называя татар «суас». К территории проживания чувашского населения в Казанском ханстве автор, помимо правобережья Волги, относит Арскую землю, расположенную на левобережье. К сожалению, автором не приняты во внимание источники более позднего периода – писцовые книги Среднего Поволжья второй половины XVI – начала XVII вв., позволяющие включить в область расселения чувашей в начале XVI в. территории восточнее Казани, входившие в Чувашскую (Зюрейскую) даругу[42].

По мнению И.П. Панькова, покоренные народы, входившие в состав ханства, существовали в условиях жестокого социального гнета со стороны татарской феодальной знати[43]. Историк пришел к выводу, что социально-экономическое и культурное развитие чувашей ханства, основная масса которых находилась в статусе лично свободных «черных людей» и занималась земледелием, тормозилось господствующей верхушкой – чувашскими и татарскими феодалами[44]. Чувашские феодалы разделены автором на несколько групп: высший слой – «патши», владевшие землями на наследственном праве, средний – «туруны», получившие земельные наделы за государственные услуги, низший – «тарханы» – служилые люди, получившие за эту службу землю.

Иллюстрируя тяжелое экономическое положение «черных людей» в Казанском ханстве, И.П. Паньков сопоставил ежегодные выплаты чувашских крестьян в ханскую казну и московскую казну после присоединения к Московскому государству и сделал вывод об их равенстве. Однако в пользу казанских феодалов, помимо денежного сбора, крестьяне несли самые разнообразные натуральные повинности, отмененные после 1552 г.

И.П. Паньковым было высказано мнение о насильственном распространении ислама среди населения ханства с целью его окончательного под-

чинения, вопреки которому значительная масса чувашей продолжала придерживаться языческой веры. Мусульманами историк считал чувашскую феодальную «верхушку», которая позднее слилась с татарской знатью. Вслед за ним не только религиозную, но и сословную подоплеку выделения татар как особой народности от булгаро-чувашей увидели также В.Д. Димитриев[45] и И.Д. Кузнецов[46].

Формулируя выводы относительно положения чувашей и других народов Среднего Поволжья в составе Казанского ханства, И.П. Паньков сделал основной акцент на экономический, национальный и религиозный гнет казанских феодалов, освобождение от которого покоренное население видело в присоединении к Русскому государству. Среди всех событий московско-казанских отношений, начиная с конца XV в., когда началось наступление Москвы на Казанское ханство, ключевым названо основание на казанской территории русской крепости Свияжск в 1551 г., которое «решило судьбу нагорной стороны Среднего Поволжья, включая основную территорию Чувашии»[47]. Опираясь на русские летописи и разрядные книги, а также чувашские исторические предания, автор пришел к выводу о прогрессивном значении вхождения Чувашского края в состав Русского государства. На взгляд историка, оно заключалось не только в освобождении чувашского народа от гнета казанских феодалов, но и в появлении перспектив развития производительных сил и культурного роста. Таким образом, в своем исследовании И.П. Паньков развил взгляды В.В. Мавродина[48] и внес свой вклад в формирование концепции о мирном вхождении Чувашского края в состав Русского государства, наиболее полно представленной в опубликованных в 1950 г. статьях М.Н. Тихомирова[49] и Т.Г. Гусева[50].

И.П. Паньков стал первым чувашским исследователем, попытавшимся создать стройную концепцию формирования и развития чувашского этноса в средневековую эпоху. Безусловно, не все выводы, сделанные историком, следует принимать за аксиому, так как концепция содержит и ряд положений, опровергнутых чувашскими историками позднее: несостоятельной признана теория об автохтонном происхождении чувашей, бездоказательным оказалось утверждение об уходе населения Волжской Булгарии после ордынского разорения в Закамье, неверно очерчена территория расселения чувашского населения в период Казанского ханства и др.

Учитывая современное состояние исторической науки, определенные суждения И.П. Панькова могут показаться устаревшими. Некоторые идеологические утверждения автора, декларируемый им классовый подход к изучению исторических процессов, всецело господствовавший тогда в отечественной историографии, попытки критической оценки «буржуазной историографии» с марксистско-ленинской точки зрения, имеющие место в его исследовании, следует воспринимать как дань социально-политическим реалиям 1940–1950-х гг. Однако, принимая во внимание широкий круг рассмотренных историком проблем средневековой истории чувашского этноса, разнообразие привлеченного им фактического материала, можно ут-

верждать, что вышеуказанные недостатки, обусловленные, прежде всего, самой эпохой, не умаляют достоинств его обобщающего исследования «История чувашского народа. С древнейших времен до конца XVIII в.». Признанием этого факта стало использование труда И.П. Панькова при написании последующих работ по истории Чувашского края.

Литература и источники

[1] Ученая степень кандидата исторических наук присуждена 25 мая 1940 г., диплом кандидата наук выдан 15 сентября 1947 г.

[2] *Паньков И.П.* К вопросу о взаимоотношениях России с волжскими калмыками в XVIII в.: дисс. ... канд. ист. наук; [Место защиты: МГУ]. М., 1939. 329 с. Описание диссертации имеется в издании: Докторские и кандидатские диссертации, защищенные в Московском государственном университете с 1934 по 1954 гг.: библиогр. указатель. В 3 вып. Вып. 3. Факультеты: Исторический, филологический и факультет журналистики / [сост.: Б.А. Васильев и др.] М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. 203 с.

[3] Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 33. Оп. 682524. Ед. хр. 591. Л. 211–228.

[4] *Паньков И.П.* Рядом с поэтом // «Долина смерти». Трагедия 2-й ударной армии / сост. И. Иванова. М.: Эксмо-Яуза, 2011. С. 112–118.

[5] *Яцунский В.* Изучение местной истории в СССР (обзор по РСФСР, УССР и БССР за послевоенные годы) // Вопросы истории. 1949. № 8. С. 74–112.

[6] *Журавлев Н.В., Паньков И.П.* Хроника революционного движения в Тверской губернии: с 1904 г. по январь 1918 г. Калинин: Калинин. обл. книгоизд-во, 1941. 152 с.; *Паньков И.П.* Подготовка и проведение Октябрьской революции в Тверской губернии // Пролетарская правда. Калинин. 6 ноября 1946 г.; *Его же*. Калининская область за 30 лет советской власти. Калинин, 1947. 120 с.

[7] *Паньков И.П.* О научно-исследовательской работе кафедры истории СССР Калининского государственного педагогического института имени М.И. Калинина // Вопросы истории. 1948. Ноябрь. С. 151–152.

[8] *Паньков И.П.* Борьба за установление советской власти в Чарджоуской области. Чарджоу: [б.и.], 1959. 26 с.; Из истории ставропольских туркмен и калмыков в XVII–XVIII вв. Чарджоу: [б.и.], 1960. 16 с.

[9] *Паньков И.П.* Новые материалы о крестьянской войне под предводительством Степана Разина // Ученые записки Чарджоуского государственного педагогического института. Чарджоу, 1956. Вып. 1. С. 51–65.

[10] НА ЧГИГН. Фонд В.Д. Димитриева. Отд. I. Ед. хр. 1111. Л. 375–375 об.

[11] Архив ФГБОУ ВО «Приморская государственная сельскохозяйственная академия». Выписка из личного дела И.П. Панькова.

[12] Юбилей ветерана // Сельский специалист (газета Приморского сельскохозяйственного института). 1984. 9 мая. № 18.

[13] *Паньков И.П.* История чувашского народа. С древнейших времен до конца XVIII в. Ч. I. Рукопись. Калинин, 1949. Отд. II. Ед. хр. 284. 145 с.; *Его же.* История чувашского народа. С древнейших времен до конца XVIII в. Рукопись. Калинин, 1950. Отд. II. Ед. хр. 235. 472 с.; *Его же.* Чуваши под властью Золотой Орды и Казанского ханства. Рукопись. Калинин, 1952. Отд. II. Ед. хр. 262. 57 с.; *Его же*. Чувашия в составе Московского государства во второй половине XVI – первой половине XVII вв. 1952. Отд. II. Ед. хр. 427. 83 с.

[14] ГИА ЧР. Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 263. Л. 14–16.

[15] *Димитриев В.Д.* Изучение истории Чувашской АССР в 1954 г. // Вопросы истории. 1954. № 6. С. 171–174; ГИА ЧР. Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 295. Л. 29; НА ЧГИГН. Фонд В.Д. Димитриева. Отд. I. Ед. хр. 1111. Л. 299.

[16] *Димитриев В.Д., Паньков И.П.* Население Чувашского Поволжья в составе Булгарского государства // Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-

во, 1958. Вып. 1. С. 62–84; *Их же.* Население Чувашского Поволжья под властью Золотой Орды // Там же. С. 85–94; *Паньков И.П.* Чуваши в составе Казанского ханства // Там же. С. 95–103.

[17] НА ЧГИГН. Фонд В.Д. Димитриева. Отд. I. Ед. хр. 1111. Л. 341 об.

[18] *Димитриев В.Д., Паньков И.П.* Болгарское государство X – начала XIII в. // История Чувашской АССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. В 2 т. Т. 1 / гл. ред. И.Д. Кузнецов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1966. С. 35–43; *Их же.* Население Чувашского Поволжья под властью Золотой Орды // Там же. С. 44–52; *Их же.* Чувашия в составе Казанского ханства // Там же. С. 53–58.

[19] *Димитриев В.Д., Паньков И.П.* Болгарское государство X – начала XIII в. // История Чувашской АССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. В 2 т. Т. 1. 2-е изд., перераб. / ред. В.Д. Димитриев, В.А Прохорова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. С. 37–45; *Их же.* Население Чувашского Поволжья под властью Золотой Орды // Там же. С. 46–55; *Их же.* Чувашия в составе Казанского ханства // Там же. С. 56–63.

[20] *Димитриев В.Д.* Чувашский народ в составе Казанского ханства. Предыстория и история. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. С. 47–48.

[21] Труд «История чувашского народа. С древнейших времен до конца XVIII века» включает в себя семь глав, три из которых – «Дофеодальный период в истории Чувашии. Начало развития феодальных отношений» (глава III), «Складывание феодальных отношений. Чувашия в период монголо-татарского ига» (глава IV), «Развитие феодальных отношений. Завершение формирования чувашского народа. Чувашия в составе Казанского ханства. Присоединение Чувашии к Московскому государству» (глава V) – освещают средневековую историю чувашского народа.

[22] *Марр Н.Я.* Чуваши-яфетиды на Волге. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1926. 74 с.

[23] О происхождении чувашского народа: сб. статей / отв. ред. В.Д. Димитриев. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. С. 3–4.

[24] *Димитриев В.Д., Паньков И.П.* Болгарское государство X – начала XIII в. // История Чувашской АССР. В 2 т. Т. 1. С. 35–36.

[25] Там же. С. 35.

[26] *Шпилевский С.М.* Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Университетская тип., 1877. 620 с.; *Пономарев П.А.* Данные о городах Камско-Волжской Булгарии: археологические заметки. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1893. 20 с.; *Фирсов Н.Н.* Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. Казань: Третья гос. тип., 1919. Вып. 1. 60 с.; *Башкиров А.С.* Памятники булгаро-татарской культуры на Волге. Казань: Академич. Центр Татнаркомпроса, 1928. 120 с.; *Смирнов А.П.* Очерки по истории волжских булгар // Труды Государственного исторического музея. М., 1940. Вып. XI. С. 55–136.

[27] *Паньков И.П.* История чувашского народа. С древнейших времен до конца XVIII в. Рукопись. Калинин, 1950. Отд. II. Ед. хр. 235. Л. 170.

[28] Там же. Л. 242.

[29] Пропаганда и агитация в решениях и документах ЦК ВКП(б) / сост. Е.Д. Ворошилова, С.М. Зорина. М.: Госполитиздат, 1947. 590 с. С. 463–468.

[30] *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда. Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII–XIV вв. Л.: ОГИЗ. 1937. 216 с.; *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.–Л.: АН СССР, 1940. 178 с.

[31] *Фирсов Н.Н.* Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. Вып. 1, 2. Казань: Чувашский отд. при нар. ком. по делам национальностей, 1919; *Гимади Х.Г.* Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды // Материалы по истории Татарии. Казань: Татар. гос. из-во, 1948. Вып. 1. С. 185–225.

[32] *Паньков И.П.* История чувашского народа. С древнейших времен до конца XVIII в. Рукопись. Калинин, 1950. Отд. II. Ед. хр. 235. Л. 291.

[33] *Иванов В.П., Николаев В.В., Димитриев В.Д.* Чуваши: этническая история и традиционная культура. М.: ДИК, 2000. С. 26.

[34] *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. Казань: Изд. комбината изд-ва и печати ТССР, 1923. 302 с.

[35] История Татарии в документах и материалах. М.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1937. 503 с.

[36] *Перетяткович Г.* Поволжье в XV и XVI веках. Очерки из истории края и его колонизации. М.: Тип. И.В. Грачева, 1877. 338 с.; *Пинегин М.* Казань в ее прошлом и настоящем. СПб.: Изд. А.А. Дубровина, 1890. 604 с.; *Воробьев Н.И.* Материальная культура казанских татар: опыт этнографического исследования. Казань: Изд. Дома татарской культуры, 1930. 472 с.

[37] *Ашмарин Н.И.* Болгары и чуваши. Казань: Типо-литогр. Имп. Казан. ун-та, 1902. 132 с.; *Магницкий В.К.* Чувашские языческие имена. Казань: Типо-литогр. Имп. Казан. ун-та, 1905. 101 с.; *Комиссаров Г.И.* Чуваши Казанского Заволжья // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете (ИОАИЭ). Т. XXVII. Вып. 5. Казань: Типо-литогр. Имп. Казан. ун-та, 1911. С. 311–432.

[38] *Паньков И.П.* История чувашского народа. С древнейших времен до конца XVIII в. Рукопись. Калинин, 1950. Отд. II. Ед. хр. 235. Л. 298.

[39] *Димитриев В.Д., Паньков И.П.* Чувашия в составе Казанского ханства // История Чувашской АССР. Т. 1. 2-е изд. С. 58.

[40] *Паньков И.П.* История чувашского народа. С древнейших времен до конца XVIII в. Рукопись. Калинин, 1950. Отд. II. Ед. хр. 235. Л. 304.

[41] Там же. Л. 307.

[42] *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. 456 с.; *Иванов В.П.* Этническая география чувашского народа: историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. 383 с.

[43] *Паньков И.П.* К характеристике феодальных отношений в Чувашии в период Казанского ханства // Вопросы социально-экономической и политической истории Среднего Поволжья и Приуралья периода феодализма: тезисы докладов. Чебоксары: ЧНИИ, 1973. С. 21–23.

[44] *Охотникова С.В.* «Ясачные чуваши» в отечественной литературе // Чувашский гуманитарный вестник. 2016. № 11. С. 38, 39; *Ее же.* «Ясачные чуваши»: некоторые итоги и задачи исследования / науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары, 2014. 36 с.

[45] *Димитриев В.Д.* Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа // О происхождении чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. С. 96–118.

[46] *Кузнецов И.Д.* К вопросу о происхождении чувашской народности // О происхождении чувашского народа. С. 119–126.

[47] *Паньков И.П.* История чувашского народа. С древнейших времен до конца XVIII в. Рукопись. Калинин, 1950. Отд. II. Ед. хр. 235. Л. 320.

[48] *Мавродин В.В.* Формирование русской нации. Л.: Тип. им. Володарского, 1947. 36 с.

[49] *Тихомиров М.Н.* Присоединение Чувашии к Русскому государству // Советская этнография. 1950. № 3. С. 93–106.

[50] *Гусев Т.Г.* Присоединение Чувашии к Русскому государству // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1950. Вып. 4. С. 50–81.

S.V. Okhotnikova

PROBLEMS OF MEDIEVAL HISTORY OF THE CHUVASH PEOPLE IN THE WORKS OF I.P. PANKOV

The article highlights the main stages of life and scientific activity of the Chuvash historian I.P. Pankov, as well as his views on the main problems of medieval Chuvash history. A detailed analysis of the first generalizing study on the history of the Chuvash people – an unpublished work by I.P. Pankov «History of the Chuvash people. From ancient times to the end of the XVIII century», characterized by a variety of actual material attracted by the author.

Keywords: Chuvash ethnogenesis, Volga Bulgaria, Kazan khanate, I.P. Pankov, historiography of the history of the Chuvash people.

УДК 94(470.344)

ОБ ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ СБОРНИКА ТРУДОВ И ВНОВЬ ВЫЯВЛЕННЫХ СОЧИНЕНИЯХ ПЕРВОГО ЧУВАШСКОГО ЭТНОГРАФА, ИСТОРИКА И ПИСАТЕЛЯ С.М. МИХАЙЛОВА

ЧГВ, 2020 г., № 15
© Ю.В. Гусаров

Впервые вопрос об издании сборника трудов первого чувашского этнографа, историка и писателя С.М. Михайлова во второй половине XIX в. поднял этнограф В.К. Магницкий, но не был услышан. В 1950–1960-е гг. П.Г. Григорьев подготовил сборник избранных трудов С.М. Михайлова, который доработал В.Д. Димитриев и в 1972 г. издал Чувашский НИИ языка, литературы, истории и экономики. В книгу не вошли ранее опубликованные письма С.М. Михайлова, ряд черновых рукописей и трудов религиозного и верноподданнического содержания. В постсоветское время были опубликованы три работы из числа последних. В 2004 г. В.Д. Димитриев дополнил собрание сочинений С.М. Михайлова, которое не является полным. В архивах Санкт-Петербурга, Москвы и Чебоксар автору статьи удалось найти неопубликованные: рукопись С.М. Михайлова, посвященную часовне у д. Юнги-Ядриной Козьмодемьянского уезда Казанской губернии (1856), и три его письма: Русскому географическому обществу (1855), священнику с. Малый Сундырь Козьмодемьянского уезда П.Д. Голосницкому (1852) и председателю Казанского губернского статистического комитета В.П. Траубенбергу (1855). Рукопись является дополненным вариантом раннее написанного труда, письма носят деловой характер (публикуются в приложении к настоящей статье).

Ключевые слова: С.М. Михайлов, чувашеведение, археография, источниковедение, историография, этнография Чувашии и Марий Эл.

Творческое наследие первого чувашского гуманитария Спиридона Михайловича Михайлова (1821–1861), двухсотлетие которого будет отмечаться в 2021 г., имеет непреходящее значение для чувашеведения. Выходец из чувашских государственных крестьян, уроженец околотка Юнгапоси д. Юнга-Ядрино Козьмодемьянского уезда Казанской губернии (ныне д. Юнгапоси Моргаушского района Чувашской Республики) С.М. Михайлов получил домашнее образование в приемной семье козьмодемьянского купца Т.Ф. Михеева, куда был отдан в возрасте семи лет. Рано началась его самостоятельная жизнь. В конце 1833 г. он «по-

Юрий Владимирович Гусаров – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: gsr63@yandex.ru.

шел в люди» – поступил к писарю родной Орининской волости для обучения «письмоводству», по сути состоя при нем в лакеях[1]. С 1834 г. четыре года работал помощником писаря в волостных правлениях Козьмодемьянского и Ядринского уездов Казанской губернии, затем три года – писцом у чиновников земской полиции в Козьмодемьянске[2]. С 1842 г. до конца жизни исполнял должность переводчика чувашского языка Козьмодемьянского земского суда и состоял письмоводителем у земского исправника по вольному найму[3].

В детстве С.М. Михайлов читал только религиозные и лубочные книги. Зато в юности у него проснулась «страсть к чтению». Особенно нравились ему статьи по истории и краеведению в журналах и газетах, подшивки которых хранились в архиве земского суда. В подражание им он стал описывать новости жизни г. Козьмодемьянска в письмах к родным, а в 1851 г. в ответ на приглашение редакции «Казанских губернских ведомостей» к читателям о присылке корреспонденций о местных новостях, написал первую статью. Начинающего автора поддержал редактор неофициальной части газеты А.И. Артемьев, что, по словам первого, пробудило в нем «врожденную страсть к литературе»[4].

Будучи загружен по службе, С.М. Михайлов умудрялся выкраивать время на науку: в одном из писем признавался, что работает в ночное время[5]. Товарищ С.М. Михайлова подтверждал: «Работал постоянно и его никогда нельзя было застать без дела»[6]. Самоотверженная творческая деятельность С.М. Михайлова, которого современники относили к «самородным дарованиям»[7], продолжалась десять лет. За это время он успел создать более 50 литературных, историко-этнографических трудов и газетных корреспонденций; 34 из них (с учетом переизданий) напечатал в столичных и казанских газетах и журналах, снискав репутацию знатока местной истории.

В феврале 1854 г. С.М. Михайлов был избран членом-сотрудником Русского географического общества (далее: РГО), в 1856 г. – членом-корреспондентом Казанского губернского статистического комитета. В 1859 г. РГО наградило его малой серебряной медалью с надписью «Императорское Русское географическое общество за полезные труды»[8], отметив, что награжденный представляет «единственный доселе пример» человека чувашской национальности, который, «несмотря на окружающую его среду и на свои официальные занятия, умел развить в себе бескорыстное стремление к науке и находит время и удовольствие по мере своих сил заниматься собиранием разных сведений о состоянии и быте своих соплеменников»[9]. Ученый-самоучка сотрудничал также с Петербургской академией наук, от которой получил благодарность[10]. Авторитетного краеведа привлекал к сотрудничеству казанский военный губернатор, за консультациями к нему обращались отечественные и зарубежные историки и языковеды.

Наряду с научным и литературным творчеством С.М. Михайлов коллекционировал письменные источники, представляющие интерес «в историческом и этнографическом отношениях». В 1854 г. в письме Совету РГО писал, что занимается «собиранием разных любопытных актов, остающихся

без употребления в частных руках, в особенности – сохранившихся у инородцев Казанской губернии»[11]. С.М. Михайлов копировал исторические документы, а наиболее ценные представлял для публикации в редакцию «Казанских губернских ведомостей» и РГО, как правило, указывая сведения о месте их хранения и владельцах. В его собрании имелись даже «древнейшие акты» с тамгами чувашских и марийских крестьян времен Казанского ханства. Административные и финансовые возможности С.М. Михайлова были невелики, поэтому в 1854 г. он просил РГО о побуждении ядринского окружного начальника Министерства государственных имуществ оказывать ему содействие в приобретении «полезных для науки актов», но получил отказ[12].

Многое из наследия пионера чувашской науки и литературы безвозвратно утрачено. Личный архив С.М. Михайлова, который он бережно собирал, после его смерти подвергся раздроблению и сильно пострадал. Первый биограф С.М. Михайлова, этнограф В.К. Магницкий писал, что вдова чувашского самородка Екатерина Петровна (урожденная Лукина) «как женщина простая, смутно сознавая ценность литературных трудов мужа» отдала доставшийся ей в наследство «огромный сундук с рукописями» куму мужа, сыну дьячка с. Ядрино Ядринского уезда, а затем – крестьянину д. Изамбаево Козьмодемьянского уезда А.В. Знаменскому[13] (П.Г. Григорьев считал, что В.К. Магницкий поверил слухам, и вдова передала не рукописи, а оттиски статей[14]). Через козьмодемьянских родственников, священников, учителей, чиновников Казанского учебного округа В.К. Магницкий сумел собрать некоторые рукописи С.М. Михайлова и биографические материалы о нем. Скажем, от солдатки г. Козьмодемьянска А.И. Кульпиной, которой, по информации сестры этнографа Ю.К. Аристовской, замужняя приемная дочь С.М. Михайлова Феодосия поручила смотреть за доставшимся от отца домом, получил дневник 1855 г.[15] Еще несколько рукописей учитель К.С. Рябинский нашел у козьмодемьянского литератора Караганкина, а инспектор народных училищ 3-го участка Казанской губернии П.И. Беляев – у бывшего учителя Муравьева, получившего их от наследников краеведа[16]. Собранные материалы В.К. Магницкий передал казанскому краеведу Н.Я. Агафонову, и ныне они хранятся в его личных фондах в архивах Казани и Москвы. Письма и рукописи первого чувашского писателя и ученого отложились также в фондах РГО и деятелей науки, в переписке с которыми он состоял (хранятся в архивах Москвы и Санкт-Петербурга).

Ряд трудов С.М. Михайлова затерялся в канцеляриях научных обществ и литературных редакциях: в списке разыскиваемых значатся 12 из них[17]. Однако этот список нуждается в корректировке. Скажем, в него включены три частично сохранившихся труда («Легенды про вятчан», «Историко-статистическое описание посадов, сел и пристаней по реке Волге…», «Чуваши: историко-этнографический очерк…»), при этом отсутствуют три, о которых известно от С.М. Михайлова или лиц из его окружения. Так, в 1852 г. краевед сообщил А.И. Артемьеву, что «в скором времени» вышлет «Повесть о про-

следовании через Козмодемьянский уезд* великого князя Михаила Павловича в 1817 г.»[18], в 1858 г. РГО – о написанной в конце 1857 г. для Казанского губернского статистического комитета статье «Статистическое описание Козьмодемьянского уезда» (название условное), содержащей сведения «по изданным Министерством внутренних дел 67 формам»[19]. В 1869 г. А.В. Знаменский рассказал В.К. Магницкому, что в его руках находятся несколько «нигде не напечатанных сочинений» С.М. Михайлова, в том числе «Черемисские загадки» (название условное)[20]. В 1960 г. И.П. Паньков упомянул о статье С.М. Михайлова «Чувашско-туркменские сравнения», однако архивные разыскания В.Д. Димитриева не выявили следов ее существования[21].

Понимая научную ценность малодоступного наследия чувашского «историка, этнографа и статистика», в 1860–1900-е гг. В.К. Магницкий неоднократно поднимал вопрос об издании сборника его печатных и рукописных трудов перед частными лицами, научными органами, обществами и органами самоуправления: московским меценатом (бывший козьмодемьянский винный откупщик) В.А. Кокоревым, казанскими «книгопродавцами», Козьмодемьянским уездным земством, Казанским губернским статистическим комитетом, Обществом археологии, истории и этнографии при Казанском университете, но его призывы остались «гласом вопиющего в пустыне»[22]. Разрешился он только в советское время.

Многое для изучения и популяризации творческого наследия С.М. Михайлова сделал историк П.Г. Григорьев. В 1943–1945 гг. в бытность директором Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ЧНИИЯЛИ, с 1956 г., после создания отдела экономики – ЧНИИЯЛИЭ) он собрал печатные труды С.М. Михайлова, а в 1946 г. напечатал первую статью о нем[23]. В 1950 г. П.Г. Григорьев издал письма С.М. Михайлова ученым А.И. Артемьеву и М.П. Погодину, а также отрывок из его автобиографии (выявлены в 1948 г.). В 1946–1951 гг. чувашские писатели И.С. Тукташ, И. Мучи, Хв. Уяр и литературовед М.И. Сироткин в переводе на чувашский язык напечатали несколько литературных сочинений С.М. Михайлова[24].

В 1953 г. сектор истории и этнографии ЧНИИЯЛИ (руководитель – П.Г. Григорьев), провел два расширенных заседания с участием сотрудников сектора литературы и фольклора, посвященных 100-летию выхода в свет книги С.М. Михайлова «Чувашские разговоры и сказки». На них прозвучало и получило поддержку предложение писателей П.П. Хузангая, С.В. Эльгера и А.Ф. Талвира об издании сборника избранных трудов чувашского самородка. Было постановлено: просить дирекцию института о включении в план 1954 г. подготовки однотомника С.М. Михайлова, выдаче распоряжения сектору истории и этнографии о сборе рукописей чувашского ученого и писателя для архива института, а П.Г. Григорьеву – о написании монографии о его жизни и деятельности[25] (издана на чувашском языке в 1960 г.).

---

* С.М. Михайлов писал название уезда в такой форме, что мы сохраняем.

В 1958 г. П.Г. Григорьев подготовил сборник избранных сочинений С.М. Михайлова. Он был включен в план изданий института на 1958 г.[26] и в октябре того же года обсуждался на заседании сектора истории института. Участники заседания отметили удачный подбор трудов, но указали на недостаточно тщательно выполненную сверку текстов с подлинниками, недостатки археографического оформления и пространность предисловия. Автору был дан месяц на доработку рукописи[27]. Однако составитель не представил ее вовремя и надолго затянул дело: в ноябре 1960 г., в преддверии двойного юбилея С.М. Михайлова, ученый секретарь института В.Д. Димитриев в письме предложил П.Г. Григорьеву (после выхода на пенсию тот переехал на жительство в Московскую область), завершить подготовку сборника[28]. В 1961 г. историк доложил дирекции института, что в последние годы основательно поработал в архивах и библиотеках и выявил практически все печатные и рукописные труды С.М. Михайлова[29]. Некстати 31 декабря 1960 г. Министерство культуры РСФСР издало приказ об увлечении Чувашского государственного издательства изданием научно-исторической литературы в ущерб массовой, после чего из издательского плана были исключены 20 книг, подготовленных учеными института[30]. Описывая сложившуюся ситуацию, В.Д. Димитриев писал П.Г. Григорьеву, что тот упустил шанс издать сборник к 100-летию со дня смерти С.М. Михайлова, констатируя: «Сейчас очень сильно прижали у нас издательское дело», так что издание книги «от института не зависит». Однако институт не расторг договор с П.Г. Григорьевым на ее подготовку[31].

В 1967 г. П.Г. Григорьеву было предложено издать подготовленную рукопись, как вариант – в форме «Ученых записок» института, со сдачей ее в производство в конце 1967 – начале 1968 г.[32] В январе 1968 г. институт командировал его в качестве внештатного научного сотрудника в архивы Казани и Йошкар-Олы для завершения работы над книгой[33]. Наконец, в апреле того же года П.Г. Григорьев представил многострадальный сборник (новый договор на его подготовку подписан в декабре 1968 г.[34]), а в начале 1969 г. – дополнение к нему[35]. Составитель отобрал более 40 трудов С.М. Михайлова (в т.ч. черновые и неполные рукописи) по истории и этнографии чувашского, марийского и русского народов, статистике местного края, литературные сочинения; еще 6 отклонил по идеологическим соображениям и отсутствию «научно-познавательного интереса»[36]. Труды были сгруппированы по отраслям наук, отдельные разделы составили письма краеведа и архивные и печатные материалы о нем; научно-справочный аппарат был представлен списками литературы о «писателе-самоучке» и его трудов.

Научное редактирование рукописи взял на себя директор института В.Д. Димитриев, что отражено в его индивидуальном плане 1969 г.[37] В марте этого года он известил П.Г. Григорьева, что в апреле (в соответствии с плановыми сроками) рукопись будет сдана в печать, а составитель получит для ознакомления оглавление и второй экземпляр корректуры с исправленным текстом[38]. Приступив к работе вплотную, В.Д. Димитриев столкнулся с

необходимостью исправить многочисленные недоработки составителя: сверить публикуемые тексты с оригиналами, археографически подготовить их к печати, дополнить научно-справочный аппарат. В результате вопрос об издании книги был отложен на 1970 г.[39] Однако и тогда В.Д. Димитриеву не удалось завершить работу, в том числе из-за загруженности в связи с юбилеями (100-летие со дня рождения В.И. Ленина, 50-летие Чувашской автономии). Со своей стороны, П.Г. Григорьев торопил с изданием книги, желая, чтобы она вышла к 150-летию С.М. Михайлова[40].

В феврале 1971 г. рукопись обсуждалась на заседании двух секторов института: истории и этнографии, а также социологии. Его участники, включая рецензента, старшего методиста Центрального государственного архива Чувашской АССР В.А. Нестерова, указали на серьезные недостатки труда: неудачную структуру («механически сгруппированный материал»), пространное предисловие, обилие ошибок и пропусков в публикуемых текстах, низкий уровень археографического оформления и комментариев. Заключив, что составитель не справился с заданием и не способен довести работу до конца, собравшиеся решили поручить последнее В.Д. Димитриеву, а именно: заново написать предисловие, сверить тексты с оригиналами, довести археографическое оформление до должного уровня, переработать научно-справочный аппарат. В решениях заседания не нашло отражения предложение рецензента ознакомить П.Г. Григорьева с замечаниями и получить его согласие на завершение книги другим лицом[41]. Забегая вперед скажем, что В.Д. Димитриев справился с поручением в срок. В современной историографии проделанная им археографическая работа получила оценку образцовой[42]. Следует сказать, однако, что соавтор П.Г. Григорьева не избежал ошибок при распознании текстов, не оговорил некоторые особенности публикации (раскрытие авторских и общепринятых сокращений без оговорок), не отметил в текстуальных примечаниях авторские исправления, на что еще в 1958 г. И.Д. Кузнецов указал П.Г. Григорьеву как на требование, предъявляемое к академическим изданиям[43].

В процессе доработки структура книги претерпела изменения: были исключены архивные и печатные материалы о С.М. Михайлове, а также его письма, ранее большей частью опубликованные П.Г. Григорьевым и Е.В. Владимировым. Сверка текстов проводилась по фото- и машинописным архивным копиям и печатным трудам С.М. Михайлова, хранившимся в научном архиве и библиотеке института (последние поступили в 1966 г. в составе личной библиотеки казанского историка С.И. Порфирьева)[44], а также оперативно заказанным институтом в архивах и библиотеках Казани и Ленинграда[45]. Из сборника были исключены 10 трудов историка-самоучки, включая неподписанные рукописи: статья о С.М. Михайлове (ошибочно попала в этнографический раздел), археографическая публикация 1854 г. (см. о ней ниже), рукопись «Описание быта раскольников в Козмодемьянском уезде Казанской губернии» и др. Не всегда это было решением составителя, но также Чувашского обллита и руководителей архивов[46]. При этом 5 из от-

вергнутых рукописей: «Исторический взгляд на чуваш», «Историко-статистическое описание посадов, селений и пристаней по реке Волге в пределах Козмодемьянского уезда», «Историко-этнографический очерк быта чуваш. Общее заключение о чувашах», «Дневник 1855 г.» и черновые фрагменты статьи «Отчего чуваши давятся и какие правительству должно принять меры для предупреждения этого явления»[47] – были использованы в комментариях или напечатаны частично[48]. Дополнительно же включены 8 работ: («[О Козьмодемьянске]», «[Как управлять чувашами]», «Чебоксарцы-свиносудцы», «[Про вятчан]», «[О приходских училищах в чувашских селах]», «[Чувашские аристократы]», «[О Сарые]», «Еще о Сундырской горе»), которые представляют собой: отрывок из печатной статьи «Повесть о пребывании в городе Козьмодемьянске государя императора Павла Петровича с великими князьями Александром Павловичем и Константином Павловичем», 6 фрагментов упомянутых выше рукописей и одноименную газетную статью соответственно. Неполная публикация трудов была вызвана не только идеологическими причинами, но, по-видимому, и спешкой с изданием книги. Так, на научной сессии, посвященной 150-летию С.М. Михайлова (20 декабря 1971 г.) В.Д. Димитриев заявил, что некоторые из не вошедших в книгу рукописей достойны отдельной публикации (вероятно, имелся в виду «Историко-этнографический очерк быта чуваш…», как представляющий «большой научный интерес»[49]). Всего сборник включает 40 трудов, из них 28 являются публикациями прижизненными, 5 – советского времени.

В июне 1971 г. рукопись была сдана в типографию с просьбой организовать работу так, чтобы книга вышла к концу октября, то есть до юбилея С.М. Михайлова[50]. В связи с задержками набора из-за отсутствия нужного шрифта и внесения многочисленных исправлений в корректуру по мере получения материалов из архивов (за последнее институту был начислен штраф)[51], книга увидела свет только в феврале 1972 г.[52]

В постсоветский период открылись возможности для публикации всего творческого наследия С.М. Михайлова, интерес к которому постоянно растет. В 1996 г. Чувашский государственный институт туризма и сервиса по сборнику 1972 г. издал брошюру с избранными трудами С.М. Михайлова[53]. В 1996–2003 гг. В.Д. Димитриев и историки Марий Эл Г.Н. Айплатов и А.Г. Иванов опубликовали три труда чувашского самородка из числа отвергнутых в советское время[54]. В 2004 г. вышло в свет собрание сочинений С.М. Михайлова (составитель В.Д. Димитриев). Оно включает 57 трудов и 21 письмо (из последних 10 напечатаны впервые), то есть значительно дополнено по сравнению с первым изданием. Но по-прежнему не удостоились публикации названные выше черновые рукописи. Беловые рукописи и печатные статьи за единичными исключениями были напечатаны без использования черновиков или прижизненных переизданий. Не уменьшился список разыскиваемых трудов. Не были исправлены недостатки первого издания. При публикации писем зачастую не указаны пометы и служебные отметки, встречаются ошибки распознания текста (в т.ч. искажающие его смысл),

пропуски слов и предложений (например, в письме А.И. Артемьеву от 16 февраля 1852 г. пропущено более абзаца[55]), которые во многом перекочевали из их первых публикаций. Считаем, что в будущем при переиздании трудов С.М. Михайлова следует исправить допущенные ошибки.

Не был дополнен раздел археографических публикаций, хотя двумя переизданными статьями публикаторская деятельность С.М. Михайлова не исчерпывается. Скажем, в 1854 г. он получил от крестьянина П. Иванова дело о земельном споре между крестьянскими обществами деревень Хоракасы и Оринино Цивильского уезда XVIII в. со списками документов XVI – начала XVII в., копию которого представил в РГО. В.Д. Димитриев отверг рукопись на том основании, что в 1908 г. документы были опубликованы историком Н.Н. Ардашевым по оригиналам из Московского архива Министерства юстиции (в 1963 г. переизданы самим составителем)[56]. Была отклонена также владенная выпись 1685 г., данная Приказом Казанского дворца марийским крестьянам ряда деревень Козьмодемьянского уезда, напечатанная в «Казанских губернских ведомостях» в рубрике «Местная хронология» без заголовка (С.М. Михайлов назвал ее «Выписью о земельных угодиях горных черемис»). В примечании редакции сказано, что документ получен от члена-сотрудника РГО С.М. Михайлова, которым списан «слово в слово с подлинного акта»[57]. Сначала В.Д. Димитриев вслед за П.Г. Григорьевым включил труд в сборник сочинений С.М. Михайлова[58], но затем пришел к заключению о поддельности исторического документа и в последний момент исключил статью[59], а в издании 2004 г. обошел ее даже упоминанием. Действительно, документ содержит обороты речи, характерные для делопроизводственной практики XVIII в.; также в нем упоминается ландмилиция, организованная, как известно, в 1713 г. Можно согласиться с решением В.Д. Димитриева не перепечатывать статью с сомнительным документом, но она должна фигурировать в библиографии трудов С.М. Михайлова.

В издании 2004 г. помещена статья «Памятник преданности вере и царю» о часовне г. Козьмодемьянска, построенной в 1696 г. местными стрельцами – участниками взятия г. Азова, в память этого события. Ее рукопись без подписи автора обнаружил П.Г. Григорьев и безосновательно приписал С.М. Михайлову. Того же мнения придерживался В.Д. Димитриев[60]. В издании 2004 г. он назвал рукопись черновиком, хотя из отметки, сделанной на ее первой странице (воспроизведена в качестве иллюстрации) следует, что это список со статьи, опубликованной в девятом номере «Казанских губернских ведомостей» за 1851 г.[61] Обращение к подшивке газеты показало, что автором статьи является марийский краевед, священник с. Чермышева Козьмодемьянского уезда М.С. Кроковский (1812–1864)[62].

Землякам-современникам запомнился труд С.М. Михайлова о явлении иконы св. Николая Чудотворца в д. Юнга-Ядрино[63], одна из рукописей которого («Старинная часовня в дачах деревни Юнги-Ядриной Козьмодемьянского уезда Казанской губернии») числится разыскиваемой. Нам повезло отыскать ее. Как оказалось, в 1856 г. вместе с рукописью о самоубийствах

среди чувашей и двумя оттисками газетных статей автор представил ее в РГО, информация о чем появилась в годовом отчете о деятельности Общества[64]. Рукописи имеют гриф «Секретно», указаны дата и место их создания: «19 марта 1856 г. Козмодемьянск Казанской губернии»[65].

В.Д. Димитриев указал, что рукопись находится в Архиве РГО, но при этом включил ее в список разыскиваемых трудов[66]. Ныне она хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН в Фонде Р. IV (Рукописи трудов и отдельные документы, поступившие в Архив Академии наук от разных лиц и учреждений Академии наук) в составе дела, озаглавленного: «Материалы отдела этнографии РГО (статьи и исследования о чувашах)». Это авторская беловая рукопись с незначительными правками. Текст выполнен черными чернилами, имеется подпись: «Член-сотрудник императорского Русского географического общества Спиридон Михайлов»[67].

По содержанию рукопись повторяет более раннюю – «Описание обретения иконы Святителя и Чудотворца Николая в дачах деревни Юнги-Ядриной Козьмодемьянского уезда в 1777 году», опубликованную в издании 2004 г. Работу над «Описанием…» С.М. Михайлов начал в декабре 1851 г.[68] и завершил в январе следующего, после чего отдал на проверку некоей «духовной особе»[69] (по-видимому, священнику церкви с. Чемеево Козьмодемьянского уезда Ямбикову). 1 марта 1852 г. автор направил рукопись А.И. Артемьеву для публикации в редактируемой им газете. К письму были приложены два письма священника Ямбикова – на имя ядринского земского исправника и С.М. Михайлова, подтверждающие достоверность описанных событий[70]. По неизвестной причине статья в газете не появилась. В.Д. Димитриев считал, что она не заинтересовала редакцию, поскольку в печати того времени нередко сообщалось о святых образах, найденных в 1770-е гг.[71] Мы же полагаем, что А.И. Артемьев, переехавший в столицу (в начале марта 1852 г. выехал из Казани в Петербург на работу в статистический отдел МВД), забрал рукопись с собой. Вот почему она отложилась в его личном фонде в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург).

В 1856 г. С.М. Михайлов доработал статью, слегка изменил ее название и представил в РГО для публикации, что, заметим, было для него обычной практикой. Статья была дополнена информацией о том, что «в старину» Ядринский уезд входил в состав Нижегородской губернии[72], о чем автор узнал из надписи на иконе. Если в 1852 г. С.М. Михайлов знал по именам двух из трех чувашских крестьян, нашедших в 1777 г. в поле у д. Юнга-Ядрино икону Николая Чудотворца, то в 1856 г. к имени второго (Иштуван), добавил фамилию – Пигениев и назвал имя третьего (родственника Иштувана) – Сапхара. Указал также помещика Цветкова[73], который при участии духовенства отремонтировал часовню и поставил в ней большую икону святого в медной ризе[74]. Рукопись не была опубликована, но ее материал автор использовал в статье «Село Чемеево в Ядринском уезде», напечатанной в 1858 г. в «Казанских губернских ведомостях». Вновь найденная рукопись не имеет большой новизны, поэтому здесь не публикуется.

С.М. Михайлов вел обширную переписку, полученные письма сохранял в надежде, что потомки будут удивляться научным связям «писателя-самоучки»[75]. Вопреки утверждению В.Д. Димитриева о помещении в издании 2004 г. всех сохранившихся писем С.М. Михайлова[76], за его рамками остались как минимум три из них: священнику с. Малый Сундырь Козьмодемьянского уезда П.Д. Данилову (не датировано), Совету РГО от 3 января 1855 г. и к некоему Василию Павловичу от 15 апреля 1855 г. Отметим, что машинописные тексты второго и третьего письма и в пересказе – первого, находятся среди материалов, собранных П.Г. Григорьевым[77]. Как ранее не публиковавшиеся, письма печатаются в приложении к настоящей статье.

Первое письмо представляет собой не датированный черновик на двух листах с оборотами, на которых также имеются пробы пера и цифры, записанные в столбик. В письме С.М. Михайлов просит священника с. Малый Сундырь Козьмодемьянского уезда П.Д. Голосницкого (фамилия установлена В.К. Магницким) представлять ему фольклорные и этнографические материалы для отсылки в РГО. 16 февраля 1852 г. С.М. Михайлов сообщил А.И. Артемьеву некоторые сведения о своем адресате: «Теперь явился у меня и другой сотрудник, обещевающий доставить некоторое историческое описание […]. Этот человек есть священник села Малого Сундыря Козмод[емьянского] уезда. Я просил его уже два раза особыми моими письмами по его же предложению, для политики»[78]. По упоминанию о первой газетной публикации С.М. Михайлова, письмо написано между 7 января – 16 февраля 1852 г.[79] Судя по нему, С.М. Михайлов собирал среди крестьян информацию «об исторических древностях» и вербовал себе помощников из числа сельской интеллигенции. Письмо хранится в фонде Н.Я. Агафонова в Российском государственном архиве литературы и искусства (г. Москва). Публикуется по цифровой копии.

Второе письмо адресовано Совету РГО и содержит отчет С.М. Михайлова о научной деятельности за 1854 г. с перечислением трудов, созданных за отчетный год. В феврале 1855 г. С.М. Михайлов сообщил о письме председателю этнографического отделения РГО П.С. Савельеву, попросив поместить оттиски трех его газетных статей в «Вестнике» РГО или Журнале Министерства внутренних дел[80]. Письмо публикуется по машинописной копии П.Г. Григорьева, хранящейся в Научном архиве ЧГИГН.

Как оказалось, адресатом третьего письма является председатель Казанского губернского статистического комитета В.П. Траубенберг. С.М. Михайлов обратился к нему за содействием в получении служебной награды (судя по письму, речь идет о нагрудной медали), к которой в 1854 г. был представлен козьмодемьянским земским исправником И.П. Аркановым. Автор письма был хорошо знаком с В.П. Траубенбергом по членству в статистическом комитете, даже состоял с ним в переписке. Он писал, что тот любил его и «возбуждал к деятельности своими письмами, наполненными благородной искренностью»[81]. Можно думать, что обращение не дало результата, поскольку искомой медалью С.М. Михайлов был награжден четы-

ре года спустя, а именно 4 декабря 1859 г. по ходатайству казанского губернатора П.Ф. Козлянинова[82]. Отметим, что впервые к служебной медали С.М. Михайлов был представлен Козьмодемьянским земским судом в 1851 г. Питая надежду, что награда придаст ему веса в глазах сослуживцев, а также послужит примером для подражания «единоплеменным чувашам», тогда же краевед обратился за содействием к А.И. Артемьеву[83]. Тогда (в 1852 г.) дело завершилось объявлением ему «признательности», то есть благодарности «по распоряжению» МВД[84]. С.М. Михайлов жаловался, что его служба «ознаменована была важными подвигами, но он «долго оставался без награды»[85]. К слову, в 1855 г. С.М. Михайлов благодарил П.С. Савельева за содействие в ходатайстве о какой-то награде[86].

Вместе с разрозненными черновыми рукописями С.М. Михайлова племянник В.К. Магницкого (сын его сестры Ю.К. Аристовской), ученик Козьмодемьянского городского училища В.И. Аристовский[87] обнаружил письмо на чердаке бывшего дома ученого-самоучки и приобрел у домовладельца[88]. В.К. Магницкий передал находку Н.Я. Агафонову, надписав на стопке бумаг: «Автобиографические материалы о Спиридоне Михайловиче Михайлове (найдены на подволоке принадлежавшего ему дома учеником Козмодемьянского город[ского] училища Виктором Аристовским). 1883 г. Мая 25 д[ня]. В. Магницкий»[89]. Письмо хранится в РГАЛИ в фонде Н.Я. Агафонова[90]. Публикуется по фотокопии из Научного архива ЧГИГН.

Публикуемые документы подтверждают хорошее владение С.М. Михайловым разными видами деловых и частных писем, добавляют новые штрихи к его личности и творчеству. Письма публикуются по правилам археографии, принятым для документов XIX в., снабжены примечаниями и комментариями. В текстуальных примечаниях в круглых скобках приведены варианты исправлений.

Литература и источники

[1] *Михайлов С.М.* Собрание сочинений / сост. В.Д. Димитриев. Чебоксары, 2004. С. 28; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 845. Л. 163.

[2] *Димитриев В.Д.* Спиридон Михайлович Михайлов. Его труды и жизнь // С.М. Михайлов – первый чувашский этнограф, историк, писатель: сб. статей. Чебоксары, 1973. С. 6; *Михайлов С.М.* Собрание сочинений. С. 28.

[3] *Магницкий В.К.* Чувашин-этнограф Спиридон Михайлов // ИОАИЭ. 1901. Т. 17. Вып. 1. С. 77.

[4] *Михайлов С.М.* Собрание сочинений. С. 436.

[5] Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. II. Ед. хр. 168. Инв. № 378. Л. 3.

[6] *Магницкий В.К.* Дополнительные сведения о Спиридоне Михайловиче Михайлове // Казанские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1869. 17 декабря.

[7] [*Артемьев А.И.*] Заметка // Казанские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1854. 22 марта.

[8] *Михайлов С.М.* Собрание сочинений. С. 435; URL: https://www.simvolika.org/mars_144.htm (дата обращения: 17.06.2020).

[9] Цит. по: *Григорьев П.Г.* Спиридон Михайлов – первый чувашский историк, этнограф и фольклорист (к 150-летию со дня рождения) // История и культура Чувашской АССР. Чебоксары, 1971. Вып. 1. С. 363.

[10] *Михайлов С.М.* Собрание сочинений. С. 434.

[11] Там же. С. 427.

[12] Там же. С. 428; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 845. Л. 122.

[13] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 126. Л. 138.

[14] Там же. Ед. хр. 845. Л. 13.

[15] Отдел рукописей и редкой книги Федерального Казанского университета. Рук. № 361. Л. 58 об.

[16] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 845. Л. 14, 182, 183.

[17] *Михайлов С.М.* Собрание сочинений. С. 504–506.

[18] Там же. С. 420.

[19] Там же. С. 433.

[20] К слову, среди рукописей С.М. Михайлова, не имевших отметки о публикации, А.В. Знаменский не нашел двух работ: «Описание русской крестьянской свадьбы», созданной по впечатлениям от посещения русской свадьбы, и «Взгляд чувашей на правительство», написанной «по поводу представления чуваш и черемис в Нижнем Новгороде царской фамилии» (НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 126. Л. 138, 139). Возможно, в первом случае речь идет о статье «Свадебные обряды [русских] в Козьмодемьянском уезде Казанской губернии», напечатанной в 1858–1859 гг. в газете «Русский дневник».

[21] Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 281. Л. 21–22, 64–64 об.

[22] *Магницкий В.К.* Спиридон Михайлович Михайлов // Справочный листок г. Казани. 1867. № 103; *Его же*. Дополнительные сведения о Спиридоне Михайловиче Михайлове; *Его же*. «Царский дуб» в Козьмодемьянском уезде // Казанский телеграф. 1895. 12 января; *Его же.* Чувашин-этнограф Спиридон Михайлов. С. 76–78.

[23] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 47. Инв. № 126. Л. 2; *Григорьев П.Г.* Чăвашсен чи малтанхи писателĕ Спиридон Михайлов [Первый чувашский писатель Спиридон Михайлов] // Тăван Атăл. 1946. № 23–24. С. 113–126.

[24] *Михайлов С.М.* Собрание сочинений. С. 485, 487.

[25] ГИА ЧР. Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 67. Л. 92, 166, 245.

[26] Там же. Оп. 12. Д. 67. Л. 60.

[27] Там же. Д. 32. Л. 54–54 об.

[28] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 1111. Л. 723.

[29] ГИА ЧР. Ф. Р-1515. Оп. 12. Д. 67. Л. 59 об., 266.

[30] ГИА ЧР. Ф. Р-1898. Оп. 1. Д. 168. Л. 11–14; Д. 219. Л. 248.

[31] ГИА ЧР. Ф. Р-1515. Оп. 12. Д. 67. Л. 60.

[32] Там же. Д. 135. Л. 247.

[33] Там же. Д. 145. Л. 27.

[34] Там же. Л. 438.

[35] Там же. Л. 152; Д. 159. Л. 9.

[36] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 845. Л. 3, 9, 200–201.

[37] ГИА ЧР. Ф. Р-1515. Оп. 12. Д. 163. Л. 3.

[38] Там же. Д. 159. Л. 98, 121.

[39] Там же. Д. 159. Л. 494.

[40] Там же. Д. 188. Л. 10 об.

[41] Там же. Д. 191. Л. 38–40.

[42] *Иванов А.Г.* Новые материалы к биографии С.М. Михайлова (1821–1861) // Марийский археографический вестник. 2011. № 21. С. 190.

[43] ГИА ЧР. Ф. Р-1515. Оп. 12. Д. 32. Л. 54 об.

[44] Там же. Л. 14.

[45] Там же. Д. 188. Л. 553.

[46] *Михайлов С.М.* Собрание сочинений. С. 466; *Димитриев В.Д.* О чувашском ученом и писателе середины XIX века С.М. Михайлове и его сочинениях о чувашах, марийцах и русских Волжско-Сурского края: учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. С. 172.

[47] Фотокопия этой рукописи была предоставлена институту Д.Е. Егоровым (ГИА ЧР. Ф. Р-1515. Оп. 12. Д. 188. Л. 14). Позднее В.Д. Димитриев опубликовал статью в 2003 и 2004 гг.

При этом слегка исказил ее название: в оригинале слово «правительство» написано в дательном, а не именительном падеже.

[48] *Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории… С. 374–378.

[49] ГИА ЧР. Ф. Р-1515. Оп. 12. Д. 184. Л. 189, 189 об.; *Димитриев В.Д.* Спиридон Михайлович Михайлов. Его жизнь и труды. С. 21, 22.

[50] ГИА ЧР. Ф. Р-1515. Оп. 12. Д. 188. Л. 302.

[51] Там же. Д. 188. Л. 585.

[52] Там же. Д. 201. Л. 64.

[53] Спиридон Яндуш – ученый и писатель. 1821–1861. Избранные труды. Чебоксары: Отдел оперативной полиграфии ЦНТИ, 1996. 72 с.

[54] См.: *Михайлов С.М.* Собрание сочинений. С. 21, прим.

[55] В абзаце рассказывается о реакции козьмодемьянцев на отклонение редакцией «Казанских губернских ведомостей» статьи С.М. Михайлова «Верноподданическая любовь к государю, оказанная крестьянином-рыбаком Труневым»: «Здешние козмодемьянские крестьяне подвиг рыбака Трунева в поднесении рыбы государю императору все знают. Знают и высшие граждане, так как это делалось в виду всех зрителей. Граждане вообще очень сожалеют, что редакция статью сию оставила без внимания. Но того, конечно, они не понимают, что на это есть воля Вашего высокоблагородия: достойна она или нет… Статья сия, хотя и не печаталась, но я имел удовольствие получить благодарность от того же г-на Сусоколова, которому показывал черновой рассказ вместе с письмом Вашим, и, как благодарность сия тоже объявлена мне в письме, то я с оного представляю тоже копию (список письма Н.И. Сусоколова С.М. Михайлову от 9 февраля 1852 г. сохранился. – *Ю.Г.*) для видимости Вашего высокоблагородия» (НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 168. Инв. № 378. Л. 20–21. Фотокопия).

[56] *Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории… С. 400; *Димитриев В.Д.* Документы по истории народов Среднего Поволжья XVI – начала XVII веков // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1963. Вып. 23. С. 106–126.

[57] Местная археология // Казанские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1854 г. 9 августа. С. 184–185.

[58] ГИА ЧР. Ф. Р-1515. Оп. 12. Д. 188. Л. 13.

[59] *Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории… С. 399.

[60] *Димитриев В.Д.* Спиридон Михайлович Михайлов. Его жизнь и труды. С. 16.

[61] *Михайлов С.М.* Собрание сочинений. С. 139.

[62] *Кроковский М.С.* Памятник преданности вере и царю // Казанские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1851. № 9. 26 февраля. С. 81–83.

[63] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 845. Л. 172.

[64] Там же. Л. 133.

[65] Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. Р. IV. Оп. 1. Д. 946. Л. 12–16 об.

[66] *Михайлов С.М.* Собрание сочинений. С. 497, 504.

[67] Выражаем признательность коллеге Д.В. Басманцеву, сфотографировавшему рукопись по нашей просьбе.

[68] *Михайлов С.М.* Собрание сочинений. С. 416.

[69] Там же. С. 420.

[70] Там же. С. 423.

[71] Там же. С. 444.

[72] С 1714 по 1781 г. Ядринский уезд входил в состав Алатырской провинции Нижегородской губернии.

[73] Речь идет о титулярном советнике, асессоре Пермской губернской строительной комиссии Иосифе Илларионовиче Цветкове (1806–1852), помещике д. Юнга Козьмодемьянского уезда (89 крестьян муж. пола, 344 дес. земли) <Казанское дворянство 1785–1917 гг. Генеалогический словарь / сост. Г.А. Двоеносова. Казань, 2001. С. 592>. В.К. Магницкий в черновом списке рукописи С.М. Михайлова о самоубийствах среди чувашей, после слов об аптеке Цветкова, которой пользовались и чувашские крестьяне, сделал примечание: «Цветков убит в конце 40-х или в начале 50-х годов за притеснения своими собственными крестьянами. По рассказам отца, священника К.Е. Магницкого, убийство Цветкова совершилось так. Цветков

был холостой, неженатый, имел обыкновение выезжать в Козмодемьянск под вечер. В условленный убийцами день кучер Цветкова под разными предлогами оттянул выезд до самого вечера. Убит Цветков близ нынешнего села Юнги-Ядриной. Убийцы вышли из ржи, накрывшись чем-то белым. Цветков перед убийством в карете заснул. Убийцы ударили его в грудь осью: они считали его чуть не колдуном, почему и употребили такое орудие. В соглашении с убийцами был и ехавший с Цветковым казачок-лакей. Впоследствии убийцы сознались и сосланы в Сибирь. По словам сестры (Александры <сестра В.К. Магницкого. – *Ю.Г.*>), Цветков «нападал на баб», требовал, чтоб они ходили на жнитво не в сарафанах, а рубашках и давали бы ему по новине (суровый небеленый холст. – *Ю.Г.*). Новины от них принимал он сам. Если чья новина ему не нравилась, то он бил баб теми же новинами. Из-за этого мужики на Цветкова злились. На месте убийства Цветкова до сих пор стоит часовня – деревянный столб. Чуваши чтут это место как <киреметь>» (НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 368. Инв. № 2930. Л. 39–40). С.М. Михайлов по службе участвовал в суде по делу об убийстве И.И. Цветкова (*Григорьев П.Г.* Спиридон Михайлов – первый чувашский историк, этнограф и фольклорист. С. 364).

[74] СПбФ АРАН. Ф. Р. IV. Оп. 1. Д. 946. Л. 15 об.

[75] *Михайлов С.М.* Собрание сочинений. С. 437.

[76] Там же. С. 22.

[77] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 845. Л. 123, 152–153, 182–183.

[78] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 168. Инв. № 378. Л. 20.

[79] *Михайлов С.М.* Собрание сочинений. С. 424.

[80] Там же. С. 428–429.

[81] Там же. С. 32.

[82] Там же. С. 435.

[83] Там же. С. 417, 425.

[84] [*Артемьев А.И.*] Заметка // Казанские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1854. 22 марта.

[85] *Михайлов С.М.* Собрание сочинений. С. 32.

[86] Там же. С. 428.

[87] П.Г. Григорьев и В.Д. Димитриев ошибочно прочитали фамилию как «Артуковский» (НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 845. Л. 180; *Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории … С. 372).

[88] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 845. Л. 231.

[89] Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1215. Оп. 1. Д. 15. Л. 560.

[90] РГАЛИ. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 15. Л. 563–564 об.

Yu.V. Gusarov

ABOUT THE HISTORY OF THE PUBLICATION AND NEWLY IDENTIFIED WORKS OF THE FIRST CHUVASH ETHNOGRAPHER, HISTORIAN AND THE WRITER S.M.MIKHAILOV

For the first time, the issue of publishing a collection of works of the first Chuvash ethnographer, historian and writer S.M. Mikhailov in the second half of the XIX century was raised by the ethnographer V.K. Magnitsky, but was not heard. In the 1950s and 1960s, P.G. Grigoriev prepared a collection of selected works by S. M. Mikhailov, which was revised by V.D. Dimitriev and published in 1972 by the Chuvash research Institute of language, literature, history and Economics. The book does not include previously published letters of S.M. Mikhailov, a number of draft manuscripts and works of religious and loyalist content. In the post-Soviet period, three of the last works were published. In 2004, V.D. Dimitriev supplemented the collected works of S.M. Mikhailov, which is not complete. In the archives of St. Petersburg, Moscow and Cheboksary author managed to find unpublished: the manuscript by S.M. Mikhailov, dedicated the chapel of D. cabin boy-Adrenal Kozmodemyansk uyezd in the Kazan province (1856) and by three letters: the Russian geographical society (1855), the priest of the village of Small Sundyr ' Koz County P.D. Glosnicka (1852) and the Chairman of the Kazan provincial statistical Committee V.P. Traubenberg (1855). The manuscript is an expanded version of an earlier written work, the letters are of a business nature (published in the Appendix to this article).

Keywords: S. M. Mikhailov, Chuvash studies, Archeography, source studies, historiography, Ethnography of Chuvashia and Mari El.

Приложение

[1852 г., не ранее января 7 – не позднее февраля 16] – 1855 г., апреля 15. – Три неизвестных письма первого чувашского историка, этнографа и писателя С.М. Михайлова

I

[1852 г., не ранее января 7 – не позднее февраля 16][1]**.** *– Письмо С.М. Михайлова священнику с. Малый Сундырь Козьмодемьянского уезда Казанской губернии П.Д. Голосницкому о предоставлении материалов для Русского географического общества*

Ваше благословение милостивейший отец и духовный пастырь Петр Данилович![a]

Известно мне, что Вы в селе Троицком, Аккозино тож, находитесь в настоящем священном звании[b] уже 15 лет и как добрый пастырь словесных овец, постоянно[c] имеете наблюдение за образом жизни прихожан своих[d], новокрещенных черемис, *будучи притом Вы[e] облечены званием наставника в приходском училище для обучения[f] детей этого народа, согласно благонамеренной цели правительства*[g], чрез каковое обращение Ваше с ними[h], конечно[i], довольное приобрели Вы[j] ознакомление с их бытом во всех отношениях. Этому[k] служат[l] ясным доказательством и отзывы[m] самих черемис, переданные мне[n] при некотором с ними разговоре и вопросах моих об исторических древностях[o] в окрестностях их селений, находящихся и оставшихся[p] после эпохи владычества татар.

Позвольте, Ваше благословение, при сем случае[q] передать[r] уже Вам[s] и о своем значении: я, продолжая службу в Козмодемьянском з[емском] су-

---

[a] Приписано карандашом рукой В.К. Магницкого: «(Голосницкий, священник с. Малого Сундыря)».

[b] Написано над зачеркнутым: «сане».

[c] Исправлено из: «постоянное».

[d] Далее зачеркнуто: «черем[ис]».

[e] Написано над строкой.

[f] Далее зачеркнуто: «череми[с]».

[g] *-* Вставка на левом боковом поле.

[h] Исправлено из: «к ним».

[i] Написано над зачеркнутым: «приобр[ели]».

[j] Написано над строкой.

[k] Написано над зачеркнутым: «чему».

[l] В документе: «служит».

[m] Написано над зачеркнутым: «и сло[ва]», «и слова».

[n] Далее зачеркнуто: «с ними при моих».

[o] Далее зачеркнуто: «между».

[p] Далее зачеркнуто: «… (не читаются три буквы. – *Ю.Г.*) в здешнем уезде вла».

[q] Далее зачеркнуто: «сно».

[r] Далее зачеркнуто: «мне».

[s] Далее зачеркнуто: «уже».

де четвертое уже трехлетие указным переводчиком чувашского языка, также[a] довольно приобрел[b] сведений и относительно моих[c] единоплеменных чуваш – сведений[d], достойных внимания Географического общества, учрежденного[e] в С[анкт-]Петербурге *под председательством его импера[торского] высочества великого князя Константина Николаевича*[f] с целию собирать сведения 2*о России: географические, статистические и этнографические. В последнем отношении Общество занимается исследованием народного быта, обычаев, привычек, правил житейских, языка и вообще жизни народной во всех концах обширного нашего Отечества. Сюда относятся не только сведения о вещественном, но и о нравственном быте народа, как напр[имер] 2*[g]: 1[-е], народные сказки, байки, побасенки, песни, предания; 2-е, народные обычаи, поверья, суеверия, приметы; 3-е, пословицы, поговорки, скороговорки, присловья, изречения, загадки; 4-е, словари простонародного языка и местных наречий, с показанием употребительного ударения и примеров в складе речи, произношения и географического распространения различных наречий и проч.

Я, согласно высочайшей воле августейшего сына, помазанника Божия[h], доставивши одно[i] описание[j] исторического события[k] в редакцию[l], успел[m] заслужить[n] и[o] доверие одного из членов этого высокого Общества, именно: 3*г-на профессора и3*[p] магистра исторических наук Казанского университета[q] и редактора[r] наших губернских ведомостей Александра Ивановича[s] Артемьева с получением даже[t] благодарности от самой редакции, распубликованной в № 2-м[u] сих ведомостей, вышедших за настоящий год[2].

---

[a] Написано над строкой.

[b] Далее зачеркнуты две нечитаемые буквы.

[c] Написано над зачеркнутым: «своих».

[d] Написано над строкой.

[e] Далее зачеркнуто: «с це[лью]».

[f] *-* Вставка на левом поле.

[g] 2*-2*. Написано на левом и нижнем поле вместо: «ознакомление с бытом всех народов нашего обширного Отечества. Сюда относятся сведения же сии заключаются должны заключать следующие предметы: а) сведения же какие д[олжны] необходимы для августейшего сына, помазанника Божия, какие должны быть следующие».

[h] Далее зачеркнуто: «в заключение сего», «всего этого», «в заключение сего докладываю Вам, что я».

[i] Далее зачеркнуто: «описанием, а по занятию моему некоторыми сам».

[j] Написано на левом поле.

[k] Исправлено из: «историческими событиями».

[l] Далее зачеркнуто: «в… (не читаются две буквы. – *Ю.Г.*) я хотя инородец, но могу похвалиться, что».

[m] Далее зачеркнуто: «я».

[n] Далее зачеркнуто: «доверие некоторыми своими трудами».

[o] Написано над строкой.

[p] 3*-3* Написано над строкой вместо зачеркнутого: «от».

[q] Далее зачеркнуто: «Але[ксандра]».

[r] Далее зачеркнуто: «Каз[анских]».

[s] Далее зачеркнуто: «господина».

[t] Написано вместо зачеркнутого: «и».

[u] Далее зачеркнуто слово из трех букв, возможно, недописанное: «сих».

Почему[a], обращаясь к Вашему благословению, осмеливаюсь я всепокорнейшее Вас просить удостоить меня сообщением[b] нужных для Географического общества сведений по выше прописанным предметам, а равно и исторических[c], если у Вас таковые имеются для представления к г-ну[d] магистру [4*]исторических наук[4*e] [5*]Алекс[андру] Ивановичу[5*f] Артемьеву[g], а чтобы быть[h] Вам уверенными в доверенности ко мне г-на Артемьева, имею честь при сем препроводить один экземпляр повести моей[i], нашедшей место в истории здешнего края[j], распубликованной[k] в «Ведомостях» № 2-го.

Примите уверение[l] в истинном моем к Вам высокопочитании[m], с каковым навсегда пребуду Вашего благословения, милостивейшего отца и пастыря послушный раб [2*]и духовный сын[2*n], земского суда указный переводчик Спиридон Михайлов.

РГАЛИ. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 14. Л. 641–642 об. Подлинник. Черновик.

II

1855 г., января 3. *– Письмо С.М. Михайлова Совету Русского географического общества с отчетом о научных занятиях за 1854 г.*

В Совет императорского Русского географического общества.

В 1854 году занятия мои заключались в следующих трудах:

1. Занимался собиранием разных этнографических сведений о русской народной жизни Козмодемьянского уезда, как то: песнях, свадебных обрядах, поговорках, прибаутках, загадках и проч. Все это будет представлено особо[o].

2. Собираю для местной археологии старинные грамоты, из коих две пропечатаны в «Казанских губернских ведомостях» 1854 г. № 13 «О име-

---

[a] Далее зачеркнуто: «я».

[b] Далее зачеркнуто: «вышеопи[санных] всех те».

[c] Далее зачеркнуто: «есть», «какие у Вас могут».

[d] Далее зачеркнуто: «члену этого Общества Артемьеву».

[e] 4*-4* Написано над строкой.

[f] 5*-5* Написано над строкой.

[g] Далее зачеркнута сноска: «если», «но если».

[h] Далее зачеркнуто: «ув[еренным]».

[i] Далее зачеркнуто: «распуб[ликованной]».

[j] Далее зачеркнуто: «и в…».

[k] Написано вместо: «ведом[остях]».

[l] Написано над зачеркнутым: «с истин[ным]».

[m] Далее зачеркнуто: «и не оставляйте ме[ня]».

[n] 2*-2* Написано вместо зачеркнутого: «Спиридон Михайлов».

[o] Одним из результатов этой работы стала статья «Свадебные обряды [русских] в Козьмодемьянском уезде Казанской губернии», в 1859 г. опубликованная в газете «Русский дневник».

новании встарь чуваш татарами» и в № 32 «Выпись о земельных угодиях горных черемис», но другие акты мною еще не выпущены.

3. Представлено в Географическое общество от 7-го мая 1854 г. при № 17 статья «О происхождении чуваш».

4. В «Казанских губернских ведомостях» напечатаны статьи мои: «Свадьбы горных черемис» № 36 и 37, «Статистические очерки Козмодемьянского уезда» в № 40 и 41 и «Простонародные игры “капустки”» в № 43, 44, 45. Каковые статьи в отдельных трех брошюрах при сем имею честь представить вместе с настоящим описанием Козмодемьянского уезда за 1852 г., окончание которого пропечатано в «Казанских губернских ведомостях» 1853 г. в № 45, 47 и 50[3].

Подпись: Член-сотрудник Спиридон Михайлов.

3 января 1855 г., г. Козмодемьянск Казанской губ[ернии].

НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 845. Л. 123. Машинописная копия 1968 г. Беловик.

III

1855 г., апреля 15. *– Письмо С.М. Михайлова председателю Казанского губернского статистического комитета В.П. Траубенбергу о содействии в получении государственной награды*

Ваше высокородие милостивый государь Василий Павлович! По служению моему пятое трехлетие при Козмодемьянском земском суде переводчиком чувашского языка, с отличием, засвидетельствованным признательностию начальства по распоряжению МВД, наконец, в прошлом 1854 году г[осподин] здешний земский исправник от 5 марта за № 103-м входил с представлением в губернское правление об исходатайствовании мне приличной награды вследствие новых служебных подвигов, оказанных в последнее время.

Губернское правление указом от 20 апреля 1854 г. за № 3274-м дала знать г[осподину] исправнику, «*что оное*[a] в справедливом внимании к трудам и долговременной примерно-отличной и полезной службе моей, признавая меня вполне достойным награды, определило предоставить г[осподину] начальнику губернии войти[b] о сем с представлением г[осподину] министру внутренних дел, передав вместе с тем в канцелярию Его превосходительства с постановления своего копию обще с подлинным рапортом исправника и формулярным моим списком».

Теперь дальнейшее ходатайство зависит от воли Его превосходительства и Вашего высокородия. По крайней мере, я убежден, что Вы, отец-благодетель, примите в сем случае участие во мне, потому что благородные

[a] *-* Написано над строкой вместо зачеркнутого: «что оное», «что оное».

[b] В документе: «войдти».

деяния Ваши давно ознаменовываются покровительством и милостями к подчиненным как первого предстателя у отца-начальника губернии, [2*]а по нем[2*a] и у правительства; Вашими отеческими заботами многие[b] бедные утешены, а ревностные служаки поощрены.

Конечно, не следовало бы мне утруждать[c] особу Вашего высокородия, облеченную многотрудными обязанностями и отрывать у Вас, отец-благодетель, дорогие минуты, посвещенные[d] на служение Отечеству, но нечего делать, виноват я, малый[e] раб: на первой раз, а может быть и навсегда происхождение мое[f] не в силах дать мне лучших достоинств, кроме ходатайствуемого отличия, [3*]которого для меня было бы довольно[g], чтобы показать пример своим родичам, на славу которых оставил я отчий дом с детства[3*h], что добродетель без вознаграждения[i] не остается, и что[j] за Богом молитва, а за царем служба не пропадают[k].

На основании этих самых причин, повергая себя под покровительство Вашего высокородия, осмеливаюсь утруждать [4*]своею просьбою[4*l] Вас, добрый наш начальник и предстатель Василий Павлович[m], обратить отеческое внимание на меня, беднейшего из бедных[n], если[o] возможно[p] – употребить Ваше благоразумие на отправление в дальнейший ход сделанного обо мне представления при настоящих благоприятных обстоятельствах.

Может быть, десница нашего[q] помазанника Александра[4] украсит молодую грудь трудолюбивого финна так же, как не забыл и в Бозе почивший монарх[5] моих двух братьев-атлетов переводом в гвардию[6]. Прославьте, [*]отец [и] защитник[*s] Василий Павлович, инородца-христианина пред мусульманами[t]. Заставьте меня гордиться именем Вашим! [2*]Тогда я, воспоминая[2*u]

---

[a] 2*-2* Написано над зачеркнутым: «а также».

[b] Слово написано над строкой.

[c] Далее зачеркнуто: «своею просьбою».

[d] Так в оригинале.

[e] Написано над зачеркнутым: «презренный».

[f] Далее зачеркнуто: «не в сост[оянии]».

[g] Далее зачеркнуто: «и я тогда б показал».

[h] 3*-3* Написано вместо: «ибо я есть низкий презренный финн, но однако ж финн, возлюбивший Святую Русь и оставивший для нее хижину (дом) (который оставил я отчий дом, отчий дом своего) Яндуша (своего) с детства, чтобы и самому соделаться русским на славу своих родичей, среди которых (над которыми), ныне торжествуя, ищу других примеров (другой для них пример) и хочу доказать, что бедность не беда».

[i] Далее зачеркнуто: «у».

[j] Восстановлено над зачеркнутым: «и что».

[k] Далее зачеркнуто: «хотя поло»; прочитано предположительно.

[l] 4*-4* Написано над строкой.

[m] Далее зачеркнуто: «своею просьбою».

[n] Далее зачеркнуто: «и».

[o] Далее зачеркнуто: «вож».

[p] Далее зачеркнуто: «прикажите дать».

[q] Далее зачеркнуто: «монар[ха]».

[s] *-* Написано вместо: «добрый защитник наш отец».

[t] Далее зачеркнут восклицательный знак.

[u] 2*-2* Написано вместо: «и чтобы я (и тогда я), бедняк, воспоми[ная]».

благодеяния Ваши, буду[a] проливать[b] благодарные слезы навсегда[c]: бедняк лучше благодарить не умеет.

Простите меня[d], не отнесите сию отвагу к дерзости[e]: основана оная собственно на Вашей высокой и благородной добродетели[f], позвольте полагать на ту же добродетель надежду [3*]и в том[3*g], что [4*]за сии строки [4*h] трепетать[i] [5*]и ожидать упрека не будет[5*j].

Вашего высокородия покорнейший слуга С. Михайлов, член-сотрудник императорского Русского географического общества и переводчик чувашского языка.

15 апреля 1855 г. Козмодемьянск.

НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 368. Л. 69–72. Фотокопия. Черновик.

Комментарии

[1] Письмо датировано по упоминанию первой публикации С.М. Михайлова в газете «Казанские губернские ведомости» (7 января 1852 г.) и его письму А.И. Артемьеву от 16 февраля 1852 г. с упоминанием о данном письме (НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 168. Инв. № 378. Л. 20).

[2] Имеется в виду благодарность редакции С.М. Михайлову за статью о посещении Павлом I Козьмодемьянска.

[3] Имеются в виду газетные оттиски упомянутых статей. В «Вестнике императорского Русского географического общества» (СПб., 1855. Ч. 14. С. 33) перечислены поступившие от С.М. Михайлова четыре отдельные брошюры: «Статистическое описание Козмодемьянского уезда за 1852 год», «Статистические очерки Козмодемьянского уезда», «Свадьбы горных черемис Казанской губернии» и «"Капустки", простонародные игры в Козмодемьянском уезде» (НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 845. Л. 132). Вероятно, при копировании письма П.Г. Григорьев допустил механическую ошибку: заключительная часть статьи «Статистическое описание Козмодемьянского уезда (за 1852 год)» опубликована в № 51 «Казанских губернских ведомостей», причем с указанием: «Продолжение следует» (Казанские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1853. 14 декабря. № 51. С. 411–412).

[4] Упомянут император Александр II.

[5] Упомянут император Николай I.

[6] Упомянуты братья С.М. Михайлова Димитрий и Николай. Известно, что Димитрий Михайлов (старший из пяти братьев) служил барабанщиком в гвардейской резервной артиллерийской бригаде, расквартированной в Охтинском пороховом заводе, а Николай Михайлов – в Санкт-Петербургском гренадерском полку короля Фридриха Вильгельма III (НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 845. Л. 144–145).

---

[a] Слово написано над строкой.

[b] Исправлено из: «проливал».

[c] Далее зачеркнуто: «потому что финн иначе благодарить не умеет (иначе я)».

[d] Далее зачеркнуто: «непри…»; далее не читаются 5–6 букв.

[e] Далее зачеркнуто: «основано».

[f] Написано над зачеркнутым: «доброте».

[g 3*-3*] Написано над строкой.

[h 4*-4*] Написано над зачеркнутым: «сими сердце мое не будет».

[i] Далее зачеркнуто: «сердце».

[j 5*-5*] Написано над зачеркнутым: «что оскорбил своими (сами) строками особу», «за сии строки».

УДК 94(470)”1941/1942”

ЧГВ, 2020 г., № 15
© О.А. Кошкина

СТРОИТЕЛЬСТВО ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ РУБЕЖЕЙ В 1941–1942 ГОДАХ НА ТЕРРИТОРИИ МАРИЙСКОЙ И ЧУВАШСКОЙ АССР

Статья посвящена оборонному строительству в годы Великой Отечественной войны на территории Марийской и Чувашской АССР. Приведен краткий обзор историографии. Анализируются документы Государственного комитета обороны СССР. По материалам республиканских архивов изучена география оборонительного рубежа, сроки строительства, количество занятого населения, трудности с материальными и людскими ресурсами.

Ключевые слова: Волжский оборонительный рубеж, Сурский оборонительный рубеж, Казанский обвод, Марийская АССР, Чувашская АССР, Государственный комитет обороны, управления оборонительного строительства.

Тема строительства оборонительных рубежей, участия в этой работе жителей тыловых регионов СССР мало изучена как в отечественной, так и в региональной историографии. В последние годы активизировалось изучение вопросов строительства оборонительных рубежей учеными тех республик, где проходил этот трудовой фронт. В данной статье мы рассмотрим оборонное строительство в годы Великой Отечественной войны на территории двух соседних республик – Марийской и Чувашской АССР.

В коллективной монографии «История Чувашии новейшего времени» теме строительства оборонительного рубежа уделено внимание в разделе «Военно-оборонная работа»[1]. В 2011 г. вышла брошюра А.В. Ерлыгина «Сурский и Казанский оборонительные рубежи», переизданная в 2012 г.[2] Автор публикует документы строительства и частично освещает сам процесс работы в зимних условиях на основе рассекреченных в 2005 г. материалов из Государственного архива современной истории Чувашской Республики.

В 2011 г. в «Чувашском гуманитарном вестнике» была опубликована статья Д.А. Захарова о военно-инженерном строительстве на территории Чувашской АССР (Сурский и Казанский оборонительный рубежи)[3]. Автор,

Ольга Анатольевна Кошкина – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева; e-mail: koshkina_81@mail.ru.

основываясь на документах республиканских и центральных архивов, подробно изучил структуру рубежей, точнее, той их части, которая проходила по Чувашии, организацию работ, кадровый состав, условия жизни и работы строителей и т.п. Некоторые сведения о строительстве оборонительных рубежей на территории Марийской и Чувашской АССР содержатся в статье В.В. и М.В. Тимофеевых, опубликованной в сборнике материалов II Всероссийской (X Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья[4].

В 2015 г. был издан сборник документов «В тылу как на фронте», первый раздел которого посвящен истории строительства оборонительных рубежей на территории Чувашии[5]. Материалы по строительству Сурского оборонительного рубежа и Казанского обвода в Чувашской АССР представлены в работе Т.А. Соловьевой и М.М. Алексеевой[6]. Документы, представленные в статье, публикуются впервые.

Строительство оборонительного рубежа непосредственно на территории Марийской республики получило освещение в работах О.А. Кошкиной[7].

13 октября 1941 г. вышло постановление ГКО «Об оборонительном строительстве»[8]. При Наркомате обороны СССР (НКО) было создано Главное управление оборонительного строительства (ГУОБР), первоочередной задачей которого было форсированное строительство намеченных оборонительных линий и полевых укреплений. В распоряжение ГУОБРа были переданы строительные организации НКВД, работавшие по оборонительному строительству, и организована саперная армия в 300 тыс. чел. Непосредственно этому управлению подчинялись военно-полевые армейские и фронтовые строительные организации [так называемые военно-полевые строительства (ВПС)]. Начальником ГУОБРа был назначен руководитель Главного военно-инженерного управления (ГВИУ) НКО СССР генерал Л.З. Котляр, а общее руководство оборонительным строительством было поручено наркому внутренних дел Л.П. Берии.

География строительства делилась на две основные линии. Первая линия проходила «от Медвежьей Горы по восточному берегу Онежского озера и восточному берегу Екатерининского канала, Череповецкий УР (укрепленный район. – *Авт.*), Рыбинско-Ярославско-Иваново-Вознесенский УР, линия реки Ока, Цна, Дон в районе Лебедынь и далее на юг по восточному берегу Дона…». Вторая – «по северному и восточному берегу Волги от Горьковского УРа до Астрахани, с УРами Казанским, Ульяновским, Куйбышевским (двойная линия), Саратовским, Сталинградским»[9].

Первоначально срок окончания работ устанавливался до 10 декабря 1941 г. На территории тыловых регионов оборонительный рубеж строился силами местного населения. Кроме того, материально-техническое обеспечение строительства также ложилось на эти регионы.

В этой связи представляет интерес следующий документ из фонда ГКО. Это проект постановления, составленный в декабре 1941 г. и подписанный

наркомом внутренних дел СССР Л.П. Берией, заместителем председателя СНК СССР А.И. Микояном, генерал-майорами Л.З. Котляром и С.И. Ширяевым, об освобождении колхозников, занятых на строительстве, и транспорта от сельскохозяйственных работ, в частности, «обмолота и вывозки хлебов»[10].

К проекту приложена справка о сроках освобождения местного населения, занятого на строительстве укрепленных рубежей, в которой указывалось и количество мобилизованного местного населения. Так, в Вологодской области на строительстве работало 50 тыс. чел. из местного населения, Ярославской – 83 тыс., Ивановской – 82 тыс., Горьковской – 137 тыс., Рязанской – 18 тыс., Тамбовской и Воронежской – 74 тыс., Куйбышевской – 70 тыс., Пензенской – 18 тыс., Саратовской – 27 тыс., Сталинградской – 38 тыс., Ростовской – 45 тыс., Орджоникидзевском крае – 86 тыс., Краснодарском – 83 тыс., Татарской АССР – 104 тыс., Марийской АССР – 26 тыс., Чувашской АССР – 70 тыс., Мордовской АССР – 60 тыс., Калмыкской АССР – 10 тыс., Дагестанской АССР – 28 тыс., Чечено-Ингушской АССР – 32 тыс., Северо-Осетинской АССР – 11 тыс., Кабардино-Балкарской АССР – 22 тыс. В итоге общая численность местного населения, занятого на строительстве, составляла 1 млн 174 тыс. чел.[11]

Нужно отметить, что данные документы достаточно информативны. В них содержатся материалы о протяженности рубежей и выполненных работах. Указанная справка в виде сводки по состоянию на 25 декабря 1941 г. была представлена Л.З. Котляром Л.П. Берии, данные из нее представляем в следующей таблице[12]:

Управление	Наименование рубежей	Общая протяженность по фронту, км	Общее количество рабочих, тыс. чел.
№ 1 г. Пудож	Укрепленные районы по восточному берегу Онежского озера	–	9,4
№ 2 г. Вологда	Вытегра-Рыбинское водохранилище, обвод г. Вологда	535	93,3
№ 3 г. Ярославль	Обвод гг. Ярославль и Рыбинск, Заволожский рубеж	470	133,7
№ 4 г. Куйбышев	Обводы гг. Куйбышев, Ульяновск	340	99,1
№ 5 г. Сталинград	Обводы гг. Сталинград и Астрахань, Гуссенбах –Чернышевская	780	128,7
№ 6 г. Пенза	Устье р. Барыш – Петровск, обвод г. Пенза	435	118,0
№ 7 г. Саратов	Обвод гг. Саратов, Петровск – Гуссенбах (по р. Медведица)	450	77,3
№ 8 г. Ростов-на-Дону	Обвод гг. Ростов-на-Дону, Кагальник-Цымлянская, Чернышевская-Цымлянская	655	84,8
№ 9 г. Краснодар	Обводы гг. Тихорецк, Ворошиловск и Краснодар, Суворовская – устье р. Кубань, позиции на Таманском полуострове	945	143,0

№ 10 г. Грозный	Обводы гг. Грозный и Минеральные Воды, устье р. Новый Терек – Суворовская	715	119,0
№ 11 г. Казань	Обвод г. Казань, Заволжский рубеж	475	170
№ 12 г. Чебоксары	Васильсурск – устье р. Барыш (по р. Сура)	220	48,4
№ 13 г. Горький	Обвод г. Горький, Заволжский рубеж, рубеж по р. Ока	1000	167,1
№ 14 г. Владимир	Владимирский рубеж	380	28,0
№ 15 г. Шацк Рязанской области	Устье р. Мокша – устье р. Челновая	250	17,9
№ 16 г. Борисоглебск	Устье р. Челновая – Богучар	400	74,3
№ 20 г. Иваново	Обвод г. Иваново, Заволжский рубеж	410	68,3
Всего		8460	1580,3

Строительство Волжского оборонительного рубежа и «Казанского обвода» было поручено 11-му Управлению оборонительного строительства (УОС) Наркомата обороны СССР, штаб которого располагался в Казани, а строительство Сурского оборонительного рубежа – 12-му УОС, расположенному в Чебоксарах[13].

По территории Чувашской АССР проходили две оборонительные линии – Сурский рубеж и Казанский обвод, общей протяженностью 380 км[14]. Сурский оборонительный рубеж проходил от с. Засурское Ядринского района до границы Ульяновской области. «Казанский обвод» по территории Чувашии проходил от Звениговского затона Марийской АССР до границы Татарской АССР[15].

Было создано 6 военно-полевых строительств (ВПС): 4 – по Сурскому рубежу, 2 – на Казанском направлении. Согласно постановлению особого заседания СНК Чувашской АССР и бюро Чувашского обкома ВКП(б) от 28 октября 1941 г. начальниками ВПС были назначены: ВПС № 1 – заместитель председателя СНК Чувашский АССР М.Ф. Терентьев, ВПС № 2 – секретарь Чувашского обкома ВКП(б) по лесной промышленности Н.Н. Бобров, ВПС № 3 – нарком коммунального хозяйства Чувашской АССР И.В. Новиков, ВПС № 4 – заведующий сельхозотделом Чувашского обкома ВКП(б) В.П. Чернов, ВПС № 5 – заместитель председателя СНК Чувашской АССР В.Г. Григорьев, ВПС № 6 – секретарь Чувашского обкома ВКП(б) С.П. Никитин[16].

Согласно решению СНК Чувашской АССР и Чувашского обкома ВКП(б) трудовая мобилизация должна была охватить свыше 160 тыс. чел. Однако фактически на военно-полевых строительствах работало в среднем около 85–110 тыс. чел.[17] Работы были завершены к 20–25 января 1942 г.

На территории Марийской АССР были созданы 2 военно-полевых строительства (ВПС № 8 и № 9). Звениговское ВПС (№ 8) делилось на 4 строительных участка (по границам с Чувашской АССР), Горномарийское ВПС (№ 9) – на 3 (от устья р. Ветлуги до устья р. Парат). Приказом УОС Наркомата обороны СССР от 30 октября 1941 г. начальниками строительств были назначены первый заместитель председателя Совнаркома Марийской АССР Г.И. Кондратьев (ВПС № 9) и секретарь по лесной промышленности обкома Марийского ВКП(б) П.В. Шеин (ВПС № 8)[18]. Длина оборонительного рубежа по фронту на территории Марийской АССР составляла 100 км. На строительстве было занято около 40 тыс. чел., то есть лишь 50 % от необходимого количества рабочей силы. Работы завершились в январе 1942 г.

Зона военно-полевого строительства делилась на строительные участки, каждый из которых в свою очередь делился по числу батальонных районов на прорабские участки. В состав каждого прорабского участка входили от 8 до 14 групп по 150–250 чел., а каждая группа делилась побригадно по 20–30 чел.

Материальные ресурсы обеих республик изначально не были рассчитаны на проведение таких объемных работ. Это подтверждает докладная записка председателя Совета народных комиссаров Марийской АССР Я.И. Абрамова и секретаря Марийского обкома ВКП(б) В.М. Кушнарева от 18 ноября 1941 г. председателю Государственного комитета обороны И.В. Сталину: «В связи с тем, что на территории Марийской АССР развертывается строительство оборонительных рубежей протяжением до 125 километров, а также намеченным строительством Штабом Военно-Воздушных Сил МВО девяти оперативных аэродромов со спецсооружениями, Совет народных комиссаров Марийской АССР и Областной комитет партии считают необходимым довести до сведения Комитета обороны о следующем.

Для окончания строительства оборонительных рубежей в установленные сроки потребуется рабочей силы не менее 65–70 тысяч человек. Республика располагает трудовыми ресурсами по колхозам в 140 тысяч человек, из них женщин 94 тысячи человек, мужчин 46 тысяч человек. Из 140 тысяч человек занято на постоянной колхозной работе 23 тысячи человек (председатели и счетоводы колхозов, конюхи и животноводческие кадры и другие), кроме того, часть людей – около трех тысяч человек заняты на изготовлении саней, лыж, теплой одежды и других заказов для Красной Армии. Таким образом, общие трудовые ресурсы колхозов остаются 114 тысяч человек. Если призвать на строительство оборонительных рубежей 30 % женщин, то всех людей, которых можно мобилизовать на это строительство, набирается около 50 тысяч человек, не хватает рабсилы до 20 тысяч человек. Внутри республики эту нехватку рабсилы можно восполнить только за счет остановки работ по лесозаготовкам и ряда предприятий, что считаем крайне нежелательным, так как почти все предприятия республики работают по спецзаданиям.

Причем надо отметить, что больше 30 тысяч человек, которых мы должны мобилизовать для строительства оборонительных рубежей, находятся в районах, расположенных от места работ на расстоянии от 150 до 250 километров, и из-за отсутствия ж[елезной] д[ороги] и автотранспорта доставка этой рабсилы производится пешим ходом, что крайне затруднительно, особенно для женщин...»[19].

Марийская республика должна была также направить рабочих и на ВПС № 10, организованное на левом берегу Волги напротив г. Чебоксары. Однако, как отмечается в документах, 18 декабря 1941 г. строительные работы там так и не начались, хотя и была проведена рекогносцировка[20].

Усугубляли положение на строительных объектах погодные условия. В начале декабря 1941 г. температура опускалась ниже 30 градусов, морозы сопровождались жгучими ветрами и метелями. Замерзшая земля была твердой. Верхний промерзший слой приходилось снимать взрывами.

Подобные условия работы приводили и к несчастным случаям. В спецсообщении НКВД Марийской АССР от 29 ноября 1941 г. «О происшествии на спецстроительстве в Горномарийском районе» говорится: «27 ноября с.г. около 16 часов неподалеку от пристани Дубовая на спецстроительстве оборонного значения произошел обвал, в результате которого убиты насмерть члены колхоза «У корно» Йошкар-Олинского района… (две женщины. – *Авт.*). Кроме того, четыре человека ранено. Для расследования данного факта на место происшествия выехал следователь прокуратуры…»[21].

К концу января 1942 г., несмотря на ряд дефектов, качество сооружений было признано вполне удовлетворительным. Все законченные и незаконченные объекты сдавались по особым актам под охрану сельсоветам. Колхозники очищали лесные площади, оставшиеся после рубок. Школьники закрывали противотанковые рвы и ДЗОТы ветками деревьев для маскировки[22].

Строительство оборонительного рубежа стало одной из героических страниц истории Великой Отечественной войны. Для многих регионов возведение оборонительного рубежа было первым по своим масштабам массовым строительством, на котором было занято большое количество рабочей силы и инженерно-технического персонала.

Для дальнейшего исследования оборонительного строительства в тыловых регионах страны необходимо привлечение всего комплекса архивных и опубликованных материалов, мемуарной литературы, а также, по возможности, свидетельств живых, хотя уже и немногочисленных участников строительства.

Источники и литература

[1] История Чувашии новейшего времени. Кн. 1. Чебоксары, 2001. 263 с.

[2] *Ерлыгин А.В.* Сурский и Казанский оборонительные рубежи. Чебоксары: Новое время, 2012. 27 с.

[3] *Захаров Д.А.* Военно-инженерное строительство на территории Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны // Чувашский гуманитарный вестник. 2011. № 6. С. 18–29.

[4] *Тимофеев В.В., Тимофеев М.В.* Аграрный сектор и его вклад в дело Победы над фашистской Германией (на материалах республик Волго-Вятского региона) // Проблемы изучения взаимосвязей города и деревни Среднего Поволжья: материалы II Всероссийской (X межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2009. С. 473–474.

[5] В тылу как на фронте: документы, воспоминания, статьи. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 208 с.

[6] *Соловьева Т.А., Алексеева М.М.* Строительство Сурского оборонительного рубежа и Казанского обвода в Чувашской АССР // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2017. № 3–4. С. 23–45.

[7] *Кошкина О.А.* Оборонительный рубеж на территории Марийской АССР в 1941 году. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2013. 228 с.

[8] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 113.

[9] Там же. Оп. 1. Д. 12. Л. 113.

[10] Там же. Оп. 2. Д. 30. Л. 184–185.

[11] Там же. Оп. 2. Д. 30. Л. 189.

[12] Там же. Оп. 2. Д. 30. Л. 186–188.

[13] *Захаров Д.А.* Военно-инженерное строительство на территории Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны // Чувашский гуманитарный вестник. 2011. № 6. С. 19.

[14] Там же.

[15] История Чувашии новейшего времени. Кн. 1. С. 237.

[16] *Соловьева Т.А., Алексеева М.М.* Строительство Сурского оборонительного рубежа и Казанского обвода в Чувашской АССР // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2017. № 3–4. С. 30–31.

[17] *Захаров Д.А.* Военно-инженерное строительство на территории Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны. С. 21.

[18] Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф. Р-542. Оп. 3. Д. 76. Л. 108.

[19] ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 29. Л. 145–147.

[20] Там же. Д. 35. Л. 7, 86.

[21] ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 3. Д. 73. Л. 335.

[22] *Ерлыгин А.В.* Сурский и Казанский оборонительные рубежи. Чебоксары: Новое время, 2012. С. 23.

O.A. Koshkina

CONSTRUCTION OF DEFENSIVE LINES IN 1941–1942 ON THE TERRITORY OF THE MARI AND CHUVASH ASSR

The article is devoted to defense construction during the great Patriotic war on the territory of the Mari and Chuvash ASSR. A brief review of historiography is given. Documents of the state defense Committee of the USSR are analyzed. According to the materials of the Republican archives, the geography of the defensive line, the construction period, the number of employed people, difficulties with material and human resources were studied.

Keywords: the Volga defensive, sursko defensive, Kazan outline of the Mari ASSR, the Chuvash ASSR State Committee of defense, management of defense construction.

УДК 94(470.344):908

ПАТРИАРХ ЧУВАШСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ (К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНОГО, КРАЕВЕДА И ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ А.А. КОНДРАТЬЕВА)

ЧГВ, 2020 г., № 15
© И.Г. Петров

18 мая 2020 г. исполнилось 90 лет со дня рождения А.А. Кондратьева (1930–2012) – крупного ученого, инженера-нефтяника, доктора технических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Республики Башкортостан и заслуженного работника культуры Чувашской Республики. Он снискал себе имя также и как неутомимый и очень плодотворно работающий краевед-исследователь. Особо велики его заслуги в изучении истории просвещения чувашей Уфимской губернии, педагогической деятельности И.Я. Яковлева и его учеников, жизни и деятельности К.В. Иванова, Я.Г. Ухсая, П.М. Миронова, Г.И. Комиссарова, П.Т. Кориной, Ф.Н. Вуколова-Эрлика, П.А. Петрова-Туринге и многих других выдающихся представителей чувашского народа.

Ключевые слова: А.А. Кондратьев, научная и общественная работа, краеведение, монографии, научные сборники, хрестоматии.

Алексей Александрович Кондратьев был и остается в нашей памяти незаурядным человеком. Благодаря своим личностным качествам, он проявил себя как талантливый ученый и инженер-химик, заведующий кафедрой, профессор, научный руководитель аспирантов и докторантов в Уфимском государственном нефтяном техническом университете. Кроме того, А.А. Кондратьев является инициатором создания Уфимского клуба чувашской культуры, Уфимского филиала Общества им. И.Я. Яковлева, чувашского фольклорно-этнографического ансамбля «Нарспи» в г. Уфа, организатором и первым руководителем республиканского Общества чувашской культуры (1989–1999), Общества чувашских краеведов Башкортостана (1993–1994).

Особо следует отметить, что он вместе с активом чувашской общественности Республики Башкортостан много сил и труда вложил в учреждение еженедельной республиканской газеты на чувашском языке *«Урал сасси»* (Голос Урала), создание на филологическом факультете в СГПИ (ныне

Игорь Георгиевич П е т р о в – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН; e-mail: ipetrov62@yandex.ru.

Стерлитамакский филиал Башкирского госуниверситета) чувашско-русского отделения, телеальманаха «Ентешсем» (Земляки) на Башкирском телевидении, Чувашской воскресной школы им. П.М. Миронова, республиканского Чувашского историко-культурного центра «Суук-Чишма», республиканского литературного объединения «Шур Атăл» (Агидель) и т.д. В 1990-е гг. при активном участии и содействии А.А. Кондратьева были созданы Центр национальных культур «Дружба» (в настоящее время Дом Дружбы народов РБ), Ассамблея народов РБ, Канаш (съезд) чувашей Башкортостана. Эти и другие факты говорят о том, что Алексей Александрович был горячим патриотом не только родного чувашского народа, но и республики в целом. И это далеко не полный перечень всех его заслуг, благодаря которым, начиная с середины 80-х гг. XX в. чуваши Башкирии не только заявили о себе во весь голос, но и наравне с другими народами стали принимать самое активное участие в общественно-политической жизни республики.

С высоты пройденных лет может показаться, что эти достижения Алексею Александровичу и его сподвижникам давались легко и просто. На самом же деле это не так. Ведь практически по каждому вопросу им раз за разом приходилось не только писать обстоятельные и аргументированные письма в разные инстанции, но и регулярно встречаться с руководителями районных, городских и республиканских учреждений и ведомств, чтобы донести до них суть поднимаемых вопросов. И чего скрывать, не во всех кабинетах они находили полное понимание, особенно в 1970–1980-е гг., когда в стране господствовала так называемая командно-административная система, отличительными чертами которой были жесткий контроль и централизм, всесилие партийно-государственной бюрократии, минимум реальных свобод и демократии. Однако со временем положение стало меняться, потому что во властных структурах проблемам национальной политики и межэтнических отношений стали уделять более пристальное внимание. И А.А. Кондратьев, почувствовав новые веяния, стал все настойчивее и настойчивее отстаивать вопросы, связанные с культурой, народным образованием, удовлетворением национально-культурных запросов чувашского населения республики, в своих письмах и обращениях. Примечательно, что во многих этих документах он не только обозначал круг проблем, но и предлагал глубоко продуманные и конкретные пути их решения. Именно поэтому к уважаемому профессору всегда прислушивались и к его доводам относились самым внимательным образом. А ведь при этом Алексей Александрович нес груз преподавательской работы, руководства аспирантами и докторантами, занимался общественной работой, заботился о семье и близких…

Тем не менее, портрет А.А. Кондратьева будет далеко не полным, если мы не затронем его краеведческие исследования. Как никто другой, краеведением Алексей Александрович занимался с огромной самоотдачей. Увлечение историей и краеведением в нем зародилось еще в школьные годы. При личных беседах профессор не раз говорил, что он всегда мечтал стать профессиональным историком. Но при этом с грустью добавлял, что

это увлечение у него превратилось в хобби, так как после окончания школы с серебряной медалью ему пришлось пойти по другой стезе и выбрать профессию инженера-химика. И тому причиной стало его поступление без экзаменов на технологический факультет Уфимского нефтяного института, одного из ведущих технических вузов республики.

К сожалению, А.А. Кондратьев при жизни не успел опубликовать полный библиографический список своих трудов, включающий не только монографии, но и газетно-журнальные статьи. Поэтому сейчас трудно сказать, с какого времени он начал писать и публиковать статьи по краеведению. Тем не менее, по мнению И.Г. Тарасова, его давнего друга и сподвижника, вопросами краеведения, в частности историей башкирского, татарского, чувашского, марийского, мордовского, удмуртского просвещения в XIX–XX вв., он начал заниматься примерно с 1970-х гг. Особенно углубленно он занимался историей просвещения чувашского народа. И данного направления в своих научных изысканиях А.А. Кондратьев придерживался в течение всей жизни. Его как любознательного и пытливого человека очень интересовали личности Н.И. Ильминского, Н.И. Золотницкого, И.Я. Яковлева, Н.В. Никольского, Г.И. Комиссарова, П.М. Миронова, А.Ф. Юртова, В.М. Васильева, Л.Я. Мендиарова и многих других выдающихся педагогов и просветителей народов Урало-Поволжья. С особым усердием и старанием он собирал материалы, связанные с деятельностью учительских школ в Казани, Симбирске, Бирске, которые готовили учителей народных училищ, в том числе для чувашского населения Уфимской губернии. Однако, приступив к этой теме, А.А. Кондратьев обнаружил, что она применительно к чувашам Уфимской и Оренбургской губерний оказалась совершенно не исследованной. И поэтому на первых порах он занялся систематическим сбором и обобщением опубликованных и архивных материалов по истории чувашских школ.

Как настоящий исследователь, свои первые результаты он спешил донести до широкой аудитории. Издавать собственные монографии неспециалистам-историкам в те годы было невозможно, и поэтому статьи по этой тематике он печатал в основном на страницах республиканской, городской и районной печати. Свои материалы он публиковал на страницах газет «Советская Башкирия», «Совет Башкортостаны», «Башкортостан», «Известия Башкортостана», «Кызыл тан», «Вечерняя Уфа», «Ленинец», «Истоки», журнале «Уфа», а также в районных малотиражках: «Путь Родины» (Аургазинский р-н), «Знамя победы» (Балтачевский р-н), «Светлый путь» (Бижбулякский р-н), «Заветы Ильича» (Благовещенский р-н), «К новым победам» (Ермекеевский р-н), «Иглинские вести» (Иглинский р-н), «Октябрь» (Миякинский р-н), «Знамя коммунизма» (Стерлитамакский р-н), «Уфимские нивы» (Уфимский р-н) и т.д. Охотно А.А. Кондратьев печатался в газетах и журналах Чувашии, таких как: «Коммунизм ялавĕ» (Знамя коммунизма), «Советская Чувашия», «Хыпар» (Вести), «Чăвашъен» (Чувашия), «Вучах» (Очаг), «Народная школа» и др. Когда в Башкортостане начала издаваться

республиканская газета «Урал сасси» на чувашском языке (1989), он регулярно стал печататься в этом издании. Так же тесно он сотрудничал с газетой «Канаш» (Совет) ульяновских чувашей. В итоге, на страницах прессы им была опубликована целая серия обстоятельных исследовательских статей по истории чувашских школ в Белебеевском, Уфимском, Стерлитамакском, Мензелинском уездах Уфимской губернии, а также в Оренбургском уезде Оренбургской губернии. Как настоящий историк, все эти статьи он снабжал извлеченными из архивов фактологическими и биографическими данными. Как правило, эти публикации были приурочены к юбилейным датам школ[1]. Позднее материалы по данной теме он стал периодически публиковать в научных изданиях[2].

Касаясь истории просвещения чувашского населения в Уфимской губернии в дореволюционное и советское время, ученый неоднократно говорил, что в архивах по данной теме имеются колоссальные материалы. В то же время он недоумевал, почему этим вопросом никто серьезно не занимается. В этой связи помнится, как он настойчиво уговаривал одну из выпускниц Башкирского госуниверситета взять данную тему в качестве кандидатской диссертации и обещал ей всяческую помощь, в том числе с предоставлением накопленных им к тому времени материалов. В целом, в средствах массовой информации с материалами по чувашскому краеведению А.А. Кондратьев печатался постоянно. По его подсчетам, в различных журналах, газетах и альманахах им было опубликовано более 100 статей.

Собирая сведения по истории чувашских школ, А.А. Кондратьев самое пристальное внимание обращал на учителей, которые в разные годы трудились в них. К чести ученого, ни одну фамилию он не забыл, а шаг за шагом собирал их и в итоге создал обширную картотеку с биографическими данными. В 1996 г. на основе этих сведений он выпустил монографию, посвященную 150 бывшим воспитанникам и выпускникам Симбирской чувашской учительской школы, жизнь которых была связана с просвещением чувашей Южного Приуралья[3]. Автором был проделан гигантский труд, так как на основе опубликованных и неопубликованных источников, в том числе архивных, ему удалось восстановить не только основные биографические сведения этих людей, но и подробно изложить их дальнейшие судьбы. В итоге Алексеем Александровичем впервые был опубликован обстоятельный историко-биографический труд об учениках И.Я. Яковлева, которые продолжили дело своего учителя и сыграли громадную роль в просвещении чувашей и других народов на территории края в досоветский и советский периоды.

Кроме биографических сведений автором в книгу были включены несколько статей конца XIX – начала XX в., проливающих свет на историю школ и церквей Уфимской губернии.

Кстати, это был один из излюбленных приемов А.А. Кондратьева. Как бы в «упряжке» со своими материалами он на страницах своих книг всегда публиковал и другие источники: статьи из периодической печати прошлых столетий, выдержки из опубликованных книг, фрагменты архивных документов, фотографии и т.д. К этому приему он прибегал для того, чтобы удовле-

творить интерес пытливых читателей, ибо хорошо понимал, что эти материалы и источники для широкой аудитории остаются недоступными. Весьма ценными в книге являются также именной указатель инспекторов народных училищ и указатель населенных пунктов Белебеевского, Стерлитамакского и Оренбургского уездов, позволяющие читателям получить точные и конкретные сведения по истории школ в тех или иных чувашских населенных пунктах Башкортостана.

Так как история просвещения чувашского народа неразрывно связана с личностью выдающегося просветителя и педагога И.Я. Яковлева, А.А. Кондратьев очень скрупулезно изучал его жизнь и педагогическую деятельность. В своих публикациях и устных выступлениях он не уставал повторять, что И.Я. Яковлев оставил глубочайший след в истории чувашского народа: создал чувашскую письменность нового типа, для чувашей основал первое педагогическое учебное заведение (Симбирскую чувашскую учительскую школу), открыл множество сельских школ для народов Среднего Поволжья, положил начало женскому образованию, вместе со своими учениками и единомышленниками перевел на чувашский язык и издал свыше 100 книг и брошюр, обеспечил условия для зарождения и развития чувашской художественной литературы, возникновения зачатков музыкального, театрального и изобразительного искусств, способствовал стремительному росту грамотности и образованности чувашей, развитию его мировоззрения и национального самосознания. Имея в виду все эти заслуги, в год 150-летия со дня рождения просветителя А.А. Кондратьев по своей инициативе и на свои средства выпустил сборник статей «Иван Яковлев – выдающийся чувашский просветитель-педагог»[4]. В него он включил статьи чувашских и российских ученых (Л.П. Куракова, В.Д. Димитриева, Н.Г. Краснова, А.И. Яковлева, П.Т. Золотова) о И.Я. Яковлеве, а также воспоминания бывших воспитанников Симбирской чувашской школы. В сборнике также нашли место две статьи А.А. Кондратьева: «Выпускники Яковлевской школы-организаторы в Уфе Чувашской учительской семинарии»[5] и «Поборник веры православной»[6], написанная совместно с Г.П. Шушпановым. А в 2008 г. в год 160-летия со дня рождения И.Я. Яковлева книга была переиздана и вновь представлена чувашской общественности республики[7]. В книге автор-составитель отметил, что текстовую часть оставил без изменений, а обновил только иллюстрации.

Огромный вклад А.А. Кондратьев внес в изучение жизни и деятельности П.М. Миронова (1861–1921) – талантливого математика, педагога-методиста и общественного деятеля. Нельзя сказать, что личность этого человека до А.А. Кондратьева была не известна. Но, пожалуй, только ему удалось во всех деталях проследить весь жизненный путь и отразить многогранную педагогическую деятельность и личный вклад математика в просвещение народов Уфимской и Оренбургской губерний. Не обошел вниманием А.А. Кондратьев и вклад П.М. Миронова в создание в г. Уфе Чувашской учительской семинарии, которая в 1920 г. была преобразована в Чувашские

трехгодичные педагогические курсы, а в 1922 г. – в Приуральский чувашский педагогический техникум. Известно, что данное учебное заведение до перевода его в г. Белебей в 1930 г. подготовило около 300 учителей для чувашских, русских и мордовских школ и было одним из успешно действующих образовательных, научных и культурных центров столицы республики, особенно для чувашей. Первоначально о П.М. Миронове А.А. Кондратьев публиковал лишь небольшие статьи и заметки, в основном для газет и журналов. Однако позже, по мере накопления материалов, он приступил к написанию обстоятельных очерков[8]. Кроме того, по его инициативе были изданы две книги знаменитого педагога[9]. Также по настоянию А.А. Кондратьева в 1998 г. на здании бывшего Уфимского городского училища, в котором работал П.М. Миронов и в первые годы советской власти находилась Чувашская учительская семинария, была установлена и торжественно открыта памятная доска.

Венцом историко-краеведческих изысканий А.А. Кондратьева о П.М. Миронове стала его монография «Ученый-просветитель Павел Миронов», изданная в республиканском издательстве «Китап»[10]. К сожалению, ученый не дождался ее выхода в свет, поскольку она была опубликована только после его кончины.

К другому направлению краеведческих исследований А.А. Кондратьева относится публикация хрестоматий, а также сборников документов и материалов по истории, языку и культуре чувашского народа. Будучи очень увлеченным человеком, подобного рода материалы он собирал постоянно. Они у него хранились в огромном количестве в виде конспектов, выписок и ксерокопий. Потом, по истечении определенного времени, он пришел к выводу, что эти материалы необходимо публиковать и сделать достоянием общественности.

Первым опытом такого рода издания стала «Хрестоматия по истории и языку чувашского народа», которую А.А. Кондратьев подготовил вместе с Л.И. Мурманской и И.Г. Тарасовым. В книге воспроизведены малоизвестные труды М.П. Петрова, Н.Н. Поппе и Н.Я. Марра, опубликованные в первые десятилетия XX столетия[11]. Понимая, что имена этих ученых некоторым читателям могут быть неизвестны, хрестоматию он снабдил краткими биографическими справками о них, сведениями об исследователях, на труды которых они ссылались, а также небольшим списком литературы по истории и языку чувашского народа, опубликованной в последние десятилетия.

Через три года А.А. Кондратьев вновь повторил этот опыт и опубликовал книгу «Исследователи чувашской культуры и истории»[12]. В нее автор включил очерки о жизни и творчестве ученых-гуманитариев, внесших существенный вклад в изучение истории и культуры чувашского народа. Это очерки и статьи о Н.В. Никольском, М.П. Петрове-Тинехпи, В.Д. Димитриеве, Г.Н. Волкове, В.Ф. Каховском, М.Г. Кондратьеве, М.Р. Федотове, А.А. Трофимове. Основную цель своего сочинения он изложил в предисловии. В ней

он, в частности, писал: «К сожалению, многие из ученых и их труды неизвестны большинству нашего народа, хотя каждый из них, как мне кажется, достоин того, чтобы о нем знали не хуже маститого писателя, артиста и Героя Труда»[13].

К этому же жанру относится книга, посвященная деятелям науки народов Поволжья и Приуралья. В ней нашли отражение очерки о первом чувашском ученом-историке Н.В. Никольском, просветителе мордовского народа А.Ф. Юртове, современных историках из Удмуртской Республики и Республики Марий Эл М.В. Гришкиной и К.Н. Санукове, башкирском ученом и этнологе, члене-корреспонденте РАН Р.Г. Кузееве[14]. По задумке А.А. Кондратьева, эти сборники должны были познакомить читателей с выдающимися учеными истории и культуры народов Волго-Уральского региона не только прошлых веков, но и нынешнего времени. Этими книгами А.А. Кондратьев стремился к тому, чтобы читатели узнали как можно больше о тех людях, которые составили цвет национальной научной интеллигенции и оставили яркий след в научном познании истории, языка, и культуры народов Урало-Поволжья.

Глубоко понимая, что любой документ имеет свою непреходящую ценность, большое внимание А.А. Кондратьев уделял систематизации и публикации сборников документов. Весьма удачным опытом ученого в данном направлении стала публикация документов Общества чувашской культуры, которым он руководил с 1989 по 1999 г. Ценность данной книги заключается в том, что в ней нашли отражение документы, которые проливают свет на историю становления данной общественной организации и его деятельность с 1986 по 1996 г.[15] К слову, им были систематизированы документы и для следующего тома сборника. В нем он планировал опубликовать документы о деятельности Общества чувашской культуры РБ в 1997–2004-е гг. Однако из-за неотложных работ, над которыми он напряженно трудился, приступить к этому тому он не сумел.

Следующим направлением краеведческих изысканий А.А. Кондратьева стали исследования, посвященные жизни и деятельности выдающихся деятелей народов Урало-Поволжья: ученых, просветителей, советских и партийных деятелей, педагогов, краеведов, поэтов, писателей и т.д. Таковым является краеведческий сборник «Сердцу близкие имена»[16]. Хотя в названии книги А.А. Кондратьев скромно назвал себя составителем, в основе сборника лежат его авторские газетно-журнальные статьи и очерки, написанные в 80–90-е гг. XX в. Это статьи, заметки и очерки, посвященные И.Я. Яковлеву и его ученикам (Ф.С. Аксинскому, С.А. Акимову, П.М. Миронову, Г.И. Комиссарову, К.П. Прокопьеву), ученому-тюркологу, автору 17-томного Словаря чувашского языка Н.И. Ашмарину, партийному и советскому деятелю и первому редактору чувашской газеты «Хĕрлĕ Урал» (Красный Урал) в Башкирии К.Ф. Тарасову-Ухику, организатору женского движения в Башкирии и журналисту А.И. Матвеевой-Нухрат, ученому-почвоведу И.Н. Антипову-Каратаеву, педагогу и краеведу П.А. Петрову-Туринге, педагогу и

просветителю мордовского народа А.Ф. Юртову, ученому и просветителю мордвы и других финно-угорских народов М.Е. Евсевьеву, поэтессе и прозаику И.А. Петровой-Нарс, поэту-самородку С.А. Васильеву и т.д.

Этим сборником А.А. Кондратьев, можно сказать, решил двуединую задачу. Во-первых, возвращал чувашскому, марийскому и мордовскому народам незаслуженно забытые имена выдающихся сыновей и дочерей. Во-вторых, восполнял пробелы, образовавшиеся в историческом краеведении и в исторической науке в целом.

Важно также подчеркнуть, что сведения об этих людях А.А. Кондратьев собирал не только из открытых и доступных источников, но и благодаря личным контактам и активной переписке с родственниками и людьми, которые близко их знали и тесно общались. Кроме этого, краевед много времени проводил, работая с архивными документами. Во время командировок или ежегодных отпусков он всегда находил время, чтобы посидеть в архивах. С присущими ему усердием и целеустремленностью он работал не только в архивах Уфы, но и Москвы, Казани, Ульяновска, Чебоксар и других городов.

Особенно тепло и трепетно А.А. Кондратьев относился к К.В. Иванову и Я.Г. Ухсаю – двум замечательным поэтам, которыми по праву гордятся не только чуваши Башкортостана, но и весь чувашский народ. Поэтому оставить в стороне эту тему и не уделить ей должного внимания он никак не мог. Вначале о К.В. Иванове и Я.Г. Ухсае им были написаны короткие статьи и заметки для СМИ. Об этом говорят пояснения автора в конце некоторых статей, где он сообщает в каких газетах и когда они впервые были опубликованы. Потом, когда по данной теме у него накопилась целая подборка статей, он решил опубликовать их в виде отдельной книги под названием «Родники Слакбаша»[17]. Однако А.А. Кондратьев не ограничился только воспроизведением ранее опубликованных работ, а поместил в книгу и другие не менее ценные материалы. Таковыми являются выдержки из статей, опубликованных в «Уфимских епархиальных ведомостях», где повествуется о религиозной ситуации в с. Слакбаш, строительстве Слакбашской и Кайраклинской миссионерских школ, освящении храма в Слакбаше (1905), состоянии Слакбашевской миссионерской женской школы в 1906–1907 гг. Весьма оригинальным авторским решением является включение в содержание книги писем, рукописей и некоторых произведений К.В. Иванова и Я.Г. Ухсая.

Другим важным достижением А.А. Кондратьева является то, что ему удалось внести очень ценные уточнения в историю происхождения родов и фамилий К.В. Иванова и Я.Г. Ухсая. Во-первых, на основе архивных документов и схемы родословия, которая была составлена К.В. Ивановым в 1906 г., А.А. Кондратьеву удалось составить исчерпывающую генеалогическую схему рода поэта, начиная с XVIII в. По его изысканиям, основателем рода К.В. Иванова был крестьянин Антон Данилов (*Кашкăр*), или Волк, который родился в 1728 г. и умер в 1785 г.[18] Во-вторых, А.А. Кондратьев аргументированно доказал, что Антон Данилов был далеким предком не толь-

ко К.В. Иванова, но и Я.Г. Ухсая. Кстати, Яков Гаврилович, по воспоминаниям современников, не раз рассказывал о том, что происходит из одного рода с Константином Ивановым. Однако из-за отсутствия у него веских исторических документов, многие к этому не относились серьезно. Следовательно, только А.А. Кондратьеву, вооруженному неопровержимыми доказательствами, удалось внести предельную ясность в этот вопрос, и, как говорится, поставить финальную точку. Все эти сюжеты он аргументированно раскрыл в статьях-исследованиях «По страницам родословной»[19], «Родственные связи К.В. Иванова и Я.Г. Ухсая»[20], а также в схеме родословия К.В. Иванова и Я.Г. Ухсая по мужской линии[21], приложенной к книге. Со временем эти два издания стали настольными для краеведов и людей, интересующихся жизнью и творчеством двух выдающихся поэтов. Особенно полезными они оказались для педагогов, являясь ценнейшими учебными пособиями не только по чувашскому краеведению, но и по истории и культуре Республики Башкортостан.

Настоящим подарком для чувашских историков и краеведов стала книга Кондратьева о Гурии Ивановиче Комиссарове (1883–1969) – этнографе, фольклористе, историке, философе, литературоведе, краеведе, педагоге и общественном деятеле. К личности Комиссарова Алексей Александрович обратился не только потому, что тот был одним из ярких представителей чувашской национальной интеллигенции в 20–30-е гг. XX столетия, но и потому, что его жизнь оказалась тесно связанной с Уфимской губернией и Башкирией. В 1906–1908 гг. Г.И. Комиссаров учился в Уфимской духовной семинарии, а затем до поступления в Казанскую духовную академию (1908) работал в учебных заведениях г. Уфы. После завершения академии он получил направление в Уфу и работал помощником инспектора и преподавателем Уфимской духовной семинарии, а также секретарем Уфимского епархиального миссионерского комитета. Кроме того, в качестве преподавателя словесности он подрабатывал во 2-й городской мужской гимназии. В 1917 г. был одним из организаторов и руководителей Уфимского чувашского национального общества, а также инициаторов открытия в Уфе Чувашской учительской семинарии. С 1919 по 1926 г. (до отбытия в Казань) Г.И. Комиссаров работал в Чувашской учительской семинарии, которая со временем была преобразована в Приуральский чувашский педтехникум. Здесь же в Уфе он принимал деятельное участие в изучении истории, этнографии и фольклора местных чувашей, составил обширную программу для собирания сведений (1916), опубликовал свои научные труды: «Смысл мировой истории» (1916), «Имеет ли чувашский народ свое будущее» (1918), «Заразные болезни» (1921). Он был также автором ряда школьных программ и учебных пособий по краеведению, одним из составителей и автором статей хрестоматии «Башкирский край».

Столь значимую фигуру в истории чувашского народа оставить без внимания А.А. Кондратьев не мог и в 1999 г. издал о нем фундаментальный труд объемом более 500 страниц[22]. В нем он впервые опубликовал часть

автобиографических записок Г.И. Комиссарова «Мои мемуары», а также его избранные труды. В их число также попали сочинения, которые Г.И. Комиссаровым были написаны в г. Уфе. Как и в предыдущих изданиях, А.А. Кондратьев в свойственной ему манере снабдил книгу дополнительными материалами и источниками: прижизненными фотографиями Комиссарова, подробными биографическими справками о лицах, упоминаемых в его воспоминаниях, послесловием, генеалогическим древом предков и родственников Комиссарова по мужской линии и т.д. Данный труд не остался незамеченным и у специалистов-чувашеведов получил самую высокую оценку.

С начала 2000-х гг. А.А. Кондратьев постепенно отошел от составительской работы и приступил к написанию глубоко продуманных и концептуально выдержанных монографических исследований. Одним из таких оригинальных исследований ученого стала монография, посвященная Прасковье Тихоновне Кориной (1900–1992)[23] – уроженке чувашского села Еланьчишма Белебеевского уезда Уфимской губернии. С 11 лет она воспитывалась в Марфо-Мариинской обители труда и милосердия в г. Москве, которую опекала и содержала Великая княгиня Елизавета Федоровна Романова. Здесь она получила прекрасное светское образование и училась живописи у самого художника П.Д. Корина (ученика М.В. Нестерова). В 1926 г. она вышла за него замуж и стала самым близким другом и сподвижником своего супруга. Как художник-реставратор она помогала мужу в восстановлении картин старейших художественных музеев страны и мира, в частности шедевров Дрезденской картинной галереи. После кончины мужа П.Т. Корина организовала мемориальный Дом-музей П.Д. Корина (филиал Государственной Третьяковской галереи) и до последних дней была главным хранителем и заведующей музеем.

По своему содержанию книга получилась чрезвычайно интересной и информативной. В ней А.А. Кондратьев в виде отдельных разделов поместил главы о Великой княгине Елизавете Федоровне и ее посещении Николо-Березовки в 1910 и 1914 гг., об основании ею Марфо-Мариинской обители и ее воспитанницах. С большой любовью автором написаны главы о П.Т. Кориной и ее супруге художнике П.Д. Корине, а также главы о чувашском художнике И.В. Дмитриеве, с которым А.А. Кондратьев дружил и через которого лично познакомился с П.Т. Кориной.

Алексей Александрович был человеком крайне любознательным. Наглядным и неопровержимым тому свидетельством была огромная библиотека в его личном кабинете. Помнится, когда в далеком 1985-м году я впервые с ним встретился в его уфимской квартире на улице «50 лет СССР», меня поразил его рабочий кабинет, значительную площадь которого занимали многочисленные шкафы и стеллажи с книгами. Причем подавляющая часть книг была по истории, культуре, литературе и искусству чувашского народа. Еще я был удивлен тем, что среди них было очень много редких книг, которых не было даже в Республиканской библиотеке им. Н.К. Крупской (в настоящее время Национальная библиотека им. Ахмет-Заки Валиди).

Позднее, когда по тем или иным вопросам мне приходилось бывать у Алексея Александровича, я заметил, что он хранил у себя также много рукописей. Среди них находились не только рукописи и папки с рабочими материалами опубликованных им книг, но и рукописи местных чувашских поэтов, писателей, краеведов, которые заинтересовали его как ученого и краеведа. И собирал он эти рукописи не ради любопытства, а для того, чтобы сделать их достоянием широкой общественности, ибо глубоко понимал их значимость и ценность. Именно благодаря такому подвижничеству, в 2002 г. А.А. Кондратьев на чувашском языке впервые опубликовал музыкальную драму Ф.Н. Вуколова-Эрлика «Нарспи» по одноименной поэме К.В. Иванова[24]. Драма была написана осенью 1940 г. к 50-летию К.В. Иванова и впервые поставлена на сцене Бижбулякского чувашского колхозно-совхозного театра. Основой для написания книги послужила рукопись произведения, которую А.А. Кондратьев обнаружил в квартире Ф.Н. Вуколова-Эрлика в пос. Серафимовский Туймазинского района РБ. После смерти автора он поехал туда и выпросил ее у вдовы Анны Тимофеевны и обещал в скором времени опубликовать. Однако А.А. Кондратьев не ограничился только воспроизведением музыкальной драмы, а снабдил книгу обстоятельной вступительной статьей. В ней он подробно изложил биографию Ф.Н. Вуколова-Эрлика, раскрыл обстоятельства, послужившие написанию произведения, а также историю его сценического воплощения на сцене Бижбулякского театра, а также на других сценических подмостках, осуществленных самодеятельными коллективами в чувашских селениях Башкирии[25].

Через три года на основе другой сохранившейся рукописи Ф.Н. Вуколова-Эрлика А.А. Кондратьев опубликовал его поэму «Сын полка – музыкант»[26]. Со второй половины 2000-х гг. он серьезно обдумывал идею о полном издании его исторического романа «Кăвак хуппи» (Зарница). При жизни автора этот роман, над которым он работал в 1964–1967 гг., в журналах и газетах был опубликован лишь фрагментарно. Однако в силу чрезвычайной занятости научной, общественной и краеведческой работой, эту работу довести до конца профессор не успел.

Благодаря такому же чуткому вниманию, проявленному со стороны А.А. Кондратьева, вышла в свет поэма «Анне» (Мать) чувашского поэта-самородка Серафима Алексеевича Васильева (1903–1989) – жителя пос. Нижнетроицкий Туймазинского района РБ. Впервые с небольшими сокращениями данная поэма с предисловием народного поэта Чувашии П.П. Хузангая была опубликована в журнале «Тăван Атăл» (Родная Волга) в 1969 г.[27] Оказалось, что рукопись поэмы к П.П. Хузангаю попала из республиканской газеты, куда она была направлена дочерью С.А. Васильева еще в 1963 г. П.П. Хузангай сразу же увидел оригинальный слог поэта-самоучки и высоко оценил произведение. Он назвал его вдохновенной песней, или гимном, посвященным Матери. По диалектным особенностям языка и лексике поэмы он предположил, что автор поэмы родом из Башкирии – родины поэта К.В. Иванова. А в конце предисловия поэт обратился к читателям с прось-

бой сообщить ему, где живет автор произведения Серафим Васильев. Когда поэма увидела свет, первыми на просьбу Хузангая откликнулись бывшие земляки С.А. Васильева из с. Суккулово Ермекеевского района и сообщили ему, что поэт живет в пос. Нижнетроицкий под Туймазами. Второй раз поэма была опубликована в 1986 г. в антологии чувашской поэзии на итальянском, английском и французском языках, подготовленной выдающимся чувашским поэтом и переводчиком Геннадием Айги.

Сам А.А. Кондратьев лично встречался с С.А. Васильевым в 1985 и 1988 гг. Во время последней встречи он уговорил поэта передать ему свои рукописи и обещал организовать их публикацию в газетах и журналах. Свое обещание А.А. Кондратьев выполнил и опубликовал несколько его произведений в журнале «Ялав» (Знамя) и в чувашской газете «Урал сасси».

Кроме того, А.А. Кондратьев загорелся желанием опубликовать поэму «Анне» не только на чувашском, но и на других языках. Благодаря его стараниям, поэма сначала была переведена на русский язык (переводчики М.П. Булатова и Н.В. Кобзев), затем на башкирский, татарский (М.Д. Шарафлисламов) и марийский (В.М. Регеж-Горохов) языки. А в 2003 г., в год 100-летия Серафима Васильева, поэма «Анне» впервые увидела свет на четырех языках[28].

Большое внимание и заботу А.А. Кондратьев проявлял к чувашским поэтам и прозаикам, членам литературного объединения «Шур Атăл» (Агидель) при Стерлитамакском отделении Союза писателей РБ. Такая забота проявлялась по-разному. У одних авторов по их просьбе он читал их произведения, другим давал советы, где можно опубликовать свои произведения, третьим оказывал безвозмездную, как сейчас принять говорить, спонсорскую помощь. Именно такую помощь он оказал старейшему члену литобъединения, ветерану Великой Отечественной войны, поэту В.И. Озерову (1926–2007). Благодаря финансовой поддержке А.А. Кондратьева он издал свою первую книгу, куда включил стихотворения, песни, а также ребусы, кроссворды и другие занимательные игры, которые сам придумывал и периодически печатал в газетах и журналах[29].

Из приведенных выше публикаций может сложиться мнение, что А.А. Кондратьев увлеченно работал только по чувашской тематике. Однако это не так. Как одаренный и разносторонне развитый человек, Алексей Александрович живо откликался и на другие темы, которые его занимали и увлекали. С большой целеустремленностью он собирал материалы по народам Урало-Поволжья, например, по истории просвещения марийцев, мордвы и татар. Ему было чрезвычайно интересно знать, как продвигалось приобщение к грамотности у этих народов и кто стоял у истоков этого движения. Загоревшись этой идеей, он опубликовал монографии о первом просветителе мордовского народа А.Ф. Юртове (1854–1916)[30], марийском просветителе, ученом и фольклористе В.М. Васильеве (1883–1961)[31]. Обе эти книги представляют результат кропотливого труда автора. Они написаны на основе опубликованных и архивных документов, а также личных воспоми-

наний, писем и фотографий, извлеченных из личных архивов просветителей. С большим энтузиазмом и увлечением А.А. Кондратьев собирал материалы и сведения, касающиеся деятелей марийской профессиональной музыки. Результатом этих исследований в итоге стала его солидная по объему книга о музыкантах И.П. и А.В. Ишпайкиных, а также о первых марийских профессиональных композиторах И.С. Ключникове-Палантае и А.Я. Эшпае – отце современного композитора А.Я. Эшпая[32]. А незадолго до смерти А.А. Кондратьев, по воспоминаниям И.Г. Тарасова[33], целенаправленно занимался сбором и накоплением опубликованных и неопубликованных материалов для написания монографии о династии известных татарских просветителей и ученых Фаизхановых (Фейзхановых).

В качестве мецената и книгоиздателя А.А. Кондратьев очень много помогал близким по духу ученым, краеведам и просто увлеченным людям. По понятным причинам не все они обладали необходимыми средствами на издание своих книг и, возможно, не раз обращались к нему, чтобы поинтересоваться, как ему удается публиковаться. Следует полагать, что все они были приятно удивлены, когда А.А. Кондратьев честно сознавался в том, что свои труды он издал на скромную профессорскую зарплату и личные сбережения. Но он на этом, видимо, не останавливался. Видя, что его ответ в некоторой степени обескураживал собеседников, часть забот по изданию их книг он соглашался брать на себя. При этом он выступал в двух лицах: как редактор и как меценат-издатель. Именно благодаря такому творческому содружеству на свет появились монографии А.В. Урмановой[34], К.Н. Санукова[35], а также книга, посвященная биографии и концертно-исполнительской деятельности заслуженной артистки РБ, пианистки Е.Г. Пупковой[36]. Работая над этими книгами и всячески способствуя их выходу в свет, А.А. Кондратьев показал себя не только горячим патриотом своей Родины, но и продемонстрировал свои лучшие человеческие качества: интеллигентность, добропорядочность, готовность помочь близким по духу людям и коллегам.

Последней книгой А.А. Кондратьева, над которой он работал до конца жизни, стал сборник его избранных трудов по проблемам ректификации нефти и нефтяных систем, в том числе азеотропной и экстрактивной ректификации. Это говорит о том, что он, как подлинный ученый, решил также опубликовать свои труды по линии своей профессиональной деятельности в вузе. Довести книгу до этапа публикации он, к сожалению, не успел. Однако начатую им работу завершили его ученики, коллеги. Предисловие написал его давний коллега и товарищ, Герой Социалистического Труда, доктор технических наук, профессор Г.Г. Теляшев. Всего в сборник сочинений вошли 98 статей, тезисов докладов, а также критических заметок А.А. Кондратьева, опубликованных за период с 1958 по 2006 г.[37] Отдавая дань уважения памяти ученого, в конец книги составители включили полный список его научных трудов[38] и изобретений[39], в том числе список его книг по краеведению[40].

Таким образом, А.А. Кондратьев в качестве автора, составителя и книгоиздателя по различным вопросам чувашского и регионального краеведения подготовил и издал около 25 книг. В этом отношении восхищение и искреннее уважение к личности ученого вызывает не столько его бескорыстие (почти все книги он опубликовал за счет собственных средств), а сколько масштаб проделанной работы. Не будет преувеличением сказать, что Алексею Александровичу удалось придать чувашскому краеведению в нашей республике не только мощный импульс развития, но и поднять его на качественно новый уровень развития. Если основы чувашского краеведения в нашем крае были заложены в 20–30-е гг. XX столетия Г.И. Комиссаровым и П.А. Петровым-Туринге, а в послевоенное время продолжено И.Т. Гурьевым, Ф.Н. Вуколовым-Эрликом и др., то на рубеже XX–XXI столетий его стремительное и мощное развитие было обеспечено исключительно благодаря деятельности А.А. Кондратьева.

Во-первых, были подняты и изучены многие неисследованные ранее проблемы истории и культуры чувашского населения Башкортостана. Прежде всего, это такие исследовательские темы, как «История просвещения чувашей и других народов в Уфимской и Оренбургской губерниях во второй половине XIX – начале XX века», «Выпускники Симбирской чувашской учительской школы И.Я. Яковлева и их вклад в просвещение чувашского населения Южного Приуралья», «Генеалогия классиков чувашской национальной литературы К.В. Иванова и Я.Г. Ухсая», «Видные деятели чувашского народа: просветители-педагоги, ученые, краеведы, поэты, писатели, общественные деятели, военачальники, советские и партийные работники и т.д.», «История и культура чувашей и других народов Урало-Поволжья в исследованиях ученых-гуманитариев» и т.д. Как было отмечено выше, много труда он вложил в изучение жизни и деятельности видных представителей и других народов края, в частности, русских, удмуртов, марийцев и мордвы. В итоге А.А. Кондратьевым были собраны и опубликованы неизвестные и редкие материалы о П.М. Миронове, Г.И. Комиссарове, П.А. Петрове-Туринге, И.Н. Антипове-Каратаеве, С.В. Сухареве, А.И. Нухрат, И.Т. Гурьеве, Т.С. Кривове, Г.А. Акимове, династии Матвеевых, Ф.Н. Вуколове-Эрлике, И.А. Петровой-Нарс, С.А. Васильеве, А.Ф. Юртове, В.М. Васильеве, М.Е. Евсевьеве и др.

Во-вторых, своими трудами А.А. Кондратьев сформировал мощную и научно выверенную информационную базу, которая с успехом используется работниками науки, образования, культуры и других сфер деятельности.

В-третьих, А.А. Кондратьев выступил одним из основных инициаторов создания в 1994 г. Общества чувашских краеведов. Будучи председателем данного общества, он способствовал консолидации чувашских краеведов и превращению ее в самостоятельную, активно функционирующую общественную организацию. Благодаря примеру Кондратьева и его книгам, краеведением увлеклись десятки новых людей, которые результаты своих исследований стали публиковать не только в газетах и журналах, но и в виде монографий.

В-четвертых, как авторитетный и плодотворно работающий ученый А.А. Кондратьев достойно представлял чувашское краеведение на уровне города и республики. Он тесно сотрудничал и поддерживал контакты с Уфимским городским обществом краеведов им. Флюры Ахмеровой, с Обществом краеведов Республики Башкортостан, с Союзом краеведов Чувашской Республики, с Чувашской национальной академией наук и искусств и т.д.

Подытоживая статью о А.А. Кондратьеве, я вновь и вновь убеждаюсь в справедливости известного изречения, смысл которого заключается в том, что на некоторых этапах нашей истории деятельность тех или иных личностей является определяющей и даже решающей. Сказанное можно проецировать и на значение личности А.А. Кондратьева. В жизни чувашей Республики Башкортостан он появился в непростое время – в середине 1980-х гг. Однако, благодаря своим смелым идеям и кипучей деятельности, он способствовал не только духовному возрождению и консолидации родного ему народа, но и его стремительному взлету. За несколько десятилетий им было сделано столько важных и фундаментальных дел, что их хватило бы нескольким поколениям. К такому же важному результату жизни и деятельности А.А. Кондратьева относится его работа в области чувашского краеведения, которому он посвятил всю свою жизнь. Именно по этой причине А.А. Кондратьев в памяти благодарных потомков останется не только авторитетным ученым и общественным деятелем, но и краеведом с большой буквы.

Литература

[1] См. например: *Кондратьев А.А.* Начало просвещения. К 100-летию Зириклинской и Кистенли-Ивановской школ // Светлый путь. 1988. № 141, 143; *Его же*. К 100-летию Асавбашской школы // Путь Родины. 1997; *Его же.* У истоков. К 100-летию со дня рождения Константина Иванова // Вечерняя Уфа. 1990. 26 мая.

[2] *Кондратьев А.А.* Из истории чувашских школ Уфимской губернии 80–90-х гг. XIX в. (по материалам ЦГА БАССР) // Историко-этнографические исследования в Чувашской ССР. Чебоксары, 1990. С. 34–49.

[3] *Кондратьев А.А.* Свет из Симбирска. Уфа, 1998. 300 с.

[4] Иван Яковлев – выдающийся чувашский просветитель-педагог / сост. А.А. Кондратьев. Уфа, 1998. 238 с.: ил.

[5] *Кондратьев А.А.* Выпускники Яковлевской школы – организаторы в Уфе Чувашской учительской семинарии // Иван Яковлев – выдающийся чувашский просветитель-педагог. С. 211–212.

[6] *Кондратьев А.А., Шушпанов Г.П.* Поборник веры православной // Там же. С. 213–220.

[7] Иван Яковлев – выдающийся чувашский просветитель-педагог / сост. А.А. Кондратьев. Уфа, 2008. 238 с.: ил.

[8] *Кондратьев А.А.* Выдающийся ученик великого просветителя // Организаторы науки и образования / под ред. В.Н. Алексеева. Т. 5. Чебоксары, 2008. С. 152–166. (Серия «Библиотека Президента Чувашской Республики»).

[9] *Миронов П.М.* Арифметика / сост. А.А. Кондратьев. Уфа, 1999; *Миронов П.М.* Примерные уроки объяснительного чтения в начальной школе / сост. А.А. Кондратьев. Уфа, 2003.

[10] *Кондратьев А.А.* Ученый-просветитель Павел Миронов. Уфа, 2012. 128 с.

[11] Хрестоматия по истории и языку чувашского народа / сост. А.А. Кондратьев (общая редакция), Л.И. Мурманская, И.Г. Тарасов. Уфа, 1995. 160 с.

[12] Исследователи чувашской культуры и истории / сост. А.А. Кондратьев. Уфа, 1998. 278 с.

[13] Там же. С. 3.

[14] Деятели науки и культуры народов Поволжья и Приуралья. Вып. 1 / сост. А.А. Кондратьев. Уфа, 2005. 224 с.

[15] Сборник документов Общества чувашской культуры Республики Башкортостан (1986–1996). Часть первая / сост. А.А. Кондратьев. Уфа, 1996. 196 с.

[16] Сердцу близкие имена: краеведческий сборник / сост. А.А. Кондратьев. Уфа, 1996. 236 с.

[17] Родники Слакбаша: литературно-краеведческий сборник / сост. А.А. Кондратьев. Уфа, 1996. 170 с.

[18] По исследованиям историка В.П. Иванова и краеведа М.Х. Сафина, взявших за основу документы РГАДА, Васюк Андрюхин, а по крещении Антон Данилов, родился не в 1728, а в 1730 г. в семье ясачных чувашей в д. Байгильдино Второтугаевской волости Цивильского уезда Казанской губернии. Ныне это с. Байгильдино в Канашском районе Чувашской Республики. См.: *Иванов В.П., Сафин М.Х.* Малая Родина К.В. Иванова в свете новых данных по его родословию // Чувашский гуманитарный вестник. 2010. № 5. С. 207–216; *Иванов В.П., Сафин М.Х.* Истоки: родина и род поэтов К.В. Иванова и Я.Г. Ухсая. Чебоксары, 2018. С. 65–71.

[19] Родники Слакбаша: литературно-краеведческий сборник. С. 9–13.

[20] Там же. С. 14–20.

[21] Там же. С. 166.

[22] Гурий Комиссаров – краевед и просветитель / сост. А.А. Кондратьев. Уфа, 1999. 525 с.: ил.

[23] *Кондратьев А.А.* Святое окружение Прасковьи Кориной. Чебоксары, 2001. 320 с.: ил.

[24] *Вуколов-Эрлик Ф.Н.* Нарспи: музыкальная драма по одноименной поэме К.В. Иванова / предисл. и подг. текста по авторской рукописи А.А. Кондратьева. Уфа, 2002. 86 с. (на чуваш. яз.).

[25] *Кондратьев А.А.* Ф.Н. Вуколов-Эрлик тата унăн «Нарспи» ятлă музыкăллă драми // Там же. С. 3–23.

[26] *Вуколов-Эрлик Ф.Н.* Сын полка – музыкант / сост. А.А. Кондратьев. Уфа, 2005. 48 с.: ил.

[27] *Петĕр Хусанкай.* Ăçта-ши Серафим Васильев сăвăçă? // Тăван Атăл. 1969. № 1. С. 44–46.

[28] *Васильев С.А.* Мать: поэма (на чуваш., башкир., татар., мар., рус. яз.) / вступ. ст. и подг. текста поэмы по авторской рукописи на чуваш. языке А.А. Кондратьева. Уфа, 2003. 103 с.

[29] *Озеров В.И.* Песни, ребусы и другие игры / сост. А.А. Кондратьев. Уфа, 2005. 104 с.: ил. (на чуваш. и рус. яз.).

[30] *Кондратьев А.А.* Юртов – первый просветитель мордовского народа. Уфа, 2004. 136 с.: ил.

[31] *Кондратьев А.А.* Марийский ученый и просветитель В.М. Васильев. Уфа, 2009. 172 с.: ил.

[32] *Кондратьев А.А.* Эшпаи – музыканты и композиторы из Кокшамар. Уфа, 2003. 256 с.: ил.

[33] Вестник Чувашской воскресной школы им. П.М. Миронова / сост. И.Г. Тарасов. Т. 2. М., 2018. С. 120.

[34] *Урманова А.В.* Жизнь как она есть / лит. обработка и ред. А.А. Кондратьева. Уфа, 2003, 207 с.: ил.

[35] *Сануков К.Н.* Путь в науку и в науке / ред. и издатель А.А. Кондратьев. Уфа, 2004. 160 с.: ил.

[36] *Кондратьев А.А.* Одна лишь музыка… Уфа, 2008. 146 с.: ил.

[37] *Кондратьев А.А.* Избранные труды. Уфа, 2012. 528 с.

[38] Там же. С. 505–616.

[39] Там же. С. 517–521.

[40] Там же. С. 522.

I.G. Petrov

PATRIARCH OF THE CHUVASH LOCAL HISTORY (TO THE 90 BIRTHDAY OF THE SCIENTIST, HISTORIAN OF LOCAL HISTORY AND PUBLIC FIGURE A.A. CONDRATIEV)

May 18, 2020 is marked the 90th anniversary of the birth of A. A. Kondratiev (1930–2012) – a prominent scientist, oil engineer, doctor of technical sciences, professor, Honored worker of science of the Republic of Bashkortostan and Honored worker of culture of the Chuvash Republic. However, he earned his name not only as a prominent scientist and public figure, but also as a tireless and very fruitful local researcher. His merits in studying the history of education of the Chuvashs of the Ufa Province, pedagogical activities of I.J. Yakovlev and his pupils, life and activities of K.V. Ivanov, Y.G. Uhsai, P.M. Myronov, G.I. Comissarov, P.T. Korina, P.N. Vykolov-Erlik, P.A. Petrov-Turinge and other representatives of the Chuvash people are particularly.

Keywords: A.A. Condratiev, scientific and social work, local history, monographs, scientific collections, chrestomatics.

УДК 398.3(470.344)

Мир детства – неотъемлемая часть образа жизни и культуры любого отдельно взятого народа и человечества в целом.

И.С. Кон

ЧГВ, 2020 г., № 15
© Е.В. Сергеева

ДЕТИ В ОБРЯДОВОЙ ЖИЗНИ ЧУВАШЕЙ

В статье анализируются гендерные аспекты календарных и семейных праздников сельского сообщества с участием детей. Дана терминология, обозначающая детский возраст, характеристика одежды, описаны игры, трудовые процессы.

Ключевые слова: гендерные отношения, чуваши, дети, календарные обряды, семейные обычаи.

Гендерные исследования – сравнительно молодая и динамично развивающаяся междисциплинарная область гуманитарного знания. Гендерные стереотипы – это устойчивые представления о сущности «мужского» и «женского», различиях между мужчинами и женщинами и распределением их ролей во всех сферах общественной и хозяйственной жизни, а также об их иерархии[1]. В этом контексте автором сделана попытка рассмотреть проблематику гендерного аспекта детского возраста в календарных и семейных обрядах чувашей. Исследование охватывает период конец XIX – начало XX вв. Территориальные рамки – все этнографические и этнотерриториальные группы чувашей. Литература и источники по этнографии чувашского народа показывают, что половая дифференциация традиционного общества представляла собой естественную данность, значимо было разделение по такому принципу в основном в брачно-семейных и ритуальных обрядах.

Рассмотренные в ходе работы вопросы объединены в следующие разделы: родильные и послеродовые обряды; обряды одеяния, питания, отдыха детей; приобщение к труду, обряды и развлечения с участием детей; участие детей в народных традициях и обрядах (обряды календарного цикла, производственные обряды, свадебные обряды, обряды погребения и поми-

Евгения Валерьевна С е р г е е в а – кандидат исторических наук, научный сотрудник секции этнологии исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: evgenjaserg@yandex.ru.

нания детей и участие детей в похоронах и поминках). Приведены аналогии по другим народам, выделены общие и отличительные черты в обрядах с участием детей.

При исследовании проблемы детей в обрядовой жизни чувашей были использованы работы методологического характера[2].

Разнообразный материал для изучения детства содержится в рукописном фонде Н.В. Никольского, прежде всего в ответах на вопросы программы, составленной для сбора сведений по материальной и духовной культуре народа. Фонд включает в себя также автобиографические сочинения воспитанников учебных заведений; в них имеются данные по обрядам и обычаям, в которых участвовали дети, описываются отношения родителей и детей. Проблемы взаимоотношения поколений, функции отдельных возрастных групп, народной медицины, семейных и календарных обычаев и обрядов затрагивались в опубликованных трудах Н.В. Никольского[3].

Детская тема частично раскрывается в работах Н.А. Архангельского, В.К. Магницкого, Н.М. Каменского, Г.И. Комиссарова, С.М. Михайлова, Н.М. Охотникова, К.П. Прокопьева и др.[4], имеющиеся здесь материалы затрагивают участие детей в календарных и семейных обрядах.

Информацию о быте чувашских детей, их стихи, песни, игры, описание способов изготовления игрушек находим в 17-томном словаре Н.И. Ашмарина[5].

Вопрос о месте детей в обрядовой системе затрагивается в исследованиях современных ученых (П.В. Денисов, А.К. Салмин, Т.В. Семенова, Е.А. Ягафова и т.д.)[6]. Половозрастным особенностям материальной культуры чувашей (в одежде) посвящены работы П.П. Фокина, И.Г. Петрова и др.[7] В трудах О.В. Егоровой по этнографии детства чувашей подробно описываются условия и обстановка родов, способы ношения или пеленания ребенка, колыбель, игры и игрушки, то есть весь детский цикл обычаев и обрядов чувашского народа[8]. В работах Г.Н. Волкова воспроизводятся педагогические традиции чувашского народа[9].

В ходе исследования был привлечен фольклорный материал. Свод *«Чăваш халăх пултарулăхĕ»* содержит сведения по детскому фольклору, пословицы, поговорки, загадки, которые дают возможность значительно дополнить и детализировать участие детей в обрядах и праздниках[10].

В ходе разработки темы были изучены труды по соседним народам, которые касаются нашего исследования. В работах В.А. Акцорина, Р.Р. Баязитовой, Т.А. Бернштам, М.М. Громыко, Д.Г. Касимовой, Г.А. Никитиной, Е.В. Поповой, Ю.Н. Сушковой, Р.К. Уразмановой[11] наряду с общими вопросами затронуты проблемы детства в различных ракурсах. В отдельных статьях Т.Г. Владыкиной, Г.А. Глуховой, И.А. Кандриной, Г.А. Корнишиной, Н.Л. Пушкаревой, Т.П. Федянович, Л.С. Христолюбовой по календарным и семейным обрядам[12] прямо или косвенно раскрыты вопросы детства, половозрастная стратификация личности. Диссертационные работы Ф.Ш. Абсаликовой (по башкирам), Т.Н. Лысовой (по русским), Г.Б. Сайфутдиновой (по

татарам), Н.Е. Слепчиной (по коми) посвящены вопросам этнографического и этносоциологического изучения обрядов и практик социализации детей у указанных народов[13].

Существующие в обществе и культуре гендерные стереотипы определяют направленность, цели и задачи воспитания детей. Исследователи выделяют три группы гендерных стереотипов.

1. Стереотипы «мужественности» и «женственности». Из девочки должна была вырасти работящая, хозяйственная, бережливая, терпеливая, некрикливая (неболтливая), послушная, умеющая быть гостеприимной жена и мать; мальчик с детства слышал о недостойности или неполноценности «бабьего» поведения, то есть он должен быть сильным, бесстрашным.

2. Закрепление семейных и профессиональных половых ролей. В крестьянской общине существовало жесткое разделение по полу, четкое соблюдение «мужской» и «женской» ролей. У девочек были свои игры и развлечения, у мальчиков – свои, не допускалось смешение и замещение половых ролей.

3. Различия в содержании труда. Предполагалась ориентация девочек на женскую домашнюю работу, а мальчиков – на выполнение мужских обязанностей по дому и вне дома[14].

Все эти стереотипы поведения в детской чувашской среде попытаемся показать в данной работе.

Половая и социовозрастная терминология

В традиционном чувашском обществе выделяются три возрастные ступени – дети, взрослые (молодежь и семейные), пожилые люди (старики). По половой дифференциации – мальчик/девочка, юноша/девушка, мужчина/женщина, старик/старуха. Младенчество заканчивалось с приобретением речевых навыков и умением ходить – примерно до трех лет. В различных местах проживания чувашей в разговорной речи существовало множество дифференцирующих лексем – обозначений по отношению к детям. *Ача* – ребенок, мальчик, девочка, вообще дети до 12 лет. Новорожденного чуваши называли *çĕнĕ чун, чун татăкĕ* (кусочек жизни), маленького ребенка – *çамрăк ача* (молодой ребенок), *нене* (ребеночек), *пепекке* (детеныш, дитятко), *пĕчик папак* (ребеночек), *папа, папакка* (маленький ребенок, детеныш), *çураккам* (мой детенышек). С учетом физического и психического развития каждая стадия дополнялась характеристиками, содержащими в себе те или иные особенности состояния ребенка, требующие особого подхода: *чĕчĕ ачи, кăкăртискер* (грудной ребенок); *шăнаршă ачи* (колыбельный возраст); *алăри ача, виçĕ çула çитиччен* (ребенок на руках, до трех лет), *ĕмкĕч ачи* (ребенок, которому ввели дополнительное питание); *пăтă ачи* (ребенок, которого начинали кормить кашей), *хамăрпа пĕрле çиекен ача* (ест вместе со взрослыми); *упаленекен ача* (ползающий ребенок), *калаçма пуçланă ача, мĕкĕлти* (начинающий говорить), *таса калаçакан ача* (правильно выговаривающий слова). Кроме того, существовали шутливые на-

звания ребенка: *шăклă кот* (часто мочились), *тайăн* (не вошедший в ум ребенок), *шĕвĕртки* (маленькие дети, «мешающие» взрослым), *шĕмпик* (проказники), *шĕшлĕ вăрри* (маленькие мальчики), *йĕпĕлти* (очень подвижные маленькие девочки), *пăх-пĕрĕх* (очень маленькие дети, дети дошкольного возраста). Существовали термины, объединяющие возраст детей с рождения до 7–8 лет – *ывăл (хĕр) ача* мальчик (девочка). Обращения *арçын ача, ывăл ача* употреблялись лишь в тех случаях, когда было необходимо точное обозначение пола, без чего речь лишалась смысла, или когда говорили о детях обоего пола, во всех остальных случаях мальчик назывался просто *ача*. Также были слова *мĕштĕркке, кĕптĕркке, мемете́й. Пĕчĕкçĕ хĕрача* (маленькая девочка) и *пĕчĕкçĕ арçын ача* (маленький мальчик) называли всех девочек (мальчиков) до 10–12 лет; *вакки-тĕвекки, вĕтти-шакки* – дети до 10 лет; *шеренкĕ* – дети до совершеннолетия; *катен* – мальчик до 10–15 лет, *катук*/*каток* – ласковое обращение к ребенку до 12 лет. Шутливые прозвища детей этого возраста – *çати, шăхлич (шĕвĕр)* (мальчики до 8–12 лет), *шăшли вăрри* (дети до 10 лет), *шикмай* (юркий, шустрый мальчик от 5 до 10 лет), *шĕвĕр* (очень подвижные и шумные дети 8–10 лет). Бойких мальчиков называли «головорезами», они могли воровать овощи и фрукты у однодеревенцев[15].

Интересным явлением в традиционном чувашском обществе является *акамлăх* «агамство», известное среди чувашских девочек, которые заключали между собой союз – дружба должна быть вечной. Если даже девушка выходила замуж, муж к агаму своей жены относился как к родной ее сестре. О распространении агамства свидетельствуют пословицы, поговорки, песни, сказки, загадки (*Чипер акамăн тути пĕрĕнчĕк [укçа енчĕкĕ]* – У красивой подружки губы сморщены [кошель для денег]) и др.[16]

Таким образом, бытовало большое многообразие слов, обозначающих детей, каждое из которых носило определенную половозрастную функцию.

Родильные и послеродовые обряды

Издревле считалось, что одной из главных целей брака является продолжение рода. Поэтому к мысли о важности этого будущих родителей подводили уже на свадьбе, где давалось родительское благословение: *«Ӳй пек аслă пулăр, вăрман пек пуян пулăр. Иккĕн выртса виççĕн тăрăр ... ачапăчаллă пулăр»* (Будьте великими как поле, богатыми как лес. Ложась вдвоем, вставайте втроем … пусть у вас будут дети). Рождение детей понималось чувашами как биологическое предначертание, дети – как опора в старости; без детей не будет блага, полагали они, и некому будет их поминать, когда они уйдут в мир иной. Отсутствие детей считалось несчастьем. Семья стремилась вырастить здоровых, трудолюбивых детей, уважающих старших, слушающихся родителей, придерживающихся традиций, о которых хорошо отзываются в деревне и округе. Любовь к детям выражена во многих произведениях устного народного творчества. К примеру, в сказках бездетные старцы мечтают о ребенке, и их мечты сбываются – появляется

ребенок – *чуста паттăр* (богатырь из теста), *пӳрнеске, пӳрнеккей* (мальчик с пальчик) и т.д.[17]

Желание обзавестись ребенком мужского пола породило массу поверий о необходимости есть особую пищу (чтобы родился мальчик – надо есть больше «мужской» пищи – мясной, соленой и перченой, а если пить в основном травяные чаи, есть овощи и поститься, тогда родится девочка)[18]. У чувашей бытовали магические действия еще в свадебной обрядности: чтобы родился сын на перину невесты в первую брачную ночь сажали мальчика 4–6 лет; муж должен лечь справа от жены, головой на восток; положить под голову топор и т.д. Даже в сказках прослеживается мысль о желании родить сыновей. Они нередко так и начинаются: «… было у старика три сына…» и т.д.[19]

На протяжении всей истории человечества людей волновал вопрос участия детей в бытовой и обрядовой жизни народа. Включение детей в обряды происходило в ходе традиционной практики воспитания и обучения и в обыденной жизни. Чуваши говорили: *«Ыр çын пуласси ачаран паллă, лайăх лаша пуласси тихаран паллă»* (Доброго человека видно с детства, хорошего коня видно с жеребенка). Дети являлись продолжателями народной традиции, поэтому вовлечение их в ритуалы было необходимостью для народа[20].

Для культуры любого народа было характерно стремление дать ребенку основные ориентиры как можно раньше, задолго до того, как он начнет осваивать этот мир сам. Построение картины мира ребенка начиналось уже в младенчестве через обращенный к нему материнский фольклор – колыбельные песни, пестушки, потешки и т.п. Они должны были обеспечить ребенку целостное мировосприятие и ощущение своей включенности в общий порядок мироздания, то есть задать некую систему основных координат, помогающих ребенку самоопределиться в жизненно важных отношениях с миром[21].

У многих народов (например, восточных славян, якутов, казахов) ребенок до определенного возраста считался как бы бесполым существом. В конкретных локальных традициях были установлены свои (часто весьма различающиеся) сроки, когда возникала необходимость придать существующим «природным» признакам пола качественно новый статус «культурных» признаков. До тех пор, пока такое преобразование не совершено, естественные половые различия не имели смысла. Только с помощью специальных ритуальных операций они приобретали «истинное» значение, получали своеобразную санкцию на существование[22].

Но в то же время практически с первой минуты появления младенца на свет начиналось «приписывание» его – родителями, повитухой, всеми помогавшими при родах – к определенному полу, а следовательно – и к определенным жизненным и семейным ролям. У чувашей пуповину мальчика разрезали на мужском орудии труда (например, кочедык), девочки – на женском (например, веретено). Для половой идентификации проводили опреде-

ленные действия с последом. Послед при рождении мальчика и девочки прятали в разных местах, связанных с представлением о мужском и женском пространстве. Послед мальчика прятали в конюшне под корытом, либо в подполе дома около первого венца, чтобы стал хозяином дома; девочки – на чердаке, у загиба трубы, чтобы стала хозяйкой. Использование одежды родителя того же пола, что и младенец (мальчика пеленали в отцовскую рубаху, девочку – в материнскую), также подчеркивало половое различие ребенка (дочь наследует моральные и физические качества матери, а сын – отца). Если девочка рождалась «в рубашке» – то в будущем станет знахаркой, если мальчик – старостой[23].

Появление на свет ребенка было счастьем для семьи, но рождение подряд нескольких девочек у чувашей считалось божьим наказанием, поэтому последнюю отдавали на воспитание на сторону. Предполагалось, что этими действиями как бы магически прерывалось дальнейшее рождение девочек. Но и рождение одних только мальчиков также беспокоило семью. По причине малоземелья чувашей наличие большого числа сыновей приводило к дроблению семейного имущества[24]. На воспитание отдавали в случае смерти родителей.

Половую принадлежность новорожденного могли подчеркивать предстоящим родом занятий, металлическими предметами, денежным счетом и др. Чуваши сравнивали ребенка с птицей: *«Çĕнĕ кайăк çуралнă»* [Родилась новая птичка (зверек)]. Кроме того, спрашивали: «золото или серебро?»; золото означало мальчика, серебро – девочку. Ответ был следующим: «тысяча рублей» – мальчик, «сто рублей» – девочка. Встречался и такой вопрос: *«Мăрса-и? Пике-и?»* (мурза – мальчик, красавица – девочка). В некоторых случаях повитуха сама говорила: *«Мана сурпан, сире эрех»* (мне сурпан, вам выпивка) – мальчик, *«çĕрĕ ыйтать»* (кольцо просит) – девочка. Если рождался мальчик, повитуха трижды произносила имя отца, если девочка – имя матери, что также указывало на гендерный аспект. У бесермян и удмуртов о рождении ребенка сообщали иносказаниями. При рождении девочки говорили, что в семье появилась пряха или нянька; а если родился мальчик, всех оповещали, что появился пахарь, помощник отцу. У коми задавали вопрос отцу: *«Вотос вотысь али чукчи кыйысь чужи?»* (Ягодница или добытчик глухарей родился?), *«Воро кайысь али пачо видзодысь чужи?»* (Будущий охотник или следящая за печью родилась?)[25].

Свои традиции, связанные с появлением на свет первенца-мальчика, половой идентификацией в родильной обрядности, и другие действия имелись и у русских, финно-угорских народов, татар[26].

Таким образом, в чувашском обществе рождение детей было большой радостью, с условием, что это разнополые дети.

Обряды, связанные с одеждой, питанием, отдыхом детей

Одежда, как известно, является одним из ярких и устойчивых компонентов культуры этноса. Как составная часть материальной культуры одежда имеет тесную связь с духовной культурой народа, его мировоззрением и религиозно-магическими представлениями. Половая идентификация в детской одежде до определенного возраста не имела больших различий. Дети носили перешитые рубашки и платья взрослых членов семьи. В большинстве случаев девочки донашивали наряды своих сестер. Одежда мальчиков состояла из длинной рубашки, пояса и портов; у девочек – платье туникообразной конструкции. Когда ребенок начинал ходить, на него надевали детские порты или подштанники. Их особенностью было то, что они не соединялись между ног и представляли собой две отдельные штанины, которые застегивались на пуговицу или нанизывались на веревочку, завязывающуюся на поясе. Иногда такие порты шили с прорехой спереди, а вставной клин пришивался только с задней стороны. Его зашивали тогда, когда ребенок приучался самостоятельно справлять естественную нужду. У чувашей такие штанишки мальчики и девочки носили до 3–5 лет, и в разных местах они назывались по-разному: *çытак, çы(р)тма йĕм, катăк йĕм, тĕпсĕр йĕм* и т.д. Детские штаны для мальчиков 5–6 лет шили по крою взрослой одежды. На голове мальчики носили шапочки-колпаки домашнего изготовления, девочки – платок, который завязывали под подбородком либо назад. Специальной обуви для малышей и маленьких детей не было, от обуви взрослых членов семьи она отличалась только своими размерами. Преобладающим видом обуви были лапти, обувь из кожи (сапоги, башмаки, ботинки и т.д.) дети надевали только по праздникам и главным образом в состоятельных семьях. В ненастную погоду и зимой дети носили теплую одежду с плеча старших братьев и сестер – кафтаны, полушубки, валенки и шапки. Верхняя одежда мальчиков и девочек отличалась по крою и цвету (из белого холста)[27].

Похожая одежда была и у соседних с чувашами народов. Детские рубахи татар, башкир, русских, бесермян, мордвы, коми имели туникообразный покрой, аналогичный одежде взрослых. У бесермян как мальчики, так и девочки носили холщовые штаны особого покроя – *пöдэстэм штан* (штаны без донышка)[28].

У чувашей существовали ритуалы, связанные с одеждой детей. В целях сохранения жизни больного ребенка совершался ритуал *пĕр кун кĕпи* (рубашка за один день), когда за одну ночь требовалось сшить рубашку. В обряде участвовали только женщины (родственницы, знакомые). Все были заняты делом: пряли, мыли, сушили нитки, начинали ткать, затем шили рубашку. Надевая ее, говорили: *«Кĕпи çĕтĕлтĕр, хăй ўстĕр»* (Пусть платье износится, а ребенок растет). Считалось, что такая рубашка является оберегом, спугнет злых духов, и дитя выздоровеет[29]. Подобную рубашку изготавливали и у мордвы[30].

Таким образом, детская одежда первых лет жизни отличалась рациональностью. Ее перешивали из одежды родителей, что имело практическую, а также охранительную функции. Шили швом наружу, чтобы швы не натирали и не раздражали нежную кожу ребенка. Штаны до определенного возраста имели прореху, чтобы ребенок мог справлять нужду без посторонней помощи и оставался относительно чистым.

В традиционной культуре любого народа дети воспитывались с малолетства, в том числе и поведению за столом. Они хорошо осознавали, что порядок рассадки людей за столом, очередность подачи блюд, поведение во время приема пищи символически воплощают положение и значимость каждого члена семьи, закрепляют определенный тип отношений между ними, утверждают незыблемость семейной структуры. Поскольку обычно семья садилась за стол не менее трех раз в день, застольная ситуация воспроизводилась многократно, а в сознании подрастающего поколения наглядно закреплялось представление о структурно-ролевом устройстве семьи[31].

Ежедневное рассаживание за столом и совместная трапеза тоже служила своего рода обрядом в жизни семьи. Так, повседневный этикет был наименее строгой его разновидностью. Наиболее полно он раскрывался в отношениях внутри семьи. В чувашской патриархальной семье главой являлся мужчина, женской половиной руководила старшая женщина. Нормы внутрисемейного общения, в частности почтительное отношение к старшим, родственникам и гостям, дети постигали в ходе повседневного общения. С малых лет ребенок усваивал нормы поведения за столом: аккуратность, молчание, бережное отношение к еде. Спящего ребенка во время принятия пищи словесно приглашали за стол, не будили, и обязательно выделяли ему кусок мяса. Полагали, что иначе это предвещало смерть ребенка[32].

Во время трапезы за столом рассаживались в определенном порядке: в переднем углу *кӗреке* садился глава семейства, рядом с ним – члены семьи мужского пола, включая детей, затем – остальные. Если в семье была молодая сноха, мужчины и женщины сидели за разными столами. Облокачиваться на стол разрешалось только взрослым, особенно после тяжелой работы. За нарушение правил поведения попадало ложкой по лбу. Хлеб резал глава семьи. Горбушку он оставлял себе, а остальные куски раздавал детям по старшинству. В качестве первого блюда подавались щи или суп в деревянной миске без мяса; мясо выставлялось на стол только со вторым блюдом, либо в виде *хуплу* – пирога с мясом. Первым блюда пробовал хозяин дома. Он же первым выходил из-за стола после трапезы[33].

Аналогичные примеры поведения и рассаживания за столом можно привести из этикета соседствующих народов, например башкир[34].

Приобщение к труду, обряды и развлечения с участием детей

Важнейшей формой деятельности, формирующейся в детстве, является труд. Г.Н. Волков отмечал: «Воспитание в труде – основная проблема педагогики всех народов, трудолюбие – главная забота воспитания». Перво-

начально он существует в виде игр. Возраст, с которого труд становится равноправной формой деятельности, сильно различается в культурах. В традиционных обществах ребенок рано вовлекался в производственную деятельность. При изучении детского труда анализируются: мотив трудовой деятельности у детей различных культур, начало трудовой деятельности, соотношение игры и труда, структура и виды детского труда[35].

В чувашских пословицах находим посыл на раннее приобщение детей к работе. Например: *«Виççĕри ывăл ача ашшĕне пулăштăр, виççĕри хĕр ача амăшне пулăштăр»* (Пусть трехлетний мальчик помогает отцу, а трехлетняя девочка будет помощницей матери), то есть с трехлетнего возраста ребенок, иногда в игровой форме, вовлекался во взрослую работу – мальчики в мужскую (плетение лаптей, уход за скотом, работа в поле), девочки в женскую (рукоделие и др.)[36]. Летом мальчики начинали ходить в ночное – пасти лошадей, в семьях, где не было сыновей, ходили девочки. Работа была способом самореализации и самоутверждения. Уход в «ночное» считался наградой для мальчика и важным признаком «повзросления». Иногда женские обязанности по дому выполняли мальчики. Так, 10–11-летние могли месить тесто, доить коров, готовить еду, заниматься рукоделием – прядением[37]. Зимой ездили за дровами в лес, в свободное время некоторые ходили на ловлю зайцев тенетами, изготовляли на продажу дуги, делали салазки. Главным занятием девочек было рукоделие – тканье холста для одежды, вышивание[38].

Н.М. Охотниковым приведены многочисленные примеры того, как в чувашских семьях дети незаметно и непринужденно, следуя примеру старших, вовлекались в трудовой процесс, выполняли посильные для них домашние и полевые работы, тем самым они вбирали в себя и их обрядовую сторону. Вот одна из картин крестьянского домашнего быта: «В те дни, когда все были дома, мужчины плели лапти, вили веревки из мочала или чинили сбрую, а иногда дедушка с отцом плотничали. Дедушка чинил кадушки и другую деревянную посуду, отец – сани. Я… принимаюсь вить веревку вместе с работниками… прилагаю все усилия, но работа моя никак не клеится. Вдобавок надо мной еще смеется брат, похваляясь, что он в мои годы умел не только вить веревки, но даже и лапти плел…»[39].

В ходе трудовой деятельности дети вовлекались в танцы; если просили ребенка станцевать, а он не умел, то говорили: *«Эс витере ташламан-тăр, витере ташласассăн ташлама час вĕренетĕн теççĕ»* (Наверное, ты не танцевал в хлеву, если бы танцевал, умел бы плясать), то есть мальчики учились танцевать в хлеву[40]. Так, мордовские дети учились пляскам уже в 5–7-летнем возрасте. Девочки собирались группами где-нибудь за домом или в укромном месте и там упражнялись в танцах. Мальчики тренировались на лугу, во время пастьбы лошадей, на сенокосе и др. Татарские девочки также учились танцевать в укромном месте[41].

Чувашские дети воспитывались в строгости, уважительно относились к родителям, в некоторых случаях беспрекословно подчинялись им, за не-

послушание ребятишкам доставалось от них, на неблагодарность детей смотрели с презрением. Существовало огромное количество форм воздействия на детей: показ, разъяснение, поверье, благословение, просьба, совет, упрек, укор, запрет, осуждение, брань и т.д. Некоторые дети проводили свое детство у чужих людей: родители уходили на работу, а ребенка оставляли у соседей или старых одиноких людей. В рабочую пору ребятишки, оставаясь одни, резвились, пели песни, как на свадьбах, играли в дудочки. Между играми занимались ежедневными делами: кормили домашнюю птицу, вечером встречали стадо и загоняли скотину в хлев[42].

Можно привести примеры воспитания детей и у соседних финно-угорских и тюркских народов, у которых отношения в семье основывались также на принципе строгого подчинения детей воле родителей. Это было одним из наиболее древних предписаний обычного права, глубоко вошедших в жизнь. Подчинение родительской воле предполагало послушание ребенка как отцу, так и матери[43]. Во время пастьбы скотины мальчики и девочки могли имитировать «семейную жизнь», сооружая шалаши и подражая взрослым, устраивали «застолье», посиделки, играли и др.[44]

Игры являются наиболее эффективным средством воздействия в детской среде. В них заложены не только развлечение, но и физическое, умственное и нравственное воспитание. На играх лежит многообразная функциональная нагрузка. В ней дети овладевают многими навыками, имеющими этническое происхождение. Это касается форм общения со сверстниками, овладения первыми навыками трудовой деятельности. Именно в игре дети копируют и воспроизводят мир взрослых определенной этнической общности. Игры имеют огромное значение для развития фантазии и воображения, их форм проявления и особенностей содержания[45].

Как показывают исследования детства, возраст 5–7 лет во многих (если не во всех) культурных традициях считается особым периодом. В этом возрасте дети начинают осознавать свою половую принадлежность, что проявляется, например, в характере детских игр, выборе партнеров и т.п. Половая идентификация считается признаком «появления ума» у детей[46].

Так, чувашские девочки подражали женским делам: играли в куклы, имели подобия прялок и кукольной мебели, посуды и утвари, мальчикам дарили модели оружия и сельскохозяйственных орудий. У девочек была еще и другая обязанность – няньчить младших детей. До 5–6-летнего возраста дети просто имитировали жизнь взрослых. Поэтому в играх наблюдалось разделение по полу. Мальчики, например, играли в *«Тимĕрçле»* (в кузнеца), в игровой форме изготовлялись железные предметы; *«Утла»* (в лошадь), *«Çеремле»* (в целину), *«Пытанмалла»* (в прятки). Среди девочек была распространена игра *«Хăналла»* (в гости), в которой распределялись роль хозяйки и гостьи, при этом готовились «кушанья» из глины. Таким образом, игры были связаны с производственными, бытовыми, спортивными и религиозно-обрядовыми сюжетами и представляли собой начальную трудовую и жизненную подготовку детей. С малых лет ребята выполняли в игро-

вой форме земледельческие работы, подражая взрослым, копировали их трудовую деятельность. В летних играх трех-четырехлетних детей преобладала трудовая тематика. Они мастерили из глины и щепок дома, хлева, лепили коней и жеребят, кур и гусей, делали изгороди из прутьев и т.п. Девочки и мальчики с большим увлечением «доили корову» и «разливали молоко в горшки» (терли красный кирпич о такой же кирпич и песочную пыль собирали в горшки). Девочки «стирали» белье, «ткали», «пекли хлеб» и «блины», «приглашали друг друга в гости». Спортивные игры заключались в соревнованиях в беге, прыжках, силе и т.д. В зимнее время дети много катались на санках со склонов оврага. В домашней обстановке играли в настольные игры: бабки, шашки, карты и др.[47]

В игровой деятельности можно усмотреть специфические формы познания жизни, традиций, мира реального и духовного. Дети строили свой особый, вымышленный мир, иногда их игры напоминали обряды. И. Дмитриев описал проведенный детьми обряд *юпа* (праздник провожания души) по любимой ими собаке, который был разыгран настолько серьезно, что было «жалостно смотреть на ребят». Существовала и игра *«Юпалла»*, по своей сути – состязательная игра в парах, во время которой пары продвигались вперед, вставая одна за другой, что продвигали колонну вперед, тем самым *юпа* провожается до границы, обозначенной заранее[48].

Озабоченные ежедневными делами, чуваши мало времени уделяли присмотру за своими детьми. Поэтому чувашские дети в основном были предоставлены самим себе, придумывали различные игры. Вследствие этого иногда происходили и несчастные случаи. Например, о таком случае написал Н.М. Охотников в своих «Записках…». Трое детей, предоставленных самим себе, остались дома одни и решили поиграть в охоту на зверей. На стене висело заряженное ружье. Двое из детей, изображая зайцев, спрятались под нары, а третий взял ружье и случайно застрелил одного. Подобная же ситуация произошла с самим автором, о чем он пишет в своей работе: «Однажды и я едва не застрелил своего товарища, представлявшего волка». Забота об относительной самостоятельности детей и детской среды в то же время не исключала, а предполагала постоянный контроль и руководство. Существовали так называемые *ача кĕтӳçĕ* (букв. «детский пастух») – человек, который присматривал за детьми, присутствовал на пастьбе, ходил с ребятами в лес за ягодами и кореньями[49].

Аналогичные представления о воспитании детей существовали и у других народов. Русские девочки к 5-летнему возрасту уже умели прекрасно обращаться с пряжей, сучить, прясть, ткать, 6–8-летних матери брали с собой на реку полоскать белье, а летом посылали по ягоды. Мальчики в 5–6 лет умели ездить верхом, загонять скот, вовсю помогали на огороде, лесоповале, ворошили сено, плели лапти. В возрасте 5–6 лет татарские и башкирские мальчики и девочки были предоставлены сами себе. Мальчикам поручали ухаживать за скотиной, а девочки выступали в качестве нянек для младших братьев и сестер, занимались уборкой, приобщались к при-

готовлению пищи. Мордовские дети также взрослели рано: в 5–7 лет уже закладывались основы поведения, взаимоотношения со старшими и сверстниками. Мальчики приучались к труду, девочки становились няньками для малышей (не случайно при рождении девочки-первенца говорили *идень вани шачсь* – «нянька родилась»). Игры их были связанны с трудовыми процессами и семейными обрядами взрослых. Похожие занятия наблюдались в жизни удмуртов и коми (игры в свадьбу, похороны кукол)[50].

Участие детей в обрядовой жизни

Немаловажное значение имело участие детей в календарных и семейных обрядах. С малолетства они наблюдали тонкости проведения ритуалов, действия членов семьи и общества, тем самым в подсознании детей закреплялись традиции проведения тех или иных праздников, поведение участников обряда. Несколько слов нужно сказать о ритуальном противоборстве – это драка (борьба), которая относится к народным традициям. Они могли возникнуть во время календарных обходов между двумя группами участников. Например, к игровым видам борьбы можно отнести действия во время святок. Массовые кулачные бои частично были связаны с праздниками в летнее время. Подобное наблюдалось во время *çимĕк, учук, сĕрен,* когда участники напивались и распускали кулаки. Однако Д. Месарош отмечал, что во время *учук* участники воздерживались от драк, так как этого не допускал священный статус жертвоприношения. Для решения спорных вопросов сходились жители соседних улиц или деревень. Нельзя сказать утвердительно, что дети участвовали в таких разборках. В большинстве случаев это происходило среди молодежи и взрослого населения[51].

Обряды календарного цикла. Слушание детьми сказок и других фольклорных произведений (пословицы, поговорки) от стариков, старших родственников, носившее ритуальный характер, можно отнести к обрядам календарного цикла. Сказка – это народный жанр повествовательной литературы преимущественно фантастического характера, имеющий целью нравоучение или развлечение. Сказки у чувашей делятся на 4 группы – о животных, героические, волшебные и обрядовые. Некоторые из них отражают повседневный быт народа: описание избы, двора, бани, изготовление одежды, обряды, сопровождающие рождение детей. В «Записках…» Н. Охотникова есть воспоминание о том, как к ним приходил дед Ельми и рассказывал сказки о чудесном и волшебном, чем и привлекал внимание детей. Автор писал: «Сказки, поверия, поговорки и пословицы, слышанные мною, вместе с непосредственными впечатлениями от окружающей жизни, составляли единственный материал, из которого складывалось мое детское миросозерцание. Произведения чувашской фантазии и мысли, отражения духовных свойств чувашского народа должны были воспитывать меня чисто в чувашском духе». Большинство сказок повествуют об уважительном отношении к старшему поколению, осуждают аморальное поведение женщин и мужчин (пьяницы и т.д.)[52].

Когда начинало пригревать солнце, старики и малые дети выходили на улицу и сидели на припеке. Старики и старухи предавались воспоминаниям, ребята их слушали. Существовали рассказы о ремеслах, распространенных в данной местности. Например, мастера столярного ремесла производили мебель, занимались резьбой по дереву, изготавливали музыкальные инструменты и т.д. Пожилые люди обсуждали вопросы совершенствования ремесленного производства, что прививало детям интерес к труду[53].

В обрядах и праздниках годового цикла была задействована вся деревенская община, в той или иной степени принимали участие все половозрастные группы в зависимости от функций обряда (мифологические представления о стимулировании плодородия и др.). Календарные и семейные праздники и обряды чувашского народа детально описаны в этнографической литературе. В данной работе мы выбрали именно те, в которых принимали участие дети. По представлениям чувашей, дети безгрешны, и магические действия с их участием должны дать благоприятный результат[54].

Девочки младшего возраста (11–12 лет) устраивали свои *Хĕр сăри*/ *Кĕшерни*, подобно взрослым. Они собирались в одном доме, приносили пиво, пели, плясали. Пиво и кушанья для них готовились матерями. Их посещали девушки и парни[55].

Гендерный аспект и поведенческие стереотипы детей проявлялись в дни зимнего солнцестояния – *Сурхури*. Дети собирали продукты по домам (чаще всего хозяева давали им горох, *йăва*, крупу и другие полуфабрикаты, из которых готовили еду – варили кашу). Н. Архангельский и Г. Комиссаров в своих трудах отмечали, что в основном это были мальчики, но к их группе примыкали также девочки и девушки (не могли принимать участие в мероприятии «девицы, сделавшиеся матерями»)[56]. В целом, *Сурхури* больше всего идентифицировался как мужской праздник с участием женской части общества.

Во время *Сурхури* проводились Святки *Çеткă* / *Шуйттан эрни*, когда повсеместно можно было встретить ряженых. Чувашские мальчики собирались в каком-либо доме, мастерили чучело с льняной бородой, одевали его в женскую рубаху; танцевали и скакали вокруг него, вымазав себе лица сажей. Накануне Крещения чучело уносили в овраг, где его разрывали или сжигали.

В Крещение участники ряженья должны были искупаться, чтобы смыть все грехи. И. Дмитриев отмечает, что раскрашивание лиц можно было бы принять за присутствие в обряде своеобразного способа наложения на лицо грима, равноценного маске (из любого материала), но в чувашской обрядовой практике сажа выполняет функцию предохранения детей от сглаза: пятно сажи ставится на лоб или щеку. В данном описании вымазанные сажей лица детей могут быть истолкованы двояко: сажа – грим, следовательно, дети пользуются ею в целях перевоплощения, изображения неких хтонических существ, и сажа – оберег, дети предохраняются от воздействия чучела как хтонической Старухи с бородой[57]. Интересен тот факт, что почти все зимние

праздники имели характер мужской обрядности. Возможно, зима идентифицировалась с силой и мощью, в связи с чем в праздниках и участвовала мужская часть общества.

У русских и финно-угорских народов также проводились аналогичные праздники. Удмуртские дети во время святок рядились днем, вечером ходила уже молодежь и взрослые. Считалось, что ряженых должно быть нечетное количество. Вместе с тем, у поволжских народов имелись и другие обряды. Например, марийцы, удмурты, коми-пермяки при уменьшении поголовья скота проводили следующие действия: хозяйка и хозяин направлялись с жертвенной пищей (мясо филина) в хлев, за ними на четвереньках следовали мальчики и девочки, голосом подражали овцам и баранам, хозяйка приманивала их, дети делали три круга в хлеву, затем съедали жертвенную птицу[58].

Яркий пример половозрастной стратификации общества в обряде представляет Масленица. В *Çăварни* утром чувашские дети направлялись на горку, где проводились масленичные торжества. Того, кто первым прокладывал санный путь, называли *шыв çулĕ уçакан* (открывающий путь вешним водам), он пользовался уважением, ему доверяли начинать весенний сев. Катание с гор носило иносказательное название *çерçи ури хуçни* (ломание воробьиных ног). Ребята при первом спуске с горы сыпали конопляные семена и приговаривали, чтобы урожай конопли и льна был высоким. В первый день Масленицы на горе устанавливали масленичную старуху – соломенное чучело, перед которым детвора делала поклоны и только после расходилась по домам. В последний день Масленицы молодежь и дети разжигали костры заклинаниями о скорейшем уходе зимы и наступлении весны[59].

У русских, кроме аналогичных чувашам традиционных действий, было также ряжение в специально приготовленные маски. Марийцы считали, что пробуждение природы – это олицетворение доброго начала, поэтому маски не применяли, а уходящее время считалось злым, отрицательным, его изображали, надевая маски в виде старух[60].

Первый день *Мăнкун* у чувашей назывался *Калăм*. Дети принимали в нем активное участие: собирали яйца, затем играли (катали яйца, игра в *паттăр*), пели песни. Существовали специальные слова при раздаче яиц: *«Эй, Туррăмăр! Çак ачасене сывлăхне-малашне пиллесе пар! Пусарлăх чĕпписем пек йышĕ пулччăр, салтак ачисем пек çирĕпĕ тухтăр. Илĕр, ачамсем, пĕр тиркĕ çимĕç. Пĕрререн пин тухтăр – хăвăра çитсе ваттисем валли те юлтăр»* (Эй, Тура! Благослови этих детей на здоровое будущее! Пусть потомство будет как у наседки, крепость – как у рекрута. Берите, дети, чашку еды. Из одного пусть выйдет тысяча – чтобы и вам досталось, и предкам осталось). По гостям судили о будущем приплоде скота. Если первым приходил мальчик, считалось, что в будущем корова принесет бычка, если же девочка – телочку. Самки животных были желаннее в хозяйстве, поэтому мальчики пропускали девочек вперед. Детей сажали на подушку и угощали. Они должны были сидеть смирно, в противном случае

домашняя птица не будет высиживать птенцов. В этот день первым встретивший солнце приносил в дом счастье, здоровье и благополучие. Старики осыпали детей зерном и хмелем, а дети в свою очередь валялись на земле, боролись друг с другом, чтобы весь год быть здоровыми. Мать отправляла детей с гостинцами (крашеными яйцами) к родственникам: сначала навещали семью дедушки по отцу или его брата, непременно следовало побывать у крестных родителей. Патрилинейный принцип выдерживался жестко: дети при сборе яиц навещали исключительно родственников отца. Так, дети понимали, что дед, отец и мужская часть семьи более уважаем, чем женская. Также разжигали костер, будто бы согревали усопших. Через него нужно было перепрыгнуть не менее трех раз[61].

На второй день чуваши поминали усопших, в этом наряду со взрослыми участвовали дети. Они брали ритуальную еду и, перечисляя имена всех усопших, часть складывали в особую чашу, предназначенную для умерших. То же самое повторяли с пивом. Еду из этой посуды выбрасывали за домом, где все съедали собаки. Участвуя в подобных обрядах, чувашские дети готовились к будущей взрослой жизни[62].

В пасхальную неделю в чувашских селениях существовала традиция игры «в яйца», а также катание яиц и круглой лепешки, либо каравая хлеба. Эти действия были связаны с магией плодородия. Еще одним способом развлечения детей и молодежи в эти дни были качели. Накануне *Мăнкун* молодыми людьми сооружались большие качели (*таканкка*/*ярăнчăк*/*чир-чĕр вĕçтер*) из свежесрубленного дерева. Все жители катались «для здоровья» (по поверью, раскачивание удаляет болезни) на специально сооруженных качелях. Во второе воскресенье *Мăнкун* их разбирали, как требует традиция, иначе будут выходить на теле чирьи (фурункулы) (*çăпан тухать*), лето будет ветреным. Для детей это было веселым времяпрепровождением[63].

У бесермян обход родственников во время Пасхи проходил с утра и до обеда. В это время в основном ходили дети и мужчины, приход женщины считался плохим знаком. Детей угощали яйцами и другими кушаньями. Игры с яйцами у бесермян не наблюдались, но встречались у удмуртов. В Пасху русские дети собирали яйца, затем играли в них: катали, били друг об друга, в лоб. Пасхальные праздники ждали и татарские дети (*кызыл йомырка* «красное яйцо»), которые собирали яйца по домам[64].

Следующим обрядом весенне-летнего периода был *Вирми*/*Вирĕм*/*Сĕрен* – обряд очищения, изгнания злых духов и болезней из людей, домов и селения. Перед началом церемонии напутственное слово произносил старик – уважаемый человек: *«Эй, ачамсем, чипер çӳрĕр, ĕçме-çимепе тирпейлĕ пулăр. Сăвă калăр, такмак калăр, путсĕр сăмаха ан калаçăр! Сыхланса çӳрер; чирлĕ выртакансене хавхалантарăр. Усал сăмахсем калаçса-вăрçса çӳресен Тĕмен Турă кая хывĕ. Ваттисем ку йăлана ахаль кăларман. Тасалăх килтĕр, чир-чĕр кайтăр тесе кăларнă. Таса маррине хытă хăвалăр, çавах чыслă сыхланса çӳрес пулать»* [Дети мои, ходите прилежно, будьте аккуратны с едой и питьем. Пойте песни и частушки, непотребных

слов не говорите! Будьте осторожны; больных подбадривайте. Если будете ругаться, бог *Тӗмен* отвернется от вас. Старики не просто так положили начало этому обычаю. Это сделано, чтобы пришла чистота и ушли болезни. Изгоняйте нечистое (нечистую силу), но и сами остерегайтесь]. Основными участниками действия были дети. Обряд совершался в следующем порядке: мальчики брали в руки заранее заготовленные инструменты (*çатӑрма* – трещотки; гусли, пузыри) и ветки вербы и ходили из дома в дом; хозяева угощали их пивом, яйцами и пирогами, а мальчики под звуки своих музыкальных инструментов плясали и пели песни; провожая, им давали по особому пирожку и яйцу; по окончании хождения по домам мальчики и парни съедали собранное где-нибудь в овраге, у кладбища, а все недоеденное вместе с изломанными трещотками бросали в поле[65].

Исследователи отмечают, что обряд типа *Сӗрен* является общим для всех народов Среднего Поволжья. В некоторых деревнях крещеных татар термином *Сөрән* называли пасхальные костры, которые зажигались в конце святой недели, вокруг которых молодежь веселилась. В праздник *Сабантуй* у татар-мусульман молодые мужчины разъезжали по дворам и стучали длинными палками по крышам домов, изгоняя нечистого духа, за очищение они требовали от хозяев яйца и пироги. Обойдя деревню, с шумом и криком выгоняли нечисть за ее пределы. *Сӳрем* (или *Кӳсӧ*) – марийский праздник летнего жертвоприношения, участниками были дети, они хлестали прутьями по стенам домов, по дверям и воротам, чтобы выгнать злых духов из дома. Бесермяне в ночь на Великий четверг ветвями можжевельника изгоняли шайтанов, затем ветки прикрепляли к деревенским воротам[66].

Дети принимали участие в общенародном молении *Учук*. В качестве сборщика денег вместе со стариком-руководителем избирался также и мальчик. В назначенный день собирались на лужайке с водоемом. О составе участников моления говорится по-разному: это мог быть один человек из семьи, вся деревня, а в селе оставались лишь старики и женщины с маленькими детьми. Сварив мясо и кашу, отправляли детей созывать оставшихся в деревне. На место моления каждый приносил с собой ложку и тарелку. Располагались в два ряда, образуя подобие улицы, иногда полукругом или кругом. Независимо от возраста всем раздавали одинаковые порции в миски. После окончания моления дети и молодежь отходили в сторону, начинались игры и веселье, старики продолжали пить пиво. Остатки еды забирали с собой, угощали тех, кто не смог прийти на *Учук*. Особо почитали стариков, оставшихся дома. Тем самым у детей воспитывалось уважительное отношение к пожилым, а также дальнейшее сохранение традиций в обществе[67].

После Пасхи наступал *Çимӗк* – летнее поминовение усопших с посещением кладбищ. Промежуток между этими двумя праздниками считался временем веселья молодежи – *Уяв*, пора игр и хороводов девушек, парней и детей. Накануне дети и женщины ходили в лес, урочища и овраги и собирали лекарственные травы и коренья. Приговаривали: «На Семик надо со-

брать семьдесят и семь видов разных трав с опушки семи лесов, с вершин семи оврагов»[68].

Аналогичный праздник со схожим названием имеется у финно-угорских народов. Так, летний праздничный календарь марийцев открывался праздником *Семык*, у бесермян – *Тройча поминка*, удмуртов – *Троица*[69].

Для детей *Çинçе* продолжался до *Илем-кунĕ* (Ильин день). Этот праздник известен всем чувашам. С этого дня детям разрешалось есть зеленый горох и яблоки (падаль). Существовали запреты по отношению к детям. Во время проведения праздника *Çинçе* мальчикам запрещали давать все зеленое (лук и т.д.). Похоже, это объяснялось тем, что нельзя было рвать траву. Аналогичные обряды во время *Çинçе* были и у бесермян – *Муз'йэм эмен'н'ик*/ *Муз'йэм имен'н'ик* (земля именинница), когда запрет был наложен на все земельные работы; с марийским *Синкса*, мордовским *Аштимо ковланго* и обычаем *Незык*/*Незын* мишарей и крещеных татар[70].

Çумăр(шăн) чӳк проводился под руководством уважаемого старика, участниками являлись мальчики и парни до 20 лет, они собирали по домам продукты (молоко, яйца, соль, крупу и масло), готовили из них обрядовые блюда. Перед началом и после окончания *чӳк* умывались и купались в воде, затем обливали всех, кого бы ни встретили. Тот же обряд существовал под названием *Çăмарта чӳк*, участники – мальчики, собирали продукты для приготовления обрядового блюда, а также ловили птиц (грачи, галки, скворцы, воробьи и др., за исключением ворона и голубей), жарили их. Во время чтения молитв дети находились в стороне и только потом им раздавали пресные лепешки и накладывали кашу в принесенные чашки. Во время проведения обряда соблюдалась строгая иерархия. Ближе к котлу рассаживались старики, поодаль – молодежь, еще дальше – дети. В таком же порядке раздавали еду. Повсеместно обряд завершался обливанием водой всех присутствующих и жителей деревни. После моления старика начиналась трапеза, затем шли купаться в пруду[71].

Существовали молитвы, которые произносили только дети: *«Чӳк, çырлах, ан пăрах, эпир паянхи кун атте-асаттесен йăлипе хамăра кирлине ыйтса çӳретпĕр. Кам пире майлă пулсан пирĕнпе пĕрле чӳке пырса куртăр, курма пыма май пултăр тесе пăртак çу, тăвар, çăнăх-кĕрпе парса ятăр тетпĕр. Кам та кам памасан ăна чӳк пуçлăхĕ тыткалатăр»* (*Чӳк*, прости, не бросай, сегодня по отцовско-дедовской традиции просим то, что нам нужно. Кто за нас, пусть тот с нами на *чӳк* идет, но даст нам масло, соль, муку-крупу. Кто не даст продукты, пусть его схватит глава *чӳк*)[72].

Обряд вызывания дождя проводился у всех народов Среднего Поволжья и был в основном аналогичен чувашскому[73].

Чувашские *ĕçкĕ-çикĕ* также можно отнести к календарным праздникам, так как они были приурочены к определенному отрезку календарного цикла и проводились в основном осенью и зимой. Хотя большие попойки предназначались только для взрослых, дети также в них участвовали: встречали гостей, провожали их в дом, угощали пивом. Н.М. Охотников так опи-

сывает свои действия с братом: «…Поздно вечером, когда уже приедут все приглашенные гости, происходит угощение. Начиналось оно с того, что я с братом наливали пива в пивные ковши и подходили к гостям, начиная со стариков, предлагая выпить все пиво, до дна ковша. Гости брали ковши, мы вставали пред ними на колена и оставались в таком положении с наклоненной головой до тех пор, пока они не выпьют всего ковша. Остальные гости в это время сидят тихо, внимательно следя за угощающими детьми. С детьми разговаривает только тот, в чьих руках пивной ковш. От детей требуется вежливое обращение с гостями, особенное искусство в угощении, которое состоит в том, чтобы вежливейшим путем достигнуть того, чтобы гость выпил пиво из ковша до дна. Умение угощать вежливо и находчивость при этом – достоинства угощающего. По этим его качествам гости в последствии судят о его умственных способностях. Если даже гость отказывался от пива, мальчики должны были найти решение, например, если отказ из-за болезни – пиво преподнести как лекарство. За это дети получали монетку»[74].

В чувашских семьях встречались случаи приучения к пьянству. В большинстве случаев дети и подростки не должны были присутствовать на попойках, их место на это время было на улице, зимой – в избе или у соседей. Но во время больших пиров ребятишки находились среди взрослых, иногда даже угощали пивом гостей. Иногда во время таких больших пиров дети приучались к пьянству, когда захмелевшие сверх меры гости угощали их спиртными напитками[75].

Производственные обряды. Дети становились участниками многих обрядов, связанных с земледелием и животноводством. Например, во время *Хур чӳкĕ, Килĕш пăтти, Карта пăтти, Сăра чӳкĕ* ребятишки сидели за столом и вкушали ритуальную пищу наряду со взрослыми, однако на самих молениях не присутствовали. В некоторых случаях наблюдалось участие детей в животноводческой обрядности. Обряд *Ĕне ырри чӳкĕ* – один из немногих, когда за стол вместе с взрослыми усаживали детей. Тем самым демонстрировалось, что они – полноправные члены семьи. Дети впитывали элементы традиционных обрядов, начинали осознавать, что важные события следовало обрамлять обрядами. Выходя из-за стола, они желали много молока корове, удачного отела в следующем году и т.д.[76]

Помочи *ниме* – еще один вид деятельности, в которых участвовало все сообщество. Распространялись они на все виды работы, особенно на строительные. Дети активно помогали при строительстве дома и хозяйственных построек – убирали стружки, щепки, носили мох, конопатили вместе со стариками. Они участвовали в *тислĕк ними* (помочи при вывозе навоза), *сӳс ними* (помочи при обработке кудели), *тăла ними* (валка домашнего сукна), а также в земледельческих работах – при посадке картофеля, сборе хмеля и т.д.[77]

Дети, в большинстве случаев мальчики, принимали участие в пастушестве. Самостоятельное выполнение обязанностей пастуха символизировало достижение ими взрослого возраста. Чуваши говорили: «Он достиг воз-

раста пастуха», то есть ему можно доверить пасти сельское стадо. Своих детей чуваши с малых лет приучали к работе скотовода, учили общению с животными. С 5–7 лет дети пасли ягнят, телят, гусей. С 9–12 лет дети становились подпасками (то есть пасли стадо вместе с взрослым пастухом, родителями, родственниками), а в 15–17 лет им доверяли пасти стадо мелкого или крупного рогатого скота самостоятельно, без участия взрослых[78].

Выгон стада чуваши обставляли ритуальными действиями и магическими приемами, направленными на обеспечение благополучия и плодовитости животных в течение стадного периода. Основными участниками были пастухи и женщины, присутствовать могли мальчики (подпаски). Так, один из них должен был принести свежую ветвь с почками, при помощи которой гонялся скот. В *кĕтӳ кăларни* (выгон скота) запрещалось участвовать девочкам, так как они являлись девственницами и скотина могла остаться без потомства, скот должны были гнать женщины[79].

Следует отметить, что в чувашской крестьянской среде было распространено курение. Хотя дети находились в строгом подчинении у родителей, мальчики могли пробовать курить уже с 7-летнего возраста, особенно вне дома (во время учебы, пастушества). Некоторые дети, по примеру своих отцов, уже в 4–5 лет начинали брать в рот окурки. Иногда взрослые просили детей раскурить трубку, таким образом, ребятишки приучались к курению[80].

Свадебные обряды. Чувашские дети участвовали в свадебных и послесвадебных обрядах. В доказательство этому можно привести цитату из источника: *«Тата пĕр хĕр ача урапа çине çĕнĕ çын патне улăхса урине пăртак çĕклесе пăхать, ăна йăран тăпăлтарать, теççĕ»* (Девочка поднимается к невесте на телегу и чуть приподнимает ей ногу, обряд носит название «теребить грядку»). Девочку 10–12 лет отправляли вместе с новоиспеченной невесткой за водой. Дети наблюдали за всем свадебным действом с печи: «Забившись на печку и полати, любопытные ребятишки успели словить по комышку соли, и, с наслаждением сосут ее, глазея на новобрачных, и ждут не дождутся приятной для них комедии, когда заиграет музыкант и запляшет приноровленный мальчишка». Это был обряд *инке салми* (салма молодушки), когда один из родственников жениха – мальчик – танцевал с салминкой перед молодоженами. Дети слышали слова, восхваляющие трудолюбие, пожелания здоровья и долголетия, счастья в свадебных песнях, благословении родителей, плаче невесты, в речи дружки. Главное – дети участвовали в осмотре предметов рукоделия невесты. Это должно было стимулировать девочек к созданию своих шедевров[81].

Обряды погребения и поминания детей. Участие детей в похоронах и поминках. Похоронно-поминальные обряды являются неотъемлемой частью семейной обрядности. Несмотря на многие действия по сохранению жизни ребенка, бывало, что они и умирали. Детей обмывали родители, поминали так же, как и взрослых, но собирались в маленьком кругу – только близкие родственники: *«Ачасене ратнесене пуçтарса хывмаççĕ.*

Чăхă анчах пусаççĕ е çăмарта кăна пĕçереççĕ. Ачана пумилкке те тумаççĕ, виççĕмĕш кун ăна пĕтĕмпех ирттерсе яраççĕ. Ачана ирттернĕ чух стена çумне икĕ çурта лартаççĕ: пĕр çуртине ача ячĕпе, тепĕр çуртине ăратнере пĕр-пĕр вилнĕ ватă çын ячĕпе» (Детей не поминают в большом кругу родственников. Режут курицу либо варят яйцо. Поминки по ребенку не справляют, все заканчивается на третий день. К стене ставят две свечи: одну – за ребенка, другую за умершего в родне старика, чтобы он его берег, хранил как земной родитель). В некоторых случаях поминала только скорбящая мать: относила на могилку блины и яйцо, если ребенок не был отлучен от груди – орошала землю грудным молоком. Свечу для ребенка ставили в 3–4-летнем возрасте, малолетних поминали только едой. По традиционным представлениям чувашей, умершие дети продолжали расти и достигали возраста женитьбы/замужества. Так, если ребенок умер в 12 лет, за него 8 лет ставили свечу, по достижении 20-летнего возраста поминали только едой и питьем. Считали, что в этом возрасте он/она находит себе пару и создает семью[82].

Аналогичные поминальные обряды проводили восточнославянские народы. Отличием было то, что матери, у которых умерли дети, приглашали соседских детей и угощали их ритуальной едой (каша и т.д.)[83].

Дети принимали участие и в похоронной обрядности. Пока обмывали покойника, две девочки шли на речку полоскать белье, в котором умер покойник. На речку одежду несли на палке, полоскали тоже палкой, и обратно несли также на палке. По возвращении белье раскладывали на улице у ворот[84].

Во время выноса покойника из дома перед процессией шел мальчик, держа в одной руке свечу, в другой – холст в локоть. Все эти вещи отдавали первому встречному. Например, когда покойного везли хоронить на санях, запряженных лошадьми, на первую лошадь сажали мальчика 10–12 лет. Он забирал платок, привязанный к лошади *(пĕкĕ çине çыхнă тутăрне илет)*[85]. По возвращении с осенних поминок домой, чуваши сажали какого-нибудь мальчика верхом на лошадь и отправляли его по улицам, чтобы известить всех о наступлении поминок. Мальчик ехал по улице и называл имя человека, у которого проходили поминки в настоящее время: «Приходите в дом такого-то пива пить!», и таким образом собиралось очень много народу[86].

Участие детей в календарных и семейных праздниках является частью процесса воспитания. Их с раннего детства приобщали к жизни общины. Дети не только готовились к будущей взрослой жизни, они входили в нее через определенные роли, которые выпадали им в разных ситуациях (например, девочки выполняли женскую работу, мальчики помогали отцу или деду). Быт и семейные отношения старших дети наблюдали ежедневно, усваивали традиционные нормы поведения в отношениях со старшими и сверстниками, знали права и обязанности членов семьи. Через игры и веселье, слушание сказок и песен мальчики и девочки приучались к труду. Участие ребятишек в обрядах имело в основе своей также и приучение к трудовой деятельности, тем самым чувашские дети с раннего возраста начинали понимать

особенности земледельческой жизни. В ходе традиционных семейных праздников детям прививались нравственные ценности, направленные прежде всего на соблюдение родственной иерархии во время праздников (например, подношение ковша пива). Участие детей в обрядах в целом представляло собой одну из важных форм воспитания подрастающего поколения в духе сохранения этничности.

Литература и источники

[1] Предисловие // Гендерные стереотипы в прошлом и настоящем. М., 2003. С. 3.

[2] *Байбурин А.К.* Обрядовые формы половой идентификации детей // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991. С. 257–266; *Комарова Г.А.* Этнография детства: междисциплинарные исследования. М., 2014. 160 с.; *Осорина М.В.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб., 1999. 288 с.

[3] Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее: НА ЧГИГН). Отд. I; *Никольский Н.В.* Краткий конспект по этнографии чуваш. Казань, 1919. 104 с.; *Его же*. Народная медицина у чуваш. Чебоксары, 1929. 61 с.

[4] *Архангельский Н.А.* Масленица у чуваш. Казань, 1910. 6 с.; *Каменский Н.* Современные остатки языческих обрядов и религиозных верований у чувашей. Казань: Унив. тип., 1879. 35 с.; *Комиссаров Г.* Чуваши Казанского Заволжья // Известия общества археологии, истории и этнографии (далее: ИОАИЭ). Казань, 1911. Т. XXVII. Вып. 5. С. 311–432; *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881. 268 с.; *Михайлов С.М.* Собрание сочинений / сост. и авт. предисл., комм. и прил. В.Д. Димитриев. Чебоксары, 2004. 510 с.; *Охотников Н.М.* Записки чувашина о своем воспитании // ИОАИЭ. Казань, 1920. Т. XXXI. Вып. I. С. 19–48; *Прокопьев К.П.* Похороны и поминки у чуваш // ИОАИЭ. Казань, 1903. Т. XIX. Вып. 5–6. С. 215–250.

[5] *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка (далее: СЧЯ). В 17 т. Казань; Чебоксары, 1928–1958.

[6] *Денисов П.В.* Историко-этнографическое исследование Н.М. Охотникова // Исследования по истории Чувашии дооктябрьского периода. Чебоксары, 1985. С. 70–89; *Салмин А.К.* Праздники, обряды и верования чувашского народа. Чебоксары, 2016. 687 с.; *Семенова Т.В.* Обрядовый календарь чувашей в этноконтактных с татарами районах. СПб., 2015. 145 с.; *Ягафова Е.А.* Чуваши Урало-Поволжья. История и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – нач. XX вв.). Чебоксары, 2007. 530 с.

[7] *Егорова О.В.* Традиционная детская одежда чувашей // Традиционная культура. 2012. № 4. С. 50–55; *Петров И.Г.* Одежда в родинных обрядах чувашей: историко-этнографические очерки. СПб., 2015. 220 с.; *Фокин П.П.* Рубашка-оберег младенца // Этнология религии чувашей. Чебоксары, 2003. Вып. 1. С. 59–64.

[8] *Егорова О.В.* Этнография детства чувашей Волго-Уралья во второй половине XIX – первой трети XX вв.: традиционная родильная обрядность и социализация детей: дисс. ... док. ист. наук. Чебоксары, 2010. 538 с.; *Ее же*. Традиционная детская одежда чувашей // Традиционная культура. 2012. № 4. С. 50–55; *Ее же*. Традиционная родильная обрядность чувашей Волго-Уралья. Чебоксары, 2010. 170 с.; *Ее же*. Этнография детства чувашей по данным автобиографий // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 93. С. 21–28; *Егорова О.В., Дмитриева И.В., Игауэ Нахо.* Развитие скотоводства и институт пастушества чувашей в XIX – начале XXI века // Вестник чувашского университета. 2017. № 4. С. 85–92.

[9] *Волков Г.Н.* Чувашская этнопедагогика. Чебоксары, 2004. 488 с.

[10] Чăваш халăх пултарулăхĕ [далее: ЧХП]. Ача-пăча фольклорĕ. Шупашкар, 2009. 415 с.; ЧХП. Ваттисен сăмахĕсем. Шупашкар, 2007. 493 с.; ЧХП. Пилсемпе кĕлĕсем. Шупашкар, 2005. 446 с.

[11] *Акцорин В.А.* Марийская народная драма. Йошкар-Ола, 1976. 200 с.; *Баязитова Р.Р.* Традиционный семейный этикет башкир. Уфа, 2010. 176 с.; *Бернштам Т.А.* Молодежь в об-

рядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. 278 с.; *Громыко М.М., Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. М., 2000. 544 с.; *Касимова Д.Г.* Семейная обрядность чепецких татар (середина XIX–XX вв.). Ижевск, 2003. 300 с.; *Никитина Г.А.* Народная педагогика удмуртов. Ижевск, 1997. 136 с.; *Сушкова Ю.Н.* Неписаные законы мордовской семьи. Саранск, 2016. 308 с.; *Уразманова Р.К.* Обряды и праздники татар Поволжья и Урала. Годовой цикл (XIX – нач. XX вв.): историко-этнографический атлас татарского народа. Казань, 2001. 198 с.

[12] *Владыкина Т.Г., Глухова Г.А.* Половозрастная стратификация деревенского общества в удмуртском народом календаре // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. № 3. С. 64–76; *Кандрина И.А.* Народные знания и опыт в обрядах деторождения мордвы Республики Мордовия // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2011. № 3. Т. 17. С. 884–894; *Корнишина Г.А.* Возрастные категории и символы у мордвы (на примере костюмного комплекса) // Фундаментальные исследования. 2009. № 7-S. С. 91–92; *Пушкарева Н.Л.* Гендерная асимметрия социализации ребенка в традиционной русской семье // Гендерные стереотипы в прошлом и настоящем. М., 2003. С. 4–27; *Федянович Т.П.* Мордовские народные обряды, связанные с рождением ребенка (конец XIX – 70-е гг. XX в.) // Советская этнография. 1979. № 2. С. 79–89; *Христолюбова Л.С.* Традиции трудового воспитания детей в удмуртской семье в XIX – нач. XX вв. // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XX вв. Устинов, 1985. С. 80–90; *Ее же.* Стереотипы общения и социализации личности // Традиционное поведение и общение удмуртов: сб. статей. Ижевск, 1992. С. 31–42.

[13] *Абсаликова Ф.Ш.* Игры и развлечения башкир: Конец XIX – первая половина XX веков: дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 1998. 207 с.; *Лысова Т.Н.* Календарные обряды и праздники русского населения Чувашии в конце XIX – начале XX в.: дисс. ... канд. ист. наук. Саранск, 2010. 228 с.; *Сайфутдинова Г.Б.* Мир детства у татар: обряды и практики социализации: дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2011. 261 с.; *Слепчина Н.Е.* Традиционное воспитание детей в коми культуре второй половины XIX – первой трети XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2006. 202 с.

[14] *Пушкарева Н.Л.* Гендерная асимметрия социализации ребенка в традиционной русской семье // Гендерные стереотипы в прошлом и настоящем. С. 4–19.

[15] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 154. С. 220; Ед. хр. 228. Л. 106; *Ашмарин Н.И.* СЧЯ. Т. II. С. 160; Т. V. С. 131, 383; Т. VI. С. 158, 167; Т. VII. С. 108; Т. VIII. С. 195, 331; Т. IX. С. 18, 95, 97, 158; Т. X. С. 157. 170; Т. XII. С. 70, 262; Т. XIII. С. 131; Т. XVII. С. 163, 198, 270, 313, 366, 368, 370, 376, 381; *Дудкина Е.В.* Традиционное воспитание мальчиков в чувашской крестьянской семье // Проблемы детства в контексте междисциплинарных исследований. Чебоксары, 2007. С. 20; *Егорова О.В.* Дисс. … С. 351–353.

[16] *Ашмарин Н.И.* СЧЯ. Т I. С. 86–87; *Волков Г.Н.* Указ. соч. С. 411–412.

[17] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 285. Л. 431 об. – 431; *Волков Г.Н.* Указ. соч. С. 97; ЧХП. Пилсемпе кĕлĕсем. С. 216.

[18] *Пушкарева Н.Л.* Указ. соч. С. 6.

[19] *Волков Г.Н.* Указ. соч. С. 98; *Егорова О.В.* Дисс. ... С. 93.

[20] ЧХП. Ваттисен сăмахĕсем. С. 41.

[21] *Осорина М.В.* Указ. соч. С. 13.

[22] *Байбурин А.К.* Указ. соч. С. 257; *Зеленин Д.К.* Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии // Сб. МАЭ. Л., 1930. Т. 9. С. 31; *Стасевич И.В.* Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. СПб., 2011. С. 38.

[23] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 151. С. 53; *Егорова О.В.* Традиционная родильная обрядность чувашей Волго-Уралья. С. 86–88; *Месарош Д.* Памятники старой чувашской веры. Чебоксары, 2000. С. 311.

[24] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 562. Л. 13; *Егорова О.В.* Дисс. … С. 95; *Месарош Д.* Указ. соч. С. 311.

[25] *Ашмарин Н.И.* СЧЯ. Т. II. С. 156–157; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 625. С. 13; III. Ед. хр. 187. Л. 482; *Егорова О.В.* Дисс. … С. 144, 150; *Никольский Н.В.* Народная медицина у чуваш. Чебоксары, 1929. С. 28; *Попова Е.В.* Семейные обычаи и обряды бесермян. С. 44–45; *Слепчина Н.Е.* Указ. соч. С. 30.

[26] *Касимова Д.Г.* Указ. соч. С. 34–35; *Кандрина И.А.* Указ. соч. С. 886; *Попова Е.В.* Семейные обычаи и обряды бесермян. С. 46–47; *Сайфутдинова Г.Б.* Указ. соч. С. 32, 54–55; Финно-угорские народы России. Саранск, 2016. С. 318–319, 343–344; *Слепчина Н.Е.* Указ. соч. С. 30; *Бернштам Т.А.* Указ. соч. С. 55.

[27] *Ашмарин Н.И.* СЧЯ. Т. VI. С. 152; 12. С. 124; 15. С. 67; *Егорова О.В.* Традиционная детская одежда чувашей... С. 52–53; *Петров И.Г.* Указ. соч. С. 3, 113–115.

[28] *Попова Е.В.* Семейные обычаи и обряды бесермян. С. 62; *Касимова Д.Г.* Указ. соч. С. 64; *Корнишина Г.А.* Указ. соч. С. 91–92; *Баязитова Р.Р.* Указ. соч. С. 75; *Сайфутдинова Г.Б.* Указ. соч. С. 92; *Слепчина Н.Е.* Указ. соч. С. 51; *Бернштам Т.А.* Указ. соч. С. 57.

[29] *Егорова О.В.* Традиционная детская одежда чувашей… С. 50; *Фокин П.П.* Рубашка-оберег младенца... С. 59–64.

[30] *Федянович Т.П.* Указ. соч. С. 84.

[31] *Осорина М.В.* Указ. соч. С. 58–59.

[32] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. С. 49; *Денисов П.В.* Указ. соч. С. 81–82.

[33] Чуваши. С. 313–314.

[34] *Баязитова Р.Р.* Указ. соч. С. 79.

[35] *Волков Г.Н.* Чувашская этнопедагогика. С. 147–149; *Белик А.А.* Культурная (социальная) антропология. С. 216.

[36] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 154. С. 258; Ед. хр. 151. С. 275; Ед. хр. 173. С. 22–23, 29; Ед. хр. 174. С. 272–273; Ед. хр. 168. С. 24; Ед. хр. 268. С. 369; Ед. хр. 238. С. 166–167; *Никольский Н.В.* Краткий конспект по этнографии чуваш. С. 64; *Трубина М.* Суйласа илнисем. Шупашкар, 2014. С. 180; ЧХП. Ваттисен сăмахĕсем. С. 358.

[37] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 173. С. 376; Ед. хр. 173. С. 411; Ед. хр. 151. С. 17, 54–55; Ед. хр. 173. С. 436; Ед. хр. 216. С. 110; Ед. хр. 572. Л. 21; *Егорова О.В.* Этнография детства чувашей по данным автобиографий… С. 26; *Михайлов С.М.* Указ. соч. С. 95, 99; ЧХП. Ача-пăча фольклорĕ. С. 325–327.

[38] *Михайлов С.М.* Указ. соч. С. 96.

[39] *Охотников Н.М.* Указ. соч. С. 20–21.

[40] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 151. С. 21; Ед. хр. 156. С. 159; ЧХП. Ача-пăча фольклорĕ. С. 327.

[41] Мордва. С. 286; *Сайфутдинова Г.Б.* Указ. соч. С. 93.

[42] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 163. С. 16; Ед. хр. 174. С. 178; Ед. хр. 236. С. 88; *Волков Г.Н.* Указ. соч. С. 143–144; *Каменский Н.* Указ. соч. С. 26; *Михайлов С.М.* Указ. соч. С. 95–96.

[43] *Сушкова Ю.Н.* Указ. соч. С. 225–226; Финно-угорские народы России. С. 345–347; *Христолюбова Л.С.* Стереотипы общения и социализации личности… С. 31–32; *Сайфутдинова Г.Б.* Указ. соч. С. 104.

[44] *Бернштам Т.А.* Указ. соч. С. 124.

[45] *Волков Г.Н.* Указ. соч. С. 415; *Белик А.А.* Культурная (социальная) антропология. М., 2009. С. 215–216.

[46] *Байбурин А.К.* Указ. соч. С. 262.

[47] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 85 (III). Л. 216–220; *Никольский Н.В.* Краткий конспект по этнографии чуваш. С. 83; *Егорова О.В.* Дисс. … С. 335–337; *Михайлов А.И.* Чувашка. М., 1928. С. 17–18

[48] *Дмитриев И.А.* Этнотеатральные формы в чувашском обряде. Чебоксары, 1998. С. 30, 53–54.

[49] *Волков Г.Н.* Указ. соч. С. 419–420; *Канюков В.Я.* Ача-пăча сăмахлăхĕ. Шупашкар, 1964. С. 15; *Охотников Н.М.* Указ. соч. С. 23.

[50] *Громыко М.М., Буганов А.В.* Указ. соч. С. 370; *Пушкарева Н.Л.* Указ. соч. С. 17–18; *Христолюбова Л.С.* Традиции трудового воспитания детей в удмуртской семье в XIX – нач. XX вв. … С. 82–83; Татары. М., 2001. С. 337–338; Мордва. Саранск, 1995. С. 278; Финно-угорские народы России. С. 345, 370; *Никитина Г.А.* Указ. соч. С. 54; *Слепчина Н.Е.* Указ. соч. С. 54, 57, 66; *Абсаликова Ф.Ш.* Указ. соч. С. 51, 53.

[51] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 72. С. 93; Ед. хр. 147. С. 239; Ед. хр. 162. С. 607; *Месарош Д.* Указ. соч. С. 118; *Агапкина Т.А., Плотникова А.А.* Драка // Славянские древности. М., 1995. Т. 2. С. 130–133.

[52] *Волков Г.Н.* Чувашские сказки как памятник народной педагогики // Ученые записки Чуваш. гос. пед. ин-та. Чебоксары, 1958. Вып. VI. С. 117–123; *Охотников Н.М.* Указ. соч. С. 22–23; *Рона-Таш А.* Чувашские сказки // Чувашский фольклор. Специфика жанров. Чебоксары, 1982. С. 140–141.

[53] *Ашмарин Н.И.* СЧЯ. Т. IV. С. 96; *Волков Г.Н.* Чувашская этнопедагогика. С. 184–185, 417.

[54] Чуваши. М., 2017. С. 341.

[55] *Волков Г.Н.* Чувашская этнопедагогика. С. 415; ЧХП. Ача-пăча фольклорĕ. С. 169.

[56] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 24. С. 34–35; Ед. хр. 159. С. 76–77; *Комиссаров Г.* Указ. соч. С. 391; *Семенова Т.В.* Указ. соч. С. 105–106; ЧХП. Ача-пăча фольклорĕ. С. 164; *Архангельский Н.А.* Указ. соч. С. 2; *Ягафова Е.А.* Указ. соч. С. 83.

[57] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 4. Л. 113 об.–113; Ед. хр. 146. С. 717; *Дмитриев И.А.* Указ. соч. С. 185–186; *Месарош Д.* Указ. соч. С. 159.

[58] *Акцорин В.А.* Указ. соч. С. 61; *Владыкина Т.Г., Глухова Г.А.* Указ. соч. С. 68; *Лысова Т.Н.* Указ. соч. С. 71.

[59] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 152. С. 72–75; *Архангельский Н.А.* Указ. соч. С. 3; *Комиссаров Г.И.* Указ. соч. С. 383; *Семенова Т.В.* Указ. соч. С. 118–119; Чуваши. С. 342; *Ягафова Е.А.* Указ. соч. С. 86–87.

[60] *Акцорин В.А.* Указ. соч. С. 28–29; *Лысова Т.Н.* Указ. соч. С. 80.

[61] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 21. С. 533–534; 158. С. 69; 173. С. 412; *Егорова О.В.* Дисс. … С. 431–432; *Фокин П.П.* Дети в чувашских семейных обрядах и торжествах… С. 13; Культура чувашского края. Ч. 1. Чебоксары, 1995. С. 192; ЧХП. Пилсемпе кĕлĕсем. С. 80–81.

[62] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 72. С. 89–91; ЧХП. Пилсемпе кĕлĕсем. С. 80.

[63] *Семенова Т.В.* Указ. соч. С. 36; ЧХП. Пилсемпе кĕлĕсем. С. 80, 83.

[64] *Попова Е.В.* Календарные обряды бесермян. С. 85–86; *Лысова Т.Н.* Указ. соч. С. 97–98; *Уразманова Р.К.* Указ. соч. С. 28–32, 54.

[65] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 26. С. 231; 145. С. 189–193; 150; С. 150–155; 173. С. 260–265; 207. С. 38; *Комиссаров Г.И.* Указ. соч. С. 386–387; *Магницкий В.К.* Указ. соч. С. 128–129; *Тимофеев Г.Т.* Указ. соч. С. 157; Культура чувашского края. Ч. 1. С. 187; *Ягафова Е.А.* Указ. соч. С. 94–98.

[66] *Уразманова Р.К.* Указ. соч. С. 33–35; *Попова Е.В.* Календарные обряды бесермян. С. 79–80.

[67] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 167. С. 159–160; *Иванов А.* Чувашский праздник «Синзя» и полевое моление о дожде и урожае «Учук» // ИОАИЭ. Казань, 1897. Т. XIV. Вып. 2. С. 143–147; *Салмин А.К.* Указ. соч. С. 26, 29; *Семенова Т.В.* Указ. соч. С. 62–63.

[68] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 21. С. 535–536; 72. С. 92–93; *Комиссаров Г.И.* Указ. соч. С. 388; *Егорова О.В.* Дисс. … С. 435; Культура чувашского края. Ч. 1. С. 198; *Каменский Н.* Указ. соч. С. 16.

[69] *Попова Е.В.* Календарные обряды бесермян. С. 108–109.

[70] *Комиссаров Г.И.* Указ. соч. С. 390; *Салмин А.К.* Указ. соч. С. 61; *Попова Е.В.* Календарные обряды бесермян. С. 110.

[71] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 21. С. 11; Ед. хр. 152. С. 188–189; Ед. хр. 178. С. 293–294; *Егорова О.В.* Дисс. … С. 437; *Магницкий В.К.* Указ. соч. С. 32–33; Чуваши. С. 342; *Ягафова Е.А.* Указ. соч. С. 106–107.

[72] ЧХП. Пилсемпе кĕлĕсем. С. 118.

[73] *Уразманова Р.К.* Указ. соч. С. 68–69; *Перевозчикова Т.Г.* Приметы и поверья удмуртов о погоде // Фольклор и этнография удмуртов. Ижевск, 1989. С. 55; *Лысова Т.Н.* Указ. соч. С. 131–132; Мордва. С. 318; *Попова Е.В.* Календарные обряды бесермян. С. 109.

[74] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 238. С. 349; *Охотников Н.М.* Указ. соч. С. 29–30; *Фокин П.П.* Дети в чувашских семейных обрядах и торжествах… С. 13.

[75] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. Л. 50–51; Ед. хр. 276. С. 79; Ед. хр. 268. С. 30; Ед. хр. 238. С. 349; Ед. хр. 162. Л. 130, 132; *Охотников Н.М.* Указ. соч. С. 29–30; *Фокин П.П.* Дети в чувашских семейных обрядах и торжествах… С. 13.

[76] *Егорова О.В., Дмитриева И.В., Игауэ Нахо*. Развитие скотоводства и институт пастушества чувашей в XIX – начале XXI века… С. 91; *Месарош Д.* Указ. соч. С. 124–129, 140;

Егорова О.В. Дисс. … С. 439–440; *Фокин П.П.* Дети в чувашских семейных обрядах и торжествах... С. 12.

[77] *Волков Г.Н.* Чувашская этнопедагогика. С. 206–207.

[78] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 151. С. 57, 118; Ед. хр. 572. С. 3–4; *Егорова О.В., Дмитриева И.В., Игауэ Нахо.* Развитие скотоводства и институт пастушества чувашей в XIX – начале XXI века… С. 88.

[79] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 151. С. 322–324; ЧХП. Пилсемпе кĕлĕсем. С. 333–335.

[80] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 159. С. 117–119; Ед. хр. 177. Л. 50–51; Ед. хр. 276. С. 79; Ед. хр. 268. С. 30; *Тимофеев Г.Т.* Тăхăръял. Шупашкар, 2002. С. 129.

[81] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 21. С. 558; *Волков Г.Н.* Чувашская этнопедагогика. С. 186; *Магницкий В.К.* Указ. соч. С. 205; *Мальхов П.М.* Симбирские чуваши и поэзия их. Казань, 1877. С. 37; *Месарош Д.* Указ. соч. С. 350; *Салмин А.К.* Указ. соч. С. 159, 161–162; *Ягафова Е.А.* Указ. соч. С. 139–140.

[82] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 21. С. 524; *Прокопьев К.П.* Похороны и поминки у чуваш // ИОАИЭ. Казань, 1903. Т. XIX. Вып. 5–6. С. 219, 233, 235–236; *Мальхов П.М.* Указ. соч. С. 23; *Месарош Д.* Указ. соч. С. 197–198; *Салмин А.К.* Указ. соч. С. 230–232.

[83] *Агапкина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002. С. 314–316.

[84] *Прокопьев К.П.* Указ. соч. С. 222.

[85] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 21. С. 519; *Прокопьев К.П.* Указ. соч. С. 229; ЧХП. Ачапăча сăмахлăхĕ. С. 162.

[86] *Тимрясов С.* Похороны и поминки у чуваш-язычников дер. Ишалкиной, Чистопольского уезда, Саврушскаго прихода // Известия по Казанской епархии. 1876. № 9. С. 273.

E.V. Sergeeva

CHILDREN IN THE RITUAL LIFE OF THE CHUVASH PEOPLE

The article analyzes the gender aspects of calendar and family holidays of the rural community with the participation of children. Given the terminology, indicating the children's age, characteristics of the clothing, the games, the labour processes.

Keywords: gender relations, Chuvash, children, calendar rites, family customs.

«Образованный человек должен знать три языка: родной, международный и музыкальный».
Высказывание, приписываемое З. Кодаю, президенту Венгерской академии наук в 1946–1949 гг.

УДК 398.8(470.344):78.072

ЧГВ, 2020 г., № 15
© М.Г. Кондратьев

ТРАДИЦИОННАЯ МУЗЫКА ЧУВАШЕЙ КАК ЯЗЫК КУЛЬТУРЫ

Музыка (и, шире, интонационная культура) содержит в себе важную информацию, в устной традиции накапливаемую тысячелетиями. Одна из главных причин сохранения архаики в музыкально-поэтической системе чувашей – сакральная роль, которую музыка играет в традиционных обрядах. В народной традиции чувашей музыка, наряду с эстетической, выполняла воспитательные, сигнальные, эвристические функции. Фундаментальными признаками высокоразвитой архаики в чувашской традиционной музыкально-поэтической системе являются пентатонная ладовая система, ритмика квантитативного типа, афористическая краткосюжетность в поэзии.

Познание свойств чувашской народной музыкально-поэтической системы невозможно без знания истории и культуры едва ли не всей евразийской территории. Будучи одним из многочисленных языков культуры, чувашская музыка дает возможность для корреляции музыкальной истории с историческими путями, пройденными народом и его предками.

Ключевые слова: интонационная культура, чувашская музыкально-поэтическая система, историческая информация, устная традиция, архаика, сакральная роль, эстетическая, воспитательная, сигнальная, эвристическая функции, пентатоника, ритмика, поэтическая афористика, язык культуры, корреляция с историей народа.

Понятию *музыка, музыкальная культура* в настоящей статье мы придаем самое широкое значение, не только как собственно музыкальной, а как *интонационной культуре*[1], которая во все времена – от первобытности до современности – была одним из атрибутов и обрядовой, и религиозной, и светской жизни человеческого сообщества. С античной эпохи музыка считается обязательной для дела воспитания свободнорожденных людей. Аристотель указывал при этом, что она «служит для заполнения нашего досуга», а в трагедии «составляет главнейшее из услащений», благодаря которому «удовольствие особенно наглядно»[2]. То есть философ признавал, как минимум, воспитательную и развлекательную (гедонистическую и эстетическую) функции музыки. Ограни-

Михаил Григорьевич К о н д р а т ь е в – доктор искусствоведения, главный научный сотрудник искусствоведческого направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: mikh-kondratev@yandex.ru.

чиваясь такими функциями, он напоминал, что в произведениях поэтов «Зевс сам не поет и не играет на кифаре. Больше того, кто занимается этим, мы называем ремесленниками и занятия эти считаем не подобающими мужу, если только он не навеселе и не забавляется»[3].

Статус музыкальной культуры, близкий современному, сформировался сравнительно недавно – в практике европейской художественной культуры Нового времени. В эту эпоху музыкальное искусство, развиваясь, обрело новые возможности и стало мыслиться наилучшим способом воплощения человеческих страстей, превосходящим по непосредственности и выразительной силе другие виды искусства – театр и живопись, не говоря уже об архитектуре. То есть на первое место вышла эстетическая функция. А уже в XX в., в связи с разрастанием доли досуга в жизни людей, эстетическая и развлекательная функции музыки стали доминирующими и по времени, и по значимости. Само искусство музыки раздвоилось на «серьезную» (E-musik – ernste-musik) – для знатоков и ценителей, и «легкую» (U-musik – Unterhaltungs-musik) – для всех, кто не озабочен проблематикой высокого искусства и самосовершенствованием. Это явление характерно для всех современных цивилизованных по-европейски обществ. Социология констатировала еще одно смещение акцентов в функциональном диапазоне музыки: «Количественно самый значительный из всех типов [слушателей] – это, несомненно, тот, который расценивает музыку как развлечение, и только»[4]. Поэтому в современном массовом и обиходном представлении музыка не рассматривается как ценность за пределом развлечений, обеспечивающих досуг, свободный от серьезных занятий, работы, производства или воспитания.

При таком подходе упускается из виду, что музыка содержит в себе важную информацию – историческую, культурную, эстетическую, в устной традиции накапливаемую тысячелетиями, и поэтому имеет познавательную или эвристическую ценность. Тот же социолог предупреждает, что вывод о весомости в культуре этого типа («развлекающегося») слушателя все-таки преждевременен: «Если думать об одних статистических критериях, а не о весе отдельных типов в общественной и музыкальной жизни, и о типических отношениях к объекту»[5]. Проблема состоит лишь в том, что «извлечь» информацию интонационной культуры, не имея почти никаких ее материальных артефактов (музыка физически существует в виде акустических волн, отзвучав, бесследно исчезающих) или письменных свидетельств, достаточно трудно.

В этом отношении немало сделано теоретиками музыкального искусства, изучающими так называемый *музыкальный язык* (технологические аспекты искусства звуков; в числе основных элементов музыкального языка теория музыки рассматривает звуковые системы, звукоряды и лады, строи, тембрику и артикуляцию, гармонию, полифонию, ритмику и метрику, мелодику, тематизм, музыкальные склады и фактуру, музыкальные формы и технику композиции, музыкальные жанры и стили, музыкальные инст-

рументы и инструментовку, громкостную динамику, музыкальную семантику), и культурологами, рассматривающими музыку как *язык культуры*. С последней точки зрения культура представляет собой «мир знаков, с помощью которых в человеческом обществе сохраняется и накапливается социальная информация...». В качестве одной из сфер культуры музыка использует семиотические (знаковые) средства, то есть, наряду с собственно звукоинтонационными системами, словесные, жестомимические, пластические системы[6].

С точки зрения исторической эволюции культурология различает процессы «быстрые» и «медленные». К последним относят язык традиционной устной (фольклорной) музыки[7]. Он эволюционирует столь же медленно, как и вербальный язык. В письменной традиции Нового времени (музыка композиторов и ее исполнение по нотам) обновление музыкального языка идет значительно быстрее, что сопоставимо с эволюцией письменной словесной культуры – литературы. Сходство музыки и литературы проявляется и в том, что нотная запись аналогична письменной фиксации вербального текста, а музыкальные издания осуществляются в виде книг. В результате прогресса европейского просвещения в письменную культуру введены и нотации устной музыки, публикуемые так же, как и сочинения композиторов. В свете этого понятно, что именно традиционное устное музыкальное искусство народа является наиболее полным «аккумулятором» и хранителем исторической этнокультурной информации. Она используется историками при изучении истории и культуры этносов – аналогично тому, как используются данные таких смежных наук как этнография, лингвистика, археология, фольклористика, искусствоведение. Все они при семиотическом подходе признаются «языками культуры». Таким же языком является и музыка.

Древние черты чувашской культуры

Л.Н. Гумилев однажды заметил, что, хотя лингвистически чуваши относятся к тюркоязычному миру, они «сложились раньше, чем сами древние тюрки»[8]. Это замечание важно не в силу его некоторой парадоксальности, но как констатация одной из общепринятых в исторической науке истин: традиционная чувашская культура имеет весьма глубокую историю. Ее своеобразие и ценность во многом определяют сохранность и значительный, если можно так выразиться, «удельный вес» архаических компонентов.

Так, отдельное местоположение чувашского в современной классификации тюркских языков объясняется его более чем двухтысячелетним развитием вне контактов с исходно родственными языками. Это – одна из причин, почему в чувашском языке специалисты видят признаки «праязыковой древности»[9]. С XIX в. указываются связи дохристианской чувашской религии с древним огнепоклонничеством (зороастризмом)[10]. Отчетливый отпечаток архаики несет и структура народного костюма, орнамент вышивок, пластическое искусство, отражающие древнюю мифологическую космологию[11]. Сходные представления развивают этнология и археология.

В частности, подчеркивается, что «предположение о недавнем формировании этой народности [чувашской. – *М.К.*] – лишь в XVIII в. – неправдоподобно»[12], и что некоторые элементы материальной культуры чувашей «восходят ко времени значительно более раннему, чем появление булгар на Средней Волге»[13].

В том же ряду следует рассматривать и музыку этой, по мнению рецензента «Этнографического обозрения», «культурно-неизносившейся народности»[14]. Признаки архаики в чувашской музыке интуитивно чувствовали образованные ценители уже в XIX в., когда она попадала в поле их зрения. Русский писатель и путешественник Н.Г. Гарин-Михайловский, наблюдавший картину весеннего праздника *Уяв*, говорил, что пред ним предстала «песнь народа, две тысячи лет сквозь всю ломку пронесшего с собой яркий образ прежней жизни»[15]. Не случайно и композитор А.П. Бородин в качестве интонационного материала половецких сцен «Князя Игоря» (сюжет из истории XII в.) воспользовался, среди других источников, записями чувашских народных песен[16]. Прозрения русских интеллигентов позже нашли опору в исследованиях венгерских музыкантов. Сравнивая старинные венгерские и чувашские напевы, они приходили к выводу о том, что для познания древних истоков музыкальной культуры венгров чувашская музыка весьма важна, ибо она «углубляет наши знания о самих себе. У нас общие предки, от которых мы отошли дальше, вследствие того, что развивались под влиянием большего числа и сильнее отличавшихся факторов. Чувашская музыка тоже не могла сохраниться без изменений на протяжении полутора тысячелетий, но она *осталась больше похожей на древнюю*»[17].

Интонационная составляющая обрядовой культуры (сакральная и формообразующая функции)

Одна из главных причин сохранения архаики в музыкально-поэтической системе чувашей – сакральная роль, которую музыка играет в самой консервативной части культуры – традиционных обрядах. Давно замечено, что в обрядовой практике чувашей музыка присутствует практически всегда. Обобщая широкий круг этнографических источников, В.Д. Димитриев в своей «Истории Чувашии XVIII века» (1959) перечисляет музыкальные атрибуты обрядов некрещеных чувашей: «…культовые обряды, за исключением молений и жертвоприношений киреметям[18], сопровождались песнями и плясками. На похоронах пели скорбные песни. Поминки проводились как шумное гулянье. Культовые праздники сурхури (зимний детский и молодежный праздник в честь приплода скота и урожая хлеба), сэрен, или калым, вирем (весенние праздники с обрядом изгнания зимы и духов усопших), агатуй, семик (праздник весеннего цветения, общественные поминки покойников на кладбищах), уй-чук (моление об урожае), авын-путти (осенний праздник в честь урожая), сра-чуклени (моленье всем божествам, управляющим земным миром), юба (осенние общественные поминки) и др. сопровождались песнями и плясками. Свадебные песни, отличающиеся вы-

сокой поэтичностью, состояли из песен участников свадьбы – парней *(туй ачисем)* и женщин *(туй арăмĕсем),* которые с иронией либо восхваляли невесту и жениха, либо высмеивали их, причитания (плача) невесты, песен дружек невесты *(хĕр çум),* песен свиты (дружков) жениха. Причитание невесты – исключительно трогательная по содержанию лирическая песня, богатая поэтическими образами и сравнениями, в нем выражены ее переживания, связанные с выдачей замуж за незнакомого человека, вступлением в новую, неизвестную семью и разлукой с родным домом. Рекрутские песни, наполненные глубоким лиризмом и чувством безнадежной тоски, выражали переживания определенного в солдаты, который обычно навсегда расставался с родными и попадал в невыносимо тяжелые условия военной жизни»[19].

В цитируемом отрывке справедливо констатируется, что песенно-музыкальное творчество чувашей очень богато. В духе отношения к музыке как развлечению это позволяет интерпретировать ее присутствие лишь как внешнее «приложение» к некоему отдельному от нее и более существенному обрядовому действу. Банальная формулировка, что тот или иной обряд «сопровождается песнями и плясками», некорректна, ибо разделяет собственно «обряд» и его «сопровождение». Возвращаясь к первоначальному смыслу понятия, напомним, что сам обряд представляет собой некую целостность, состоящую из условных и практически равнозначных действий и компонентов. В их числе:

– вербальный текст;
– интонационный (музыкальный) текст;
– кинетический[20] текст (движения, мимика, жестикуляция);
– предметная атрибутика.

Вербальный текст – это только «верхний» слой обрядового действа, часто – формулирование его смысла. Сакрализация его происходит как за счет особых речевых форм произнесения текста[21], то есть интонационно-ритмического начала, так и благодаря атмосфере, создаваемой интонационно-кинетической составляющей, которая является таким же базовым компонентом обряда, как и его вербальный текст.

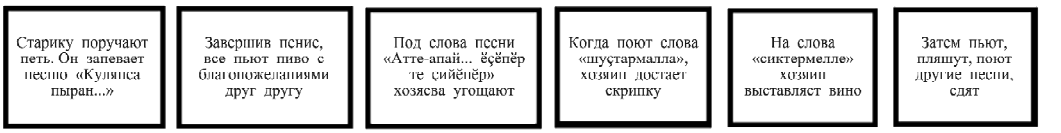
Кинетический (пластически-хореографический) текст не ускользнул от внимательного взгляда авторов XIX в. Об увиденной сцене свадебного обряда лингвист Н.И. Ашмарин заметил: «Нужно видеть лица чувашек, поющих на свадьбах...»[22]. Уже упомянутый Н.Г. Гарин-Михайловский, попавший в чувашскую деревню в дни сакрального праздника *çинçе*, описывал поразившую его пластику участников хоровода: «…круг медленно двигался; девушки шли вполоборота, одна за спиной у другой. Один шаг они делали большой, останавливались и тихо придвигали другую ногу. На сцене это показалось бы, может быть, выдумкой – здесь же был естественен и непередаваемо красив этот хоровод молодых весталок. Они смотрели перед собой и пели»[23]. Не менее колоритен также предметный мир обрядов: обстановки на киреметище (месте молений), оборудованием ритуального мес-

та *шыльӑк* на свадьбе или мостика *шинави* на пути к языческому кладбищу, специальных костюмов персонажей свадеб, с орнаментами-символами, жертвенные животные, обрядовые кушанья и напитки и, конечно, музыкальные орудия, присутствующие почти в каждом обряде.

* * *

Интонационно-пластическая (читай: музыкально-хореографическая) ткань обряда, наполняя его временну́ю протяженность, определяет и его композиционную структуру. Выразительные свидетельства значимости интонационно-пластического наполнения зафиксированы, например, в ритуале земледельческого обряда завершения осенних полевых работ:

«Наготовив пива.., приготовив кашу, начинают обряд. Наполняют ковши, кашу подают на стол. Одному старику поручают петь. Он запевает песню “Кулянса пыран…” (Печально текущая река). С ним вместе и другие принимаются петь. Завершив пение, все пьют с благопожеланиями друг другу. После этого начинают веселиться. Под слова песни “Атте-апай… ĕçĕпĕр те çийĕпĕр” (Отца и матери милостью попьем и поедим) хозяева наливают, угощают. Когда поют слова “шуçтармалла”, хозяин с восклицанием: “Была же, была”, – достает скрипку, на слова “сиктермелле” или выставляет вино, или, если оно уже было на столе, откупоривая, угощает. Затем пьют, пляшут, поют другие песни, едят»[24]. Если извлечь из описания музыкальные компоненты, вырисовывается полная структура действа:



Структурообразующей функции в обряде соответствует и афористический тип сюжетики: «открытая» форма поэтического текста песен, состоящего из ряда законченных, относительно самостоятельных строф. Кратких сюжетов, исполняемых на один напев, может быть несколько десятков: продолжительность песенных эпизодов определялась ситуацией. Однородные краткие сюжеты выстраивались в цепь, иногда повторялись подобно заклинаниям. Они соединяются в свободном порядке, регламентируясь только жанровыми и возрастными тематическими ограничениями – уместностью того или иного поэтического образа в конкретной ситуации исполнения.

Поэтический текст обрядовой песни-моления	Перевод:
Кулянса пыран Куймас шывĕ! Сыпрăм пăхрăм, шерпет калар[ĕ]. Валем выр[ă]нне купи ларинчч[ĕ], купи вырнне капан[ĕ] ларинччь!	Печалясь текущая Куймас-река! Испил, вкусил – шербетом сказалась. На месте охапки копна пусть встанет, на месте копны скирда пусть встанет!
Илерсе пыран Илепер шывĕ! Сыпрăм пăхрăм, шерпет каларь. Валем вырнне купи ларинччь, купи вырнне капань ларинччь!	Веселясь текущая Илебер-река! Испил, вкусил – шербетом сказалась. На месте охапки копна пусть встанет, на месте копны скирда пусть встанет!
Çаврăнса пыран Çавал шывĕ! Сыпрăм пăхрăм, шерпет каларь. Валем вырнне купи ларинччь, купи вырнне капань ларинччь!	Извиваясь текущая Цивиль-река! Испил, вкусил – шербетом сказалась. На месте охапки копна пусть встанет, на месте копны скирда пусть встанет!
Аяяя раяяя, аяяя раяяя! Валем вырнне купи ларинччь, купи вырнне капань ларинччь!	Аяяя раяяя, аяяя раяяя! На месте охапки копна пусть встанет, на месте копны скирда пусть встанет!
Аслă ката Юманката! Ывăç выр[ă]нне кĕлти ларинччь. Кĕлти вырнне тĕмĕ ларинччĕ, тĕмĕ вырнне çĕмел ларинччь!	Великое урочище Юман када! На месте горсти сноп пусть встанет, на месте снопа пяток пусть встанет, на месте пятка стог пусть встанет!
Унтан кĕçĕн ай Вăта пуç! Хырăм тутти çав пулинччĕ. Кĕлти вырнне тĕмĕ ларинччь, тĕмĕ вырнне çĕмел ларинччь!	Его помладше, ай, Вăта пус! Жизнь сытной от него пусть будет! на месте снопа пяток пусть встанет, на месте пятка стог пусть встанет!
Унтан кĕçĕн ай Çут уйĕ! Ирех-каçĕн пусса к[ĕ]ретпĕр. Кĕлти вырнне тĕмĕ ларинччь, тĕмĕ вырнне çĕмел ларинччь!	Его помладше, ай, Сюд уй![25] утром и вечером его попирая проходим. На месте снопа пяток пусть встанет, на месте пятка стог пусть встанет!
Аяяя раяяя, аяяя раяяя! Ака-суха, шăрт, тĕрен, тĕрен шăрчĕ касать, тĕрен çав[ă]рать.	Аяяя раяяя аяяя раяяя! Плуг-соха – резец, лемех, лемех! резец режет, лемех переворачивает.
Кĕр акинчен, çур акинчен кучĕ х[ă]мăш пек, ай, пулинччĕ, тăрри п[ă]рça пек, ай, пулинччĕ, тăрри прça пек, ай, пулинччĕ!	От осеннего сева, весеннего сева стебель как камыш, ай, пусть будет, вершок как стручок, ай, пусть будет, вершок как стручок, ай, пусть будет!
Аяяя раяяя, аяяя раяяя! Ялçăм-йышçăм, ай, Ишекçĕм! Ял, ял урлă, ай, вăл кур[ă]нать.	Аяяя раяя яаяяя раяяя! Деревня моя, ай, Ишаки мои! За много деревень, ай, они виднеются.

Четко просматривается структурообразующая функция музыкально-хореографических элементов в исследовании, специально посвященном взаимодействию обряда и музыки в чувашской свадьбе. Этот обряд продолжителен, многосоставен и насыщен многочисленными и многообразными интонационно-пластическими компонентами. Автор исследования пишет:

«Началом свадебной церемонии являлся ритуал инициирования обрядовыми музыкантами МХЭ [музыкально-хореографических элементов] в домах жениха и невесты. Выполняя атрибутивную функцию обряда, они подвергали сакрализации объекты и вводили в особое психологическое состояние персонажей. Инициализация музыкально-хореографического действия производилась определенным персонажем сольно: в доме жениха – ритуальным танцем младшего дружки в сопровождении обрядового музыканта, в доме невесты – закрепленным ритуальным наигрышем обрядового музыканта. В поездке за ней участники поезда жениха исполняли групповой напев *арçын туй юрри.* Процесс сакрализации обряда инициировался музыкально-хореографическими действиями и молением свадебному божеству *туй таврашĕ,* совершавшимися участниками и главными персонажами. МХЭ в доме родителей жениха и в ритуалах вхождения в дом родителей невесты, осуществляя атрибутивную функцию приобщения участников к активному обрядовому действию, в последующей встрече молодых выполняют главную маркирующую функцию свадьбы. МХЭ центрального эпизода церемонии имели дифференцирующие маркирующие признаки двух родовых поездов, участвующих в обряде, представляя свои локальные музыкально-хореографические традиции: напевы, наигрыши и танцы. Ритуал встречи свадебного поезда жениха в доме его родителей имел определяющее значение в структуре обряда и обозначался МХЭ: пением женщин поезда жениха свадебного напева, исполнением обрядовым музыкантом ритуального наигрыша, сольным пением посаженой матери свадебного напева, и последующим запретом на пение свадебной песни. Наигрыш обрядового музыканта и танец *хĕр çăмах* “девичья салма” в *шылъăк* дома жениха, а также пение родственницами, приезжавшими на проводы *хĕр çум юрри,* являлись основными МХЭ ритуального действия в инициации невесты»[26]. Автор исследования А.А. Осипов обобщает: «Функции МХЭ в обряде регламентировались строгой обрядовой традицией, контролировались и регулировались двумя группами персонажей: руководителями церемонии и музыкантами-колдунами *тухатмăш,* создававшими необходимое сакральное состояние обрядовым действиям»[27].

Аналогично проявляется структурообразующая функция интонационно-пластического ряда и в проведении других чувашских обрядов: поминок, проводов рекрутов, изгнания душ умерших (*сĕрен, вирĕм*), в весенних хороводах *уяв*.

Таким образом, понимание и описание обрядов вне комплекса словесно-интонационно-кинетического и предметного содержания неправомерно. Интонационная составляющая обряда направляет произнесение вербаль-

ного текста, структурирует его кинетический/пластический текст, в определенной мере влияет даже на предметную составляющую – через музыкальные орудия, используемые в обряде.

Другие внеэстетические функции

Кроме сакральной функции в обрядах, у чувашей музыка выступала внеэстетически и в профанной ситуации. В сюжетах чувашских старинных песен воплощена целая система представлений об этике музицирования. Так, непростительной оплошностью считается не спеть в гостях:

Çак тăвансем патне те ай килсессĕн,
Чут-чут юрамасăр та каяттăм[28].

А умение петь выступает критерием умственного и нравственного развития:

Хушрĕç мана юрă ай юрлама,
Ухмахне-ăслине чухлама[29].

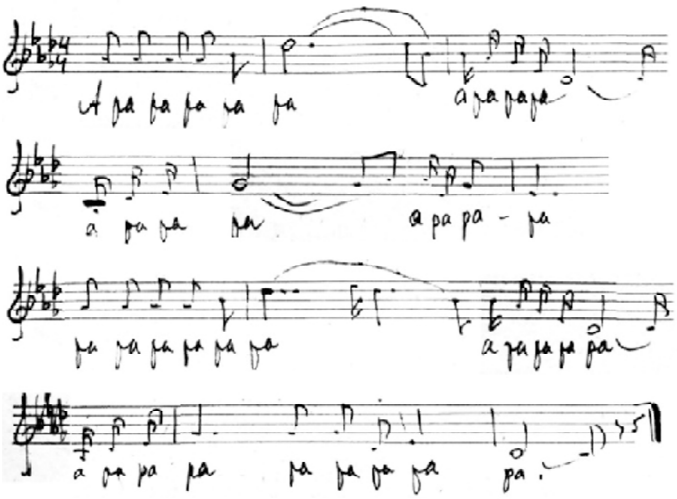
Воспитательной функции музицирования уделяет внимание Г.Н. Волков в своей «Чувашской этнопедагогике»: «Песни, наряду с вышивками, были самым эффективным средством привития детям любви к прекрасному; с раннего возраста дети слышали песни… Много было различных песен, исполняемых в процессе трудовой деятельности. Было много молодежных песен… Пели гости… пели на свадьбах…»[30].

В прикладной роли музыка использовалась как сигнал. Простейший пример – громкие наигрыши исполнялись на рожках пастухами, на заре собиравшими животных и вечером пригонявшими стадо. Звуковые сигналы подавались не только по хозяйственным нуждам. Писатель XIX в. Спиридон Михайлов рассказывает, что чуваши, жившие в лесной местности, «трубили друг другу, в нужных случаях, в рожки, что самое и ныне у заволжных или луговых черемис водится; в Козьмодемьянском же уезде есть даже околодок Тютькасы, находящийся в лесном месте и получивший название от трубления в рожок, ибо по-чувашски *тють калать* значит “рожок играет”»[31].

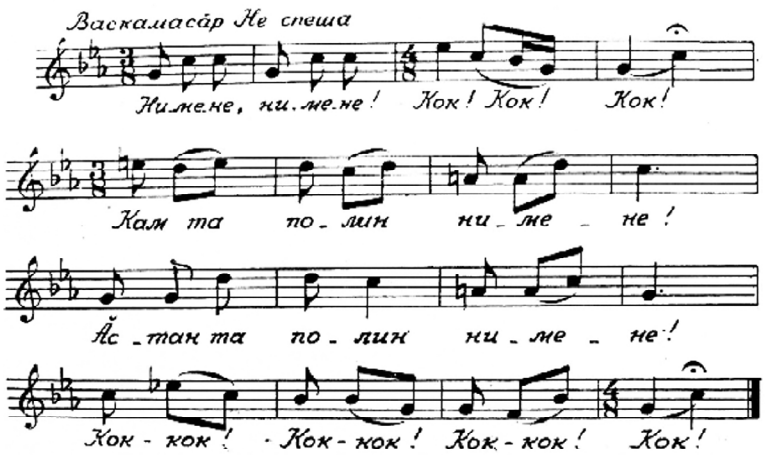
Аналогичный музыкальный сигнал (пение без слов) для сбора использовали чуваши, примкнувшие к войску Емельяна Пугачева[32]: (см. на с. 145)

«Эта песня без слов принадлежала одному из предводителей чувашей в пугачевском войске… Рассказывают, что когда он громко пел эту мелодию, все рассыпавшиеся по деревням чуваши собирались к нему. Таким образом эта песня для них была сигналом»[33]. Исполняемая голосом, эта мелодия напоминает инструментальный наигрыш, «скользящий» по звукоряду то в восходящем, то в нисходящем направлении.

Сходную функцию выполняла и песня-призыв *ниме юрри* при организации помочи *ниме* для выполнения работ, требовавших коллективных усилий. В качестве *ниме пуçĕ* (предводителя помочи) приглашали авторитет-



ного человека. Он объезжал на коне или на телеге селение или поле, где трудились жнецы с призывной песней. Записавший одну из таких песен композитор Григорий Хирбю комментирует, что организатор помочи «кричит изо всех сил на поле, где жнут»[34]. Этим объясняется особая интонационная структура таких песен-сигналов, как в следующем примере:



К нам на помочь, кок, кок, к нам на помочь кто-нибудь, отколь-нибудь, кок, кок, кок![35].

Необычен ладовый строй приведенного напева. При сохранении пентатонных попевок, суммарный звукоряд включает в себя восемь тонов в пределах всего лишь малой септимы. По сравнению с традиционными обрядовыми песнями это – другой интонационный мир. В нем над эстетикой доминирует сигнальная функция.

Музыка как источник исторической информации

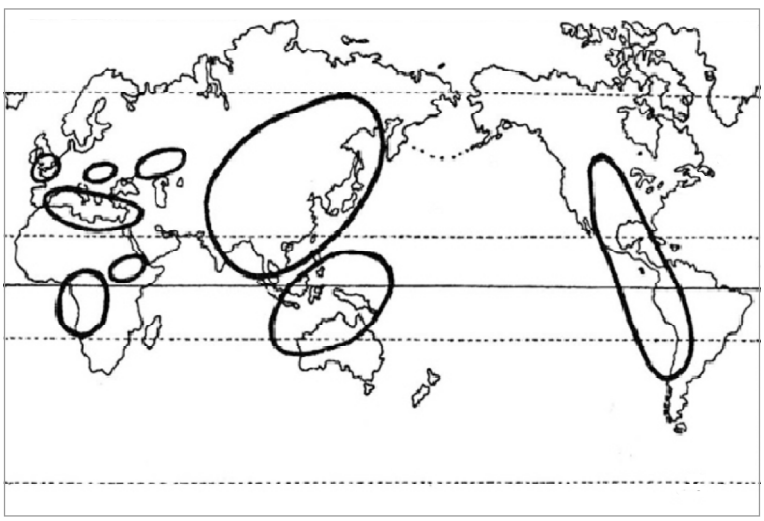
В статье «Зачем нам нужна чувашская музыка» венгерский автор утверждает: «Предки чувашского народа, тюркские булгары, жили когда-то, в V–VII вв., в течение приблизительно двухсот лет, вместе с венграми к северу от Кавказа. Наш язык до сих пор хранит память об этом в важнейших словах земледелия, скотоводства, общественной жизни. То же можно сказать о нашей музыке. ...Листая чувашские собрания, мы то и дело находим родственные звучания»[36]. Для углубленного изучения этого вопроса в 1960–1970-е гг. ученик и последователь Кодая Ласло Викар совершил ряд экспедиций в Поволжье и в 1979 г. выпустил в свет том «Чувашские народные песни». Наряду с этим были изданы книги, статьи и сборники марийских, удмуртских и татарских народных песен. Этот опыт доказывает, что с познавательными целями музыку можно рассматривать в отвлечении от ее эстетических качеств: как один из бесчисленных ее невербальных языков[37], специфический текст, который надо уметь «читать», понимать, использовать. Таким образом, мы видим, как в трудах венгерских исследователей изучение музыкальных материалов приобретает фундаментальный характер не только для развития собственно искусства, но и для познания этнической истории в контексте мировой культуры и цивилизации. Обобщения такого рода основываются на исследовании и сравнении свойств музыкально-поэтических систем, выработанных творческим гением народов за века и тысячелетия их интонационной практики.

«Венгрия является сейчас самым пограничным ответвлением той имеющей тысячелетнюю давность великой азиатской музыкальной культуры, которая оставила глубокий след в душах различных народностей, живущих на огромной территории, простирающейся от Китая через Среднюю Азию до Черного моря, – пишет Золтан Кодай. – И подобно языку, который, несмотря на значительные преобразования, не изменился в своей основе, венгерская народная музыка зиждется еще и сегодня на традициях, принесенных оттуда»[38].

* * *

Фундаментальным релевантным признаком для такого вывода стала *пентатонная ладовая система*, которую они обнаружили в архаичных пластах венгерской крестьянской песни. Об этом говорит Бела Барток: «Венгерские крестьянские песни делятся на два основных класса – старинные и новые. По разным причинам старинные песни… едва ли знакомы большинству нашей образованной публики. А между тем именно они – эти песни – являются нашим наиболее ценным сокровищем. Их характерные черты: 1. определенный, завезенный нами из Азии старинный пятиступенный лад (пентатоника)…»[39]. Ближайшим пентатонным примером для него оказалась марийская музыка. «Пример 44c – марийская песня – неожиданно похожа на пример 44a и b». При этом Барток обратил внимание, что «марийцы, живущие на берегах Волги, принадлежат к угро-финской группе, но и язык и музыка марийцев… несут следы сильного татаро-тюркского влияния. Это

родство венгерских и марийских песен доказывает, что старинная венгерская песенная сокровищница действительно азиатского, татаро-тюркского происхождения»[40]. Поэтому Бела Барток поставил задачу побывать в Поволжье, чтобы на месте познать музыку «северных турок (тюрков), живущих на границе Азии и Европы»[41]. В 1911 г. начал для этого изучать русский язык, но помешали исторические катаклизмы – Первая мировая война, затем русские революции. Но изучение нотных публикаций продолжалось. Учитывая, что Поволжье – один из немногих в мире крупных очагов высокоразвитой пентатонной музыки, глобальную схему очагов пентатоники на земном шаре составил Бенце Сабольчи. Воспроизводим ее по сборнику «Пентатоника в контексте мировой музыкальной культуры»[42]:



Очаги распространения пентатонной системы на земном шаре (по Б. Сабольчи)

Из населяющих Поволжье народов в наибольшей чистоте выдерживают пентатонность в своей устной музыкальной культуре чуваши и татары. Известно высказывание крупнейшего отечественного этномузыковеда К.В. Квитки о том, что волжские татары, «кажется, сохранили ангемитонную пентатонику в еще более чистом виде, чем китайцы» и, в другой статье, что «к чувашской народной музыке вышеприведенные соображения (о пентатонике татар. – *М.К.*) также применимы»[43]. Общепризнано, что пентатоника принесена в Поволжье тюркоязычными народами, то есть предками современных чувашей и татар.

Раньше всех – уже в VII в. до нашей эры – пентатоника была теоретически описана китайскими учеными. Но это не значит, что Китай – единственный центр пентатоники, откуда она, развившись, разошлась по миру – такая упрощенная точка зрения на пентатонику как атрибут музыки народов «желтой расы» существовала в музыкальной этнографии в конце XIX – начале XX вв. Ее придерживался и один из первых исследователей чувашской музыки Ф.П. Павлов, когда написал, что чуваши помнят «китайскую

гамму» с тех пор, как их предки жили в соседстве с Китаем»[44]. Современные чувашские историки используют пентатонность народной музыки как аргумент в пользу этнокультурных связей предков чувашей с тюркскими народами Алтая и Южной Сибири. Реальных сопоставлений пока никто не делал, речь ведется об Алтае и тюрках только потому, что по лингвистическим классификациям чуваши относятся к урало-алтайской семье языков; это означает, что аргумент из музыкальной сферы используется не в системе своих отношений, а просто добавляется для «усиления» лингвистической аргументации.

Реальному многообразию известных науке пентатонных культур отвечает точка зрения на пентатонику как на полифилогенную систему, многие современные формы которой конвергентны[45]. Чувашская музыка подобно китайской или монгольской (есть аналогичная система и в Европе – у кельтов) основывается на ангемитонной пентатонике. Вместе с тем она имеет и специфическую разновидность, которую можно определить как полутоновую (южночувашский лад). Примером полутоновой пентатоники в мировом музыкознании чаще всего служит японская пентатоника, таковы также некоторые лады индийской музыки – хотя это не означает генетического сближения чувашской с японской или индийской системами, сходство остается типологическим. Третья разновидность – темперированная (эквидистантная) пентатоника распространена в Юго-Восточной Азии главным образом в индонезийской инструментальной музыке слендро; в других частях света она не встречается.

Венгерские ученые различают два вида ангемитонно-пентатонных систем – центральноазиатскую и ближневосточную, относя чувашскую разновидность, как и венгерскую, к первой. Б. Сабольчи формулирует эту концепцию следующим образом: «Пентатоника, определяемая квартовыми последованиями, характерна для Центральной Азии. Более свободная, импровизационная музыкальная структура литанического образца типична для пентатоник Ближнего Востока. В качестве образцов первого стиля нам известны азиатские мелодии Китая и Центральной Азии, которые имеют общность с марийскими и чувашскими мелодиями бассейна Волги и со старым стилем народной музыки Венгрии... Видимо, эту ладовую организацию надо связывать с цивилизацией древних турецких [согласно современной терминологии следует читать «тюркских». – *М.К.*] племен, так как именно благодаря миграции турок она дошла до Сибири и Восточной Европы, а отсюда и до сердца Средней Европы. Тип пентатоники Ближнего Востока лучше всего представлен в древнееврейских и сирийских псалмах»[46].

Остается непроясненным вопрос о ладовом строении музыки древних тюрков – была ли она пентатонной? С точки зрения музыкальных систем, современные тюркоязычные народы делятся на несколько групп, и только одна из них связана с пентатоникой. Кроме волжских тюрков, это некоторые алтайские племена, ойроты, тувинцы. Ни близко живущие казахи и киргизы, ни более отдаленные якуты или узбеки и другие тюрки не основы-

вают свою музыку на пентатонике. Обнаруживая образцы пентатоники у приалтайских казахов, К.В. Квитка, тем не менее, критически относился к возможности «ставить этот факт в связь с гипотезою алтайского отечества тюрков или строить на нем гипотезу существования исконной древней общетюркской пентатонической музыки... Даже для алтайских казахов пентатоника вовсе не так характерна, как для волжских тюрков»[47].

Таким образом, пока остается не опровергнутым обобщение Квитки, что «мелодии алтайских тюркоязычных народов не обнаруживают того, чтобы Алтай был классической страной пентатоники. После зарубежных монголов, подвигаясь исследованием по Сибири на Запад, мы впервые встречаем чистую пентатонику в широком амбитусе у сибирских татар, а затем особенные богатства выработанного пентатонического стиля у башкир, чувашей, марийцев, казанских татар»[48]. Подход профессионального этномузыковеда, как видим, много осмотрительнее попыток неспециалистов напрямую связать однотипные ладовые системы разных регионов. Таким образом, концентрация пентатоники в Поволжье для музыковедения пока остается нерешенной проблемой.

Исследователи музыки славянских народов отделяют ангемитонику от пентатоники, определяя большинство архаичных восточнославянских образцов этой системы как олиготонно-ангемитонные. Чувашская музыка относится, несомненно, к полнозвучной (политонной) пентатонике, типологически не совпадая, таким образом, с русскими и белорусскими ладовыми аналогами.

Так или иначе, вырисовывается достаточно сложная картина, на современном этапе знания не позволяющая пока однозначно указать один ареал в Азии, конкретно к которому восходят корни чувашской (шире – волжской) пентатонной ладовой системы. На уровне же гипотезы можно говорить о наиболее вероятном дальневосточном происхождении волжской пентатоники, в процессе двухтысячелетней эволюции в отрыве от истоков приобретшей черты иной системы. В силу универсальности пентатонной системы и особого внимания к ней зарубежных ученых именно она стала достоянием этнологических дисциплин. О ней вспоминают и чувашские историки, и даже лингвисты[49].

* * *

Важнейшей стороной структуры любой музыкально-поэтической системы является сочетание элементов, упорядоченное во времени, то есть ритм. Совокупность ритмических особенностей традиционной музыки, поэзии, отчасти – языка той или иной культуры (цивилизации) образует ритмическую систему. Широко известны представления о ритмических системах, обладающих ясно выраженной национальной спецификой. Таковы, например, старинные индийская, турецкая, средневековая модальная европейская, народные болгарская, русская системы, выделенные В.Н. Холоповой в главе «Ритмика некоторых музыкальных культур» монографии 1971 г.[50] В 1990 г. В.Н. Холопова добавит, что исследование чувашской музыки от-

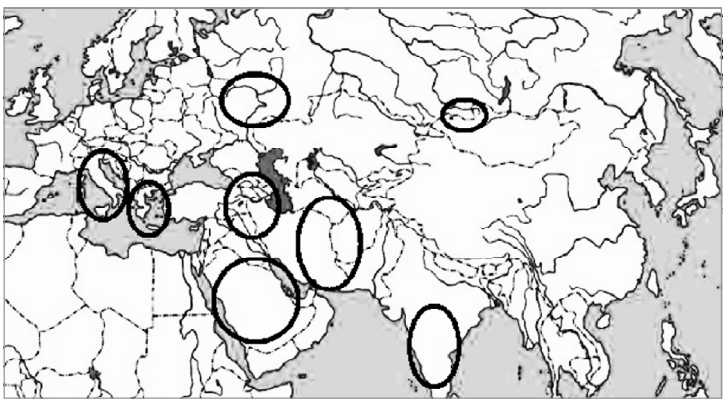
крыло «для всеобщего внимания систему, некогда свойственную грекам, арабам, индусам, в современных условиях бытующую в автономной советской республике на Волге»[51]. Таким образом, авторитетный теоретик указывает, что в обозначенный ею ряд можно поставить и чувашскую ритмическую систему, хотя она до сих пор не была достаточно известна науке.

Ритмика чувашских народных песен представляет собой одно из наиболее характерных и важнейших – наряду с пентатоникой – свойств чувашской народной музыкально-поэтической системы. Ее временна́я организация относится к квантитативному (времяизмерительному) типу. Это один из немногих изученных примеров сохраняющей жизнеспособность высокоразвитой квантитативной ритмики на территории Европы.

Квантитативная ритмика (от лат. *quantitas* – количество) – особый тип музыкально-поэтической организации времени, основанный на упорядоченном чередовании долгих и кратких элементов (интонируемых слогов, слогонот, силлабохроносов) и их сочетаний в стопах и строках. По данным отечественной «Музыкальной энциклопедии», «характерный для эпох синкретического, но уже не фольклорного, а проф[ессионального] иск[усст]ва квантитативный р[итм] существует, кроме античной, в музыке ряда вост[очных] стран (индийской, арабской и др.), в ср[едне]-век[овой] мензуральной музыке, а также в фольклоре мн[огих] народов, в к[ото]ром можно предполагать влияние проф[ессионального] и личного творчества (бардов, ашугов, трубадуров и т.д.)»[52].

Этот тип ритма, возникнув в народном творчестве, был развит в творчестве поэтов Индии, Ирана, Древней Греции, Рима. Самая поздняя из восточных квантитативных систем – аруз – создается арабскими поэтами в VII в. Аруз заимствуют и поэты тюркоязычных народов Средневековья, например, азербайджанские, узбекские, находят примеры аруза и историки литературы татар.

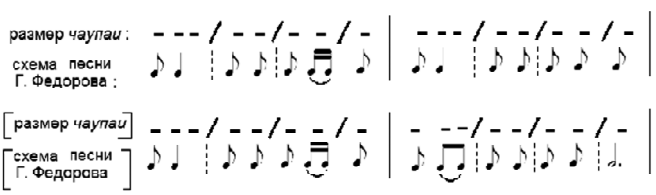
Специфика чувашской ритмической системы заключается в том, что времяизмерительность четко выражена в структуре напевов, а не стихов,



География древних и современных музыкально-поэтических культур, основывающихся на квантитативной (метрической, времяизмерительной) ритмике

как во многих других культурах, в которых ее описывали филологи. Это, по-видимому, долгое время и служило препятствием типологическому определению чувашской системы (хотя еще в 1911 г. Г.И. Комиссаров мимоходом заметил, что стихи чувашских песен можно назвать метрическими, «потому, что в чувашском языке есть слоги долгие и краткие…»[53]). С общетеоретической точки зрения это может служить указанием на то, что чувашская народная музыкально-поэтическая традиция – «осколок» некой высокоразвитой архаичной цивилизации, имевшей профессиональных поэтов или музыкантов. Память о ней не сохранилась, но и сегодня чувашская народная песня с редкостной отчетливостью демонстрирует коренное свойство временнóй организации, выраженное превосходящей по полноте, цельности и детализированности форм соседящие культуры Поволжья, где подобный тип ритмики также наблюдается. Об этом можно судить по опубликованным указателям ритмических рисунков чувашских песен[54]. В 2008 г. исследователь ритмики татарской народной музыки напишет: «Гипотеза о данном регионе как зоне квантитативности, впервые высказанная М. Кондратьевым при изучении ритмики чувашской народной песни (Кондратьев, 1990), с установлением квантитативных норм в татарской музыкально-поэтической традиции получает убедительное подтверждение»[55].

С какой же из известных науке исторических традиций можно сблизить чувашскую? Предположение о связях с арабским арузом, проникшим в Поволжье в X в. и повлиявшим на средневековую поэзию татарского народа, представляется маловероятным. Во-первых, арузная ритмика существенно отличается от чувашской по некоторым конкретным особенностям структуры, и в принципе не может иметь некоторые ритмические фигуры, обильно представленные у чувашей. Во-вторых, арабская система возникла сравнительно поздно (VIII в.), когда предки чувашей, по-видимому, уже имели сформированную музыкально-поэтическую метрику. Не приняв ислама, чуваши лишь внешне контактировали с ней, не воспринимая как свою – этого явно недостаточно, чтобы испытать столь сильное влияние на фундаментальные основы национального музыкального мышления. По некоторым признакам чувашская ритмическая система может быть сближаема, скорее, с древнеиндийской – во всяком случае, она не противоречит ритмическим принципам распространенных в индийской поэзии размеров *шлока*, или *чаупаи*. Так, формула четырехстопного размера чаупаи с числом временных единиц (матр) 6+4+4+2[56] близка римическим формулам чувашских народных песен не только типологически. Абсолютно совпадает с ней ритмический рисунок песни, записанной от Г. Федорова[57]:



* * *

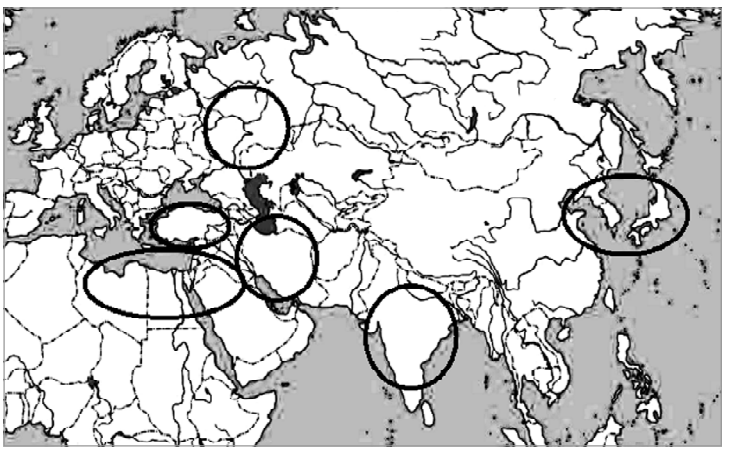
О том, что чувашские песни складываются из четверостиший, известно с XIX в. При этом нельзя не заметить, что большинство собирателей и комментаторов не попыталось отрешиться от европейских представлений о сюжетике. Краткосюжетным фольклорным миниатюрам, каждая из которых глубока по мысли, отточена по форме, находили едва ли не единственную параллель – частушку. Четверостишиям было присвоено ничего не говорящее об их природе наименование *бессюжетных песен*, иначе говоря, якобы лишенных столь важных качеств, как тема, предмет, содержание (ведь именно таков смысл французского слова *sujet*). Лишь в конце XX в. пришло понимание, что чувашская народная поэзия представляет ветвь восточной афористической традиции. Сложившаяся тысячелетия назад, эта традиция разнообразна и богата на национальные формы. Но они и сегодня понятны всем – цивилизованный мир переводит, читает, восхищается персидскими народно-песенными четверостишиями *таране* и *рубайи*, японскими пятистрочиями *танка*, индийскими *кханкадавья* – стихами малой формы, вошедшими в историю в виде циклов «Сто строф Амару», «Сто строф о мудрости житейской», корейскими *сиджо* и т.д. Чувашские народно-песенные строфы-четверостишия включаются в названный ряд по признакам как формы, так и содержания. В фольклорных записях обнаруживается и народный термин для их обозначения – *çавра юрăˆ*, что буквально означает *«круглые»* или *«закругленные»* – в смысле законченности – песни. Аналогичный термин античной поэтики *период* (относительно законченная часть поэтического текста), так же означал *«круг», «круговращение»*. В фольклорном сознании чувашей этот термин никогда не забывался. В моменты высокого подъема чувств при общении с любимыми людьми звучали строки:

Пĕр-ик çавра юрăсем эп юрласшăн,
Хăвараймăп сирĕн те халь кăмăл(ă)ра.

Несколько *çавра юрăˆ* мне хочется спеть,
Не могу не поддержать нынешнее ваше настроение.

В чувашских афористических песнях ясно очерчен круг тем и образов. Он – свой, не повторяющий ни рубайат, ни хокку или что-либо еще (хотя примеры совпадений, практически буквальных, можно было бы привести, – есть общечеловеческие универсалии, которые так или иначе вошли во все народные культуры). Очевидно, что содержанием *çавра юрăˆ* являются самые важные понятия в жизни зрелого, умудренного жизненным опытом человека – родители, дети, родные, труд, честь, судьба, красота, земные радости и печали. Это – поэзия простых, не разделенных сословными или классовыми перегородками людей, объединенных общими заботами о хлебе насущном, о чистоте души. По содержанию четверостиший можно судить о существенных чертах характера народа, его этике, эстетике, философии. Таким об-

разом, чувашская фольклорно-песенная традиция совпадает с классическим типом восточной афористики не только по форме, но и по характерному для нее монументально-символическому содержанию, «отдающему предпочтение общему перед индивидуальным, мгновенному или вечному перед временным»[58].



Территории распространения афористической краткосюжетности в Средиземноморье и Евразии

Признаками древности *çавра юрă* являются и классически чистая форма образного параллелизма, преобладающая в большинстве чувашских четверостиший, и мелькающие упоминания реликтов дохристианской веры, и прозрачно читаемая в их содержании этика патриархально-родовых отношений. Характерна принципиальная цельность, незамутненность их понятиями Нового времени, осложняющими природную иерархию ценностей. Воспевается любовь к родным – безусловная и не обсуждаемая (любовь же как эрос представлена только в трудночитаемой сегодня символике, хотя она откровенна в иных песнях – молодежных, свадебных, отсутствующих здесь). Сопротивление, может быть, безнадежное, натиску иной, более современной, идеологии читается в противопоставлении злата-серебра этой любви. Нигде не встретим также нарушения извечного порядка: младшие поют о старших. Не наоборот. «Мы», поющие, – о родителях и предках (лишь иногда о ровесниках и друзьях, о себе), старейшины – о богах. Выдерживается возвышенный тон, образы обобщены, конкретных имен нет (в песнях других жанров, например, свадебных или хороводных, их сколько угодно).

Возраст краткосюжетной поэзии Поволжья проясняется и при инонациональных сопоставлениях. Известно, что местные финно-угры – марийцы и удмурты – восприняли краткосюжетные формы от своих тюркоязычных соседей. Марийские фольклористы назвали их *муро-шонымаш*, удмуртские – *кырӟанъёс-малпаськонъёс* (песни-раздумья, песни-размышления). Параллели и влияние на соседей свидетельствуют о том, что эта поэтическая традиция была занесена в Поволжье предками современных чу-

вашей булгаро-суварами из азиатских культурных оазисов, где еще до начала Новой эры закладывались основы их будущей культуры.

Афористическая краткосюжетность, особенно характерная на фоне отсутствия в национальной песенности развитого эпоса, является главным свойством композиционного строения классической чувашской народной песни, как обрядовой, так и собственно лирической. Это отличает чувашей как от соседствующих мордвы и русских, так и от многих тюркских культур (например, казахи и киргизы считают эпические произведения главным достоянием своего устного музыкального творчества). Существенно и то, что среди народов Поволжья именно чуваши сохраняют традицию краткосюжетных песен в наиболее полном и чистом виде, что становится очевидным при сравнении с татарским фольклором[59].

Заключение

Познание языка чувашской музыки началось более трех веков тому назад. Публикации чувашских музыкально-этнографических материалов появились в XVIII в., а музыка в виде нотных записей – в XIX в. (А.Ф. Риттих, 1870 г., В.А. Мошков, 1893 г.). В поле зрения историков музыковедческие источники попадают в XX столетии. Первым был «Конспект по истории народной музыки у народностей Поволжья» этнографа Н.В. Никольского (1920)[60], который изложил сведения из доступных к этому времени специальных исследований. В 1920-е гг. появились статьи и книга Ф.П. Павлова (1927)[61]. Отсюда почерпнуты, например, обобщения, что «в чувашских песнях, одноголосных в основном, редко двухголосных, преобладает пентатоника, установившаяся во времена пребывания предков чувашей в Азии, в соседстве с китайцами»[62]. В 1960-е гг. новейшие музыковедческие публикации З. Кодая, Я.М. Гиршмана, Ю.А. Илюхина использовал В.Ф. Каховский в главе «Древнейшие предки чувашей в Азии» своей монографии «Происхождение чувашского народа» (1963)[63]. Вместе с тем отношение «чистых» историков к музыкальному материалу имело несколько условный характер. Об этом говорят неточности, которые иногда допускались в пересказах специальных источников. Так, из книги в книгу переходили утверждения, что среди чувашских народных музыкальных инструментов имеются пузырь *(шăпăр),* волынка *(сăрнай),* дуда *(шăхличĕ)*[64]. В этом перечне допущено смешение обобщающих терминов и названий конкретных инструментов. «Пузырь» – просторечный термин для обозначения инструмента из класса волынок, одна из двух ее разновидностей, различающихся воздушным резервуаром. У чувашей представлены обе – *шăпăр* и *сăрнай*. «Дуда» – наименование все той же волынки на белорусском языке. Здесь же имеется в виду русское «дудка», просторечное название пастушьих продольных флейт. Простым недосмотром можно считать подпись «Чувашская народная песня» под нотами китайской мелодии и, наоборот, «Китайская мелодия» под нотами чувашской песни[65]. Но это повторено и в новейших переизданиях монографии. Недоразумения, не замечаемые авторами-

немузыковедами, возникают из-за недостаточного вникания в специфический материал, используемый, тем не менее, в качестве исторического аргумента.

Музыковеды подключились к созданию коллективных монографий по истории чувашского народа позже. Недостаток музыковедческих разделов в них состоит в том, что они обособлены, их данные практически не коррелируют с хронологией исторического развития этноса[66].

В последние 30–40 лет в развитии отечественного этномузыковедения, в том числе и в Чувашии, наблюдается новый этап. Благодаря современным исследованиям раскрыты системные структурные свойства чувашской традиционной музыки. Показано, что и ее звуковысотная (пентатоника), и ее звуковременна́я (квантитативность) организация отличаются высокой степенью рационализированности («первичной», в смысле, близком тому, о котором говорил Макс Вебер в своей социологии музыки[67]). При описаниях они легко поддаются не только общетипологической классификации, но и детальной формализации. Подтверждением сказанному служат опубликованные указатели чувашских ритмов, систематика чувашских пентатонных звукорядов[68] или типологизация народно-песенного сюжетосложения[69]. Музыка, таким образом, в своем языке хранит генетический код культуры, а в нем скрыты следы утерянных в ряде переселений предков на протяжении тысячелетий связей с древними цивилизациями.

Познание свойств чувашской народной музыкально-поэтической системы невозможно без знания истории и культуры едва ли не всей евразийской территории. Раньше и глубже всех заглянул Ф.П. Павлов, размышлявший о методах изучения корней музыкальных традиций: «Можно рассуждать так: у древних предков чувашей, гуннов, существовал героический, богатырский эпос, в котором синкретически сливались музыка и поэзия. Отголоски этой поэзии следовало бы искать в современных нам обычаях. Может быть, искания увенчались бы успехом. Для познания иногда дорога каждая крупица»[70]. В связи с пентатоникой и историей музыкальных инструментов он обращался и к данным о культуре китайцев. Венгерские исследователи, говоря о полуторатысячелетней истории музыки своего народа, указывают на следы ее взаимодействия с чувашской пентатоникой. Последнее тысячелетие стало временем активного взаимодействия культур народов Поволжья, которое привело к образованию Волго-Уральской историко-этнографической области и, в музыке, так называемой пентатонной зоны, а также зоны распространения квантитативной ритмики и поэтической афористики в песне. В совокупности это приводит к выводу о существовании Волго-Уральской музыкальной цивилизации.

Современная наука ушла далеко и от теорий античных философов, и от довлеющего спроса массового слушателя на музыку как заполнение досуга. Теоретики указывают, наряду с воспитательной, эстетической и развлекательной, например, на такие функции музыкального искусства: коммуникативную, отражения действительности (идей, эмоций, предметного мира),

этическую, канонизирующую, эвристическую, познавательную, просветительскую, преобразующую, прагматическую[71].

Все эти функции присущи и традиционной музыке чувашей. Мы упомянули в той или иной степени обрядовую (сакральную), формообразующую, прагматические (сигнальную, организующую, воспитательную), эвристическую (познавательную) функции. Будучи одним из многочисленных языков культуры, чувашская музыка дает возможность для корреляции музыкальной истории с историческими путями, пройденными народом и его предками. Известно, что историческая глубина феномена «медленной» интонационной культуры человеческого сообщества сопоставима с глубиной появления вербальной речи. Открывается масштабная перспектива, свидетельствующая о тысячелетней истории и эволюции музыкального языка данного народа, его генезисе и истории межкультурных взаимодействий.

Литература и примечания

[1] Исследователи музыки ранних культур Северной Азии определяют это понятие так: «Мы называем интонационной культурой совокупность всех регулярных культурно осмысленных звуковых феноменов, порождаемых деятельностью данного человеческого сообщества и являющихся главным ожидаемым результатом этой деятельности» *[Кондратьева Н.М., Мазепус В.В., Сыченко Г.Б.* К теории интонационных культур: интонационная культура теленгитов // Вопросы музыкознания: сб. статей / Новосиб. гос. консерватория им. М.И. Глинки. Новосибирск, 1999. С. 212].

[2] *Аристотель*. Сочинения. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 631, 653, 680.

[3] Там же. С. 635.

[4] *Адорно Т.В.* Избранное: Социология музыки. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. С. 21.

[5] Там же. С. 21–22.

[6] Культурология: учебник / под. ред. Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана. М.: Высшее образование, 2009. С. 130.

[7] *Чередниченко Т.В.* Быстрое и медленное в истории современной композициии // Музыкальная академия. 1994. № 5. С. 113–115.

[8] *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М.: Наука, 1967. С. 6.

[9] *Егоров Н.И.* Избранные труды по этнолингвогенезу и этнической истории чувашского народа. Чебоксары: Новое время, 2017. Кн. 1. С. 52. [428 с.]

[10] *Трофимов А.А.* Зороастризм: суваро-болгарская и чувашская народная культура: Религия. Культовая архитектура. Скульптура. Прикладное искусство. Священные знания. Чебоксары, 2009. 256 с.

[11] *Трофимов А.А.* Орнамент чувашской народной вышивки. Вопросы теории и истории. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1977; *Его же.*Чувашская народная культовая скульптура. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993.

[12] *Токарев С.А.* Этнография народов СССР. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1958. С. 162.

[13] *Смирнов А.П.* Волжские булгары. М.: Изд-во Гос. ист. музея. 1951. С. 84.

[14] *Вл. Б.* [рец. на книгу]: *Ф.Н. Никифоров.* Стюхинские чуваши // Этнографическое обозрение. 1904. Кн. 63. № 4. С. 188.

[15] *Гарин-Михайловский Н.Г.* Несколько лет в деревне: очерки, драма. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. 1980. С. 212.

[16] *Иванов-Ехвет А.И., Вызго И.М.* Еще раз об истоках «Князя Игоря» // Советская музыка. 1982. № 4.

[17] *Кодай З.* Избранные статьи. М.: Сов. композитор. 1982. С. 275 (курсив в цитате мой. – *М.К.*).

[18] Оговариваемое В.Д. Димитриевым исключение, возможно, в обрядовой ситуации обуславливалось опасениями потревожить или разбудить Киреметь – грозное божество, способное причинить зло молящимся.

[19] *Димитриев В.Д.* История Чувашии XVIII века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. 1959. С. 471–472.

[20] Термин Е.В. Назайкинского, который писал: «Колоссальную роль в музыке играет кинетическое начало – танцевальность, маршевость, пластика, жест» [*Назайкинский Е.В.* Стиль и жанр в музыке. М.: Владос, 2003. С. 165].

[21] Ритмические структуры таких речитаций рассматривает В.Г. Родионов в статье «Генезис и эволюция речевого стиха» [*Родионов В.Г.* Генезис и эволюция речевого стиха // Чувашская народная поэзия. Чебоксары, 1990. С. 65–109].

[22] *Ашмарин Н.И.* Очерк народной поэзии у чуваш // Этнографическое обозрение. 1892. № 2–3. С. 44.

[23] Русские писатели о чувашах / сост. Ф. Уяр и И. Мучи; под ред. и с предисловием И.Н. Сутягина. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1946. С. 112.

[24] *Парамонов Т.П.* Чувашские народные песни / сост. и науч. ред. М.Г. Кондратьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. 368 с. (Памятники культуры и истории чувашского народа). С. 319.

[25] В 5–7 строфах называются места жертвоприношений. Буквально это: Дубовая роща, Среднее поле, Поле у холма.

[26] *Осипов А.А.* Свадьба верховых чувашей: взаимодействие обряда и музыки. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2019. С. 14–15.

[27] Там же. С. 10.

[28] Песни низовых чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1982. Кн. 2. С. 30. – Перевод: «К этим родственникам да, ай, когда приехал, чуть-чуть без пения не уехал».

[29] *Иванов Н.И.* [пухса хатĕрленĕ]. Чăваш халăх юррисем. Шупашкар, 1962. С. 85. – Перевод: «Велели мне песню ай спеть – ум-глупость мою испытать».

[30] *Волков Г.Н.* Чувашская этнопедагогика. Изд. 3-е, доп. Чебоксары: ЧИЭМ, 2004. С. 351.

[31] *Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972. С. 27.

[32] НА ЧГИГН. Отд. VI. Ед. хр. 22.

[33] Песни средненизовых чувашей. Чебоксары, 1993. С. 331–332.

[34] Там же. С. 330.

[35] Чувашские народные песни. 620 песен и мелодий, записанных от Гаврила Федорова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1969. С. 48.

[36] *Кодай З.* Избранные статьи. М.: Советский композитор, 1982. С. 275.

[37] К таким языкам культуры, хорошо известным чувашам, можно отнести, например, музыкальный инструментарий, поэтический и прозаический фольклор всех жанров, кинематика (хореография, пластика жестикуляции и мимики), мифология, религиозные представления, обрядовые традиции, вышивка, ювелирное дело, костюмный комплекс, руническая письменность, пластическое искусство (культовая скульптура), народные игры, кулинарные традиции и т.п.

[38] *Кодай З.* Венгерская народная музыка / пер. Э. Владимировой. Будапешт: Корвина, 1961. С. 60.

[39] *Барток Б.* Народная музыка Венгрии и соседних народов. М.: Музыка. 1966. С. 11–12.

[40] Там же. С. 32.

[41] Там же. С. 44.

[42] Пентатоника в контексте мировой музыкальной культуры: Материалы межреспубликанской научной конференции, Казань, 1–2 ноября 1993 г. / Казанская консерватория. Казань, 1995. С. 93.

[43] *Квитка К.В.* Избранные труды. В 2 т. М.: Советский композитор. 1971; 1973. Т.1. С. 281; Т. 2. С. 56.

[44] *Павлов Ф.П.* Собрание сочинений. В 2 т. Чебоксары: Чувашкнигоиздат. 1971. Т. 2. С. 198.

[45] *Квитка К.В.* Избранные труды. Т. 1. С. 281.

[46] *Сабольчи Б.* Сохранение азиатских музыкальных стилей в Европе // Музыка народов Азии и Африки. М.: Советский композитор, 1973. Вып. 2. С. 346.

[47] *Квитка К.В.* Избранные труды. Т. 2. С. 61.

[48] Там же. С. 62.

[49] См., например, *Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1981. С. 58.

[50] *Холопова В.Н* . Вопросы ритма в творчестве композиторов первой половины XX века. М.: Музыка, 1971. С. 41–45.

[51] *Холопова В.Н.* Исследования по музыкальной ритмике в СССР // Советская музыка. 1990. № 5. С. 55.

[52] *Харлап М.Г.* [P: Музыкальная энциклопедия, S. 16025 (vgl. Музыкальная энциклопедия. Т. 4, S. 660)].

[53] *Комиссаров Г.И.* Чуваши Казанского Заволжья // ИОАИЭ. Казань, 1911. Т.XXVII. Вып. 5. С. 397.

[54] *Кондратьев М.Г.* О ритмической системе чувашской народной песни // Вопросы истории и теории чувашского искусства / Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1982; *Его же.* О ритмической системе чувашской народной песни. Статья вторая // Чувашское народное творчество / ЧНИИ. Чебоксары, 1985.

[55] *Смирнова Е.М.* Ритмический строй музыкально-поэтического фольклора татар-мусульман Волго-Уралья / Казанская государственная консерватория. Казань, 2008. С. 432.

[56] *Серебряный С.Д.* Формулы и повторы в «Рамаяне» Тулсидаса // Памятники книжного эпоса. М.: Наука, 1978. С. 110.

[57] Чувашские народные песни. 620 песен и мелодий, записанных от Гаврила Федорова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1969. № 468.

[58] *Эпштейн М.Н.* Афористика // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 43.

[59] *Кондратьев М.Г.* Чувашская *çавра юрă* и ее татарские параллели / Чувашский НИИЯЛИЭ при СМ ЧР; Чувашская национальная академия. Чебоксары, 1993. 80 с.

[60] *Никольский Н.В.* Конспект по истории народной музыки у народностей Поволжья. Казань: Первая гос. тип. 1920. 72 с.

[61] *Павлов Ф.П.* Чуваши и их песенное и музыкальное творчество: музыкально-этнографические очерки. Чебоксары, 1926. 65 с. [О-во изуч. чувашского края]. [На обложке указано: 1927].

[62] *Димитриев В.Д.* История Чувашии XVIII века. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959. С. 471.

[63] *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1963. 492 с.

[64] См.: *Сироткин М.Я.* Дописьменная культура чувашского народа // Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1958. Вып. 1. С. 212; *Димитриев В.Д.* Указ. соч. С. 471; История Чувашской АССР. Изд. 2-е. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. 1983. Т. 1. С. 163; Очерки истории культуры дореволюционной Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. 1985. С. 101.

[65] *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1963. С. 144.

[66] История Чувашской АССР. Т. 2. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1967. С. 204–213; Чуваши. Этнографические исследования. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1970. Ч. 2. С. 218–260; Чуваши: история и культура. Т. 2 / отв. ред. В.П. Иванов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 495 с.: ил.; Чуваши / отв. ред. В.П. Иванов, А.Д. Коростелев, Е.А. Ягафова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Чуваш. гос. ин-т гуманитарных наук. М.: Наука, 2017. 654 с.

[67] *Вебер М.* Рациональные и социологические основания музыки // *Вебер М.* Избранное. Образ общества / пер. с нем. М.: Юрист, 1994. С. 477.

[68] *Кондратьев М.Г.* Основные свойства чувашской пентатоники // Пентатоника в контексте мировой музыкальной культуры: Материалы межреспубликанской научной конференции, Казань, 1–2 ноября 1993 г. / Казанская консерватория. Казань, 1995. С. 86–91; *Его же*. Пентатонность как важнейшая характеристика чувашской музыкальной системы // Известия НАНИ ЧР. 1996. № 5. С. 30–39.

[69] *Кондратьев М.Г.* О типологических основах сюжетосложения чувашских народных песен // Проблемы изучения научного наследия Н.В. Никольского. Чебоксары: ЧГИГН, 2002. С. 68–101.

[70] *Павлов Ф.П.* Собрание сочинений. В 2 т. Т. 2. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1971. С. 261.

[71] *Холопова В.Н.* Музыка как вид искусства. Ч. 2. М.: Печатник, 1991. С. 4–11.

M.G. Kondratiev

TRADITIONAL CHUVASH MUSIC AS A CULTURAL LANGUAGE

Music (and, in a broad sense, intonation culture) contains important information, in oral tradition accumulating for millennia. One of the main reasons preservation of archaic in the Chuvash musical-poetic system – it's sacred role in traditional rites. In addition to aesthetic function in the folk Chuvash tradition music performed educational, signal, heuristic functions. Fundamental signs of highly developed archaic in Chuvash traditional musical-poetic system are the pentaton sound system, the time-measuring quantitative rhythm, allegorical aphoristic poetry.

That's impossible without knowledge of history and culture almost the entire Eurasian space understanding the properties of the Chuvash folk music-poetic system. Being one of the many languages of culture Chuvash music provides an opportunity for correlation of musical history with historical paths, passed by the people and their ancestors.

Keywords: Intonation culture, Chuvash musical and poetic system, historical information, oral tradition, archaic, sacred role, aesthetic, educational, signal, heuristic functions, pentatonics, rhythmics, poetic aphorism, language of culture, correlation with the history of the people.

УДК 75.044(470.344)–051

ЧГВ, 2020 г., № 15
© И.В. Тургай

БАТАЛЬНЫЙ ЖАНР В ТВОРЧЕСТВЕ В.И. АГЕЕВА

С момента зарождения чувашского изобразительного искусства батальный жанр в нем был представлен небогато. С появлением В.И. Агеева данное направление получило не только мощное развитие, но и обогатилось новыми темами, связанными с историей Волжской Булгарии. На сегодняшний день он является единственным художником в Чувашии, работающим в батальном жанре.

Ключевые слова: чувашское изобразительное искусство, живопись, графика, батальный жанр, Волжская Булгария, сувары, сражения, воины.

«Я – художник, художник есть бог, если он чист и правдив в выражении чувств творителя прекрасного», – когда-то написал Владимир Иванович Агеев в своем дневнике. Эта фраза наиболее емко выражает внутренний «кодекс творца», которому мастер неотступно следует на протяжении всей своей жизни. Каждым своим живописным или графическим произведением он создает свой уникальный и удивительный мир, в котором обитают языческие божества, мифические создания, древние воины, прекрасные женщины, современные чуваши… Пространство, в котором они живут, – это Природа – реальная или мистическая, всегда живая, вибрирующая, пропитанная бурными потоками энергии. Оказавшись среди его картин, зритель невольно погружается в этот «агеевский» мир, как в параллельное пространство.

И сегодня его работы остаются актуальными и востребованными. Это подтвердил успех персональной выставки, посвященной 85-летию художника. Она открылась в конце марта 2017 г. в Чувашском государственном художественном музее и продемонстрировала произведения художника разных лет. Новые живописные полотна показали, что Агеев находится на новом витке своего творческого пути длиною в жизнь.

Илемби Валерьевна Тургай – кандидат искусствоведения, научный сотрудник искусствоведческого направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: tilembi@mail.ru.

Истоки этого пути берут начало в с. Большие Яльчики, где в 1932 г. у Надежды Леонтьевны и Ивана Никитовича родился мальчик. Родители занимались фотоискусством. Отец являлся местным живописцем, а мать, как и большинство чувашских женщин, слыла искусной вышивальщицей и ткачихой. Дом Агеевых стоял неподалеку от места языческих жертвоприношений. Эта земля магическим образом напитала дух маленького Володи, определив сферу его будущих интересов, и, возможно, предназначение. Ему повезло застать и запечатлеть в памяти уходящий «чувашский мир», который впоследствии он начнет реконструировать в своих произведениях. С юных лет он вобрал в себя красоту местного ландшафта и осколки древней языческой веры, философию деревенских жителей, многовековую мудрость чувашского народа, живущего в гармонии с силами и духами природы, почитающего предков, сохраняющего традиции.

После ранней кончины родителей воспитанием мальчика занимался дед Никита Петрович, оказавший на него существенное влияние. Он распознал у Владимира наследственную склонность к изобразительному искусству и поддерживал его развитие в данном направлении. В памяти художника остались слова деда о том, что только *Турă* и художник бессмертны.

Понимая, что ему необходимо развиваться, в 1948 г. Владимир поступает в Чебоксарское художественное училище. Эти годы он вспоминает как голодные и тяжелые, однако страсть к рисованию и жажда новых знаний, а также доброе отношение педагогов, видевших в юноше бесспорный талант, поддерживали его все это время. Он учился у Н.К. Сверчкова, П.Г. Григорьева-Савушкина, Е.Е. Бургулова, В.М. Макарова, Н.Д. Мохова, Г.Д. Данилова и др. На последнем курсе В. Агеева призвали на срочную службу в ряды Советской армии. Через три года он вернулся к учебе, написал и защитил дипломную работу «Охотники». Далее, в силу некоторых обстоятельств, молодой Агеев не смог поступить в Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина в Ленинграде, в чем по прошествии многих лет видит Божий промысел. Вероятно, академическая школа могла бы увести его от поисков своего национального «я».

Уникальная личность Агеева и его самобытное творчество привлекает внимание искусствоведов. В последние годы все чаще звучит мнение специалистов о том, что подлинное национальное изобразительное искусство Чувашии стоит на «трех китах» – на творчестве Ю.А. Зайцева (1890–1972), А.И. Миттова (1932–1971) и В.И. Агеева. Биографии трех мастеров складывались не гладко. Зайцев и Миттов пытались найти характер национального искусства, значительно опередив эпоху, в которой жили, и поэтому во многом были не поняты и не приняты своими современниками. Агеев же «пошел по более приемлемому для своего времени пути, не выходя за границы реалистического искусства»[1]. «С одной стороны, его искусство вписывалось в “рамки” официального реализма и внешне не противоречило ему. Оно формировалось в его недрах, и, в целом, сохраняло принцип внешнего жизненного правдоподобия. Сложность картин В. Агеева именно в том, что

национальная природа его образов и символов не лежит на поверхности. Кажущаяся традиционность таит в себе мощную внутреннюю силу – важную тему, высокую идею, большое чувство», – писала о нем А.И. Мордвинова[2].

Доктор искусствоведения А.А. Трофимов в статьях о художнике особое внимание уделяет графике. К одному из основных открытий Агеева в чувашском изобразительном искусстве он относит создание пластического живописного языка в искусстве книги и превращение иллюстрации в форму станковой графики[3]. Более подробный анализ его творчества наряду с биографией представлен в главе «Агеев Владимир Иванович. Страницы жизни. Мировоззрение. Живопись. Графика» из книги «Время. Искусство. Искусствознание» (2016)[4].

На сегодня это наиболее полные исследования творческого наследия Владимира Ивановича. Небольшие обзорные статьи о нем встречаются в справочных изданиях и Чувашской энциклопедии, а также в газетах и журналах разных лет[5]. В этих источниках тема батального жанра в творчестве художника затрагивается косвенно или не затрагивается совсем и тем более не рассматривается отдельно как самостоятельное направление. А ведь В.И. Агеев – один из ярких представителей указанного жанра в чувашском изобразительном искусстве.

Батальный жанр представляет особое направление в изобразительном искусстве, посвященное темам войны и военной жизни. Изображения битв и походов известны в искусстве с древних времен, можно сказать, что батальный жанр является ровесником войны, ведь победители стремились запечатлеть свой триумф. До наших дней сохранились рельефы Древнего Востока, древнегреческая вазопись, рельефы на фронтонах и фризах храмов, на древнеримских триумфальных арках и колоннах… В Средние века сражения изображались в книжных миниатюрах, на иконах, рельефах и росписях. Сцены баталий встречаются в творчестве Леонардо да Винчи, Микеланджело, Тициана, Тинторетто, Веласкеса, Рубенса. Развитие реализма во второй половине XIX – начале XX вв. привело к усилению пейзажных, жанровых, подчас психологических начал в батальной живописи, внимания к действиям, переживаниям, быту рядовых воинов[6].

В России рассматриваемый жанр начал формироваться с XVIII в. (мозаика М.В. Ломоносова «Полтавская баталия»). Живописцы освещали события Отечественной войны 1812 г. и Русско-турецких войн (Ф. Рубо, Б. Виллевальде, Н. Дмитриев-Оренбургский, В. Верещагин). В советский период ведущими темами в творчестве художников являлись революции, Гражданская и Великая Отечественная войны (в живописи: М. Греков, П. Кривоногов, М. Авилов, Ф. Богородский, П. Шухмин, К. Петров-Водкин, А. Дейнека, Г. Савицкий, Н. Самокиш; в графике: Д. Шмаринов, А. Пахомов, Б. Пророков, Кукрыниксы; в плакатном искусстве – «Окна ТАСС»; в скульптуре: Ю. Микенас, Е. Вучетич, М. Аникушин, А. Кибальников, В. Цигаль и др.). Большинство произведений объединяла идея борьбы за свободу и справедливость, острая патриотическая направленность, философское осмысление войны и ее итогов.

В Чувашии появление и развитие батального жанра связано со становлением профессионального искусства в республике. Особый вклад принадлежит Н.К. Сверчкову, А.М. Тагаеву-Сурбану и М.С. Спиридонову. Их привлекало историческое прошлое чувашей, связанное не только с традициями и повседневным бытом, но и с народными волнениями, борьбой за права и свободу. В 1920–1930-е гг. создавались живописные произведения на темы Пугачевского и Разинского восстаний, революции и борьбы с кулаками, а также Гражданской и Первой мировой войн.

На творчество Н.К. Сверчкова повлияло его участие в Гражданской войне: «Бомбардировка» (1924), «Газ. Эскиз. Бийск» (1924), эскиз «Нападение на Кадыкова» (1936), «Тюрлеминский бой» (1936), «Налет авиации. Бомбежка города» (1937–1938), «Бой под станцией Тюрлема в 1918 году» (1938), «Гибель комиссара Крепкова» (1938) и др. – в этих работах нет героического пафоса, только взгляд свидетеля со стороны.

А.М. Тагаева-Сурбана волновали темы народных восстаний и социальных конфликтов. В 1930-е гг. он создает живописные работы «Осада Разинцами города Цивильска» (1934), «Кулацкое восстание» (1935), «Акрамовское восстание» (1937), «Разинщина» (первая половина XX в.).

С началом Великой Отечественной войны в творчестве этих художников появляются сцены сражений с фашистами. На протяжении всех военных лет Н.К. Сверчков в своих произведениях демонстрирует подвиг народа. В эти годы он создал: «Бронепоезд “Комсомол Чувашии”» (1942), «Рукопашный бой» (1943), «Поединок. Великая Отечественная война» (1943), эскиз «Помощь сестры. Перевязка раненого во время боя. 1943» (1943), «Гитлеровцы в плену. Сталинград» (1943), эскиз «Занимают оков» (1944), «Переправа через Днепр» (1944). А.М. Тагаев-Сурбан посвятил победе советских войск в апреле 1945 г. одно из лучших своих полотен – «Кенигсберг взят!» (1946).

Несколько работ на «скорую руку» выполнены М.С. Спиридоновым – эскиз «Наступление советских войск» (1943), набросок к картине «Наступление советских войск в дни Великой Отечественной войны»» (1943). Картина «Разгром фашистов у переправы» (1942) и портреты фронтовиков экспонировалась на выставке «Художники Чувашии в дни войны».

Произведениям батального жанра 1920–1940-х гг. были характерны повествовательность и простая трактовка сюжета. В большинстве своем эти работы носили эскизный характер, часто выполнялись в беглой манере, без детальной прорисовки и могли служить подготовительным материалом к отдельной самостоятельной картине. В первые послевоенные десятилетия в данном направлении наступило затишье.

В 1970-е гг. батальный жанр получил мощный толчок благодаря творчеству В.И. Агеева. Имея заметные достижения в области книжной и станковой графики, он уверенно заявил о себе в живописи. Ведущими темами стали Волжская Булгария, Пугачевское восстание, древние традиции и религиозные обряды предков, образы языческих богов и божеств, повседнев-

ная жизнь и быт чувашских крестьян. Увлеченность художника средневековой историей родного народа, интерес к военному прошлому булгар и сувар, их правителям и воинам способствовали формированию нового яркого этапа и дальнейшему развитию батального жанра в чувашском изобразительном искусстве.

С 1970-х до начала 2000-х гг. Владимир Иванович продолжает темы, начатые предшественниками. В эти годы он создает произведения «Проводы. 1941 год» (1971), «Чувашские конники в отряде Е.И. Пугачева. 1774 г.» (1971), «Е. Пугачев после переправы через Волгу близ села Сундырь. 17 июля 1774 г.» (1978), «За власть, за землю» (1982), «Казнь пугачевца-чуваша» (1992), «Восставший Эркель Пайдул» (1990–1998), «Гражданская война 1918 г.» (2009), «Крестьянская война в Чувашии в 1774 г.» (2011) и др.

Анализ трех произведений «За власть, за землю» (ил. 1), «Крестьянская война в Чувашии в 1774 г.» (ил. 2), «Гражданская война 1918 года» (ил. 3) показывает развитие творческой мысли Владимира Ивановича на протяжении трех десятилетий и то, как менялись композиции и способы изображения батальных сцен.

Ил. 1. **За власть, за землю. 1982 г.**
Холст, масло. 90х150. ЧГХМ

На полотне «За власть, за землю» (1982) представлено сражение времен Гражданской войны. На первый взгляд мы видим хаос из нагромождения тел воинов и коней. Это обманчивое впечатление, так как при более внимательном осмотре выявляется четко продуманная композиция. В центре художник заключил в круг фигуры и выделил их светлыми мазками, а по периметру картины прописал их в более темных тонах. В данном произведении Агеев близок к реализму, он внимателен к мелочам и деталям, к образам своих героев. В другом, более позднем произведении «Крестьянская война в Чувашии в 1774 г.» (2011) он отходит от реалистических основ в сторону «гравитации»[7]. Тема раскрыта в названии, однако сама сцена сражения абстрактна и не имеет видимых отсылок к конкретному истори-

ческому событию и эпохе. Художника по-прежнему увлекает хаос сражения, его динамика и живописность. Данные характеристики предельно усилены в картине «Гражданская война 1918 года» (2009). Это чистая «гравитация» в том виде, как понимает сам мастер. Движение, которое он пытается передать на холсте, настолько мощное и стремительное, что человеческий глаз не успевает его зафиксировать, поэтому вся сцена словно сливается в единое пятно. Едва видимые фигуры переходят в фактурные мазки, их сплетение передает агонию войны.

Ил. 2. **Крестьянская война в Чувашии в 1774 г. 2011 г.** Холст, масло, 70х58. ЧГХМ

Ил. 3. **Гражданская война 1918 года. 2009 г.** Холст, масло, 90х90. ЧГХМ

С 1990-х гг. Агеева начинает привлекать образ предводителя племени гуннов Аттилы. Этот завоеватель оставил заметный след в мировой истории. Его подвиги воспевали в преданиях, литературе, музыке, кинематографе. В изобразительном искусстве он предстает на полотнах, фресках и иллюстрациях многих художников [фреска в Ватикане «Встреча папы Льва с Аттилой» Р. Санти (1514), фреска «Аттила атакует символические образы Италии и муз» Э. Делакруа (ок. 1840), «Пир Аттилы» М. Тана (1870), «Гунны разоряют римскую виллу в Галлии» Ж. Рошгросса (1910) и др.].

Анализ произведений разных лет наглядно демонстрирует, как менялся образ Аттилы в творчестве Владимира Ивановича. Из воина-захватчика он трансформировался в правителя, императора. Все это происходило не только в рамках батального, но и исторического жанра. Разные страницы из жизни предводителя, не связанные с военными захватами, представлены на живописном полотне «Пир Аттила» (2016) и станковом листе «Аттила и его сыновья» (2016). В них раскрываются новые грани его личности.

В ранних произведениях «Армия Аттилы в Константинополе» (1994) (ил. 4) и «Аттила в битве» (2002) (ил. 5) он предстает воином. В его фигуре

остро ощущается неукротимая энергия, он словно парит на своем коне в гуще сражения… В работах больше реалистичности, динамики, проработанных деталей. Они значительно отличаются от работ последних лет.

В 2016–2017 гг. на пике своего интереса к историческому персонажу художник посвящает ему серию картин. Центральным полотном в ней является «Аттила – император гуннов. 451 г. Север Италии» (2017). Завоеватель в золотых доспехах, восседающий на коне, представлен на фоне своего войска. Задний план обобщен, что фокусирует внимание на его фигуре. Автор создал выразительный образ, подчеркнув орлиный профиль лица.

Ил. 4. **Армия Аттилы в Константинополе. 1994 г.** Бумага. 47х36,5. ЧГХМ

Ил. 5. **Аттила в битве. 2002 г.** Холст. 60х60. ЧГХМ

Рассматривая тему гуннов в творчестве Агеева, нельзя обойти вниманием полотно «Модэ – предводитель гуннов. 235–174 гг. до н.э.» (2017) (ил. 6). Стилистически оно схоже с работами из серии 2016–2017 гг., посвященной Аттиле. Художник изображает жизнь кочевников в перерыве между захватническими сражениями: у шатров отдыхают мужчины, вдали скачут всадники, вот двое сошлись врукопашную, собрав вокруг себя зрителей. На переднем плане представлен сам Модэ. Художник не акцентирует на нем внимание, «растворяя» его в повседневной жизни племени.

Самой яркой темой в творчестве Агеева, бесспорно, является суваробулгарская. Интерес к ней отчасти обусловлен его верой в то, что когда-то он был воином Волжской Булгарии. «Меня там убили. Я умер и проснулся художником. Поэтому я знаю, как все это рисовать», – признается он[8]. Глядя на его работы, можно поверить этим словам. Важно отметить, что в твор-

честве Владимира Ивановича историческое прошлое часто предстает в его личной интерпретации. При этом в разные этапы жизни философский взгляд художника формировался под определенным влиянием процессов, протекающих в жизни республики и выдвинувшихся на волне национального подъема личностей. Так, в 1990-е гг. в ходе иллюстрирования произведений М. Юхмы, часто далеких от достоверных исторических фактов, он увлекся темой языческой религии, легенд и мифов чувашей. В последние годы средневековая история привлекает пристальное внимание приверженцев теории происхождения чувашского народа от древних сувар. Отчасти благодаря их мощной поддержке Агеевым создано несколько новых работ на суварскую тему. Он черпает вдохновение из разных источников, не всегда подтвержденных историками и археологами. Для него важна передача легендарного, былинного прошлого предков. Такая интерпретация сегодня востребована людьми с разными, подчас диаметрально противоположными взглядами на историческое прошлое чувашского народа.

Ил. 6. **Модэ – предводитель гуннов. 235–174 гг. до н.э. 2017 г.**
Холст, масло. 80х120. ЧГХМ

Волжские булгары вдохновляют Владимира Ивановича настолько, что он посвящает им целую серию станковых листов (здесь необходимо отметить, что его графика равноценна живописи как по манере исполнения, так и по сложности композиций и масштабности сюжета). Сражение – это хаос, который мастерски умеет передавать художник. При этом его композиции математически выверены. Название «Волжские булгары» имеют два листа, оба созданы в 2014 г. В первом варианте равномерно распределены фигуры всадников по всей поверхности листа, они сбалансированы по отношению к фону; в центре «сверкает» белая лошадь, опрокинутая на спину, в тень заднего плана уведены воины[9]. Во втором варианте «Волжских булгар» (ил. 7) внимание привлекает центральная фигура воина на коне – в ней чувствуется динамика, экспрессия. Все вокруг нее превращается в абстрактные крупные резкие мазки, в которых угадывается разгар сражения.

Ил. 7. **Волжские булгары. 2014 г.** Бумага. 43х48. ЧГХМ

Ил. 8. **Поединок из серии «Волжские булгары». 2016 г.** Бумага. 58х60. ЧГХМ

Самой необычной в этом ряду, как по компоновке, так и по цветовому решению, является работа «Поединок» (2016) (ил. 8). Автор изображает кульминационный момент в геометрическом центре, а не «разбрасывает» персонажей по всему пространству картины. Лист производит очень мощное впечатление – конь, вставший на дыбы, словно вот-вот раздавит зрителя, оказавшегося у него под копытами. Этот «взгляд снизу», динамическая направленность вперед формируют реально ощутимую волну, выходящую за пределы плоскости изображения. Усиливает это ощущение и экспрессивная манера письма, умышленная дисгармоничность колорита (большие черные, грязно-голубые, охристо-белые цветовые массы с пунцовыми вкраплениями), и излюбленный автором прием вихревого фона – когда он условен, но ощутим. Пожалуй, это одно из лучших произведений художника в данном жанре.

История волжских булгар – это история множества войн. Ближе к распаду государства происходили оборонительные сражения у стен великих городов – Болгар, Сувар, Биляр и др. В.И. Агеев реконструирует и эти события.

В 1970–1980-е гг. Агеев еще соблюдает академические принципы построения композиции. Полотно «Битва у стен города Сувар» (1985–1989) (ил. 9) наиболее приближено к классическим батальным образцам. Сражение происходит на фоне белых каменных стен с оборонительными башнями. Композиция поделена на две части – защитников и нападающих. На переднем плане изображены небольшие группы лучников, судя по простой одежде, это крестьяне, жившие у стен Сувара. Об этом свидетельствует и небольшая лачужка с соломенной крышей, возле которой сидит женщина с ребенком. На втором плане представлены всадники в металлических доспехах, обращающие врагов в бегство. Между ними в самом центре картины образовался пространственный разрыв, напоминающий воронку, – в центре пустота, вокруг которой «разворачивается» вся композиция. Этот прием мы видим и в двух произведениях, которые рассмотрим далее.

Ил. 9. **Битва у стен города Сувар. 1985–1989 гг.**
Холст, масло. 147х200. ЧГХМ

В картине «Защитники г. Биляр – столицы Волжской Булгарии» изображен захват города монгольским войском в 1236 г., после чего он был разрушен (в связи с набегами и грабежами Болгара со стороны Владимиро-Суздальского княжества в XII в. столицу Волжской Булгарии перенесли в Биляр – «Великий город»). Трагизм исторического события подчеркивает несколько моментов, детально прописанных художником. Группа воинов в центре еще находится в пылу бойни, к ним сквозь разрушенную стену спешат новые захватчики. В правом нижнем углу среди обломков каменных памятников старец пытается спасти толстые рукописи – так показана духовная составляющая жизни древних биляр. В противоположном углу лежат павшие бойцы, рядом пленные девушки обреченно ждут своей участи… Таким образом, Агеев старается более полно раскрыть все неприглядные грани поражения.

Ил. 10. **Битва за город Сувар. 1237 год. 2005–2006 гг.**
Холст, масло. 80х100. Союз художников Чувашии

«Защитники г. Биляр – столицы Волжской Булгарии» (1972) и «Битва за город Сувар. 1237 год» (2005–2006) (ил. 10) выполнены в разные годы, однако очень похожи по композиционным приемам и серебристому колориту. В обеих работах представлено сражение внутри города, то есть тот момент, когда враг уже прорвал оборону. Большие каменные арки на фоне почти идентичны, во многом схожа и архитектура куполообразных зданий. Сцена сражения поделена на небольшие группы, расположенные вокруг «воронки» – пустоты в центре.

При схожести многих моментов, в работе над холстом «Битва за город Сувар. 1237 год» (2005–2006) Агеев отходит от академических и реалистических основ, усиливая в живописи характеристики «гравитации». Здесь все смешалось: кони, люди, оружие, земля. Движутся не только фигуры и предметы. Свет и тень будто сошлись друг против друга, заставляя вибрировать все цвета… Сравнивая эти два произведения, столь схожие и различные между собой, выполненные с разницей в тридцать лет, невозможно выделить более удачное. Ранняя работа – подробный пересказ о войне, поздняя – это сама агония.

Таким образом, тема войны за древние города Сувар, Болгар, Биляр – ведущая и, пожалуй, самая зрелищная в творчестве Владимира Ивановича. Из всего многообразия его полотен и листов мы выявили основные произведения, на которых изображены сцены сражений предков чувашского народа. Они производят неизгладимое впечатление и давно стали «визитной карточкой» мастера. Батальный жанр в его творчестве – развивающееся, меняющееся явление. Ранним работам характерны сложносочиненные композиции со множеством деталей и реалистический подход к их исполнению. В более поздний период он отходит от академических основ, находит новые художественные приемы, сформировавшие уникальный агеевский стиль.

Н.К. Сверчков, А.М. Тагаев-Сурбан и М.С. Спиридонов заложили фундамент для создания и развития батального жанра в Чувашии. Их работы были выполнены на этапе становления профессионального изобразительного искусства в республике и не выделялись на общем фоне. Разрабатывая традиционные темы в представленном жанре, над которыми работали предшественники, В.И. Агеев совершил прорыв. Он привнес новые сюжеты, связанные с суваро-булгарской темой. Сегодня, являясь единственным баталистом в республике, художник продолжает способствовать формированию национального самосознания, вдохновляясь великим прошлым родного народа. Благодаря ему в нашей республике развивается батальный жанр в рамках чувашской национальной школы.

Источники и литература

[1] *Мордвинова А.И.* Миттов и чувашское изобразительное искусство второй половины XX века / науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары, 2015. С. 17–22 (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 21).

[2] Владимир Агеев: Живопись. Графика: альбом / сост. С.Ю. Ювенальев. Чебоксары: ГУП «ИПК «Чувашия», 2006.

[3] *Трофимов А.А.* В поисках национального стиля // Мастера изобразительного искусства: иллюстрированное издание / сост., науч. ред. Ю.В. Викторов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. Т. 9. С. 16. (Библиотека Президента Чувашской Республики).

[4] *Трофимов А.А.* Агеев Владимир Иванович. Страницы жизни. Мировоззрение. Живопись. Графика // *Трофимов А.А.* Время. Искусство. Искусствознание. Проблемы теории и истории стилевых направлений. Живопись. Графика. Скульптура. Архитектура. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. С. 236–278.

[5] *Трофимов А.А.* Агеев Владимир Иванович // Чувашская энциклопедия. В 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. Т. 1. А–Е. С. 25; *Журавлев С.В.* Художники Чувашии. Биографии. Чебоксары: ГУП «ИПК «Чувашия», 2007. С. 7–10; *Сидоров В.* Халăх чунне ăнланса // Коммунизм ялавĕ. 1981. 27 декабря. С. 3; *Григорьев А.* Художник ясной цели… // Советская Чувашия. 1981. 27 декабря. С. 3; *Трофимов А.* Светлая палитра // Советская Чувашия. 1982. 2 апреля. С. 4; *Жуков В.* Юбилейная выставка // Советская Чувашия. 1982. 9 апреля. С. 4; *Григорьев А.* Çĕршыв сăнарĕ // Коммунизм ялавĕ. 1982. 11 апреля. С. 3.

[6] Батальный жанр // Справочник-словарь по культуре. URL: www.artap.ru/cult/bataille.htm (дата обращения: 08.05.2018).

[7] «Гравитация» в живописи по Агееву – это когда написано так, как человек видит «боковым зрением» – размыто, в движении, иногда общими мазками. На контрасте обобщенной хаотической массы выделяется центр – все вокруг него будто замедляется и останавливается. Это позволяет художнику акцентировать внимание на ключевом моменте. Такой прием усиливает динамику и энергетику произведений, идеально подходит для сложных, многофигурных сцен (особенно батальных). «Гравитация» является одной из составляющих узнаваемого агеевского стиля.

[8] Из личной беседы.

[9] Похожую круговую композицию, образованную из фигур новгородских всадников, наблюдаем в листе «Ошуйники. Волжские булгары» (2016). По мнению некоторых историков, именно они разграбили город Болгар, положив конец надеждам на его восстановление.

I.V. Turgay

BATTLE GENRE IN THE WORKS Of V.I. AGEEV

Since the birth of the Chuvash fine art, the battle genre has not been well represented in it. With the advent of V. I. Ageev, this direction has not only received a powerful development, but also enriched with new topics related to the history of Volga Bulgaria. To date, he is the only artist in Chuvashia who works in the battle genre.

Keywords: Chuvash fine art, painting, graphics, battle genre, Volga Bulgaria, suvars, battles, warriors.

УДК 94(100)"1914/1918"

ЧГВ, 2020 г., № 15
© Г.А. Николаев,
Р.Р. Исхаков

«С ЭТОЙ ВОЙНОЙ ВОЗНИКЛА СЛЕДУЮЩАЯ ЛЕГЕНДА: БУДТО В ОБРАЗЕ ВИЛЬГЕЛЬМА С НАМИ ВЕДЕТ БОРЬБУ САМ АНТИХРИСТ С НЕСМЕТНЫМ ЧИСЛОМ ПРЕДАННЫХ ЕМУ СЛУГ»: РАЗГОВОРЫ, СЛУХИ И ТОЛКИ О СОБЫТИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СРЕДЕ ЧУВАШЕЙ КАЗАНСКОЙ И СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИЙ

Археографическое освоение истории Чувашского края периода Первой мировой войны – одна из актуальных задач региональной историографии. В настоящей публикации вниманию исследовательской аудитории предлагаются сочинения на заданную тему, а также ответы на вопросы специальной анкеты, выполненные современниками в 1914–1916 гг. Вводимые в научный оборот документы составляют единый информационный блок о разговорах, слухах и толках в среде чувашей Казанской и Симбирской губерний о крупнейшем событии начала XX в. и связанными с начавшейся войной суевериями.
Ключевые слова: Первая мировая война, чувашский социум, Казанская и Симбирская губернии, Н.В. Никольский, рассказы, слухи и толки о войне, суеверия, слушатели Казанских миссионерских курсов.

История Чувашского края периода Первой мировой войны долгое время не принадлежала к числу активно разрабатываемых тем. Такая ситуация лишь на поверхностный взгляд выглядит несколько неожиданной. В действительности же она вполне закономерна. Так случилось, что крупнейшее событие начала XX в., потрясшее до основания многонациональную империю, в общественном сознании страны достаточно быстро ушло в тень своего следствия – Великой российской революции. Подобная метаморфоза объективно не могла не понизить интерес к жестокому кровавому четырехлетию. Новая власть, завоевавшая право на гражданство, остро стала нуждаться в совсем ином прочтении недавнего прошлого державы. С утверждением в стране советского строя и началом национально-государственного строительства приоритетными для изучения в ней стали другие темы – национальное движение, классовая борьба,

Геннадий Алексеевич Николаев – кандидат исторических наук, заместитель директора по науке и развитию ЧГИГН; e-mail: nicga50@rambler.ru.

Радик Равильевич Исхаков – доктор исторических наук, заведующий центром истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; e-mail: ishakovist@gmail.com.

предпосылки и ход Октябрьской революции, установление советской власти, Гражданская война, колхозное строительство, индустриализация и др.

Первые публикации, в какой-то мере освещающие происходившие в чувашском социуме в годы Первой мировой войны процессы, появились еще до октября 1917 г. Так, инспектором Симбирской чувашской учительской школы И.Я. Яковлевым была выпущена брошюра, где дан краткий обзор деятельности учебного заведения по доведению до соплеменников информации на родном языке о грянувших кровопролитных событиях, открытию при школе лазарета и оказанию помощи больным и раненым воинам, шитью ученицами для действующей армии постельного белья и одежды, привлечению чувашских воспитанников в ряды добровольцев и отправке их на фронт[1]. Мужественному поведению в австрийском плену уроженца чувашской деревни Старые Кармалы Цивильского уезда Казанской губернии Николая Алексеева посвящены миссионерские заметки священника Спиридона Гаврилова[2]. Участие в боевых действиях уроженцев Чувашии, окончивших духовные учебные заведения, получило отражение в статье-справке современника, обозначившего себя инициалами Н.Н.[3] (Не исключено, что им являлся чувашский историк и этнограф Н.В. Никольский.)

Как и в других регионах страны, после октябрьских событий 1917 г. исследователи Чувашии в течение достаточно продолжительного времени вообще не обращали внимания на анализируемый отрезок времени. Подвижки в разработке рассматриваемой проблематики наметились лишь после окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 1950-х – 1960-х гг. историками был выполнен ряд трудов, в которых с разной степенью полноты, часто лишь фрагментарно, при разработке других тем попутно было освещено в основном состояние экономики и социальное-экономическое положение населения Чувашского края, а также крестьянское движение в его уездах в годы Первой мировой войны[4]. С 1980-х гг. освоение проблематики было поднято на новый качественный уровень: значимо расширились как круг анализируемых сюжетов, так и источниковая база научных трудов. Анализу были подвергнуты состояние производительных сил в сельском хозяйстве, продовольственное положение в городе и деревне, организация помощи семьям солдат и беженцам, привлечение мелкой и цензовой промышленности к работам на нужды обороны, социально-экономическое положение населения, реакция жителей на масштабные кровавые события, участие солдат в боевых действиях на фронтах и др.[5] Новый всплеск интереса к ней случился в 2010-е гг. 24 октября 2014 г. в г. Чебоксары прошла Межрегиональная научно-практическая конференция, посвященная крупнейшему событию начала XX в. Ее материалы опубликованы в виде сборника статей[6]. Увидели свет новые научные изыскания[7].

Обращение к историографии темы показывает, что в своей основе она представлена преимущественно работами конкретно-исторического плана. На сегодня опубликован лишь один сборник документов по истории Чувашии периода Первой мировой войны. Он издан к столетию начала масштаб-

ного кровавого противостояния стран Антанты и Тройственного союза (впоследствии превратился в Четверной союз). Причем данное исключительно ценное научное издание проливает свет лишь на небольшой аспект проблематики: вводит в научный оборот документальный материал об австро-венгерских и германских военнопленных, размещенных в Чувашии[8]. Таким образом, археографическое освоение темы в настоящее время продолжает оставаться актуальной задачей. Цель настоящей публикации – сделать следующий шаг в данном направлении.

Вниманию исследовательской аудитории нами предлагаются 9 документов: 4 сочинения современников на заданную тему и 5 их ответов на вопросы специальной анкеты. В совокупности они представляют единый информационный блок о разговорах, слухах и толках в среде чувашей Среднего Поволжья о крупнейшем событии начала XX в. и связанными с ним суевериями. Документы № 1–3 относятся к 1914 г., документ № 4 – к 1915 г., остальные 5 документов – к 1916 г. Географически они охватывают чувашское сельское население Казанской и Симбирской губерний. Публикуемые материалы выявлены и извлечены из фондов двух научных учреждений – Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары; док. № 1–7, 9) и Центра письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань; док. № 8). Их происхождение имеет прямое отношение к научно-педагогической деятельности чувашского этнографа и историка Н.В. Никольского. Два текста (док. № 2 и 4) созданы учащимся Казанской духовной семинарии, семь (док. № 1, 3, 5–9) – слушателями миссионерских курсов при Казанской духовной академии. Как известно, с ноября 1903 г. по 1917 г. Николай Васильевич преподавал чувашский язык и «соединенные с ним предметы» – историю и этнографию чувашей – на миссионерских курсах при Казанской духовной академии[9]. В 1903–1906 гг. он одновременно работал помощником инспектора в Казанской духовной академии, в 1907–1916 гг. трудился в ней учителем: давал уроки по чувашскому языку, этнографии чувашей и переводческому делу[10].

В своих подопечных талантливый педагог видел потенциальных исследователей и во всех учебных заведениях, где бы он не трудился, активно вовлекал их в научный поиск[11]. В частности, по его поручению в 1914 г. слушателями миссионерских курсов были написаны сочинения на следующие темы: «Почему Россия воюет с немцами», «Почему мы воюем», «Почему мы воюем с немцами», «Разговоры чувашей о войне», «Толки чувашей о войне» и др.[12] В 1916 г. неутомимый ученый предложил слушателям курса дать ответы на 9 вопросов специальной анкеты о продолжающейся войне: 1) Что говорят чуваши о войне? 2) Нет ли среди них легенд, связанных с войной? 3) Что говорят чуваши-солдаты, возвращающиеся с фронта? 4) Как отзываются о солдатах-чувашах, -татарах, -черемисах[13], -русских, -евреях, -поляках? 5) Что говорят о настроении там и здесь? 6) Распространен ли среди солдат «Сон святой Богородицы», молитва некоего монаха, пришед-

шего с Афона? 7) Что говорят чуваши по поводу дороговизны и на ком она более отражается: в городе и в деревне? 8) Какие обряды, поверья, суеверья связывал народ с вестями о войне? 9) Что говорят чуваши по поводу отсутствия газеты на родном языке?[14]

Попутно отметим, что наиболее способных учеников Н.В. Никольский привлекал и к переводческой деятельности. В годы учебы на Казанских миссионерских курсах переводом сочинений религиозно-нравственного содержания с русского языка на чувашский были заняты Г.Ф. Мишкин (автор док. № 7), И.П. Петров (автор док. № 5) и С.Р. Антонов (автор док. № 9)[15]. В частности, Г.Ф. Мишкиным были выполнены переводы следующих брошюр: «Истинный счастливец», «Есть ли ныне чудотворцы», «Знаю, что умру, но когда – не ведаю». Все они были изданы в 1916 г. на средства Переводческой комиссии Православного миссионерского общества[16].

Стержневой составляющей вводимых в научный оборот источников, хранившихся до поступления в научные учреждения городов Чебоксары и Казани в личном архиве Н.В. Никольского, являются разговоры, слухи и толки чувашей Казанской и Симбирской губерний о Первой мировой войне, а также связанные с ней суеверия и легенды в их среде (док. № 1–9). Начало кровавого противостояния двух военных блоков стало полной неожиданностью для жителей чувашской деревни (док. № 1, 2). Одни ее представители агрессором находили Японию (док. № 1, 2), другие – Китай (док. № 2), третьи – Турцию (док. № 2). Утвердившиеся в православии крестьяне восприняли начало войны как событие, предшествующее концу света, как Божье наказание за грехи (док. № 5–9). На поле боя суеверные солдаты-чуваши искали спасения от смерти в чтении особых молитв, ношении предметов-оберегов (док. № 5, 7, 8). В документах представлена информация и по многим другим моментам жизни чувашского социума в тревожные годы: о проводах мобилизованных на войну (док. № 1, 2, 3, 7, 8), о творимых отправляющимися на фронт новобранцами беспорядках (док. № 8), о выполнении воинского долга представителями разных волжских народов на полях сражений (док. № 5, 8), об оценке положения на фронтах возвратившимся с позиции солдатами (док. № 5–9), о реакции сельского населения на ход военных действий на фронтах (док. № 1, 2, 4, 8), о настроении воюющих солдат (док. № 8, 9), о дороговизне в городе и деревне (док. № 5–9), о количестве мобилизованных на фронт сельских жителей (док. № 4), о числе раненых и находящихся в плену солдат (док. № 4), о мнении сельских жителей по поводу условий заключения мира с неприятелем (док. № 4), о разговорах в среде чувашей по поводу отсутствия газеты на родном языке (док. № 7, 8) и др.

Для объективной оценки содержащейся в публикуемых документах информации представляется весьма важным установление биографии их создателей. Работа в данном направлении, потребовавшая много усилий, дала некоторые результаты.

Автор сочинения *«Чăвашсем вăрçă çинчен калаçни»* (Разговоры чувашей о войне) (док. № 1), выполненного не ранее 18 июля 1914 г., – Констан-

тин Филиппович Ялаков, чуваш. Родился 11 мая 1879 г. в д. Новые Щелканы Цивильского уезда Казанской губернии. В 1895 г. окончил Мусирминское земское начальное училище Цивильского уезда, в 1897 г. – Бичуринское двухклассное Министерства народного просвещения (МНП) училище Чебоксарского уезда Казанской губернии. В 1897 г. в Казанской инородческой учительской семинарии сдал экзамен на звание учителя. С 29 сентября 1897 г. преподавал в родном уезде в Чубаевской церковноприходской школе. 6 февраля 1899 г. Цивильским уездным отделением епархиального училищного совета был перемещен в Шоркистринскую церковноприходскую школу, где проработал 8 лет. 15 августа 1907 г. рукоположен во диакона церкви с. Воскресенские Шигали Цивильского уезда «на штатное место». Здесь работал также на должностях учителя церковноприходской школы (один год) и учителя пения земского училища (два года). «С 1910 г. по 4 сентября 1913 г.» состоял законоучителем в Шоркистринской церковноприходской школе, «с 1910 г. по 10 сентября 1913 г.» – членом переводческой комиссии при первом благочинном округе Цивильского уезда. 2 сентября 1913 г. принят в число вольнослушателей Казанских миссионерских курсов[17].

Выполненное не ранее 19 июля 1914 г. сочинение «Толки чуваш о войне в деревне Старые Савруши Новоадамовской волости Чистопольского уезда Казанской губернии»[18] (док. № 2) и созданное не ранее 1 сентября 1915 г. сочинение-заметка (без заглавия) о разговорах в среде чувашей д. Старые Савруши о Первой мировой войне (док. № 4) принадлежат одному автору – Матвею Филипповичу Филиппову, чувашу. Родился он 20 июля 1895 г. в д. Старые Савруши Чистопольского уезда Казанской губернии. После окончания в 1906 г. Старосаврушской церковноприходской школы год проучился в Саврушской образцовой церковноприходской школе Братства святителя Гурия. В 1911 г. после окончания Саврушской второклассной земской школы поступил в Казанскую духовную семинарию, которую окончил в 1917 г.[19]

Сочинение *«Чăвашсем вăрçă çинчен калаçни»* (Разговоры чуваш о войне) (док. № 3) создано не ранее 23 августа 1914 г. Автор – Дмитрий Степанович Бильдяков, чуваш. Родился 6 ноября 1886 г. в с. Большая Акса Буинского уезда Симбирской губернии. В 1900 г. окончил Большеаксинское МНП одноклассное училище, в 1907 г. – Симбирскую чувашскую учительскую школу. В течение 6 лет – с 1 сентября 1907 г. по 1 сентября 1913 г. – работал «учителем-заведующим» в Верхнетимерсянском МНП одноклассном училище Симбирского уезда одноименной губернии. 1 сентября 1913 г. был зачислен в число слушателей миссионерских курсов при Казанской духовной академии[20].

Автор ответов на вопросы анкеты, данных не ранее 16 августа 1916 г. (док. № 5), – Иоанн Петрович Петров, чуваш. Родился 25 мая 1885 г. в д. Кончак Ядринского уезда Казанской губернии. Образование получил в учебных заведениях уезда: в 1898 г. окончил Туруновское земское училище, в 1902 г. – Большечурашевскую второклассную церковноприходскую школу. В 1902 г. выдержал экзамен на звание учителя начального училища. С 7 сентября

1902 г. по 24 августа 1913 г. состоял учителем в церковноприходской школе д. Большие Токшики Ядринского уезда. 4 мая 1912 г. выдержал экзамен на диакона. До принятия на Казанские миссионерские курсы служил диаконом в церкви с. Средние Тимерсяны Симбирского уезда одноименной губернии[21].

Автор ответов на вопросы анкеты, данных 10 сентября 1916 г. (док. № 6), – Николай Александрович Смирнов, уроженец марийского села Кожважи Козьмодемьянского уезда Казанской губернии, русский. О нем известно совсем немного: с 1897 г. состоял учителем в Пинель-Пернягашской церковноприходской школе, впоследствии – псаломщиком и диаконом в церкви чувашского села Малое Карачкино Козьмодемьянского уезда. В 1915 г. был зачислен в число слушателей Казанских миссионерских курсов[22].

Автор ответов на вопросы анкеты, данных 11 сентября 1916 г. (док. № 7), – Григорий Федорович Мишкин, чуваш. Родился 29 февраля 1888 г. в с. Большие Яльчики Тетюшского уезда Казанской губернии. В 1900 г. окончил Большеяльчикскую церковно-приходскую школу, в 1906 г. – Хорнварско-Шигалинскую второклассную школу Буинского уезда Симбирской губернии. С 28 апреля 1913 г. служил псаломщиком в церкви с. Визикасы Ядринского уезда Казанской губернии. В 1915 г. был принят вольнослушателем на Казанские миссионерские курсы[23].

Автор ответов на вопросы анкеты, данных 12 октября 1916 г. (док. № 8), – Павел Лукич Лукин, чуваш. Родился 7 января 1885 г. в с. Орауши Ядринского уезда Казанской губернии. Обучался три года в школе Братства св. Гурия в родном селе; два года – «в земском училище, где и окончил курс начального училища»; с 1901 по 1905 г. – в Шихазановской второклассной школе Цивильского уезда Казанской губернии, «где по болезни просидел два года в III отделении». В 1905 г. выдержал экзамен на звание учителя. Впоследствии преподавал в деревнях Цивильского уезда: в Среднетатмышской школе грамоты – с 15 сентября 1905 г. «по 1908 г.»; Андрюшевской церковноприходской школе – с 15 сентября 1908 г. по 17 августа 1910 г. Известно, что до принятия в число слушателей Казанских миссионерских курсов служил диаконом в церкви с. Абызово Ядринского уезда Казанской губернии (с 26 августа 1910 г.)[24].

Автор ответов на вопросы анкеты, данных без указания конкретной даты (условно нами она обозначена как не ранее 1916 г.) (док. № 9), – Сергей Романович Антонов, чуваш. Родился 22 сентября 1880 г. в д. Большое Маклашкино Чебоксарского уезда Казанской губернии. В 1892 г. окончил курс в Новинском земском училище. С 9 октября 1896 г. по 18 ноября 1903 г. работал учителем в Чебоксарском уезде в Большесобачкинской школе грамоты и Большемаклашкинской церковноприходской школе. С 19 октября 1903 г. по 24 марта 1910 г. служил псаломщиком в церкви с. Вутабоси Цивильского уезда Казанской губернии. До принятия в число слушателей Казанских миссионерских курсов служил диаконом в церкви с. Алманчино Ядринского уезда Казанской губернии (с 24 марта 1910 г.)[25].

Как следует из приведенных выше сведений, авторами публикуемых документов являются состоявшиеся, грамотные личности, постоянно стремящиеся повысить свой образовательный уровень. У всех у них, за исключением М.Ф. Филиппова, за плечами уже опыт работы в школах, служение в церкви. К началу войны одному из корреспондентов было девятнадцать лет, пятерым – под тридцать, двоим – за тридцать лет. По национальности, за исключением одного лица – Н.А. Смирнова, русского, все они являлись чувашами. Таким образом, не будет преувеличением утверждать, что авторам документов, имевшим тесную связь с соплеменниками, хорошо были известны тревоги и чаяния чувашей в годы Первой мировой войны. Им, в своем большинстве уже познавшим тяготы повседневной жизни сельского социума, описать наблюдаемую картину и дать ей взвешенную оценку, не составляло большого труда.

Полученные биографические данные корреспондентов позволяют также локализовать содержащуюся в документах информацию на административной карте уездов. Так, ответы на анкету диакона Н.А. Смирнова (док. № 6) не содержат никаких сведений относительно местности, где были сделаны его наблюдения. Но из собранных нами сведений явствует, что русский церковнослужитель до поступления на Казанские миссионерские курсы служил диаконом в церкви чувашского села Малое Карачкино Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. Не рискуя ошибиться, можем утверждать, что в документе речь идет именно о чувашах с. Малое Карачкино и его округи. Подобная же ситуация с ответами на анкету С.Р. Антонова (док. № 9). В них также не содержится никакой информации о месте наблюдений. Правда, на вопрос: «Что говорят о молитве “Сон Пресвятой Богородицы”?» слушатель дает ответ-подсказку. Он звучит следующим образом: «Ответить на этот вопрос не могу, так как в той местности, где я провел лето, не слыхали о ней». Опираясь на выявленные биографические материалы, можем не без оснований заключить, что лето диакон провел в чувашском селе Алманчино Ядринского уезда Казанской губернии. Именно здесь до поступления на Казанские миссионерские курсы он служил в местной церкви диаконом.

Настоящая публикация осуществляется в соответствии с принятыми правилами издания исторических документов. Документы снабжены заголовками составителей. В заголовке указаны вид документа, род деятельности автора, его имя, отчество и фамилия, тематика содержащейся информации, место описываемых явлений и событий, а также время (дата) создания. Установленные составителями отчество, род деятельности авторов, (в необходимых случаях – место их рождения и работы), а также район (место) регистрации информации даны в квадратных скобках. Тексты документов воспроизводятся по современным правилам орфографии, с сохранением стилистических и языковых особенностей подлинников. Пропущенные в документе и восстановленные по смыслу слова, а также сокращения даются в квадратных скобках. Погрешности текста не исправляются. Их пра-

вильный вариант приводится в примечаниях. Тексты документов на чувашском языке даются курсивом и дублируются на русском языке. Переводы помещаются вслед за чувашским текстом (док. № 1, 3). Чувашский текст авторов в документах воспроизводится курсивом. В тех случаях, когда авторский перевод отсутствует, он осуществлен нами и дан в примечаниях.

Литература и примечания

[1] *Яковлев И.Я.* Война и чувашская школа в Симбирске. Симбирск: Типолитогр. губерн. правления, 1915. 30 с.

[2] *Гаврилов С.* Миссионерская заметка по поводу геройского подвига чувашенина Казанской губернии рядового Николая Алексеева // Известия по Казанской епархии. 1916. № 7–8. С. 223–226.

[3] *Н.Н.* Питомцы Казанской духовной школы – участники 2-й отечественной войны // Известия по Казанской епархии. 1916. № 41–42. С. 973–975; № 43. С. 1008; 1917. № 3–4. С. 36, 38.

[4] См.: *Кузьмин В.Л.* Аграрные отношения в Чувашии накануне Февральской буржуазно-демократической революции // Ученые записки ЧНИИ / ред. В.Л. Кузьмин. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1955. Вып. 11. С. 100–111; *Его же.* Чувашия в период Первой мировой войны и Февральской буржуазно-демократической революции // История Чувашской АССР. Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1956. Вып. 2. С. 227–244; *Его же.* Крестьянское движение в Чувашии в период подготовки Октябрьской революции (март–октябрь 1917 г.). Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. С. 49–59; *Павлов Я.К.* Великая Октябрьская революция и разрешение национального вопроса в Чувашии (1917–1925). Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. С. 28–31; *Петров И.Е.* Чувашия в первые годы диктатуры пролетариата. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1961. С. 55–57; *Кузнецов И.Д.* Крестьянство Чувашии в период капитализма. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1963. С. 489–511; и др.

[5] См.: *Николаев Г.А.* Изменение производительных сил в сельском хозяйстве Чувашии в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Чувашия в годы Первой мировой войны: сб. статей / ред. А.В. Изоркин, В.А. Прохорова. Чебоксары, 1985. С. 24; *Федоров Ф.Ф.* Фонд алатырского военного цензора – исторический источник для изучения настроений солдат русской армии в Первой мировой войне // Там же. С. 25–38; *Николаев Г.А.* Продовольственное положение Чувашии в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Вопросы истории Чувашии периода капитализма: сб. статей / ред. И.Д. Кузнецов, В.А. Прохорова. Чебоксары, 1986. С. 48–68; *Изоркин А.В., Федоров Ф.Ф.* Солдаты Чувашии в составе русских войск во Франции и на Балканах в годы Первой мировой войны // Чувашия в годы Первой мировой войны. С. 69–89; *Николаев Г.А.* Организация помощи семьям солдат и беженцам в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) (По материалам Чувашии) // Проблемы истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии: сб. статей / ред. А.М. Шорников. Чебоксары, 1987. С. 5–18; *Его же.* Крестьянское хозяйство на территории Чувашии в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Социально-экономическое развитие Чувашии в период капитализма: сб. статей / ред. И.И. Бойко. Чебоксары, 1987. С. 56–73; *Его же.* Новое о привлечении к работам на нужды обороны мелкой промышленности Чувашии в годы Первой мировой войны // Проблемы истории промышленности и рабочего класса Чувашии: сб. статей / ред. И.И. Бойко. Чебоксары, 1988. С. 36–50; *Его же.* Разорение чувашской деревни в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Вопросы истории Чувашии XIX – начала XX в.: сб. статей / ред. И.И. Бойко. Чебоксары, 1988. С. 49–67; *Изоркин А.В., Федоров Ф.Ф.* Газета «Камско-Волжская речь» о положении трудящихся масс Чувашии в годы Первой мировой войны // Вопросы истории Чувашии XIX – начала XX в. С. 68–83; *Николаев Г.А.* Цензовая промышленность Чувашии в годы Первой мировой войны: работа на оборону // Исследования по истории Чуваши и чувашского народа: сб. статей / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары, 2001. С. 130–148; и др.

[6] См.: Первая мировая война в истории народов Поволжья: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (г. Чебоксары, 24 октября 2014 г.) / сост. и отв. ред. Ю.В. Гусаров; ЧГИГН, ГИА ЧР. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. 243 с.

[7] *Выйкин Н.А.* Деятельность Чебоксарского дамского комитета по оказанию помощи солдатам Первой мировой войны // Чувашский национальный музей: люди, события, факты. Чебоксары, 2013. Вып. 8. С. 46–48; *Блиняев С.Н., Широков О.Н.* Проведение мобилизации в Чебоксарском уезде Казанской губернии в годы Первой мировой войны (По документам Чебоксарской городской управы) // Вестник Чувашского университета. 2017. № 2. С. 41–47; и др.

[8] Первая мировая война: австро-венгерские и германские военнопленные в Чувашии (документы и материалы Государственного исторического архива Чувашской Республики) / сост. Ф.Н. Козлов. Чебоксары: Новое время, 2014. 520 с.

[9] *Димитриев В.Д.* Н.В. Никольский – чувашский ученый, просветитель, общественный деятель. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1993. С. 9.

[10] *Димитриев В.Д., Леонтьев А.П., Матвеев Г.Б.* Н.В. Никольский – ученый, просветитель, общественный деятель, Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. С. 37, 39, 40.

[11] См.: *Исхаков Р.Р., Николаев Г.А.* Предисловие // Татары-кряшены в зеркале фольклора и этнографических сочинений слушателей Казанских кряшенских педагогических курсов (педагогического техникума) (1921–1922 гг.): сб. материалов и документов / сост., авт. предисл. и примеч. Р.Р. Исхаков, Г.А. Николаев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманит. наук, 2014. С. 9, 10.

[12] См.: Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 265. Фонд Н.В. Никольского. Инв. № 5964. Л. 23–26, 31–36, 47–50, 99–104, 111–121, 187–189, 259–261, 271–278; Ед. хр. 268. Инв. № 5979. Л. 189–192; Инв. № 5980. Л. 227–234; Инв. № 5982. Л. 345–348, 373–378.

[13] Черемисы – марийцы.

[14] См.: Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (ЦПиМН ИЯЛИ АН РТ). Ф. 81. Оп. 1. Д. 73. Л. 217.

[15] Там же. Ед. хр. 269. Инв. № 5984. Л. 73 об.,74, 81.

[16] Там же. Л. 81.

[17] Там же. Л. 68, 68 об.

[18] Публикуемое сочинение анонимное. Просматривая тексты единиц хранения фонда Н.В. Никольского в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук, мы обнаружили еще одну рукопись, выполненную аналогичным почерком. Он также принадлежит жителю д. Старые Савруши Новоадамовской волости Чистопольского уезда Казанской губернии. Под текстом рукописи карандашом вписаны имя и фамилия автора – Матвей Филиппов. Таким образом, не приходится сомневаться, что сочинение «Толки чуваш о войне в деревне Старые Савруши Новоадамовской волости Чистопольского уезда Казанской губернии» принадлежит Матвею Филипповичу Филиппову. Отчество автора установлено на основе созданного чувашским историком Г.А. Александровым справочного издания. См.: НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 268. Инв. № 5979. Л. 177–179; Ед. хр. 279. Инв. № 6030. Л. 147–148; *Александров Г.А.* Чувашская интеллигенция: истоки. Чебоксары: Чувашия, 1997. С. 124.

[19] НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 213. Инв. № 5642. Л. 39–43; *Александров Г.А.* Чувашская интеллигенция: истоки. С. 124.

[20] Там же. Ед. хр. 269. Инв. 5984. Л. 62, 62 об.

[21] Там же. Л. 73, 73 об.

[22] Там же. Л. 82 об.

[23] Там же. Л. 81.

[24] Там же. Л. 75 об.

[25] Там же. Л. 74.

№ 1
Сочинение[a] диакона [с. Воскресенские Шигали Цивильского уезда Казанской губернии], [вольнослушателя Казанских Миссионерских курсов] [Константина Филипповича] Ялакова
«Чăвашсем вăрçă çинчен калаçни»

Не ранее 18 июля 1914 г.[b]

[л. 271] *Кăçал самана хулиган, пит йăвăрланса*[c] *кайрĕ. Тĕнчери патшалăхсем пĕр-пĕринпе килĕштерсе пурăнма май тупайманнипе пурте вăрçа-çапăçса кайрĕç. Çав вăрçă çинчен Çĕрпӳ уесĕнчи*[1] *чăвашсем малтанах нимĕн те пĕлмен. Июль уйăхин 17-мĕш кунĕнче, çур çĕр иртсен пĕр сехетрен, яла сасартăк кантурти пуçлăхсем килчĕç те служить туса таврăннă сапас салтаксене*[2] *пуçтарма тытăнчĕç. Çакна курсан ял çыннисем [л. 272] пĕтĕмпех хăранипе чĕтресе ӳкрĕç. Ял урамсем хушшинче пуçлăхсем хыпаланнипе чупкаласа анчах çӳреççĕ: килте çуккисене шырама [çынсене] лашасем çине утлантарса хире чуптарчĕç*[d] *(çав вăхăтра нумайăшĕ хирте выртса-тăрсах тыр выратчĕç). Хĕвел тухсан, вырăсла апат тĕлĕнче, пĕтĕм ялти халăх уя ĕçлеме каяссине пăрахсах, урама хăпса тухрĕ. Ушкăнĕ-ушкăнĕпе çынсем пĕр çĕре пуçтарăнса вăрçă хыпарĕсем çинчен калаçкаласа тăраççĕ.*

Пĕр кукленсе кайнă, шап-шурă пуçлă ватă çын, кăкăрĕ çине металсем[e] *çакса [л. 273] тултарнăскер, туйи çине тайăнса тăрса, ĕлĕк хăй туркă çыннисемпе мĕнле вăрçни çинчен*[3] *çынсене каласа кăтартать: «Пит хĕн пулчĕ ун чухне пире туркăсемпе вăрçмашкăн, çапах та Турă пулăшнипе вĕсене çĕмĕрсе тăкрăмăр. Халь те Турă çине шанса, çар çыннисем хыт тăрсассăн, тăшмансене парăнтарĕç-ха» — тет.*

Унчен те пулмарĕ[f] *Тури касран*[g] *пĕр çирĕм çынна яхăн сапас салтаксем тухрĕç те*[h] *пĕр-пĕринпе ытакланса, Анат кас енелле хытă юрласа*[i] *пыраççĕ, вĕсем хыççăн лавăçсем лашисене майĕпе-хуллен уттарса пыраççĕ. Пуху тĕлне çитсессĕн пурте картуссене илсе тайăлчĕç [л. 274]. Ваттисем вĕсене: «Эй, ачамсем! Турă сывлăх патăр сире, чипер кайса килĕр, кайма çул тупсан, тавăрăнма та çул пултăр, Турăпа-Патшашăн тăрăшăр, пире ваттисене пытарма каллех кутăн таврăнăр», — тесе ăсатса ячĕç.*

Вĕсем иртсе кайсассăн пухура каллех вăрçă çинчен калаçма пуçларĕç. Хайхи шур пуçлă ват çын ман хапха патнерех утса пычĕ те манран ыйта пуçларĕ: «Çур-пуп (эпĕ пурăнакан çĕрте диакона çур-пуп теççĕ), эсĕ хаçат тавраш илетĕн пулĕ, мĕн çыраççĕ ĕнтĕ вăрçă çинчен? Вăрçă тапранни нумай пулать-и? Мĕнле патша вăрçасшăн унта пирĕнпе, тен каллех [л. 275] Япун[4] *мар-и? — тет. Вара эпĕ уна: «Çук, Япунпа пулас çук, вĕсем халь пирĕнпе чипер-тӳрĕ пурăнаççĕ; иртнĕ эрнери хаçат хыпарне пăхсассăн, Австрия*[5] *çын-*

---

[a] Над текстом документа вписаны слова: «по № (19—29). 1914 год. Диакон Ялаков».
[b] Датируется по содержанию документа.
[c] Так в документе. Правильно: *йывăрланса* (чуваш.) — ухудшаясь.
[d] Далее зачеркнуто фраза *«мĕншĕн тесен»* (чуваш.) — «потому что».
[e] Так в документе. Правильно: *медальсем* (чуваш.) — медали.
[f] Далее зачеркнуто слово *«пурте»* (чуваш.) — «все».
[g] Далее зачеркнуто слово *«тухса»* (чуваш.) — «выйдя».
[h] Фраза *«тухрĕç те»* (чуваш.) — «вышли» написана поверх строки.
[i] Далее зачеркнуто слово *«каяççĕ»* (чуваш.) — «уходят».

нисемпе пулсан анчах: вĕсем пирĕн патша хӳттинче тăракан пĕчĕкçеççĕ “Сербия” ятлă патшалăха нимĕн айăпсăрах çĕмĕрсе тăкасшăнччĕ[6]*, ăна пирĕн патша ямасăр*[a] *тăраччĕ, çавăншăн пулсан анчах», — терĕм. Ушкăнри çынсем çак сăмахсене илтсессĕн çиленнипе каларĕç: «Мĕн çитмен тата вĕсене, епле хăраман вĕсем пирĕн патшаран! Турă пулăшсан пирĕн патша вĕсене çĕмĕрсе тăкмасăр чарăнас çук, текех Япун [вăрçи] [л. 276] чухнехи пикех пулмĕха», — терĕç.*

Хĕр арăмсем хăйсем тĕллĕн пуçтарăна-пуçтарăна тăнă; вĕсем хушшинче те çак хыпарах. Пĕр хура вăрăм, çинçе саслă арăм хыттăн кăшкăрса ак çапла калаçать: «Пирĕн патша пек вăйлă, чаплă, салтак пит нумай тытса тăракан патша тĕнчере урăх пĕр патша та çук тесе калать, тет. Пĕрре ют патшапа пирĕн патша камăн çар çынни нумайăй çинчен тавлашса кайнă тет. Ют патша хăйĕн мĕнчул çар-халăх пуррине кăтартасшăн, пирĕн патша патне пĕр пăт йĕп ярса: “çакăнта мĕн чухлĕ йĕп пур, манăн çавăн чухлĕ çар пур”[b]*, — тесе калаттарнă тет. Вара пирĕн патша уна хирĕç вун пăт çăм ярса — “çакăнта мĕн чухлĕ çăм пĕрчи, çавăн чухлĕ ман çаррăм пур пур”, — тесе калаттарнă тет. Çак сăмахсене илтсессĕн, хайхи ют патша хăранипе пирĕн патшапа вăрçма пăрахнă [л. 277] тет», — тесе каласа кăтартать.*

Вăрçă тухсанах чăвашсем пит куйланатчĕç; «мĕн чухлĕ халăх пĕтĕ вăрçăра, тăлăх-туратсем нумай пулĕç, пайтахăшин çемьисем тĕп кил хуçисĕр пуçне выçă лармалла пулĕç» — тетчĕç. Кайран пирĕн патша пĕчченех вăрçманнине пĕлсен, тата вăрçа пуçтарса кайнă çынсен çемьисене тăрантармашкăн хыснаран укçа тухмалла[7]*, кăмакисене хутмашкăн вут памалла*[8] *— тенине илтсен — нумайĕшĕ лăпланса куйланма пăрахрĕç, салтакисем те чипер-йăвашшăн тухса кайрĕç. Ĕлĕк Япун вăрçи чухне сапас салтаксем ĕççеусĕрĕлсе, çапăçса, ял çыннисене сăтăр туса çӳрерĕç. Халĕ хăйсене Çĕрпӳ*[9] *хулинчен Шăхран*[10] *станцине илсе [л. 278] кайнă чух яла пĕр вăхăтлăха тавраннăç те священнике чиркĕве чĕнтерсе молебн тутарчĕç, унтан ял-йышпа сыв-пул туса чуп турĕç те чипер салтак юрри юрласа ялтан тухса кайрĕç ваксалалла*[c].

Цивильский уезд, село Воскресенские Шигали.

НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 265. Инв. № 5968. Л. 271—278. Рукопись. Подлинник.

Разговоры чувашей о войне

В текущем году время хулиган, очень тяжко стало. Из-за того, что государства мира не смогли найти способ мирно ужиться, все они стали воевать-сражаться. Про эту войну сначала чуваши Цивильского уезда[1] ничего не знали. 17 июля, спустя час после полуночи, в село вдруг прибыли правленские начальники и начали собирать солдат запаса[2]. Увидев это, все сельские жители от испуга начали дрожать. По сельским улицам начальники, суетясь, передвигаются только бегом: чтобы найти тех, кого нет до-

---

[a] Далее зачеркнуто слово *«чарса»* (чуваш.) — «останавливая».

[b] Слово вписано поверх строки.

[c] Так в документе. Правильно: *вокзалалла* (чуваш.) — «в сторону вокзала».

ма, посадив [людей] на лошадей, отправили в поле (в эту пору многие жали хлеб, днюя и ночуя в поле). С восходом солнца к завтраку весь народ села, оставив работу в поле, спешно вышел на улицу. Люди, собравшись вместе в группы, делятся вестями о войне.

Один скрюченный старый человек с седой головой, повесивший на грудь медали, опираясь на палку, рассказывает людям, как он в старину воевал с турками[3]: «Было очень тяжело воевать нам с турками, но, тем не менее, с божьей помощью их разгромили. И теперь, надеясь на Бога, если будут крепко стоять военные, непременно одолеют врагов», – говорит.

Вдруг с улицы Верхней вышли порядка двадцати запасных солдат, идут в сторону улицы Нижней, обняв друг друга и громко исполняя песню, за ними возчики, придерживая, медленно ведут своих лошадей. Дойдя до сходки, все сняли фуражки и поклонились. Старики их проводили со словами: «Эй, ребята! Пусть Бог вам даст здоровье, благополучно возвращайтесь, если находите дорогу уходить, пусть будет дорога и возвращаться, старайтесь за Бога и царя, нас, стариков, возвращайтесь хоронить».

С их уходом на сходке вновь начали говорить о войне. Тот самый человек с седой головой, подойдя к моим воротам, начал спрашивать у меня: «Полупоп (там, где я живу, диакона называют «полупоп»), ты, по-видимому, выписываешь газеты, что там пишут про войну? Что за страна хочет с нами воевать; может, снова Япония?»[4] Я ему сказал: «Нет, не может быть с Японией, они с нами мирно живут; если смотреть газету за прошлую неделю, только с народом Австрии[5]: они находящееся под защитой нашего царя маленькое государство под названием “Сербия” без всякой вины хотят разгромить[6], это останавливает наш царь, разве только из-за этого». Услышав эти слова, люди из групп, рассердившись, сказали: «Чего еще им не хватает, как они не испугались нашего царя! Если поможет Бог, наш царь не остановится, пока их не разгромит, больше не будет как во времена [войны] с Японией».

Женщины сами собрались в группы: и в их среде эта же весть. Одна чернявая, высокая, с тонким голосом женщина громко вот так говорит: «Говорят, что в мире нет ни одного царя, как наш сильный, мощный, держащий очень много солдат царь. Говорят, однажды наш царь поспорил с чужим царем о том, у кого больше воинов. Чужой царь, чтобы показать сколько у него воинов, прислав пуд иголок, заставил сказать: “Сколько здесь иголок, столько у меня воинов”. Говорят, что тогда наш царь, присылая ему десять пудов шерсти, заставил сказать: “Сколько здесь шерстинок, столько у меня воинов”. Услышав эти слова, тот самый чужой царь, испугавшись, прекратил войну с нашим царем».

Как только началась война, чуваши очень сильно переживали; говорили: «сколько народу ляжет в войне, сирот очень много будет, многим, оставшимся без главы семействам, придется сидеть голодными». Потом, узнав, что наш царь будет воевать [с врагами] не один, услышав, что семьям мобилизованных на войну людей из казны полагаются деньги[7], чтобы топить печки – дрова[8], многие успокоились, перестали переживать, солдаты ушли чинно и смирно. Раньше, в Японскую войну, запасные солдаты пьянствовали и дрались, творили ущерб сельским жителям. Сейчас, когда их водили из Цивильска[9] к станции Шихраны[10], вернулись на время в село, пригласили священника в церковь, совершили молебен и потом,

прощаясь с односельчанами, поцеловались, и смирно с солдатскими песнями ушли в сторону вокзала.

Цивильский уезд, село Воскресенские Шигали.

№ 2

Сочинение [учащегося Казанской духовной семинарии Матвея Филипповича Филиппова][11] «Толки чуваш о войне в деревне Старые Савруши Новоадамовской волости Чистопольского уезда Казанской губернии»

Не ранее 19 июля 1914 г.[a]

[л. 176]. Жители названной деревни о мобилизации узнали 18 июля вечером, когда было объявлено волостным правлением о призыве запасных и о покупке лошадей для нужд армии сельскому старосте. Весть эта скоро была известна всем. Все заговорили о войне. Но никто не знал, с кем идет война. Все по-разному толковали о причине войны. Некоторые говорили, что Россия воюет с японцами, другие – с Китаем, третьи – с турками. Говорившие о войне с Японией утверждали, что по происшествии десяти лет после Японской войны[12] Россия захотела отомстить японцам за прежнее поражение. Вторые говорили, что Турция объявила нам войну, желая завоевать Казань. Чуваши названной деревни говорят, что здесь прежде было турецкое государство[13], притом резиденцией[14] был пригород Билярск[15] (в сорока верстах от Чистополя[16]). В подтверждение указанной мысли они ссылаются на множество валов[17] около Билярска, которые [л. 176 об.] как будто защищали город от врагов, т[о] е[сть] русских. Такие же валы находятся и в других местах Чистопольского уезда, только меньших размеров[18]. Сторонники войны с Китаем причиной считали многочисленность китайского населения. Так толковали накануне мобилизации. В следующий день запасные должны были уехать в сборный пункт. Об отъезде запасных нужно сказать, что они расставались с деревней очень неохотно и плакали, хотя были которые не плакали, говоря, что семьи их останутся голодными, так как некому было собирать хлеб с поля. Притом добавляли: «Будь мобилизация месяцем позже, мы бы уехали с радостью на призыв царя защищать Отечество». Потом сами же подбадривали, что царь не даст умереть с голода их семьям, а сами, если Богу угодно, возвратятся живы и здоровы. Эти последние слова были неискренния[b], потому что им было сообщено, что на Россию напали два сильнейших государства[19] [л. 179]. Они уже не думали возвратиться на родину. Во время служения напутственного молебна над селом пронеслась очень сильная буря. Народ это явление истолковал по-своему. Говорили, что при отправлении запасных во время Японской войны была такая же буря и последствием было поражение, что сейчас будет такая же история. После уже появились слухи о силе немцев. Говорили, что их пуля не берет, потому что они ходят в чугунных шапках[20] и панцирях[21], что пушки немецкие дальнобойностью на сорок верст[22]. Как будто немецкий царь[23] обещался пройти сквозь Россию. Притом успокаивали себя, что русских на суше нельзя победить.

НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 268. Инв. № 5979. Л. 177–179. Рукопись. Подлинник.

---

[a] Датируется по содержанию документа.

[b] Так в документе. Правильно: неискренними.

№ 3
Сочинение [учителя], [уроженца с. Большая Акса Буинского уезда Симбирской губернии], [слушателя Казанских миссионерских курсов] [Дмитрия Степановича] Бильдякова
«Чăвашсем вăрçă çинчен калаçни»

Не ранее 23 августа 1914 г.[a]

[л. 137] *Хальхи вăйлă вăрçă пирĕн чăвашсене те нумай сиен турĕ. Кашни килĕрен тенĕ пек, ĕç çыннисем тухса кайрĕç, хăш-пĕр килĕрен икшерĕн те виçшерĕн те кайрĕç. Килне ватă ашшĕ-амăшĕпе, арăмĕпе çамрăк ачисем анчах юлчĕç. Çитменнине тата вăл вăхăтра çанталăк пит пăсăлчĕ: шавах çумăр çурĕ. Мăй таран ĕç: ыраш вырса пĕтермелле, сĕлĕ вырмалла, вăрлăх çапмалла, ыраш акмалла, кĕлте кӳмелле, ĕçлекенĕмĕр çук, çитменне çанталăк та усал. Йĕре-йĕре куççулĕ те тухмасть [л. 138] ĕнтĕ. Ăçтан тухрĕ-ши ку самана?*[b] *Эпĕ çăвара хыпнă çăкăр пыра анмасть тенине илтнĕчĕ; чăнах иккен вăл: ĕнер хиртен килеп, темĕн тĕрлĕ çиес килет; çиме лартăм та çăвара хыпнă çăкăрăм анмасть, йĕрсе ятăм. Пуçна чул çине çапсан чул çурăлмĕ, пуçу çурăлĕ. — Темĕнле пурăнмалла ĕнтĕ, тырăсене темĕнле пуçтармалла? — çапла калаçать ман акка. — Тырăсене пуçтарма тыт эсĕ, сире укçа парĕç*[24]*, çав укçапа тӳлĕн вара, — терĕм эпĕ. — Вăл укçапа мĕн тăвас, унпа кайнă çыннăмăра илес çук. Тытса ĕçлеттерес тесен те кама тытмалла, яла ĕç çынни те юлмарĕ ĕнтĕ. Пире тарăхтарнине кура [л. 139] тăшманне çĕнтереçинчĕ мĕн, — терĕ вăл. — Çар пуçлăхĕ кам пулать-ши? — тесе ыйтрĕ ман атте. — Патша пиччĕшĕ Аслă князь Николай Николаевич*[25]*, — терĕм эпĕ. — Вăл пирĕн, эпир тĕрĕкпе вăрçнă чухне, вăл Дунай патĕнчи çаррăн пуçлăхчĕ*[26]*. Ун чухне вĕсем тăватă тăван*[27] *та вăрçăратччĕ. Вăл пулсан çапах та хăрамалла мар: вăл хытă тытакан çын, офицерсене ирĕк парас çук; вĕсем*[c] *япон вăрçинче*[28] *нумай савăнчĕç, Россиян ятне çĕртрĕç*[29]*, халĕ апла пулмĕ. Çĕнтерме çĕнтерĕç, анчах çын нумай пĕтерĕç, — терĕ атте. Эпĕ: — Ку унăн ывăлĕ, — терĕм*[d]*. Хаçат çине вăрçăра офицерсем салтаксемпе пĕрлех пурăнни çинчен, вĕсемпе пĕрлех çывăрни çинчен, вĕсемпе [л. 140] пĕрлех ĕçсе-çини çинчен çырнăччĕ. Эпĕ ăна аттене каласа патăм. — Çав кирлĕ вĕсене, улĕм Россияна ан мăшкăлатарчăр. Николай*[e] *Николаевич Куропаткин*[30] *мар вăл, — терĕ.*

Турă Амăшĕ вилнине асăннă кун[31] *(юлашки спас*[32]*) эпĕ Пăва уйесĕнчи Хула çырми*[33] *ятлă яла кайрăм. Çынсем хирте*[f] *икшерĕн-виçшерĕн ăçта килчĕ унта ыраш акаççĕ. — Мĕшĕн капла праçник кун акатăр эсир? — терĕм эпĕ. — Хамăрăнне мар, салтак арăмĕсенне, — терĕç мана. — Укçалла акатра, е ахаль-и? — терĕм эпĕ. — Мимелле, — терĕç. Яла çитсен почта кĕрсе хаçатсем илтĕм. Унта хамăн пĕлнĕ çын [л. 141] Лука Ахванеç патне кĕтĕм. Унăн пĕр ывăлне вăрçа илсе кайнă. Мана курсан Ахманеç пичче пит савăнчĕ. — Вуласа пар-ха хаçатна, — терĕ. Эпĕ вăрçă çинчен пĕртак вулакаларăм та: — Ну мĕн калать, — терĕ Ахванеç пичче. — Пирĕн çĕнтерсе пыраççĕ, — терĕм эпĕ. —*

---

[a] Датируется по содержанию документа.
[b] Далее зачеркнуто слово *«ĕлĕк»* (чуваш.) — «В старину».
[c] Слово вписано поверх строки.
[d] Предложение вписано на полях документа.
[e] Так в документе. Правильно: Алексей.
[f] Слово вписано поверх строки.

Апла пулсан юрĕ мĕн. Турă пулăштăрах. Ак манăн та Петĕр карĕ, хăй сывă тавăранаймасан та пĕр-ик нимĕçне те пулин[a] *вĕлертĕрччĕ, — терĕ вăл.*

Самана лăпкă тăнă чухне чăвашсем хаçат тавраш илмесчĕç, халĕ кашни ялта старостăсем халăх укçипе хаçат илеççĕ, хăшĕ-пĕри харпăр хăй валли те илеççĕ, тата кашни кун прикасран ялсене [л. 142] телеграммăсем салатаççĕ. Хулана-мĕне кайсан пĕри те телеграммăсăр таврăнмасть, ăна вуланă çĕре вара пĕтĕм касă пухăнать. Çавăн пек август уйăхин 22-мĕш кунĕнче Чĕмпĕр уесĕнчи Чӳрекель[34] *ятлă ял çынни Шкалик Мĕтриĕ Чĕмпĕртен*[35] *телеграмма илсе килнĕ. Тепĕр кун ирхине мана урамра курчĕ те ман патне илсе пычĕ. Кӳршĕ-аршăсем эпĕ вуланине курсанах пурте сиксе тухрĕç. Вунă-вунпилĕк минут хушшинче тенĕ пек çирĕм-вăтăр çын пухăнчĕ. Телеграмма çинче Львов хулипе Галич хулине илни çинчен çырнăччĕ*[36]*. Эпĕ вĕсене чăвашла каласа патăм. [л. 143] — Тавтпапуç Турра, пирĕн çĕнтерсе пыраççĕ иккен, — терĕç нумайăшĕ. Кашни кун урамра-мĕнте курсан вăрçă çинчен ыйтса пĕлме чараççĕ. Салтаксене ăсатма пĕтĕм ял пухăнать. Салтакĕсем сахал йĕреççĕ, ял-йышсем анчах йĕреççĕ. — Сывă пулăр, Турăпа пĕрле кайăр! Турă сире пулăштăр! Тăшмана çĕнтерсе киле таврăнмалла пултăр! — теççĕ. Кашни хурăнташăру хăна тума тăрăшать, мĕн вăй çитнĕ таран укçа парать. Хăшĕ-пĕри тата: — Эх, эрекĕ те çук ĕçке, пăртак ăшма пусарăттăм, — теççĕ.*

НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 265. Инв. № 5966. Л. 137—143. Рукопись. Подлинник.

Разговоры чувашей о войне

[л. 137] Настоящая жестокая война причинила нашим чувашам много ущерба. Почти из каждого дома ушли работники, из иных и по двое, и по трое. Дома остались только пожилые отец-мать, жены да малые дети. Вдобавок в ту пору погода очень испортилась: постоянно лил дождь. Работы по горло: надо завершить жатву ржи, жать овес, молотить семена, сеять рожь, возить снопы, работников нет, кроме того погода ужасная. От постоянного плача и слезы не выходят. [л. 138] Откуда взялись эти времена? Я слышал, что откушенный кусок хлеба невозможно проглотить; истинная правда: вчера иду с поля, очень хочется есть; сел покушать, откушенный кусок хлеба в горло не идет, заплакал. Если биться головой об камень, не камень расколется, а голова. — Как мне жить, как убрать хлеба? — так говорит моя старшая сестра. — Найми ты убирать хлеба, вам деньги дадут[24], этими деньгами и расплатишься, — сказал я. — Что делать с этими деньгами, ими обратно не возвратишь ушедшего человека. А если даже нанимать, то кого, и работников в деревне уже не осталось. Мучая нас, хотя бы врага одолели, — сказала она. — Кто же будет во главе армии? — спросил мой отец. — Дядя царя, Великий князь Николай Николаевич[25], — сказал я. — Он у нас, когда мы воевали с турками, был во главе армии на Дунае[26]. В то время они четыре родственника[27] были на войне. Если он, то не надо бояться: он строгий человек, офицерам волю не даст; они в Японской войне[28] много глумились, осрамили[29] честь России, сейчас так не будет. Победу-то одержат, но положат много народа, — сказал отец. — Это его сын, — сказал я. В газетах писали, что офицеры вместе с солдатами

[a] Фраза *«пулин те»* (чуваш.) — «хотя бы» вписана поверх строки.

делят тяготы войны, они спят рядом с ними, с ними [л. 140] же едят и пьют. Об этом я рассказал отцу. – Так им и надо, пусть впредь не издеваются над Россией. Он не Николай Николаевич Куропаткин[30], – сказал [он].

В день Успения Пресвятой Богородицы[31] (последний спас[32]) я выехал в село Буинского уезда под названием Городищи[33]. Люди в поле, где вдвоем, а где и втроем повсюду сеют рожь. – Почему вы в праздничный день сеете? – спросил я. – Не свои, а солдатских жен, – ответили мне. – За деньги сеете или бесплатно? – спросил я. – На помочах, – ответили мне. Добравшись в деревню, зашел на почту и купил газеты. Там зашел к своему знакомому [л. 141] Афанасию Лукичу. У него одного сына мобилизовали на войну. Увидев меня, дядя Афанасий очень обрадовался. – Прочтика свою газету, – сказал [он]. Я немножко прочел про войну. – Ну, что пишут? – спросил дядя Афанасий. – Наши побеждают, – сказал я. – Коли так, то ладно. Да поможет Бог. Вот и у меня Петр ушел, если и не вернется он живым и здоровым, да уничтожит пусть хотя бы одного-двух немцев, – сказал он.

В спокойные времена чуваши газеты не шибко покупали, теперь старосты в каждой деревне за мирские деньги покупают газету, а кое-кто и для себя, еще каждый день из приказа шлют в деревни телеграммы. Если выезжают в города, никто без телеграммы не возвращается, когда их читают, собирается вся улица. Так, 22 августа житель д. Чирикеево[34] Симбирского уезда Дмитрий Шкаликов из Симбирска[35] принес телеграмму. Встретив меня на улице на следующий день утром, принес ко мне. Как только соседи увидели, что я читаю ее, все выскочили на улицу. За десять-пятнадцать минут собралось человек двадцать-тридцать. В телеграмме сообщалось о взятии города Львова и города Галич[36]. Я рассказал им на чувашском языке [л. 143]. – Слава Богу, оказывается, наши побеждают, – сказали многие. Каждый день на улице или где-либо останавливают, чтобы спросить о войне. Провожать солдат собирается вся деревня. Солдаты плачут редко, плачут только жители деревни. – Прощайте, езжайте с Богом! Да поможет вам Бог! Возвращайтесь с победой над врагами! – говорят. Каждый родственник стремится угостить, деньги дает, кто сколько может. Некоторые еще говорят: – Эх, водки нет для пирушки, душу бы немного успокоил.

№ 4
Сочинение-заметка [учащегося Казанской духовной семинарии Матвея Филипповича Филиппова] о разговорах в среде чувашей д. Старые Савруши Чистопольского уезда Казанской губернии о Первой мировой войне

Не ранее 1 сентября 1915 г.[a]

[л. 147] Чуваши дер[евни] Старые Савруши Новоадамовской волости Чистопольского уезда желают скорейшего заключения мира, чтобы избавить своих родственников от преждевременной смерти, а увечья они не боятся. Они говорят, лишь солдат[b] пришел бы домой, какой бы он[c] ни

[a] Датируется по содержанию документа.
[c] Слово вписано поверх строки.
[d] Слово вписано поверх строки над зачеркнутым словом «тот».

был, даже некоторые молятся, чтобы их сын, или муж, или отец получил только рану, но не умер бы. Желая заключения мира, чуваши совсем не желают, чтобы этот мир был унизительный, невыгодный для нас. Они говорят, если «германы»[a] победят нас, то нам придется быть рабами у них, что совсем, конечно, нежелательно [л. 148]. Из дер[евни] Старых Савруш всего взято в солдаты около 80 человек. Из них к первому сентябрю[b] 1915 года раненых – 12 человек, убитых – 8 человек, в плену – 5 человек; один из пленных, раненый, находится в Австрии[c]. Лишенных пособия[37] нет[d]. Пожертвований сколько, неизвестно[e].

Матвей Филиппов[f].

№ 5
Ответы на анкету о восприятии чувашами [Чебоксарского и Ядринского уездов Казанской губернии] событий Первой мировой войны диакона, [слушателя Казанских миссионерских курсов] И[оанна Петровича] Петрова[g]

Не ранее 16 августа 1916 г.[h]

[л. 387] Чуваши говорят о войне: «Вот до чего дожили, стало быть, в скором будущем предстоит кончина мира. Недаром сказано старинными людьми, что пред концом мира восстанет народ на народ, царство на царство. Хлеб будет родиться хорошо, а убирать будет некому». Это говорят потому, что и в прошлом, и в нынешнем году оставались у некоторых поля неубранными.

Легенда, связанная с войной: будто бы на войне действуют генералы те же, которые были в русско-японской кампании, сдавшие Порт-Артур[38].

Есть поговорка: *«Йывăр аллă çын ĕçе малтан тытăнсан ĕç ăнмасть»*[i] [л. 388 об.]. По соображениям чуваш, раз эти генералы показали неудачный опыт свой, то их надо было удалить от настоящей войны.

Солдаты, возвращающиеся с позиций на побывку, говорят: «Война продлится еще год или даже и больше, потому что на нашем фронте во всем достаток, войско мало убывает, день с днем прибывает. Да кроме того, местами делаем удачные наступления. Не пятимся назад, как в прошлом году, а мало помалу подвигаемся вперед, хотя и не часто». (Это мне говорил солдат, прибывший с позиции 16 авг[уста] с[его] г[ода] из 180 Виндавского полка[39], 13 роты Дм[итрий] Марков).

О солдатах чуваш[ах], черемис[ах], татар[ах], евреях и о поляках в среде русских населений отзываются [л. 389] почему-то дурно. Считают их неразвитыми, трусами. Говорят, что солдаты из этих народностей при пер-

---

[a] Так в документе. Правильно: германцы или немцы.

[b] Так в документе. Правильно: сентября.

[c] Далее зачеркнуты слова «из общего».

[d] Предложение «Лишенных пособия нет» вписано в текст карандашом.

[e] Предложение «Пожертвований сколько, неизвестно» вписано в текст карандашом.

[f] Имя и фамилия «Матвей Филиппов» вписаны в текст карандашом.

[g] На полях документа карандашом другим почерком вписана фраза «диакон И. Петров», чернилами – фраза «Буин[ский] у[езд]».

[h] Датируется по содержанию документа.

[i] *«Йывăр аллă çын ĕçе малтан тытăнсан, ĕç ăнмасть»* (чуваш.) – «Если к работе первым приступит человек с тяжелой рукой, работа не движется».

вом же опасном случае готовы сдаться в плен или убежать с позиции. (Это я слышал в г. Чебоксары[40] на пароход[ной] пристани.)

О настроении солдат там, т[о] е[сть] на позиции, говорят лучше, чем здесь. Говорят солдаты, что человек, когда идет в бой, оставляет, т[о] е[сть] отстраняет от себя все прежние горе-радости и идет в бой, не размышляя ни о чем. Не замечает даже, что на первом же шагу ему попала пуля в бок, и идет кровь ручьем, да и трех пальцев нет правой руки. Эти раны заметил он только тогда, когда сказали ему товарищи: «Где твое ружье?» (слышал от сол[дата] Василия Лукина, дер[евни] Кочак[41] Чебаев[ской] вол[ости] Ядр[инского] у[езда]) [л. 398 об.].

О распространении среди солдат молитвы некоего монаха слышал я от солдат[а] 180 Виндав[ского] полка 16 роты Дм[итрия] Маркова так: молитву монаха должен каждый солдат выучить наизусть. Потом написать и отослать 9 лицам. Кто отошлет эту молитву 9 лицам, через 9 дней тот получит великую радость, а кто этого не сделает, тому постигнет великое горе.

По поводу дорговизны чуваши говорят, что через год и на деньги нельзя будет достать ничего, хоть и будь деньги. Оно отражается более на городе, потому что в городах все ограниченно, а в селах и деревнях пока все можно достать, хотя и дорого. К чему не приступись, надо отдать в 3 раза дороже, чем в былое время.

Ввиду того, что война так долго длится, чуваши начинают думать, что Антихрист[42] не на земле ли, но открыто не говорят.

С нетерпением ждут чув[ашскую] газету.

НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 285. Инв. № 6057. Л. 387–390. Рукопись. Подлинник.

№ 6
Ответы на анкету о восприятии чувашами событий Первой мировой войны диакона [с. Малое Карачкино Козьмодемьянского уезда Казанской губернии], [слушателя Казанских миссионерских курсов] [Николая Александровича] Смирнова

10 сентября 1916 г.

[л. 391] 1) Что говорят чуваши о войне?[a]

Чуваши говорят о войне, что война это наказание Божие за грехи людей, так как народ совсем забыл Бога, и говорят, что нам все мало было, и постоянно только судились из-за земли, но теперь обрабатывать землю будет некому, потому что весь молодой народ почти погибнет на войне.

2) Что говорят чуваши-солдаты, возвращающиеся на побывку?

Солдаты, возвращающиеся на побывку домой, говорят, что у нас теперь на войне дела идут хорошо, потому что как оружия, так и снарядов вполне достаточно, чем было прежде, а на счет пищи одни отзываются хорошо, а другие плохо.

[a] Над строками документа другим почерком вписаны дата, фамилия автора и название административно-территориальной единицы, которую он представляет: «1916 г. 10 сент[ября], Смирнов. Козьм[одемьянский] у[езд]».

3) Что говорят чуваши по поводу дороговизны и на ком она отражается?

Насчет дороговизны чуваши говорят, что все цены [391 об.] поднимаются потому, что не стало рабочего народу, и некому работать на фабриках, так как остались почти только одни женщины. Дороговизна отражается на городских жителях, мещанах, духовенстве и на беднейших крестьянах.

4) Какие обряды, поверья и суеверия связывает народ с вестями о войне?

Чуваши говорят, что набор солдат был и бывает всегда в начале месяца и потому война не должна скоро кончиться, а если будет набор солдат в исходе месяца, тогда нужно ожидать конец войны.

НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 285. Инв. № 6057. Л. 391–392. Рукопись. Подлинник.

№ 7
Ответы на анкету о восприятии чувашами событий Первой мировой войны [псаломщика], [уроженца с. Большие Яльчики Тетюшского уезда Казанской губернии], [вольнослушателя Казанских миссионерских курсов] Григория [Федоровича] Мишкина[a]

11 сентября 1916 г.

[л. 411] Что говорят чуваши о войне? Нет ли легенд, связывающихся с войной? Что говорят чуваши солдаты, возвратившиеся с фронта? Что говорят о солдатах чувашах, черемисах, мордвах[b], евреях, поляках, и татарах? Что говорят о настроении там и здесь? Распространение среди солдат слуха: «О сонме Богородицы»[c]. Молитва некоего монаха, присланная из Лавры[43]. Что говорят чуваши о дороговизне? Как она отзывается в городе и деревне? Какие обряды, поверья, суеверия, связывающие народ с вестями о войне? Что говорят чуваши по поводу отсутствия газеты на чувашском языке?

Русско-германская война по своей продолжительности и трудности, отзывавшимся на чувашах, в умах их создала весьма сложную тему для ведения разговоров самого разнообразного содержания. По объему содержания данная тема необъемлема[d] для личного наблюдения. Ввиду этого опишу хоть в кратчайших очерках. С первого же дня война нагрянула на чуваш, как гроза. Это явление они приняли за наказание Божие. Оно уже всеми прочувствовано, переиспытано, и поэтому с нетерпением ждут исхода войны и о том усердно молят Бога. Цивилизованные из чуваш в результате настоящей войны надеются получить возрождение России по всем отраслям культуры. С этой войной возникла следующая легенда: будто в образе Вильгельма[44] с нами ведет борьбу сам Антихрист[45] с несметным числом преданных ему слуг. Возвратившиеся с фронта солдаты из чуваш подробно и с удовольствием повествуют о своих личных подвигах и кар-

[a] Предложение «Ядрин[ский] у[езд] и часть Цивил[ьского] у[езда] Казанской губернии» вписано на полях документа.

[b] Так в документе. Правильно: мордве.

[c] Так в документе. Правильно: «О сне Пресвятой Богородицы».

[d] Так в документе. Правильно: необъятна.

тинно представляют[a] героизм русского солдата вообще. О солдатах из разноплеменных наций, как-то: чуваш, черемис, мордвов[b], евреев, поляков и татар чуваши дают два понятия, а именно: они все сражаются за русское оружие в одинаковой степени, но в братских отношениях каждое племя держится особенных принципов. Братское единство выражают своим сочувствием друг другу в опасных случаях военной эры. По убиении кого-либо из единоплеменников предают убитого земле по своему обряду по возможности [л. 412 об.] и считают священным долгом об убитом дать сведения его домашним. Среди солдат ходят слухи, будто не раз являлась Божия Матерь[46] с предвечным младенцем на руках, окруженная сонмом ангелов[47], и обещала русским победу. Относительно молитвы некоего монаха, якобы присланного им[c] из Лавры, можно сказать, что она будто в употреблении у солдат и служит в качестве амулетов и образцовой молитвой для верного залога победы. На дороговизну в последнее время чуваши[d] смотрят равнодушно, сообразуясь с тем, если все дорого, то и их труд оплачивается одинаково дорогой ценой. Дороговизна в городах и деревнях ощущается неодинаково: так как в городах потребности, да притом самой изысканной, больше; поэтому в особенности на средний и низший классы дороговизна отзывается в невыносимых размерах. В деревнях причиняемая дороговизной боль притупляется ограничением крестьянского сословия произведениями природы лишь первой необходимости. Обряд, соединенный с войной, суть следующий: жених и невеста, руководимые взаимною любовью, связывают себя в последние дни разлуки путем особенных, свойственных им, обрядов[48]. При отправлении новобранцев на военную службу родители также над своими детьми-молодцами совершают чин обрядов[49]. Существуют также поверья, а именно: что хищные звери и птицы, чуя запах павших на поле брани воинов, удалились на место военных действий, ища добычи. Суеверие: будто прах с могилы родителей, если родители еще живы[e], то дальних и близких родственников, спасают солдата[f] на войне от погибели. Еще бережливо хранят кредитные бумажки[g], подписанные кассиром Брутом[50] надеясь через них получить счастья. Приписывают этим кредитным бумажкам свойство охранять от пуль, вообще смерти. За отсутствием газет на[h] природном[i] языке чуваши высказывают неудовольствие. Говорят: «если бы нашелся издатель таковой, то с великой благодарностью, не жалея суммы в каком бы то ни было размере, выписали бы»; «у всех народов [л. 413] издаются газеты, а у чуваш, к сожалению, ее нет, а по-русски слушаем, слушаем да мимо ушей пропускаем»; «толкователей-переводчиков нет, вследствие чего не можем следить за чудесным мировым явлением войны»; — «не будем отчаиваться: найдется благодетель, который примет на себя труд просвещения наших очесь».

С н—а—д—е—ж—д—о—й[j] *Григорий Мишкин.*

НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 285. Инв. № 6057. Л. 411—413. Рукопись. Подлинник.

---

[a] Далее зачеркнута фраза «о геройски».

[b] Так в документе. Правильно: мордвы.

[c] Слово вписано поверх строки.

[d] Слово вписано поверх строки.

[e] Далее автором поверх строки неправильно карандашом вписана фраза «если умерли род[ители]».

[f] Далее зачеркнута часть слова «отпра».

[g] Так в документе. Правильно: кредитные билеты.

[h] Далее зачеркнута часть слова «чув.»

[i] Так в документе. Правильно: родном.

[j] Так в документе.

№ 8
Ответы на анкету о восприятии чувашами Цивильского и Ядринского уездов Казанской губернии событий Первой мировой войны диакона, слушателя Казанских миссионерских курсов П[авла] [Лукича] Лукина

12 сентября 1916 г.

[л. 217] 1. Что говорят чуваши о войне? 2. Нет ли среди них легенд, связанных с войной? 3. Что говорят чуваши-солдаты, возвращающиеся с фронта? 4. Как отзываются о солдатах-чувашах, -татарах, -черемисах[51], -русских, -евреях и -поляках? 5. Что говорят о настроении там и здесь? 6. Распространен ли среди солдат «Сон Пресвятой Богородицы»[52], молитва некоего монаха, пришедшего с Афона[53]? 7. Что говорят чуваши по поводу дороговизны, и на ком она более отражается на городе[a] и в деревне? 8. Какие обряды, поверья, суеверия связывал народ с вестями о войне? 9. Что говорят чуваши по поводу [отсутствия] газеты на родном языке?

1. С самого начала войны чуваши приняли ее как за наказание Божие за грехи наши и по сие время, предавая свою судьбу Воле Божией, остаются готовыми принять и нести всю тяготу войны до конца, говоря: «И жизнь, и смерть наша в руках Вседержителя», по силе же возможности, возносят свои молитвы к Богу о даровании победы православному императору нашему.

2. Страшнее всего была для них первая мобилизация[54], и этот страх еще более усугублялся при виде тех беспорядков, какие производили запасные русские солдаты Курмышского[55] уезда[b] (я должен оговориться, что пишу здесь впечатления чуваш Норусовской и Тойсинской волостей[56], живущих преимущественно на дороге Курмыш[57] – Ибреси[58] и Ядрин[59] – Ибреси)[c]. Привыкший к провинциальной тиши и без того робкий народ, чуваши совсем было начали [л. 218] падать духом и склонны были ожидать скорого конца мира сего, но скоро, к счастью, во[d] всех казенках[60] прекратился запас водки, корень всякого зла, и притом последующие партии солдат проходили чинно, стройно, под командою старшин, и народ стал постепенно забывать все пережитое недавно. Последующие мобилизации и (безочередные) досрочные призывы новобранцев провели чуваши без особенных волнений.

3. Чуваши сами не читают газеты и поэтому не имеют возможности последовательно следить за ходом военных действий[e]. Поэтому стараются узнать об этом от каждого возвращающегося с позиции солдата. От которых узнали: жизнь солдата в окопах, о штыковых боях и о всей военной технике. Узнали обо всем, пожалуй, лучше, чем они могли бы узнать по газетам, т[ак] к[ак] солдаты-чуваши при рассказах не довольствуются одними мертвыми словами, а стараются представить наглядно, демонстрируют.

---

[a] Так в документе. Правильно: «в городе».

[b] Примечание автора рукописи: Например – уносили со двора кур, гусей, уток и даже овец и другие съестные припасы; разбивали окна крестьян, ломали и сжигали казенки и производили еще бесчисленное множество беспорядков, что, конечно, и невозможно описать на скорые руки.

[c] Далее зачеркнута часть слова «Ядр.».

[d] Слова «во всех казенках» вставлены в текст на полях документа.

[e] Далее зачеркнуто слово «событий», заключенное в скобки.

4. О том, как отзывается начальство о солдатах: русских, чувашах, черемисах и др[угих] инородцах, не могу писать ничего. А о том же, как сами чуваши-солдаты отзываются о себе и о других, скажу следующее. Они говорят: «Русские солдаты при виде со страшным шумом и воем летящего снаряда редкие крестятся, иные лежат молча, другие ворчат, ругают это чудовище скверными словами, когда же увидят недолет или перелет, то большинство хором посылают вслед ему (снаряду) еще больше бранных и более изысканных слов. Мы же, чуваши, не смеем не только ругаться, но даже подумать о чем-нибудь земном. Ожидая с секунды на секунду смерть, крестимся усердно, еще усерднее молимся духовно, умоляя Господа Бога, Царицу Небесную и всех святых, чтобы господь избавил нас от этого чудовища, а если суждено умереть, то принял бы наши души в небесное жилище. О солдатах же других наций не приходилось слышать от них ничего.

5. О настроении там и здесь можно заключить из следующего. После пяти-шести месяцев войны никто еще не думал ждать[a] окончания войны, несмотря на то, что наша армия далеко зашла и в Австрию, и в Германию (в Восточную Пруссию), т[ак] к[ак] они сознавали и силу врагов наших. Предчувствовали чуваши, что, скоро ли или поздно, угонят ратников[61] I-го и II-го разрядов, но пред этим они не дрожали, а частенько поговаривали: «И мы скоро пойдем». Мне могут возразить, что это только на словах, на самом же деле никто охотно не пойдет, не говоря о единичных случаях. Отрицать не буду, всякому известно, что провожают и уезжают со слезами. Проводы на войну[b] — это момент, в который человек должен окинуть пройденное и будущее и мысль: еще час-два и, увы! больше он, быть может, не увидит тех дорогих родных, знакомых и все ему милое...[c] От многих приходилось слышать лично, как они ждали объявления мобилизации. В том они были побуждаемы следующими двумя обстоятельствами: сознанием долга верного гражданина пред Отечеством и страх пред молвой народной. Действительно, общественники[d] часто упрекают тех, у которых из двух-трех сыновей или братьев никто не ушел на войну.

Такое приподнятое настроение чуваш хоть и понизилось во время прошлогоднего общего отступления[62] нашей армии, все же они не теряли надежды на помощь Божию и, помня сами, старики прошлые войны, и помня предания предков, говорили, что Господь всегда давал помощь России побеждать врагов и в сию войну поможет православному императору нашему. К ним[e] пришли на помощь еще возвращающиеся с позиции солдаты. Им только поверили, г[оворя]: [л. 219] «Отступила наша армия не по случаю поражения, а за неимением снарядов и др[угих] военных припасов». Но то удивительно, что во всем этом чуваши искали изменников, говоря: «Продали Россию, продали немцы же, коим предоставлены в России высшие должности». Такое предположение их вытекает из того, как я склонен думать, что они привыкли видеть, и в области своего взора кругом замечают, будто бы, незаконности и беспорядки. Так, напр[имер], деревен-

[a] Слово вставлено в текст на полях документа.
[b] Слова «на войну» вставлены в текст на полях документа.
[c] Многоточие документа.
[d] Здесь имеются в виду члены сельских обществ.
[e] Слово вставлено в текст на полях документа.

ские кулаки-богачи берут от лесничего билеты на заготовку дров под видом самым беднейшим солдаткам и складывают требуемое количество дров на складе, а за это время навозят негласных дров, крадут в 5 и 6 раз более. Это, впрочем, нежелательное явление – факт. (Или же). Еще: лесничий прекратил продажи[a] продажу лугов оброчных и иных статей. При этом говорят, и мне лично самому пришлось слышать от кр[естья]н в Ядрин-[ском] и в Цивильском уездах[63]: «С нас собирают гроши на Красный крест и много ли наберешь? Продавали бы, как раньше, казенные луга и в казне набрались [бы] десятки тысяч в одном лесничестве; а что теперь гноять[b] казну в такой критический момент?»

То же самое толкуют и по поводу новостроящейся линии жел[езной] дор[оги][64]: «Нарочно навели линию на такие овраги и пропасти, куда никогда и никакой зверь не посмеет занести кости, между тем можно было бы повести ее минуя 9/10-х этих пропастей и много прямее». Да не упрекнут же меня товарищи за многоглаголение[c], считая это удалением от темы. Смею же думать, что это повествование, исключая некоторой части, подозрения и недоверия чуваш ко всему окружающему, должно указать степень умственного их развития, мышления и, хоть своеобразного, понимания их дела, [л. 220] что и необходимо нам знать, будущим труженикам среди них. Вышесказанное должно получить некоторую оценку, если скажу, что чуваши сознают пользу лишней линии жел[езной] дор[оги]. Именно в настоящее время и принуждены говорить с недоверием потому, что ее должны были закончить через год, а затянулась на три года. Преимущественно не доверяют чуваши лицам, поставленным на ответственные должности, носящим не православные имена и фамилии, считая их немцами (Франц, Эдуард, Карл и т.п.). О настроении же там не слыхал и не могу сказать ничего, кроме сказанного под §-ом[d] 4-м; разве только то, что молодые солдаты досрочных призывов весьма строго исполняют данную присягу. Без команды старших не смеют отступить ни на шаг, несмотря на то, что хоть из взвода (60 чел[овек]) останется только 10 или 5 человек.

6. О молитве «Сон Пресв[ятой] Богор[одицы]» чуваши-солдаты не упоминают, все же, должно думать, имеются у них кое-какие листочки с содержанием на подобие молитвы. Так, мне показал рукописный листочек молитвы солдат-чувашин (Чебаевский вол[ости])[65]. Содержание, насколько мне помнится, было похоже на содержание «прошений во вр[емя] брани». В конце небольшое наставление, гласящее: (что, если) кто[e] «будет читать эту молитву во время боя, тот избавится от смерти».

7. По поводу дороговизны чуваши говорят, что чем предметы потребления больше поднимаются в цене, тем больше раскупают их. Этим объясняют они наличие денег в народе. «Высокой ценой не напугаешь нынче народ», – говорят они, но в то же время сознают, что в эту дороговизну многие улучшают свое хозяйство, а у бедных раньше оно падает. Это понятно само собой. У кого предметы потребления и съестные припасы в избытке, тому дороговизна [л. 221] нечувствительна и, продавая излишек, получают большие деньги. Кто же прикупает, тот терпит двойной

[a] Слово «продажи» автором в текст вписан ошибочно.
[b] Так в документе. Правильно: разоряют.
[c] Здесь имеется ввиду многословие.
[d] Так в документе. Следует читать: под параграфом.
[e] Слово вставлено в текст на полях документа.

расход. Из сказанного понятно, что дороговизна отражается больше всего на городе.

8. По поводу войны не замечается у чуваш никаких обрядов, поверий и суеверий, разве только можно подметить следующее явление. В столь грандиозных размерах начавшаяся война продолжается уже третий год, и никто им не может сказать, когда она кончится. Одно только ясно им, что аккуратно через каждые два мес[яца] мобилизация. При виде этого они не отчаиваются, а благоговейно задают себе вопрос: «Не близок ли уже конец мира». При этом ссылаются на Евангелие[66], что, по словам Иисуса Христа[67], этому должны предшествовать частые и кровопролитные войны (Царство на цар[ство], народ на народ) и др[угие] признаки, что теперь и имеются налицо (похожие). Так как очень немногие, быть может, читали об этом в Евангелии и Апокалипсисе[68], то наряду с указаниями Св[ятого] Писания[69] есть у них и своеобразные толкования по этому поводу. Именно: будет повсеместный голод и обреченный (народ)[a] на голодную смерть народ будет искать хлеб. Этим-то и воспользуется Антихрист[70]. Он будет раздавать хлеб и каждому получившему наложит на лбу или на руку свою печать: конечно, незаметную для получающего. Впоследствии, при самой уже кончине мира, все таковые попадут в его руки. «Счастлив тот, кто воздержится от хлеба его», — говорят чуваши (разумеется, все необходимое для существования).

Сказанное в сем §[b] достойно внимания потому, что чуваши с подозрением и некоторым недоумением следили нынче при введении карточной системы[71] на сахар и песок. Дело в следующем: прекратился[c] сахар на рынке. Постановлено свыше отпускать только в потребительские об[щест]ва и кр[едитные] т[оварищест]ва. Получили сахар и у нас, но как быть для правильного распределения? Выдавать (продавать) по удостоверениям, получаемым [л. 222] от сельских старост? Не годится. Сами же мужики-чуваши говорят, что староста может дать [и] два, и три удостоверения. Притом берет по 5 коп[еек] с души в семье (так было в с. Норусове)[72]. Выдавать без записи каждому по 5 ф[унтов][73]? Тоже все члены семьи могут прийти отдельно (в Ораушах)[74]. Во избежания всего этого (мы) и решили в Абызово[75] раздать по домам карточки на каждую душу и, предъявляющим таковые, отпустить. На каждой карточке (клочочек бумажки) печать кр[едитного] т[оварищест]ва или об[щест]ва потребителей. В раздаче карточ[ек] принял участие и я. Многие брали охотно, некоторые — с осторожностью, а некот[орые] совсем отказывались, говоря: «Не к добру эта затея». На вопрос (любезный): «Почему не добрая, в чем же зло?», они отвечали: «Нарочно “пропал” сахар, чтобы выдавать по записи (см. выше об антихр[истах].) Так видно и закабалят всех». Любопытно еще то, как в дер[евне] Толды Бурдасах[76] разрешали этот вопр[ос] две женщины. Одна: — *«Те илсен лайăх, те илмесен лайăх»*[d]. — Я: — *«Кирлĕ пулсан ил, кирлĕ мар пулсан илмĕн, хăвăн ирĕкӳ хăвăнтах»*[e]. Другая: — «*Хăшĕ-хăшĕ илме каламаççĕ-çке ку*

[a] Так в тексте. Слово «(народ)» автором вписано в текст ошибочно.

[b] Так в тексте. Следует читать: параграфе.

[c] Правильнее: изчез.

[d] *«Те илсен лайăх, те илмесен лайăх»* (чуваш.) — «То ли лучше будет, если взять, то ли — если не взять».

[e] «*Кирлĕ пулсан ил, кирлĕ мар пулсан илмĕн, хăвăн ирĕкӳ хăвăнтах»* (чуваш.) — «Если нужно, бери, если не нужно, не бери, твоя воля».

япалана, (ведь и печать приложена) *ан ил, инке!»*[a] (При мне подошел к ним один, слывущий за законника, знающ[ий] гражд[анский] и церков[ный] «уставы»; не забудем такого знатока – имя ему Павел, а величают Степанович.) – Первая: *«Мĕн пулать те пулать, илсе пăхам-ха, чăн аплах пулмалла пулсан диаконсемпе пачăшкăсемех парса çӳремĕç-çке»*[b]. (Теперь понял я, что предупредил им не брать приятель наш Павел Степанович.) Вторая: – *«Туттă çапла çав, вĕсене малтан хăй майлă çавăрмалла тет çав»*[c]. Вот на какие размышления навела и наводит чуваш война.

8. О необходимости издания газет и журналов на [л. 222] родном языке чуваши не упоминают, как будто бы так и надо жить вечно, хотя часто расспрашивают, что именно пишут о войне. Много придется приложить труда, чтобы пробудить в них желание и интерес к чтению газет и журналов, но не должны мы[d] смотреть на это пессимистически. Так они привьются скоро, как плуги и др[угие] сельскохозяйственные орудия. Чуваши теперь стоят на пороге, если можно выразиться, цивилизации, следят кругом, где и как можно улучшить сельское хозяйство. Есть налицо и данные на такое предположение, именно было несколько случаев, ко мне обращались нынче летом[e] закоренелые мужики, с вопросом, нет ли книг по пчеловодству на чув[ашском] яз[ыке] и просили нельзя ли напечатать…[f]

В настоящее же время необходимость издания газет и журналов на чувашском языке сознает вся сельская интеллигенция и сознавала давно, наконец, и земство сознало и считает изд[ание] сельскохозяйственного журнала необходимым. Посему желал бы я видеть его хотя бы в небольшом размере. Я думаю, что поддержит земство, или возьмет на свои руки. Лучше бы одно, чем ничего не иметь, и поэтому открыть бы на первых порах издание газетки-журнала. В I-ом отд[еле] газетные сведения, во II-ом – сель[ско]-хоз[яйственные]. Утешаю себя надеждой, что найдутся и корреспонденты, готовые служить доброму начинанию безвозмездно.

12 сентября 1916 года
Слушатель Казан[ских] Мис[сионерских] курсов диакон
Подпись П. Лукин

ЦПиМН ИЯЛИ АН РТ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 73. Л. 217–222. Рукопись. Подлинник.

---

[a] *«Хăшĕ-хăшĕ илме каламаççĕ-çке ку япалана, ан ил, инке*!» (чуваш.) – «Иные не велят брать эту вещь, не бери, тетушка».

[b] *«Мĕн пулать те пулать, илсе пăхам-ха, чăн аплах пулмалла пулсан диаконсемпе пачăшкăсемех парса çӳремĕç-çке»* (чуваш.) – «Что должно случиться, пусть случится, возьму-ка, если бы в действительности так должно случиться, диаконы и священники не ходили и не раздавали бы».

[c] *«Туттă çапла çав, вĕсене малтан хăй майлă çавăрмалла тет çав»* (чуваш.) – «Тут вот так, их сначала надо привлечь на свою сторону».

[d] Слово вставлено в текст на полях документа.

[e] Слова «нынче летом» вставлены в текст на полях документа.

[f] Многоточие документа.

№ 9
Ответы на анкету о восприятии чувашами [с. Алманчино Ядринского уезда Казанской губернии] событий Первой мировой войны диакона, [слушателя Казанских миссионерских курсов] С[ергея Романовича] Антонова[77]

Не ранее 1916 г.[a]

[л. 395] 1) Что чуваши говорят о войне?[b] Как в начале, так и теперь большинство чуваш считают эту тяжелую войну наказанием Божиим за грехи людей, но в то же время надеются на благоприятный исход дела в пользу России и союзных держав[78].

2) Нет ли легенд среди них, связанных с войной? Не приходилось слышать.

3) Что говорят солдаты-чуваши, возвратившиеся с фронта?

Возвратившиеся с фронта солдаты о ходе военных действий в настоящее время [отзываются] вообще хорошо и подъем духа их бодрый: говорят о достаточном количестве снарядов и не жалуются на пищу, но почему-то подробно не рассказывают.

4) Как[c] отзываются солдаты о чувашах, татарах, евреях и поляках? Не слыхал.

5) Что говорят о том, что делается там и здесь?[d]

6) Что говорят о молитве «Сон Пресвятой Богородицы?»[79] Ответить на этот вопрос не могу, т[ак] к[ак] в той местности, где я провел лето, мне не пришлось встретиться с такой молитвой, и чуваши, как видно, не слыхали о ней [395 об.].

7) Что говорят о дороговизне? Дороговизна, по мнению местных, не является чем-либо невозможным, и объясняют ее просто недостатком рабочих рук и железнодорожных линий для провоза всего необходимого продукта. Примером служит обрабатываемый самими крестьянами хлеб: они высчитывают стоимость зернового хлеба, и этот хлеб, как они говорили мне, стоит около 2 р[ублей] (ржи).

8) Как отражается эта дороговизна на населении? Эта дороговизна отражается на населении различно. Те, которые еще не мобилизованы, в настоящее время зарабатывают очень хорошие, т[о] е[сть] большие деньги 5—7 руб[лей] пешком[e], а на лошади до 10—15 руб[лей]. Таким людям дороговизна и не[f] заметна (как высказался один мой знакомый, зарабатывающий хорошие деньги в лесу). Семьям мобилизованных эта дороговизна дает себя порядочно чувствовать — зарабатывать денег в стороне нет возможности, и кроме того, приходится нанимать работников и для домашней работы [л. 397].

9) Какие обряды и суеверия связывает народ с вестями о войне? Не знаю.

---

[a] Датируется по содержанию документа.
[b] Над текстом вписана фраза «Козьмод[емьянский] у[езд]».
[c] В начале предложения вычеркнута фраза «Что говорят».
[d] Далее следует прочерк.
[e] Имеется в виду пешими. Далее вычеркнуто слово «без».
[f] Далее вычеркнуто слово «замечается».

10) Что говорят чуваши о газете на чувашском языке? Не слыхал[a]. *Диакон С. Антонов*[b].

НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 285. Инв. № 6057. Л. 395–397.

Примечания

[1] Цивильский уезд входил в состав Казанской губернии.

[2] Здесь речь идет о крестьянах, отслуживших в Российской армии – об отставных нижних чинах.

[3] Здесь речь идет о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

[4] Здесь речь идет о Русско-японской войне 1904–1905 гг.

[5] Речь идет об Австро-Венгрии, входившей в начале Первой мировой войны наряду с Германией и Италией в состав Тройственного союза.

[6] Здесь речь идет о событиях, предшествовавших Первой мировой войне. 28 июня 1914 г. в г. Сараево сербским националистом Гаврилой Принципом были убиты наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд и его жена. Австро-Венгрия предъявила Сербии ультиматум, большинство пунктов которой последней были приняты. Российская дипломатия взяла под защиту маленькое славянское государство и стала предпринимать активные шаги по разрешению кризисной ситуации.

[7] В годы войны, согласно закону от 25 июня 1912 г., члены семей нижних чинов обеспечивались продовольственными пособиями (пайками). Они выдавались деньгами. Один продовольственный паек соответствовал стоимости 1 пуда 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы, 4 фунтов соли и 1 фунта растительного масла. Его размер в зависимости от цен на продукты в разных районах страны в 1914 г. колебался от 1 руб. 70 коп. до 5 руб. на взрослого человека. Неодинаков он был и в пределах одной губернии. 31 июля 1914 г. Казанское губернское присутствие, рассмотрев представленные земскими управами сведения о ценах на продовольствие, определило величину пайка в городах и уездах от 2 руб. 16 коп. до 2 руб. 34 коп. Дети до 5 лет получали половину пайка. Продовольственные пособия выдавались женам, детям (до достижения 17 лет), а также родителям, деду и бабке, братьям и сестрам нижних чинов, при условии, если они содержались трудом мобилизованного на войну. См.: *Николаев Г.А.* Организация помощи семьям солдат и беженцам в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) (По материалам Чувашии) // Проблемы истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии: сб. статей / науч. ред. А.М. Шорников. Чебоксары, 1987. С. 5, 6.

[8] Главное управление земледелия и землеустройства циркуляром от 12 августа 1914 г. разрешило бесплатный отпуск валежного леса (до 3 куб. сажень в год) семьям призванных. В случае отсутствия в лесных дачах валежника солдаткам разрешалось заготавливать дрова из сухостоя и сырорастущего леса по льготной таксе. См.: *Николаев Г.А.* Организация помощи семьям солдат и беженцам в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) (По материалам Чувашии). С. 8.

[9] Цивильск (*Çĕрпӳ* – чуваш.) – город, центр одноименного уезда Казанской губернии. В настоящее время входит в Чувашскую Республику, центр одноименного района.

[10] Железнодорожная станция Шихраны (*Шăхран* – чуваш.) появилась на административной карте Цивильского уезда Казанской губернии в 1893 г. с завершением строительства железной дороги Москва – Казань. В настоящее время железнодорожная станция Канаш является крупным железнодорожным узлом, вместе с выросшим при ней г. Канаш входит в одноименный район Чувашской Республики.

[11] В документе автор не указан. Он установлен нами на основе текстов единиц хранения Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук. См.: НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 213. Инв. № 5642. Л. 39–43; Ед. хр. 268. Инв. № 5979. Л. 177–179; Ед. хр. 279. Инв. № 6030. Л. 147–148.

[12] Речь идет о Русско-японской войне 1904–1905 гг.

[13] Чувашские крестьяне, бывшие в основной своей массе неграмотными, имели весьма туманные представления о своем историческом прошлом. Не составляли в данном плане исключение и жители чувашской деревни Старые Савруши Новоадамовской волости Чистопольского уезда Казанской губернии. Земли названного населенного пункта и окрест-

[a] Фраза «не слыхал» вписана в текст карандашом.

[b] Предложение написано карандашом.

ных населенных мест до присоединения к России последовательно входили в состав Волжской Болгарии, Золотой Орды и Казанского ханства.

[14] На данной территории в X–XII вв. размещался г. Биляр, крупнейшее поселение средневековой Европы. До захвата и полного разрушения в 1236 г. монголо-татарами он являлся столицей Волжской Болгарии.

[15] Пригород Билярск – село, центр Билярской волости Чистопольского уезда Казанской губернии. В настоящее время с. Билярск входит в Алексеевский район Республики Татарстан, административный центр одноименного сельского поселения.

[16] Чистополь – город, центр одноименного уезда Казанской губернии. В настоящее время входит в Республику Татарстан, административный центр одноименного района.

[17] Средневековый г. Биляр был окружен тройной внешней и двойной внутренней линиями укреплений – валами и рвами. В настоящее время на территории городища располагается Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник.

[18] В Алексеевском районе Республики Татарстан расположено множество памятников археологии, относящиеся к разным эпохам.

[19] Речь идет о Германии и Австро-Венгрии.

[20] В народном сознании чувашей немецкие солдаты воспринимались сверхзащищенными от огневого воздействия противника. Но подобное представление имело мало общего с действительностью. Германские солдаты носили не «чугунные шапки», а шлемы (изготовлялись из черненой кожи) с заостренным навершием («пикель-хаубе») и чехлом из серой материи. В 1915 г. в условиях окопной войны в войсках стали применяться шлемы со съемными шишаками, впоследствии – стальные каски. См.: URL: https://warspot.ru/10427-ot-pikelhaube-k-shtalhelmu (дата обращения: 20.04.2020).

[21] Возможно, что здесь речь идет о нагрудниках из связанных стальных пластин – панцирях или нательного стального защитного снаряжения, состоящего из грудной и спинной пластин – кирасах. Защита пехоты от оружейного и пулеметного огня, от шрапнелей и осколков снарядов стала важнейшей задачей для военных ведомств Антанты и Тройственного союза. Над данной проблемой они активно работали за все годы боевых действий. В Германии бронежилет был разработан в 1915 г. Он представлял собой стальной нагрудник, сочлененный с дополнительными пластинами для защиты живота и паха. Их применение в ходе боев не стало массовым явлением. См.: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B8%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%B0#Кирасиры (дата обращения: 15.05.2020).

[22] К началу Первой мировой войны орудийный парк сухопутных войск Германии обладал в разы меньшей дальнобойностью. Немецкие «сверхпушки», которыми они обстреливали Париж, появились уже в ходе войны.

[23] Речь идет о Вильгельме II (Фридрихе Вильгельме Викторе Альберте Прусском) (27.01.1859 – 04.06.1941), последнем германском императоре и короле Пруссии (с 15.06.1888 по 06.11.1918).

[24] См. примечание № 7.

[25] Речь идет о военном и государственном деятеле, первом сыне великого князя Николая Николаевича (Старшего), Верховном Главнокомандующем всеми сухопутными и морскими силами Российской империи (20.6.1914–23.8.1915) великом князе Николае Николаевиче (Младшем) (6.11.1856–5.1.1929). См.: *Залесский А.А.* Николай Николаевич (Младший) // Советская историческая энциклопедия. М., 1967. Т. 10. С. 223, 224.

[26] Речь идет о военном и государственном деятеле России, третьем сыне императора Николая I, великом князе Николае Николаевиче (Старшем) (27.7.1831–13.4.1891). В годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. занимал пост Главнокомандующего действующей армией на Балканах. См.: *Залесский А.А.* Николай Николаевич (Старший) // Советская историческая энциклопедия. М., 1967. Т. 10. С. 223.

[27] Возможно, речь идет о великом князе Николае Николаевиче Старшем, Главнокомандующем действующей армии на Балканах в годы Русско-турецкой войны, великом князе Николае Николаевиче Младшем, состоявшем офицером для особых поручений при своем отце, великом князе, цесаревиче Александре Александровиче (26.2.1845–20.10.1894), командовавшем Восточным (Рущукским) отрядом Дунайской армии и четвертом сыне императора Александра II, великом князе Алексее Александровиче (2.1.1850–1.11.1908), начальнике морских команд по Дунаю. См.: *Залесский А.А.* Николай Николаевич (Младший). С. 223, 224; *Его же.* Николай Николаевич (Старший). С. 223; *Зайончковский П.А.* Александр III // Советская историческая энциклопедия. М., 1961. Т.1. С. 363.

[28] Здесь речь идет о Русско-японской войне 1904–1905 гг.

[29] Поражение России в Русско-японской войне подданные многонациональной державы восприняли с большой болью в сердце. Это событие крепко задело их национальную гордость. Позорную страницу в военной истории страны народное сознание прочно связало с командованием армии, прежде всего с высшими офицерами.

[30] Речь идет об Алексее Николаевиче Куропаткине (17.3.1848–16.1.1925) (в документе его имя неправильно обозначено Николаем), военном и государственном деятеле, генерале от инфантерии, генерал-адъютанте, военном министре, члене Государственного совета, писателе. В общественном сознании страны прежде всего его имя ассоциировалось с поражением России в Русско-японской войне. В ходе данной военной кампании А.Н. Куропаткин был командующим Маньчжурской армией, главнокомандующим вооруженными силами на Дальнем Востоке. Подробнее см.: *Мезенцев Е.В.* Куропаткин Алексей Николаевич // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 г.: энциклопедия / редкол.: В.Л. Янин, В.М. Карев, Д.М. Волков и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. Т. 3. С. 230, 231.

[31] Успение Пресвятой Богородицы – православный двунадесятый праздник. В 1914 г. отмечался 15 августа 1914 г. См.: Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1916 год с приложением «Обзора деятельности по Казанской губ. за первый год Великой Отечественной войны 1914–1915 гг.». Казань: Тип. губерн. правления, 1916. Отдел I-й. С. 30.

[32] Последний Спас (*Юлашки Спас* – чуваш.) – православный праздник, отмечается после дня Успения Пресвятой Богородицы, в день Спаса нерукотворного. В 1914 г. праздновался 16 августа. В земледельческом календаре именуется еще хлебным, ореховым Спасом.

[33] Городищи (*Хула Çырми* – чуваш.) – село, центр одноименной волости Буинского уезда Симбирской губернии. В настоящее время входит в Дрожжановский район Республики Татарстан, административный центр одноименного сельского поселения.

[34] Чирикеево (*Чӗ́рекель* – чуваш.) – деревня Верхнетимерсянской волости Симбирского уезда одноименной губернии. В настоящее время входит в Майнский район Ульяновской области.

[35] Симбирск – город, центр одноименной губернии Российской империи. В настоящее время г. Ульяновск, административный центр одноименной области.

[36] Речь идет о событиях Галицийской операции – боевых действиях между русскими армиями Юго-Западного фронта и австро-венгерскими армиями 5 августа – 8 сентября 1914 г. в Галиции и Польше. Город Галич был занят русскими войсками 20 августа, г. Львов – 21 августа. Подробнее см.: *Соколов Ю.В.* Галицийская операция // Отечественная история: энциклопедия. В 5 т. Т. 1. / редкол.: В.Л. Янин (гл. ред.) и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 509, 510.

[37] При дезертирстве с поля боя нижних чинов их семьи лишались выдаваемых продовольственных пособий.

[38] Надо полагать, что в данном случае речь идет прежде всего о генерал-адъютанте Анатолии Михайловиче Стесселе (28.6.1848–18.1.1915) и генерал-майоре Александре Викторовиче Фоке (25.8.1843–2.12.1926). 20 декабря 1904 г. ими был подписан акт о капитуляции и сдаче Порт-Артура японцам. Оба военачальника после возвращения с фронта переданы военно-полевому суду. Первый из них был приговорен к смертной казни (помилован Николаем II), а второй – оправдан.

[39] 180-й Виндавский полк сформирован в г. Митаве (ныне Елагва, Латвия) в январе 1811 г. как Митавский губернский полубатальон (2-й роты) из 1-й роты Рижского гарнизонного полка и штатной роты Курляндской губернии. С января 1898 г. – четырехбатальонный 180-й Виндавский полк. С 1910 г. дислоцировался в г. Саранск. В ходе Первой мировой войны принимал участие в боевых действиях на Юго-Западном и Северо-Западном фронтах. См.: *Требов О.В.* Сто восьмидесятый (180-й) пехотный Виндавский полк // Мордовия: энциклопедия. В 2 т. Т. 2. Саранск, 2004. С. 369, 370.

[40] Чебоксары – город, центр одноименного уезда Казанской губернии. В настоящее время столица Чувашской Республики.

[41] Кочак – в настоящее время д. Кочак-Туруново, входит в Чебоксарский район Чувашской Республики.

[42] Антихрист (греч. – противоположный Христу) – согласно христианскому вероучению, противник Иисуса Христа. Утверждалось, что его воцарение на земле случится перед концом света и вторым пришествием Христа и принесет людям невиданные бедствия. См.: Христианство: Энциклопедический словарь. В 2 т. Т. 1. С. 90.

[43] Лавра – крупный православный мужской монастырь. В начале XX в. в Российской империи функционировали четыре лавры – Киево-Печерская, Троице-Сергиева, Александро-Невская и Почаево-Успенская.

[44] Речь идет о Вильгельме II (Фридрихе Вильгельме Викторе Альберте Прусском) (27.01.1859 – 04.06.1941), последнем германском императоре и короле Пруссии (с 15.06.1888 по 06.11.1918).

[45] См. примечание № 30.

[46] Матерь Божия (Богоматерь, Богородица, Дева Мария) – в христианстве земная мать Иисуса Христа, родившая Его в непорочном зачатии, посредством Святого Духа.

[47] Ангел (греч. – вестник, посланник) – согласно учению христианской церкви, сотворенные Богом бесплотные существа. Являются посредниками между Ним и людьми. Исполняют на земле Его веление. Они могли подвергаться искушениям. При этом могли устоять в добре или пасть, как злые духи. В христианстве их принято разделять на чины и лики: 1) серафимы, херувимы, престолы; 2) господства, силы, власти; 3) начала, архангелы, ангелы.

[48] В чувашской деревне девушка, провожавшая парня на службу, обычно вручала своему суженому *кĕрӳ тутри* (платок зятя), выражая тем самым согласие его дождаться и выйти за него замуж. Имели место и случаи, когда новобранец получал от своей любимой кисет с вышитыми любовными пожеланиями. См.: *Петров И.Г.* Одежда в семейных обычаях и обрядах чувашей (XIX – начало XX в.) / И.Г. Петров; Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2018. С. 238.

[49] Основными элементами ритуала прощания с рекрутами в среде чувашей были обычно молитва призванного о покровительстве и благополучном возвращении, родительское благословение и проводы новобранца до околицы. Как правило, в отдельных местностях данный обряд проходил по-разному. Вот как описана современником, к примеру, церемония проводов в доме призванного в 1880-е гг. в чувашском с. Старые Шигали Цивильского уезда Казанской губернии: «Новобранец становится на колени, целует ноги (подошвы) отцу, а у матери грудь и благодарит их за воспитание; затем садится рядом с отцом и матерью и, целуя и обнимая их, плачет и рыдает. Затем кладут на стол каравай хлеба, соль и икону, и новобранец кладет земной поклон и целует икону, хлеб и соль; затем выходит из дома на двор и здесь дает скотине солому, как символ того, что, по возвращении его со службы, он надеется увидеть скотину сытой и здоровой; дав корму и простившись со скотиной, новобранец подходит к запряженной лошади и целует его в морду (губы), в знак особенного расположения к этой лошади; на дворе же подходит к воротним столбам и целует их, чтобы эти ворота приняли его и обратно со службы. Выходя из ворот, новобранец кидает монету и, если монета ляжет орлом, то это знак хорошего – благополучного возвращения из службы». См.: Волжский вестник. 1887. 14 (26) сентября. № 241. С. 2.

[50] Известно, что С.А. Брут был кассиром Государственного банка Российской империи, заядлым картежником. Еще до начала Первой мировой войны, проиграв крупную сумму казенных денег, он потерял рассудок и повесился. В России с давних пор вещам висельников приписывались особые свойства. Не минула такая участь и Брута. В 1915 г. в среде суеверных завсегдатаев карточных притонов зародилось поверье, что кредитные билеты рублевого достоинства с подписью повесившегося кассира приносят удачу в карточной игре. Вскоре и простые обыватели стали считать, что кредитные билеты с автографом Брута являются «счастливыми». Их стали использовать в качестве амулетов-оберегов. См.: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D1%80%D1%83%D1%82%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%80%D1%83%D0%B1%D0%BB%D1%8C (дата обращения: 10.05.2020).

[51] Черемисы – марийцы.

[52] «Сон Святой Богородицы» – построенное на библейских мотивах апокрифическое произведение, имеющее внецерковное происхождение. Согласно народному поверью, произношение молитв-оберегов могло помочь человеку в трудные минуты жизни – защитить от врагов, исцелить от недугов и т.д.

[53] Афон (Афонская гора, Святая гора) – одно из крупнейших средоточий православного монашества, расположенное на северо-востоке Греции на омываемом водами Эгейского моря полуострове Халкидики. Здесь находятся 20 монастырей, 12 скитов и до 700 отдельных келий. История присутствия русских иноков на Афоне уходит в глубину веков.

Первые русские обители появились здесь в конце X – начале XI в. См.: Христианство: энциклопедический словарь. В 2 т. Т. 1 / гл. ред. С.С. Аверинцев. М.: Большая советская энциклопедия, 1993. С. 141–149.

[54] В Казанской губернии первая мобилизация была объявлена 18 июля 1914 г. См.: Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1916 год с приложением «Обзора деятельности по Казанской губернии за первый год Великой Отечественной войны 1914–1915 гг.». Казань: Тип. губерн. правления, 1916. Особое приложение. С. V.

[55] Курмышский уезд входил в Симбирскую губернию.

[56] Норусовская и Тойсинская волости входили в Ядринский уезд Казанской губернии.

[57] Курмыш – город, центр одноименного уезда Симбирской губернии. В настоящее время является селом, входит в Пильнинский район Нижегородской области.

[58] Ибреси – село Хомбусь Батыревской волости Буинского уезда Симбирской губернии. В настоящее время входит в состав Чувашской Республики, центр одноименного района.

[59] Ядрин – город, центр одноименного уезда Казанской губернии. В настоящее время входит в Чувашскую Республику, центр одноименного района.

[60] Здесь: казенная (принадлежащая государству) винная лавка.

[61] Ратники – лица мужского пола от призывного возраста до 43 лет, состоящие в государственном ополчении и способные носить оружие. Делятся на два разряда. В ратники первого разряда зачислялись: воинские чины, отбывшие службу в войсках; лица, призванные годными к воинской службе, но не призванные за излишеством или в силу представленным им уставом о воинской повинности льгот. Ратники второго разряда могли нести службу только в ополченческих частях. В их состав зачислялись: лица, способные носить оружие, но физически негодные для службы в постоянных войсках; лица, пользующиеся льготами первого разряда по семейному положению. См.: *К.-К.* Ополчение государственное // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. В 86 т. Т. 22. СПб.: Типолитогр. И.А. Ефрона, 1897. С. 33, 34.

[62] Военная кампания 1915 г. сложилась неудачно для России. В ходе кровопролитных боев войска Германии и Австро-Венгрии вытеснили русскую армию из Галиции, Буковины, Польши, части Прибалтики и Белоруссии.

[63] Ядринский и Цивильский уезды входили в Казанскую губернию.

[64] Речь идет о линии Арзамас–Шихраны Московско-Казанской железной дороги, строительство которой началось накануне Первой мировой войны в 1913 г. Сдана в эксплуатацию в конце 1918 г.

[65] Чебаевская волость входила в Ядринский уезд Казанской губернии.

[66] Евангелие (греч. – благая весть) – раннехристианские сказания о «земной жизни» Иисуса Христа. Известны около тридцати Евангелий, из которых только четыре церковью признаны «богодухновенными» (от Матфея, от Марка, от Луки, от Иоанна). Входят в новозаветскую часть Библии.

[67] Иисус Христос – основатель и центральный образ христианства. Жил и проповедал в Палестине в I в. Все христианские церкви, кроме монофизитских, почитают его как Богочеловека. Земная жизнь Иисуса Христа и суть его учения изложены в Новом Завете.

[68] «Апокалипсис» («Откровение Иоанна») – одно из раннехристианских произведений, входящее в новозаветную часть Библии. Являет собой религиозное пророчество относительно грядущего конца света. См.: Христианство: энциклопедический словарь. В 2 т. Т. 1. С. 96.

[69] Святое (Священное) Писание – сборник книг, составляющих Библию.

[70] См. примечание № 30.

[71] Речь идет о карточной системе распределения сахара, введенной в Российской империи весной 1916 г. В декабре 1916 г. в Казанской и Симбирской губерниях норма снабжения данным пищевым продуктом для городского населения составляла соответственно 2 и 1 $^1/_2$ фунтов на 1 чел. в месяц, для сельского – 1 и $^5/_6$ фунта. См.: *Николаев Г.А.* Продовольственное положение Чувашии в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Вопросы истории Чувашии периода капитализма: сб. статей / науч. ред. И.Д. Кузнецов, В.А. Прохорова. Чебоксары, 1986. С. 63.

[72] Норусово – село, центр одноименной волости Ядринского уезда Казанской губернии. В настоящее время с. Калинино Вурнарского района Чувашской Республики.

[73] Фунт – здесь старая русская мера веса, равная 409,5 г.

[74] Орауши – село Тойсинской волости Ядринского уезда Казанской губернии. В настоящее время входит в Вурнарский район Чувашской Республики.

[75] Абызово – село Тойсинской волости Ядринского уезда Казанской губернии. В настоящее время входит в Вурнарский район Чувашской Республики.

[76] Толды Буртасы – деревня Норусовской волости Ядринского уезда Казанской губернии. В 1964 г. слилась с с. Буртасы Вурнарского района Чувашской Республики.

[77] Автор документа пишет, что в 1916 г. лето он провел за пределами г. Казань. До поступления на миссионерские курсы С.Р. Романов служил в церкви с. Алманчино Ядринского уезда Казанской губернии. Правомерно считать, что именно здесь он сделал свои наблюдения. См.: НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 269. Инв. № 5984. Л. 74.

[78] Здесь речь идет об Англии и Франции.

[79] См. примечание № 51.

G.A. Nikolaev, R.R. Iskhakov

«THIS WAR AROSE FOLLOWING LEGEND: THAT THE IMAGE OF WILHELM WITH US FIGHTING THE ANTICHRIST WITH AN ENDLESS NUMBER OF LOYAL SERVANTS»: THE CONVERSATIONS, RUMORS AND GOSSIPS ABOUT THE EVENTS OF THE FIRST WORLD WAR AMONG THE CHUVASH OF THE KAZAN AND SIMBIRSK PROVINCES

Archeographic study of the history of the Chuvash region during the First world war is one of the most urgent tasks of regional historiography. In this publication, the research audience is offered essays on a given topic, as well as answers to questions from a special questionnaire, made by contemporaries in 1914–1916. The documents introduced into scientific circulation form a single information block about conversations, rumors and gossips among the Chuvash of the Kazan and Simbirsk provinces about the largest event of the beginning of the XX century and superstitions related to the war that began.

Keywords: First world war, Chuvash society, Kazan and Simbirsk provinces, N.V. Nikolsky, stories, rumors and gossips about the war, superstitions, listeners of Kazan missionary courses.

УДК 94(=512.111):930.253

ЧГВ, 2020 г., № 15
© А.К. Салмин

МАТЕРИАЛЫ О ЧУВАШАХ В ФОНДЕ № 142 САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ФИЛИАЛА АРХИВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Целью статьи является анализ и описание материалов о чувашах, хранящихся в фонде № 142 Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук (СПбФ АРАН). В данном фонде сосредоточены документы, поступившие в СПбФ АРАН из Кунсткамеры – Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Большинство источников публикуется впервые.

Ключевые слова: чуваши, архивы, музеи.

Целью данной публикации является изложение результатов изысканий источников о чувашах, хранящихся в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. Актуальность работы продиктована отсутствием аналогичной работы и необходимостью обеспечения научных, архивных и музейных работников наиболее полным каталогом-описанием о чувашах. К тому же ни один из архивов г. Санкт-Петербурга не имеет специального каталога, где можно было бы получить исчерпывающую информацию о чувашах.

Как правило, каталог составляется автором de visu. В нем отражены фонд, опись, № дела, содержание рукописи, год фиксации источника, количество листов в деле. В некоторых случаях автор-составитель считает нужным давать тексты почти полностью. В таких случаях выписки являются точными копиями оригиналов. В выписках листы указываются в квадратных скобках.

Можно было бы на основе комплекса выявленного, скопированного и конспектированного материала написать монографию. Но автор этих строк считает, что публикация архивных первоисточников с комментариями намного эффективнее и полезнее. Ведь монография – это мнение отдельного исследователя. А на основе публикаций архивных первоисточников каждый исследователь может высказать свою точку зрения.

Антон Кириллович С а л м и н – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии восточных славян и народов Европейской России Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; e-mail: antsalmin@mail.ru.

В фонде № 142 хранятся материалы, поступившие в Архив РАН из Кунсткамеры-МАЭ РАН, или дела, содержащие, в основном, информацию об этом научном учреждении. Основной состав фонда образован путем передачи текущих дел из МАЭ. Это – каталог фотографий с изображениями типов разных народов, списки коллекций МАЭ, выписки из протоколов заседаний общего собрания МАЭ, исходящие бумаги Попечительского совета МАЭ, письма в Музей с предложениями продажи, обмена и принесения в дар коллекций и отдельных предметов, переписка по обмену коллекциями ИАЭ с Вашингтонским национальным музеем США, переписка с научными учреждениями, переписка с Музеем истории религии, а также другие документы научного, организационного и хозяйственного значения. В целом, материалы фонда № 142 служат отличным источником по истории МАЭ. Хронологический диапазон – с 1719 по 1954 г. Всего в этом фонде 1885 единиц хранения.

На фоне публикуемых материалов следует особо выделить документы, связанные с именами академика РАН, директора МАЭ РАН В.В. Радлова и члена-корреспондента Д.К. Зеленина.

КАТАЛОГ, ВЫПИСКИ И КОММЕНТАРИИ

Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 20. – Списки коллекций МАЭ с № 9 по 1070 (с пропусками). Печатные оттиски. 1840–1905 гг. – 526 л.

№ 347-23. Головной убор девичий с монетами (черемисский?) [28].

№ 347. Коллекция от разных собирателей, полученная от Географического общества в 1891 г. Головные уборы и другие принадлежности Востока, русские и отчасти инородческие. Документов, кроме этикеток и нумеров Геогр. общества, нет. Список составил В.В. Радлов[1].

№ 347-10.2. Шейный и головной уборы чувашских женщин. Дост. сотр. [РГО] Юрковым в 1867 г. из Симбирска [112].

№ 347-36. Головной убор (черемисский?) с монетами (34) [113].

Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 39. – Выписки из протоколов заседаний общего собрания МАЭ и историко-филологического отделения АН, относящихся к Музею. – 76 л.

Отделение историко-филологических наук.
Выписка из протокола от 14-го января 1915 г.
29 января 1915 г.

№ 191

Господину академику В.В. Радлову

6. Потомственный почетный гражданин Иван Николаевич Юркин[2] (Симбирск, Ярмарочная площадь, 97) обратился в Академию со следующим представлением от 31 декабря 1914 г.:

«Представляя при сем для напечатания рукопись на чувашском языке под названием “Народное творчество чуваш”, имею честь покорнейше просить Академию наук в получении как этой рукописи, так равно и другой, под названием “Тюркские элементы в русском языке до татарского нашествия”, представленной мною 16 декабря в Академию, меня уведомить.

Рукопись представляю без перевода, так как я недостаточно владею русским литературным языком.

Вместе с сим осмеливаюсь покорнейше просить Академию наук, не найдет ли она возможным ввиду крайней моей бедности, как обремененному большим семейством, помочь мне сколько-нибудь материально. Летом предполагаю приняться за переписку народных песен, которых у меня до двух тысяч. Жду ответа».

Положено передать рукопись «Народное творчество чуваш» академику В.В. Радлову с просьбою дать заключение и сообщить И.Н. Юркину, что другая его рукопись поступила по принадлежности во II отделение Академии.

Рукопись при сем препровождается.

И.о. Непременного секретаря[3], Ординарный академик

/подпись/ [37].

Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 53. – МАЭ: Копии писем и бумаг. 1898–1904 гг. – 500, 14 л.

28.05.1899. № 37. Ивану Николаевичу – о вещах чувашского быта. Нужен счет. Мы знакомы по Казани. В.В. Радлов [110].

Село Мартышкино
28 мая 1899 г.

№ 37

Милостивый Государь Иван Николаевич!

Я очень обрадовался получению Вашего письма и спешу сообщить Вам требуемые сведения. Мы крайне рады были бы получить этнографические предметы приволжских инородцев и особенно из чувашского быта, так как, кроме некоторых костюмов, предметы чувашского быта совершенно отсутствуют в нашем музее. Особенно драгоценны будут коллекции, собранные таким знатоком быта инородцев, как Вы. Что касается до формальностей для приема посылок, то таковых вовсе нет. Посылки должны быть отправлены на имя Академии наук (Этнографический музей) и, если посылки не превышают одного пуда по весу, то они принимаются как казенные посылки и доставляются почти даром. Большие посылки (т.е. весом более одного пуда) могут быть высланы в контору транспорта кладей с наложенным платежом. Если Вы вместе с посылкою вышлете на мой адрес счет, то я немедленно вышлю Вам (мой адрес: Ораниенбаум, Мартышкино. Гвиаздовский). К сожалению, письмо Ваше получено [110] мною после последнего заседания Историко-филологического отделения, в противном случае я мог бы ассигновать Вам вперед сумму в 100–150 руб. Без разрешения Отделения я этого сделать не могу, а должен выслать Вам деньги только по получении счетов. Счеты должны быть написаны на имя Музея антропологии и этнографии. Прощайте, любезный Иван Николаевич, я спешу отправить Вам ответ, чтобы не вышло замедления от неполучения моего ответа. Вспоминая о приятном времени нашего знакомства в Казани, я надеюсь, что наша корреспонденция теперь оживится. Прошу передать Вашей супруге мой почтительный поклон.

С искренним почтением остаюсь Вашим покорнейшим слугою [111].

Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 58. – Письма, полученные МАЭ РАН. 1906–1908 гг. – 405 л.

21 ноября 1906 г. [другим почерком]

№ 91[другим почерком]

Милостивый Государь Василий Васильевич!

Как Вам уже известно, я Вам представил в музей Императора Петра Великого некоторые коллекции и при которых Вы кратко просили меня представить Вам еще самых древ-

них и по возможности *ирихов*, при этом уведомляю Вас, что я в настоящее время нахожу вещей в среди чуваш очень даже редкостных, но только очень трудно их достать и требуют за них большое вознаграждение, да еще [114] проездка очень дорога, т.е. более рубля на день, так как вероятно Вам самим известно, что в наших местностях большой неурожай [неразборчиво] скот наших [неразборчиво] Правительство так, вот если же Вам нужны вещей и чтобы я их собирал, то прошу, благоволите прислать на первый случай на сбор вещей средства по Вашему усмотрению. Остаюсь навсегда покорный Ваш слуга

Т. Завражнов[4] [114 об.].

Адрес: Бузулук Сам. губ. В Старо-Тепловскую волость, с. Ново-Тепловка Тимофею Егорову Завражному [115].

Оп. 1 (1924 г.). Д. 5. – МАЭ: Исходящая переписка. 1924 г. – 175 л.
[На бланке МАЭ:] 8 октября 1924 г. № 662

Н.М. Таланцеву
г. Ядрин Чувашской автономной области

Извещаю Вас о поступлении в Музей антропологии и этнографии Российской академии наук через Ученого хранителя Б.Н. Вишневского[5] пяти пожертвованных Вами негативов из жизни чуваш, музей приносит Вам свою признательность.

Директор Музея академик
Секретарь

Оп. 1 (1925 г.). Д. 8. – Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Переписка (исходящая). 1925 г. – 124 л.
[На бланке:] 23 декабря 1925 г.

В Президиум Академии наук
В Отделение исторических наук и филологии

…Совет Музея антропологии и этнографии, рассмотрев заявления лиц, желавших занять освободившиеся вакансии, избрал на должности научных сотрудников 1-го разряда: …

2) В Отдел европейских народностей и для управления библиотекой Музея бывшего профессора Харьковского университета, члена-корреспондента Академии наук СССР – Дмитрия Константиновича Зеленина 10-ю голосами, при 4-х неизбир. 1 возд. Сообщая о вышеизложенном, Совет МАЭ просит утвердить означенных лиц с 1-го января 1926 г.

Директор Музея академик [подпись: Карский]
Секретарь [119].

Оп. 1 (1926 г.). Д. 7. – МАЭ: Переписка по деятельности. 1926 г. – 65 л.
[На бланке:] января 1926 г. № 6

Дмитрию Константиновичу Зеленину

Вследствие представления Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР, Вы утверждены Президиумом Академии в должности научного сотрудника 1-го разряда с 1-го января с.г. В связи с изложенным, предлагается Вам немедленно приступить к исполнению своих обязанностей[6].

Директор Музея академик
Секретарь [1].

Оп. 1 (1941 г.). Д. 6 – МАЭ: Отдел Европы. – 76 л.

В Академию наук Союза ССР,
Отдел этнографии, г. Москва
Копия: Государственный музей этнографии,
В отдел народов Поволжья СССР

С товарищеским приветом сообщаю о том, что у меня есть [неразборчиво] *куланай карчӗ*[7], который показывает, как собирали *куланай* [неразборчиво] 40–50 лет назад от чувашского народа. В то время в чувашской деревне было грамотных 5–6 %. Для примера можно взять Байкуловское общество, в котором было только 9 человек грамотных. К тому есть объяснение о *куланай карчӗ* на чувашском языке.

Если Вам необходимо таковых, сообщите, я вышлю. Жду ответа.

С приветом [подпись]

Мой адрес: Чувашской АССР, ст. Канаш М.К.Ж.Д. Красноармейского р-на дер. Яманаки Анисимову-Патмару Ивану Анисимовичу[8].

27.I.41

Тов. Ив. Ан. Анисимову

На Ваше письмо в адрес Академии наук СССР от 27.I.1941, по поручению дирекции Института этнографии Академии, сообщаю:

Все, что касается культуры чувашского народа в его прошлом и настоящем, все это чрезвычайно интересует наш Институт. Из Вашего письма нам недостаточно ясно, какой именно документ имеется в Вашем распоряжении, и совсем не ясно, на каких условиях Вы хотите его передать нам.

Не откажитесь сообщить более подробные сведения по этим вопросам, адресуя:

Ленинград 164, Университетская наб. 3. Институт этнографии Академии наук СССР.

С товарищеским приветом Дм. Зеленин – зав. отделом Европы Института.

13.II-1941 г. [23].

1941 г. Самарканд, ул. Фрунзе, 88 [72].

План на 1942-й год. В Качестве плановой своей работы на 1942 год я предполагал бы взять тему «Сказки народов СССР, как этнографический материал» или, что то же, «Отражение племенной и национальной культуры в сказках (или шире: в фольклоре) народов СССР». … Причем сравнительное изучение быта и культуры, как они отразились в сказках разных народов, обещает четкие и обильные выводы. Работа эта требует специальной этнографической подготовки, и ее может выполнить только этнограф, а не фольклорист…

Дм. Зеленин [72 об.].

Оп. 1 (1942 г.). Д. 18. – МАЭ: Переписка о хранении и эвакуации экспонатов Музея (списки упакованных ящиков и акты). Ч. 1. – 82 л.

Акт … при вскрытии ящика № 155, уложенного для эвакуации библиотеки ИЭ, нами обнаружено, что содержание ящика значительно превышает список рукописей и книг. Кроме названных в списке девяти названий в ящике обнаружены следующие рукописи Д.К. Зеленина и других лиц и книги, принадлежащие Д.К. Зеленину.

1. Зеленин Д.К. «Обрусение» народов в царской России. Материалы и рукописи (папка)…

4. Зеленин Д.К. Народы Европейской части СССР. Рукопись. Печ. на машинке 346 стр… [79].

11. Статьи для сборника «Народы СССР» (папка).

4. Акимова Т.М. Чуваши. Печ. на маш. 91 стр.

13. Папка с фотографиями по народностям СССР.

14. Папки с надписью «Рукописи и документы Д.К. Зеленина» (вырезки, записки, биограф. заметки, список работ и т.д.)… [80].

17. Папка с фотографиями, иллюстрациями различных народностей Европейской части СССР… [81].

33. Зеленин Д.К. «Обрусение» народов в царской России. Большая папка с листками рукописи, заметками и т.д. [82].

Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 1. – МАЭ РАН: Журнал материальных поступлений Музея. На немецком языке. 1719–1828 гг. – 12 л.

1741 сентябрь – окт. О покупке книг у д-ра Мессершмидта[9]. О требовании от Канцелярии конфискации курьезных вещей [1 об.].

[1762–1782 гг: Паллас П.С.[10] 3 об. – 4].

Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 19. – МАЭ РАН: Каталог фотографий с изображениями типов разных народов, бытовых их принадлежностей и видов местностей (черновики Русова). 1879–1881 гг. – 14 л.

1880 г. Фотография «Чуваши Казанской губ. Группа». Формат – б. разм. Физ. – 1/1. Муж. – 9, жен. – 15[11] [1].

Та же группа, формат – с. разм. физ. – 1/1, муж. – 1, ж. – 2[12] [2].

Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 21. – МАЭ: Списки фотографий представителей различных народностей России, полученные от И.С. Полякова[13]. – 3 л.

Чуваши Казанской губ.

86. fol. б группа из 24 ф., м. – 9, ж. – 15.

87. 4°. Группа из 3 ф., м. – 1, ж. – 2. [3 об.][14].

Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 66. – МАЭ: Переписка (исходящая) по научным, научно-организационным и другим вопросам. 1913–1914 гг. 519 л.

[Открытый лист от 18.IV.1913 г. К.В. Щенникову[15], который собирал коллекции для МАЭ в Поволжье. 9].

Оп. 1 (1922 г.). Д. 6. – Описи рисунков предметов Кунсткамеры, находящихся в шести папках-футлярах в МАЭ РАН, с расписками акад. И.А. Орбели в получении их во временное пользование в Эрмитаж. 1922 г. – 11 л.

Описи рисунков предметов Кунсткамеры, наход. в шести папках-футлярах в МАЭ РАН (рисунки переданы Государств. Эрмитаж 12 дек. 1922 сроком на три мс-ца). Всего листов 571. [1а].

Коробки с пометкой 60 на фронт. листе

14. Scr[in] X n 71.1 рис. акв. (кошелек) М.Р. 97 татар (?)

23. ~~Scr XII, n. 138-139.~~ 1 рис. акв. (Мордовск. Нагрудник (?)) [4].

46. Scr XI n. 99–100 2 рис. акв. (Чувашск. и турецк. головн. уборы) M.P. p. 99 Ottoman Tschuwasch [5].

Папка № 146 (надпись на фронт. стор.)

Лист 3.1 рис. акварелью M.P. p. 98 Mordwin [каранд.] Scr. X, n. 87.

Лист 5.1 рис. акварелью M.P. p. 98 ~~чуваш?~~ остяк? [обе каранд.].

Лист 6.1 рис. акварелью M.P. p. 98 жен. платье – черемис?

Лист 7.1 рис. акварелью M.P. p. 98 n 3 – черемис?

Лист 8.1 рис. акварелью M.P. p. 98 no 3 – черемис?

Лист 9.1 рис. акварелью [платок] M.P. p. 98 Вотяк? ~~Остяк?~~ [обе карандашом]; scr. X ~~n 61~~.

Лист 10.1 рис. акварелью [полотенце] Mus. Petr., p. 97 Tatar! [карандашом]. Scr. X, n. 70; [в правом верхнем углу:] 9 $^1/_2$ Fuss ist di Länge 70.

Лист 11.1 рис. акварелью Mus. Petr., p. 97 [карандашом]; Scr. X, n. 69; 8 $^1/_2$ Fuss ist di Länge, 69.

Лист 12.1 рис. акварелью Mus. Petr., p. 97 [карандашом]; Scr. X, n. 69; 8 $^1/_2$ Fuss ist di Länge, 69 [женское платье].

Лист 13.1 рис. акварелью Мордов.! Mus. Petr., p. 97 Baratov [? неразб., карандашом]; Scr. X, n. 54; [на обрат. стороне:] 20, ~~10~~].

Лист 14.1 рис. акварелью Mus. Petr., p. 97.

Лист 15.1 рис. акварелью Mus. Petr., p. 97 остяк? [карандашом].

Оп. 1 (1934 г.). Д. 21. – МАЭ: Переписка с научными учреждениями и отдельными учеными СССР. – 130 с.

Чебоксары Чувашия
Научно-исследовательский институт
Кутяшову[16]

Сообщите ход работы религиозно бытовой карты обе статьи печатаются Советской этнографии

Маторин [Н.М.]

23.II.34 г. 59/05 [87].

Оп. 1 (1937 г.). Д. 30. – МАЭ: Переписка с разными лицами. – 219 л. [№ 128: чувашский костюм?]

Оп. 1 (1938 г.). Д. 27. – МАЭ: По связи с отдельными научными учреждениями и учеными СССР. – 311 л.

Рукопись Юренева была передана, согласно полученным указаниям, Худякову и им совершенно не возвращена. Считаю необходимым оплатить перепечатку его рукописи и изготовление снимков (негативов).

Считаю необходимым оплатить перепечатку его рукописи и изготовление снимков (негативов).

(Подпись неразборчива) [116].

Вторично
Ученому секретарю Института антропологии,
археологии и этнографии Академии наук СССР

Ваше письмо от 2 августа с.г. № 59/65 об утрате переданной мною Институту антропологии, археологии и этнографии моей рукописи «Очерки культуры и быта уходящей чувашской деревни» мною получено.

Размер названной рукописи – шесть (6) печатных листов, включая в это количество и музыкальные записи (около двадцати). Кроме того, к рукописи были приложены иллюстрации, фотографии и рисунки, 12 или 15 штук.

Прошу сообщить, когда и исходя из какого расчета Институт компенсирует меня за утраченную рукопись.

6 октября 1937. [подпись: С. Юренев]

Калинин областной, Советская 103.
Сергей Николаевич Юренев.

Вторично подтверждаю Вам копию своего письма от 6 октября с.г. и подтверждаю свой запрос о сроке и размере компенсации за утраченную рукопись.

26 декабря 1937 г. [подпись: С. Юренев[17]] [117].

Оп. 2. Д. 52. – Магнитский В.[18] Деревня Козловка и Козловская пристань Чебоксарского уезда: Этнографическо-статистический очерк. 1874 г. – 27 л.

Оп. 2. Д. 144. – Гаген-Торн Н.И.[19] Фотографии, чертежи. – 22 л.

№ 3: Фото стенда у д. Васькино Аликовского района. 1933 г. Основные сведения о деревне. В том числе: бани на всю деревню 3 шт. Хозяйств в д. – 72, едоков – 322.

№ 4: Участник экспедиции композитор В.П. Воробьев за работой[20].

№ 6: Пляска в дер. Дятлино Козловского района[21].

№ 17: Успенье. Общественная трапеза «Едят барана». Слева – священник за особым столом. Фото Н.М. Маторина[22].

Оп. 5. Д. 95. – МАЭ: Учетная карточка и архивная копия трудового списка Гаген-Торн Нины Ивановны. 1959 г. – 2 л.

Социальное происхождение: (дворянка) баронесса… [2].

1927 янв. 1 по 1930 янв. 1 состояла аспирантом по фольклору в Научно-исслед. инст. языка и литерат. Зап. и Вост. и закончила аспирантскую подг.

Справка Института языкознания за № 576 от 26.XII.35 [2 об.].

Оп. 5. Д. 182. – МАЭ: Трудовой список Эвальд Зинаиды Викторовны[23]. 1919 – 1940 гг. – 7 л.

Родилась в 1894 г. октября 18: Выписка из метрической книги церкви Св. Павла, № 39…

Образование высшее: Свидетельство из Ленинградской консерватории № 3990… [1 об.].

1933.II.15: Назначена научным сотрудником I разряда Института антропологии и этнографии Академии наук СССР. [4 об.].

Оп. 5. Д. 426. – МАЭ: Личные дела. 1943 г. – 111 л.

Руденко Сергей Иванович[24] – 1885 г., г. Харьков, украинец. 4.VI.42 зачислен на должность зав. отделом антропологии по совместительству на $^{1}/_{2}$ оклада [77].

Выводы. Таким образом, в фонде № 142 Санкт-Петербургского филиала Архива РАН хранится ряд ценных первоисточников по традиционной культуре чувашей. Это – документы по наследию исследователей и собирателей Д.Г. Мессершмидта, П.С. Палласа, В.В. Радлова, В.А. Каррика, П.С. Полякова, В.К. Магницкого, Т.Е. Завражнова, И.Н. Юркина, Н.М. Таланцева, К.В. Щенникова, С.И. Руденко, Б.Н. Вишневского, Д.К. Зеленина, Т.М. Акимовой, Н.М. Маторина, З.В. Эвальд, С.С. Кутяшова, В.П. Воробьева, С.Н. Юренева, Н.И. Гаген-Торн, И.А. Анисимова-Патмара и др. Все эти материалы являются надежными источниками в изучении истории и традиционной культуры чувашского народа.

Комментарии и примечания

[1] О вкладе В.В. Радлова в изучение чувашей: (*Салмин*. 2013: 64–71; *Его же*. 2014: 66–78).

[2] И.Н. Юркин (1863–1943) родом из современного Буинского района Республики Татарстан. После окончания начальной школы поступил в Симбирскую чувашскую школу, но недоучился и повышал свои знания самообразованием. Дружил с известным языковедом Н.И. Ашмариным. Избран членом-сотрудником Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Фанатичный собиратель образцов чувашского фольклора. Имел работы о традиционных обрядах и верованиях чувашей. На основе его собраний В.В. Радлов готовил очередной том «Образцы народной литературы тюркских племен». Однако начинание было прервано из-за смерти академика.

[3] С.Ф. Ольденбург.

[4] Это – подпись, но другим почерком, чем сам текст письма; выходит, письмо за Завражнова писал другой человек, а он только подписался. Следует заметить, что в литературе собирателя называют «Завражнев», а сам он подписывался как «Завражнов». Некоторые антропоморфные куклы *йӗрӗх* из собрания Тимофея Завражнова ныне хранятся в коллекции № 1040 в фонах Европы МАЭ РАН. В 1907 г. Т.Е. Завражнов приехал в Петербург в качестве доверенного своего общества по делу о покупке земли при помощи Крестьянского поземельного банка. Он зашел в Академию наук и предложил Музею им. Петра Великого приобрести у него старинные вещи. В частности, в Петербурге он встретился с академиком А.А. Шахматовым. Это был, писал А.А. Шахматов, почтенный старик, родом из мордовского (эрзянского) села Новая Тепловка Бузулукского уезда Самарской губернии. В следующий раз он приехал вместе с С.А. Ларионовым – человеком лет 30–35, который и писал письма за Т.Г. Завражнова.

[5] Б.Н. Вишневский (1891–1965), антрополог, доктор географических наук. С 1923 г. – ученый хранитель МАЭ АН СССР, затем возглавил новый отдел антропологии. В 1927 г. при МАЭ по его инициативе было создано Бюро по антропологическому изучению групп крови народов СССР и организованы первые экспедиционные сборы этих данных в Чувашии. Публикации: (*Вишневский*. 1925: 127–130; *Его же*. 1928: 79–84; *Его же*. 1929: 229–252).

[6] Некоторые вещи, имеющие отношение к этнографии чувашей, после смерти Д.К. Зеленина были переданы в Музей, ныне они хранятся к коллекции № 6576.

[7] Деревянные бирки с нанесением зарубок о сборе подати с населения.

[8] И.А. Патмар (1915–1993) – собиратель фольклора.

[9] Д.Г. Мессершмидт из своей экспедиции (1719–1727) привез и первые образцы одежды чувашей. Об этом: (*Терюков*, *Салмин.* 2017: 5–33).

[10] П.С. Паллас из Академической экспедиции 1768–1774 гг. привез и вещи, относящиеся к этнографии чувашей (прежде всего – образцы одежды и женских украшений Причеремшанских чувашей). Об этом: (*Салмин.* 2017: 383–393; *Его же*. 2018: 136–142; *Абайдулова*, *Салмин.* 2018: 592–604).

[11] Данная фотография хранится в фондах МАЭ РАН. Коллекция № 106–73. Поступила в 1880 г. от И.С. Полякова. В 1903 г. регистрировала Е.Л. Петри.

[12] Фотография хранится в фондах МАЭ РАН. Коллекция № 106–73.

[13] Фотографии, привезенные И.С. Поляковым (1845–1887), хранятся в МАЭ в коллекции 106. О нем: (*Толмачёва*. 2014: 309–322).

[14] Речь идет о коллекции фотографий № 106, хранящейся в фондах МАЭ РАН.

[15] К.В. Щенников в 1910 г. был принят в МАЭ, руководил отделом фотографий и изображений.

[16] С.С. Кутяшов (1899–1944) – историк.

[17] С.Н. Юренев в 1922–1926 гг. в Чувашии записывал народные песни.

[18] В.К. Магницкий (1839–1901) – исследователь этнографии чувашей.

[19] Н.И. Гаген-Торн в своих публикациях много внимания уделяла изучению этнографии чувашей. Например, в книге: (*ГагенТорн.*1960). Она совершила специальную экспедицию в Чувашию и привезла много записей, а также фотографий (хранятся в фондах Европы МАЭ РАН: коллекции 316 и И-1714).

[20] Автор фото не указан.

[21] Подпись на фото похожа на: «Костин». Видимо, автор фотографии – фотокорреспондент газеты «Советская Чувашия» Георгий А. Костин или П. Костин. В центре – Т.А. Крюкова.

[22] Скорее всего, здесь происходит общесельское моление *учук*. Священника пригласили для прикрытия истинной цели традиционного обряда.

[23] З.В. Эвальд (1894–1942) собирала и изучала и чувашские народные песни, подготовила к печати шесть сборников из серии «Музыка народов СССР» (песни белорусские, удмуртские, марийские, чувашские, карельские, коми).

[24] С.И. Руденко (1885–1969) – археолог и этнограф. В его трудах отражены важные аспекты этнографии чувашей. Например: (*Руденко*. 1910: 81–88; *Его же*. 1911: 61–68).

Литература

Абайдулова А.Г., Салмин А.К. Причеремшанский дневник экспедиции П.С. Палласа // Ученые записки Казанского университета: Гуманитарные науки. 2018. Кн. 3. С. 592–604.

Вишневский Б.Н. Новый способ расовой диагностики в применении к чувашам // Доклады АН СССР. 1925. В. С. 127–130.

Вишневский Б.Н. Материалы для изучения групп крови у народов СССР // Доклады АН СССР. 1928. № 5. С. 79–84.

Вишневский Б.Н. Антропологическое изучение чуваш. К отчету по исследованиям 1927 года // Чувашская республика. Сб. 1. Предварительные итоги работ Чувашской экспедиции Академии наук СССР по исследованиям 1927 г. Л., 1929. С. 229–252.

Гаген-Торн Н. Женская одежда народов Поволжья: (Материалы к этногенезу). Чебоксары, 1960. 228 с.

Руденко С.И. Чувашские надгробные памятники // Материалы по этнографии России. Т.1. СПб., 1910. С. 81–88.

*Руденко С.И.*Добывание огня трением у чувашей // Труды студенческих научных кружков физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1911. С. 61–68.

Салмин А.К. В.В. Радлов и чувашеведение – I // Вестник Чувашского университета. № 4. 2013. С. 64–71.

Салмин А.К. В.В. Радлов и чувашеведение – II // Вестник Чувашского университета. № 1. 2014. С. 66–78.

Салмин А.К. Палласовская коллекция в МАЭ РАН (чувашская одежда) // Радловский сборник. СПб., 2017. С. 383–393.

Салмин А.К. Городище Булгар в контексте экспедиции П.С. Палласа // Вестник Чувашского университета. 2018. № 2. С. 136–142.

Терюков А.И., Салмин А.К. Первая коллекция одежды народов Волго-Камья // Сборник Музея антропологии и этнографии: LXIII. СПб., 2017. С. 5–33.

Толмачёва Е.Б. Первые коллекции МАЭ: Собрания И.С. Полякова как отражение общей истории формирования фотофонда // Сборник МАЭ. Т. LIX. СПб., 2014. С. 309–322.

На снимке: **Участник экспедиции композитор В.П. Воробьев за работой. 1957 г. Чувашская АССР //СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 144. Фото № 4. Фотограф Н.И. Гаген-Торн**

A.K. Salmin

THE MATERIALS OF CHUVASHIA IN THE FUND № 142 ST. PETERSBURG BRANCH OF THE ARCHIVE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

The purpose of the article is to analyze and describe the materials about the Chuvash, stored in the Fund № 142 of the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (Spbf ARAN). This Fund contains documents received by Spbf ARAN from the Kunstkamera – Museum of anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkamera) RAS. Most sources are published for the first time.

Keywords: Chuvash, archives, museums.

ЧГВ, 2020, № 15

© **А. Рона-Таш**. Рец. на: **K. Agyagási. Chuvash historical phonetics. An areal linguistic study, with an appendix on the role of Proto-Mari in the history of Chuvash vocalism.** Turcologica. Band 117. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden, 2019. 333 s. [Адягаши К. Чувашская историческая фонетика. Ареальное лингвистическое исследование. С приложением о роли Протомарийского языка в истории чувашского вокализма. – Висбаден: Harrassowitz Verlag, 2019. 333 с. (Тюркологика. Т. 117.)]. (Рецензия опубликована в: Magyar Nyelv 115. 2019. № 3. С. 257–270. Пер. с венг. Ю. Дмитриевой.)

Новая чувашская историческая фонетика

1. Как известно, тюркскую семью языков можно разделить на две главные ветви. В одну из них, называвшуюся раньше общетюркской, а сегодня чаще всего огузской, входят все тюркские языки за исключением одного. Другая главная ветвь – огурская, единственным ныне существующим языком ее является чувашский. С исторической точки зрения чувашский – это потомок огурской ветви древнетюркского языка. Огурская ветвь – одна из определяющих составляющих западной древнетюркской языковой группы. Исторически к главной огурской ветви принадлежали такие вымершие языки (на которых сегодня уже не говорят), как хазарский. Такое положение чувашского языка в системе исторического языкознания само по себе уже заслуживает особого внимания.

То, что предок чувашского языка играл определяющую роль в истории венгерского языка, придает особую значимость исследованиям чувашского языка как в мировой, так и в венгерской науке. Наконец, но не в последнюю очередь, в расшифровке сложной языковой и этнической системы народов Среднего Поволжья чувашский язык играет ключевую роль. Следовательно, история чувашского языка оказывает бесспорную помощь при рассмотрении целого ряда неразрешенных до сих пор вопросов.

Книга Клары Адягаши, вышедшая в 2019 г. в Висбадене на английском языке, – долгожданная и фундаментальная работа. В первой половине своей рецензии я изложу содержание книги, а во второй – приведу некоторые свои замечания.

2. Следующая после краткого «Введения» большая глава книги посвящена источникам истории чувашского языка. Последовательно приводятся источники пратюркской, древнетюркской, среднетюркской и современной чувашской эпох. Письменные источники чувашского языка появились только в XVIII в., более ранними источниками являются заимст-

А. Рона-Таш – доктор филологических наук, профессор, действительный член Венгерской Академии наук, e-mail: aronatas3@t-online.hu.

вования. В связи с этим автор обобщает, анализирует и оценивает имеющуюся на сегодняшний день литературу, посвященную заимствованному и нередко переданному далее другим языкам лексическому материалу дописьменного периода. Я бы здесь выделил анализ работ о восточнославянских и древнерусских заимствованиях [в чувашском языке], при этом Адягаши привлекла и результаты своих более ранних исследований. С переселением предков чувашей в Среднее Поволжье изменились и основные источники заимствований. Они вступили во взаимоотношения с народами, говорившими на протопермских языках. В то же время начинается дифференциация поволжских тюркских языков. С одной стороны – формировались чувашские/булгарские диалекты Поволжья, с другой стороны, мы должны рассмотреть и более ранний местный языковой субстрат. Этот период завершился нашествием монголо-татар, преобразовавшим и языковую картину Волжского края. Сюда перекочевали кыпчакоязычные народы (предки носителей более позднего волжско-татарского и башкирского языкового варианта), при этом носители языков финно-угорской группы сумели избежать монгольского завоевания.

Для исследований важно появление в XIII в. волжско-булгарских эпитафий. Как известно, эти содержащие тюркские элементы арабские надмогильные надписи имеют два главных типа. Один из них отражает язык, сходный с чувашским, тогда как другой был написан на местном варианте кыпчакского религиозного/литературного языка. Среднемонгольские заимствования попадают в чувашский язык после XIV в. через кыпчакское посредство. Марийские, русские и кыпчакско-тюркские заимствования [в чувашском языке] этого периода являются важным источником для фиксации среднечувашского языкового состояния.

Первые письменные памятники обнаружены в XVIII в. Вслед за ранними записями различных европейских путешественников, ученых в 1769 г., вышла в свет первая чувашская грамматика. С этих пор все больше становится религиозной чувашской литературы, написанной кириллицей. Главу завершает обзор современных чувашских лексикологических источников.

В следующих трех больших главах рассматриваются вопросы оппозиций согласных, системы гласных и изменений в среднечувашском языке.

Человек, слышащий речь современного носителя чувашского языка, будь то из северного или южного диалекта, не думает, что сталкивается с одним из тюркских языков. Это очевидно настолько, что первые исследователи чувашского языка не признавали его тюркским языком. Современный чувашский больше «звучит» как финно-угорский, нежели тюркский, о причинах этого споры идут давно. К. Адягаши в первую очередь описывает по возможности полную историю каждого отдельного звука чувашского языка.

Естественно, анализ начинается с особенностей, отличающих чувашский от общетюркских языков. Затем автор переходит к анализу каждого звука во всех возможных позициях. Одним из достоинств книги является то, что она перечисляет все изменения в отношении каждого звука и приводит все доступные данные. В качестве образца я представлю ротацизм, то есть явление, согласно которому общетюркскому /z/ в чувашском соответствует /r/. Вместо ниже приведенного мною в скобках слова «литература» в книге К. Адягаши стоят сокращения релевантных источников, которые я не намерен повторять. В первую группу входят слова, попавшие из огурского в протосамодийский язык:

ДТ **boro* → ПС **boro* ‘gray, wolf-gray, wolf-gray dog’, ср. ДТ *bōz* ‘gray’ (литература).

Данное слово не встречается в чувашском, поэтому его фиксация в качестве раннего заимствования особо ценна. Во вторую группу попали слова, встречающиеся и в венгерском. В третьей группе – слово, заимствованное древнеудмуртским языком, в четвертой – слово, попавшее в древнерусский язык. В пятой группе анализируется слово с ротацизмом, перешедшее в кыпчакские языки. Затем следуют чувашские слова с ротацизмом, их форму с /r/ можно вывести из чувашского. Данный список содержит 32 слова. Вот один пример:

ЗДТ/огур. **bär* >> чуваш. *par* ‘железа’, ср. РДТ *bāz* ‘a swelling on the surface of the body’ (литература).

Приведу один из примеров трактовки ауслаутных согласных. В чувашском во многих словах на месте общетюркского ауслаутного *n* стоит *m*. Это отражается, среди прочих, и в венгерском слове *szám*, которое, кстати, наиболее древнее [среди слов] с данным звуковым соответствием.

ЗДТ/огур. (**sān* >) **sām* 'number' (→ ПВ **sam* > *szám*), РДТ *sān* 'number', ср. чуваш. *sum* 'счет' (литература).

В то же время в части чувашской лексики данное изменение не происходило. Например:

ЗДТ/огур. **qān* > **χian* >> чуваш. *yun* 'кровь', ср. РДТ *qān* 'blood' (литература).

Данный вопрос рассматривался многими, некоторые предположили отдельную протофонему в тех случаях, когда в чувашском встречается *-m*, однако это не решает проблему. По мнению же К. Адягаши, в языке-предке чувашского присутствовали оба варианта: и с сохранившимся *-n*, и с изменением *n* в *m* (79).

К относительно более поздним относится изменение анлаутного **ti* > *či*. Рассмотрение этого звукоизменения важно и потому, что такое же изменение наблюдается и в монгольском языке. Так как в монгольском поразительно много огурских, то есть перенятых из языка – предка чувашского, заимствований, возникает вопрос, нет ли связи между этими двумя изменениями? Имеется пример, на первый взгляд свидетельствующий, что данное явление раннее:

ЗДТ/огур. **tāl* > ЗДТ/ВБ **ṭ̲ial* >> чуваш. *čul* 'камень', ср. РДТ *tāš* 'stone' (литература).

Это же слово в монгольском *čilagun* 'камень' > современный монг. (халха) *čulū*. Мы должны безусловно принять хронологический анализ К. Адягаши, согласно которому эти два изменения независимы друг от друга, и в чувашском оно произошло в XIII–XIV вв. Она добавляет, и вправе это сделать, что в различных волжско-булгарских диалектах это изменение происходило не одновременно. Особенно важно, что в волжско-булгарских надписях (XIII–XIV вв.) формы на *ti-* и *či-* еще чередовались; здесь мы можем наблюдать рождение этого явления.

Рассмотрение истории согласных звуков завершается обобщением и довольно наглядной таблицей (94).

Специалисты, занимавшиеся историей звуков, в курсе, что история развития гласных звуков намного сложнее истории согласных. К. Адягаши истории гласных отвела около 90 страниц (97–185), тогда как согласным – чуть меньше 60 (35–97).

Сначала она рассматривает вопрос пратюркских долгих гласных. Из-за того, что древнетюркские памятники языка не или только спорадически отражают древнетюркские долгие гласные, их можно реконструировать лишь методами сравнительной тюркологии. С этой точки зрения чувашский язык играет значительную роль. Здесь особенно важными являются попавшие в венгерский язык заимствования, как к примеру:

ЗДТ/огур. **kā̰p* 'модель' → ПВ **kēp* (> *kép*) 'picture, shape, form', РДТ *kēp, kēb* 'mould, Model', ср. чуваш. *kap* 'vnešnij vid, fgura etc.' (литература).

Из весьма основательного анализа [Адягаши] я бы выделил три вопроса. Пратюркскому краткому /*a/ в первом слоге в чувашском языке соответствуют в основном /u/ и /ĭ/. В отличие от этого, для долгого /*ā/ соответствий больше. В одних случаях долгий гласный дифтонгизируется. Место нелабиального /ā/ занимает /i̯a/, лабиальное /ā̰/ занимает /ua/. В других случаях долгий /ā/ укорачивается, и далее его судьба будет такая же, что и у изначально кратких звуков: /ā̰/ > /u/, а /ā/> /ĭ/. Примеры:

ЗДТ/огур. *qār> *χiår > ЗДТ/ВБ *i̯år> чуваш. *yur* ’снег’, ср. РДТ *qar* ‘снег’ (ДТС 422), *qār* ’snow’ (Клаусон 629)[1];

ЗДТ/огур. *āč- > ЗДТ/ВБ *uaś- > чуваш. *vïś-* ’проголодаться’, ср. РДТ *āč* ’to be hungry’ (литература);

ЗДТ/огур. *qara > ЗДТ/ВБ > СЧ$_1$ *χåra >> чуваш. *χura* ’черный свет’, ср. РДТ *qarā* ’black’ (литература);

ЗДТ/огур. *kat- > ЗДТ/ВБ > СЧ$_1$ χat- >> чуваш. *χït-* ’твердеть’, ср. РДТ *qat-* ’to be hard, firm, tough’ (литература).

Причину такого двоякого развития К. Адягаши видит в том, что в среднечувашском два аллофона /a/ (лабиальный /å/ и нелабиальный /à/), имевшиеся уже в древнечувашском, фонематизировались, затем развивались отдельно (115). Следы нелабиального /ȧ/ обнаруживаются в венгерских словах *tiló, tinó, béka*. К. Адягаши в своей книге дает почти полный перечень чувашских слов, относящихся к этим двум типам (115–121).

Я бы выделил еще вопрос о протезах. Хотя в некоторых кыпчакских диалектах и появляются протезы (вторичные согласные перед анлаутными гласными), они остаются субфонематическими. А в чувашском языке в определенных случаях перед лабиальными гласными образовалась протеза *v-*, а перед нелабиальными – *j (y)*.

ЗДТ/огур., ЗДТ/ВБ* *ōn* > СЧ$_1$ *wån* > чуваш. А *vunnă,* чуваш. В *vonnă* ’десять’, ср. РДТ *ōn* ’ten’ (литература);

ЗДТ/огур. *orman > ЗДТ/ВБ *urman > vurman >> чуваш. *vărman* ’лес’, ср. РДТ *orman* ’лес’ (литература).

Между прочим, данное изменение отражено уже в венгерском слове *vályú*, оно появляется и на волжско-булгарской эпитафии 1323 г. А *y*-протеза, возможно, более поздняя:

ЗДТ/огур. *ït > ЗДТ/ВБ *yït > чуваш. *yăt, yătă* ’собака’, ср. РДТ *ït* ’собака’ (ДТС 221), *it* ’собака’ (ДТС 215).

Значительные изменения в историю звуков чувашского языка привнесло монголо-татарское нашествие. Оно настигло Поволжье на 20 лет раньше, чем Венгрию. Нашествие монголо-татар являлось причиной не только резких перемен в истории народных масс, но и нового периода в истории языков Поволжья. По мнению К. Адягаши, три варианта волжско-булгарского языка сформировались еще до монгольского нашествия. Поэтому она в своей книге (160–185) обобщает все то, что можно реконструировать в трех диалектах ранее XIII в. Волжско-булгарский диалект 1 (ВБ$_1$) можно реконструировать с помощью заимствований в протопермский (ок. X в.) и протоудмуртский языки. Эти результаты подтверждаются и некоторыми заимствованиями из древнерусского языка. Вокализм характеризует сужение гласных и начальный этап редукции, консонантизм – начало спирантизации аффрикат. В венгерском языке к этому периоду относятся как слова типа *gyékény*, так и слова типа *szél*:

ЗДТ/огур. *jekän (→ ПВ *jeken ’rush mat’), ср. РДТ *yekän* ’разновидность камыша’ (ДТС 253) ЗДТ/ВБ$_1$ *śäkän → ДУ *śakan* ’rush mat’;

ЗДТ/огур. (*jēl >) *čēl* (→ ПВ *śēl*) ЗДТ/ВБ$_1$*śel, *sil ’wind’ → ПП *śil, возможно *śil, ср. РДТ *yēl* ’wind’.

Что касается волжско-булгарского 2 (ВБ$_2$), то, по мнению К. Адягаши, он идентичен булгарским элементам, скрытым на арабоязычных волжско-булгарских надписях. Хотя эпитафии и датируются промежутком между 1281 и 1361 гг., только на их основе (на основе

[1] Здесь К. Адягаши приводит два источника, в словаре Клаусона форма реконструирована правильно (примеч. автора рецензии).

булгарских элементов) возможна реконструкция домонгольского языкового состояния, то есть до 1220 г. Этот географически средневолжский булгарский диалект пережил монгольское нашествие, потом, в конце XIV в., вымер. Его главные характерные черты: сохранение анлаутного *у* через ступень *j*-, дифтонгизация после спирантизации ауслаутного велярного согласного и дифтонгизация долгих гласных.

Волжско-булгарский 3 ($ВБ_3$) – это предок современного чувашского языка, в который были заимствованы слова из $ВБ_2$. Этот диалект по-другому можно назвать еще поздним древнечувашским. В данном диалекте уже завершилось изменение *у* > *j* > *ś*. Следы его, среди прочих, сохранились и в татарских диалектах.

В следующей большой главе (185–244) рассматриваются звукоизменения среднечувашской эпохи. В это время формировался консонантизм современного чувашского языка, основной характерной чертой которого является оглушение звонких согласных. А в области системы гласных – их сужение и дальнейшая редукция. Однако в рамках этого системного изменения трансформировалось произношение согласных между гласными и после сонорных звуков: из напряженного (*fortis*) стало слабое (*lenis*). Первую фазу отображает протомарийский:

ЗДТ/ВБ **śükür* ’bread’ (ср. РДТ *čörek* ’loaf of bread’) → $ПМ_2$ **śükür* ~ **śükɜr* [следуют диалектологические данные].

Письменная форма современного чувашского слова *çăкăр* ‘хлеб’ неосведомленного человека может ввести в заблуждение, потому что читается оно как /śăGăr/, то есть велярный согласный произносится как слабый (*lenis*). В среднечувашский период система согласных звуков подвергалась и другим разнообразным изменениям. В это время началась сильная палатализация согласных, которая в словах с переднерядными гласными приобрела обобщенный характер и стала одной из главных характерных черт современного чувашского языка:

ЗДТ/огур. **tïkuγ* > $ЗДТ/ВБ_2$ **tïχuγ* > *t ïχu* > $СЧ_1$ **čïχu* > чуваш. *čăχ(ă)* ’курица’.

В венгерском *tyúk* отражается именно этот палатальный *t ʹ*. К. Адягаши тщательно анализирует основные виды изменений чувашских согласных, а где у нее достаточно материала, старается подтвердить результаты исследования с помощью внешних данных.

Большая часть главы посвящена коренным изменениям в системе гласных. Среди этих изменений особую значимость имеет сужение и редукция закрытых/узких гласных. К. Адягаши подробно рассматривает взгляды предшествующих исследователей по данному вопросу, предлагая новое решение. Его суть состоит в том, что она отделяет историю народа, имеющего отношение к ранним черемисским данным, (которой потом посвящает отдельную главу) от истории марийского народа. На ее взгляд, в результате монгольского нашествия прекратилось общественно-политическое превосходство волжских булгар и сформировалось двуязычие. В итоге протомарийский вокализм повлиял на волжско-булгарский диалект 3 и на систему звуков среднечувашского языка. В сущности, произошло так называемое копирование кода (*code copying*). Здесь я цитирую ее: «Способом, с помощью которого приведенное выше влияние осуществлялось, было копирование кода произношения редуцированных звуков» (200). Далее она добавляет: «И из этого вытекает, что редукцию позднедревнечувашских закрытых гласных я желаю интерпретировать как частичный случай копирования кода позднего протомарийского ($ПМ_2$), к чему, очевидно, необходимо и основательное изучение системы, служащей исходной точкой его гласных звуков» (200). После этого она подробно анализирует протомарийский вокализм, уделяя особое внимание ранним заимствованиям из волжско-булгарского. В результате приходит к выводу, что в протомарийском в первом слоге редуцированных не было, при этом во втором слоге они встречались. В марийском существовала оппозиция КРАТКИЙ : РЕДУЦИРОВАННЫЙ, тогда как в чувашском была оппозиция ДОЛГИЙ : КРАТКИЙ, в рамках которой первый слог мог быть как с долгим, так и кратким гласным, но в любом случае полного образования, а непервый слог – только с кратким

гласным полного образования. В связи с этим в первый период чувашская система звуков под воздействием марийского языка сначала преобразовалась так, что в первом слоге встречался только гласный звук полного образования, тогда как во втором слоге – редуцированный звук. После этого в чувашском редуцирование распространилось и на закрытые гласные независимо от их места в слове; таким образом, они появились и в первом слоге. Одновременно с этим долгий /ō/ среднего подъема стал более открытым, потеряв свою долготу (204–205). Некоторые слова, изначально содержавшие долгий /ō/ стали велярными, и /ō/ первого слога последовал за своей велярной парой:

ЗДТ/огур. **kōč-* > ЗДТ/ВБ$_3$ **kōś-* > СЧ$_1$ *kōś-* > чуваш. *kuś-* ’перемещаться, двигаться’, ср. РДТ *kōč-* ’to change one`s abode, migrate’ (литература).

Редукция гласных коренным образом изменила систему ударения в чувашском. Если в более ранние периоды ударение в чувашском языке так же, как и в остальных тюркских языках (в отличие от монгольского, где ударение было и остается на первом слоге), падало на последний слог, в среднечувашском это изменилось. Так как в последнем слоге слова гласный звук систематически стал редуцированным, ударение переместилось на предыдущий гласный полного образования. Если и он оказывался редуцированным, ударение падало на предыдущий нередуцированный гласный. А если в слове имелись только редуцированные, то ударным становился первый слог.

После многостороннего анализа среднечувашских звукоизменений, К. Адягаши целый подраздел посвящает изменениям вокализма позднечувашского языка. В этом процессе зафиксировано изменение *e* > *i*, из числа открытых гласных исчезли нелабиальный и лабиальный /a/ полного образования, тогда как на месте открытого /ä/ снова появился /a/ заднего ряда. Нелабиальный /ȧ/ преобразовался в велярный /ï/, лабиальный /å/ превратился в верховом диалекте в /o/, в низовом и в литературном языке (основанном на низовом диалекте) – в /u/. Этим изменениям подверглись также арабские, новоперсидские, древнерусские и среднемонгольские заимствования. В данной главе К. Адягаши пытается ответить на вопрос: почему же на месте старого чувашского нелабиального /ȧ/ наблюдается два соответствия, а именно – велярный /ï/ заднего подъема и редуцированный /ă/ заднего же подъема? Эти варианты часто встречаются в качестве диалектных параллелей (к примеру, вместе с лит. *ïvăś* ‘горсть’ рядом существует диал. *ăvăś*). По мнению К. Адягаши, формы с первым редуцированным гласным попали из ВБ$_1$ в качестве субстрата.

Важным элементом этой системы изменений является монофтонгизация дифтонгов:

ЗДТ/огур. **sawur* > ЗДТ/ВБ$_3$ **saur* > СЧ$_1$ **såur* > СЧ$_2$ **sur* > чуваш. В *sur-* ’веять’ (соответствие венг. *szór*).

Последний подраздел посвящен анализу двух основных чувашских диалектов – анатри и виръял.

Книгу завершает «Приложение» (*Appendix*). Его название – «Роль черемисского в истории чувашских гласных» (*The role of Cheremis in the History of the Chuvash vocalism*, 245–298). Приложение состоит из двух больших подразделов. Первый (245–287) трактует так называемый черемисский вопрос, а второй – вокализм позднего протомарийского (289–298).

Как известно, носители марийского языка называют себя *мари*, но их экзоэтнонимом (то, как их называют чужие) является *черемис*. К. Адягаши вполне правомерно поставила вопрос: верно ли, что встречающийся с IV в. в чужих/иностранных источниках этноним *черемис* (*Sremiscans, Čermis, Čeremis* и т.д.) всегда относился к носителям современного марийского языка? После подробного анализа литературы и источников тех времен по вопросу этого этнонима и названий, появившихся в соседних с марийским языках, она приходит к выводу, что нет. Изначально этноним *черемис* использовался для называния другого народа, а позже – в качестве топоса в основном для обозначения чужих, не своих, и только намного позже, после монгольского нашествия, слово *черемис* стало экзоэтнонимом, то есть

другие народы называли марийцев этим словом. Затем она рассматривает предложенные до сих пор этимологии этнонима и после того, как подвергает их детальной критике, констатирует, что уровень наших нынешних знаний не дает возможности определить происхождение этого слова (253). После этого она обобщает результаты археологических исследований территорий, заселенных ныне марийцами, и приступает к рассмотрению заимствований в марийском языке. Она отмечает здесь два факта, важных для дальнейшего изложения. Большая часть заимствований, являющихся на все сто процентов чувашскими, попали в марийский язык после монгольской эпохи. На основе таких же четких критериев также можно утверждать, что и ранние древнерусские заимствования в марийском языке не древнее монгольской эпохи, даже если они перешли через тюркское посредство. А это значит, что марийцы переселились на свою нынешнюю территорию в результате монгольского нашествия – именно в тот регион, который ранее в письменных источниках их соседями (русскими, булгарами и др.) назывался *черемис*. Вот таким образом достался марийцам экзоэтноним *черемис*.

Значит, до монгольской эпохи, то есть до первой половины XIII в. на территории современных марийцев жил другой народ. Далее Адягаши пытается ответить на вопрос, к какой же семье языков относился их язык. Она исходит из того, что в чувашском языке много слов, происхождение которых неизвестно. Также и в марийском языке имеются слова с неизвестным происхождением. И раньше отмечалось, но не придавалось значения тому, что в словах в чувашском и марийском языках неизвестного происхождения много общего.

К. Адягаши исследует данный слой слов, большая часть которых, по ее мнению, субстратные и переняты из языка народа, обитавшего раньше на берегах Вятки – Волги – Ветлуги, а позже исчезнувшего. Она выделяет 62 таких слова. Далее она рассматривает гидронимы этой и окружающей территории, которые, как известно, очень устойчивы, меняются крайне медленно. Она, подводя итоги своих и существовавших до нее исследований, приходит к выводу, что на этой территории проживали народы, говорившие на языке западной ветви балтийского языка, образовавшейся после распада балто-славянской общности. После этого она вслед за А.Х. Халиковым, но анализируя имеющийся языковой материал другими методами, устанавливает, что сохранившиеся в марийском и чувашском языках слова (и в других, соседних с ними, языках) в конечном счете можно связать с западной ветвью балтийской языковой семьи. Эти западно-балтийские элементы попали в марийский и чувашский язык через посредство другого языка. Этот язык-посредник, исчезнувший с тех пор субстратный язык, К. Адягаши называет «нижним черемисским» (*Low Cheremis*). В своей книге (270–287) она изучает историю и распространение десяти корневых слов западно-балтийского происхождения. Некоторые из этих слов являются многократными заимствованиями из западно-балтийского языка. Они попали в языки народов Поволжья, то есть в марийский и чувашский языки, через нижнечеремисский язык. К. Адягаши рассматривает следующие реконструированные западно-балтийские слова:

Зап.-балт. **ar̃damas* ’wood in logs’, ЗБ *ar̃dy-* ’to cleave’, ЗБ диал. **dub-* ’*grow with an empty space inside’, ЗБ **júos-* ’*gird’, ЗБ **kum̃p-* ’*bend’, ЗБ диал. **lẽk-* ’*fly’, ЗБ **lẽpš’*, ЗБ диал. **pũcio-* ’*suffocate, stifle’, ’*blow up’ ЗБ диал. **popliaũ-* ’*chat, gossip’, ЗБ диал. **su-stó-* ’*stop, combine, unite’, ЗБ **tur-* ’rotate, revolve’.

Таким образом, удалось идентифицировать загадочный прачеремисский язык. В остальной части книги автор исследует вопрос: можно ли соотнести данные исторических языковых контактов марийского и чувашского и трансформации структуры слов с предположением, согласно которому черемисский субстрат оставлял следы как в чувашском, так и в марийском языках, и марийский язык появился на своей нынешней территории только после монгольской эпохи.

Наконец, используя анализ протомарийской структуры гласных, она делает вывод о том, что под ее воздействием началось изменение (более новое) системы чувашских гласных. Она пишет: «Можно документально подтвердить существование 134 позднепротомарийских двухсложных структур, повлиявших, возможно, на историческое развитие 167 древнечувашских двухсложных структур» (290).

Книгу завершают полная библиография (299–320), список сокращений и список слов по языкам, из которых я бы выделил указатель венгерских и чувашских слов.

3. Особо хочется подчеркнуть, что в книге автор высказывает мнение по многим вопросам общей истории языкознания. Если теоретические и методические вопросы синхронного языкознания имеют обширную литературу, то общим и методическим вопросам исторического языкознания внимание почти не уделялось. Научная квалификация и вся исследовательская деятельность К. Адягаши охватывает три основные семьи языков – типологически различающиеся тюркские, финно-угорские и славянские языки. Она не только основательно знакома с материалом этих областей и использует его в своей книге, но хорошо знает и проблемы истории языков соответствующих территорий, а также методы их решения. Ниже я коснусь некоторых таких общих вопросов.

Сегодня общеизвестно, что языковые изменения системны и могут быть описаны через правила. Значит, недостаточно рассматривать отдельные изолированные явления, скажем, привести одно правило и три примера к нему, необходимо изучать изменения в оппозициях, в системе. Вопрос возникает, когда выясняется, что правила не охватывают весь языковой материал, имеются исключения. Согласно взглядам прежних новограмматиков, все исключения подчиняются второму правилу. К примеру, прототюркский сибилянт /s/ сохраняется во всех тюркских языках (в башкирском /h/). За исключением чувашского, в котором в некоторых случаях на месте /s/ находим /š/. Исключение тоже соответствует правилам. Если после /s/ следует /i/, /ï/, тогда /s/ превратится в /š/. Однако в некоторых случаях /s/ превращается в /š/, к примеру, и перед /a/ и /e/. К этим случаям подходит другое правило: перед /a/ и /e/ изменение сибилянта происходит, если они оказались долгими. Можем объяснить это правило. Долгий /ā/ и долгий /ē/ дифтонгизируются и превращаются в /i̯a/, и /i̯e/, элемент дифтонга /i/ также влияет на сибилянт, как и одиночные /i/, и /ï/. Данная система изменений имеет четкую хронологию. Она отражается в западно-древнетюркских заимствованиях венгерского языка (*sár, sárga, seper, serke, sīk, sima, sió, sőreg, sűly, serleg*). Установлению относительной хронологии этого явления помогают и чувашские заимствования из татарского и древнерусского языков. В книге К. Адягаши (55–58) все это описано ясно, и приведенные ею слова исчерпывающе демонстрируют данное явление. Однако в этой группе слов имеются и ренитентные[1] элементы. Один из них – тюрк. *sïn*, означающий ‘внешний вид’, который в венгерском встречается как *szin,* а в чувашском – в форме *săn* (данные см.: WOT. 799–802). Не случайно, но на самом деле безосновательно в EWUng (2: 1436) этот элемент отнесен к словам неизвестного происхождения, тогда как Лигети (1986) выбрал более простой путь: вообще не рассматривает его, как и К. Адягаши, которая данное чувашское слово тоже не рассматривает, очевидно, из-за того, что считает его заимствованием из татарского, так же как это указано в WOT. Однако она рассматривает тюркское слово *sïrt*, которому в чувашском соответствует *sărt* ‘холм’, в венгерском – *szirt* (данные см.: WOT. 806–808). Заслуживает внимания то, что ожидаемая форма *šïrt* тоже имеется; К. Адягаши приводит татарскую диалектную форму *šïrt* (176), которая, по ее мнению, попала в татарский язык не из предка чувашского, то есть волжско-булгарского 3, а из волжско-булгарского 2. Наконец, но не в последнюю очередь, неизбежно возникает вопрос тюркского *siŋek*. Соответствие этому слову с точки зрения анлаутного звука есть в чувашском: *šăna*, тогда как в попавшем в венгерский язык слове *szúnyog* также нет изменения /s/ > /š/ перед /i/, как и в венгерских *szirt* и *szin*. Еще одна особенность в истории этого слова состоит в том, что в чувашском на месте огурского /ŋ/ вместо ожидаемого /m/ стоит /n/: *šăna*. Однако в монгольской форме слова сохранился /m/: *sima-gul*.

Лингвист, изучающий правила изменения звуков, предпринимает попытки установить и другие правила. Причиной исключения может быть заимствованный характер слова. Как и ее предшественники, К. Адягаши предполагает это в случае с чувашским */săn/*. Однако это не действует в случае с чувашским */sărt/* и со словом, которое могло послужить источником венгерского заимствования *szúnyog*. То же со словом *szongor*, которое в венгерском является куманским заимствованием. Однако одновременно с этим это же слово име-

[1] То есть противоречащие, не вписывающиеся в общую систему (примеч. переводчика).

ется и в чувашском в форме *šănkkar* ‘название неизвестной птицы’, восходящей к древней тюркской форме **sinqur*. Впрочем, это слово отсутствует в обширном списке данных К. Адягаши. Что касается происхождения венгерского *szúnyog*, можно предположить, что венгерский язык перенял уже ассимилированную форму /*sunuk*/ (это встречается также на с. 1085 в WOT).

При толковании двоякого соответствия прототюркскому *а в чувашском языке – /u/ и /ï/, К. Адягаши использует другую систему правил. По ее мнению, нелабиальный /ȧ/ и лабиальный /å/, изначально выступающие как аллофоны, фонематизировались, первый превратился в /ï/, второй – в /o/ и затем, в низовом, – в /u/ . Это хорошо подходит для объяснения развития сужения гласных. К. Адягаши не учла предложенную Дерфером возможность (1971, 1975–1976), что во всех случаях, когда на месте общетюркского /a/ в чувашском встречается /ï/, мы имеем дело с протофонемой, исчезнувшей в остальных тюркских языках и сохранившейся только в чувашском. Возможно, стоило бы и открыто опровергнуть мнение Дерфера. Свое утверждение относительно фонематизации последний доказывал с помощью имеющихся в чувашском языке монгольских, русских, новоперсидских и арабских заимствований (115). Однако К. Адягаши должна иметь в виду то, что пратюркский *а первого слога в чувашском языке во многих случаях имеет еще и третье соответствие: редуцированный, закрытый, нелабиальный /ĭ/, который в чувашском написании передается как <*ă*>. (Эти случаи она излагает на с. 230–232.) В качестве примера можно упомянуть ПТ глагол *baq-*’смотреть, видеть’, которому в чувашском соответствует *păχ-* ‘смотреть’, хотя должны было бы быть **puχ-* или **pïχ*. По мнению Адягаши (230), эти слова – заимствования из другого волжско-булгарского диалекта.

Аналогичное решение предлагает К. Адягаши и в следующем случае: ауслаутный */n/* в чувашском в некоторых словах переходит в */m/* (по ее мнению, в эту категорию входит венгерское *szám*), а в других словах */n/* в конце слова сохраняется; в эту категорию входят корни двух венгерских слов *megszán*, *szándék*, произошедших от слова *szán* (WOT. 766–773) и многие другие (см.: WOT. 1084). По мнению К. Адягаши, было два чувашских диалекта. В одном из них */n/* в конце слова перешел в */m/,* в другом */n/* сохранился. Затем эти два диалекта смешались, и в современном чувашском языке представлены данные обоих диалектов. Нет уверенности, что данные венгерского языка отображают /m/-диалект. WOT (1084) предполагает, что появившийся в венгерском *m* это какой-то тюркский суффикс. Однако это только одна из возможностей. Если судить по ней, вероятно, в венгерском на месте тюркского *-n* не может быть другого звука, кроме ауслаутного *-m*. По этому вопросу довольно много литературы, но то, что в современном чувашском языке или в его диалектах формы с конечным */n/* и */m/* часто присутствуют рядом друг с другом – это факт. Значит, за этим явлением мы должны искать определенные причины диалектного характера. Однако нет уверенности, что изначально имело место смешивание двух различных диалектов. Такие языковые изменения возможны и без принадлежности двум разным диалектам.

На такую возможность обратил внимание Лигети (1968) в связи с ламбдаизмом. По цитированной К. Адягаши (41) идее, предложенной Лигети, возможно постепенное распространение какого-либо звукоизменения только на те же звуки в том же положении. Если в истории носителей языка в момент изменения звука возникает новая значимая ситуация, распространение звукоизменения может остановиться и произойти не во всех словах. Я бы здесь не хотел вдаваться в подробности, но, к примеру, изменение звука */š/* в */l/* происходило через звуковое сочетание */lč/.* Однако до завершения этого процесса во всех словах носители языка переселились в другую местность, и из-за того, что они попали в иное окружение, в иную общественную организацию, данное звукоизменение не было завершено. По этой причине слова с **š* и **l* сосуществуют вместе.

Трудно сказать, входит ли в эту категорию изменение *n* > *m*, но такую возможность рассмотреть необходимо.

Наконец, я упомянул бы о сужении в системе чувашских гласных. К. Адягаши больше всего времени и внимания отдает именно этому вопросу. Система чувашских гласных потерпела многоступенчатое сужение, это факт. К. Адягаши справедливо утверждает, что в течение первой фазы долгие гласные стали краткими или подверглись дифтонгизации. В спе-

циальной литературе идут споры о том, имелся ли долгий вариант у обоих видов звука *е*. Помимо закрытого долгого /ē/ К. Адягаши реконструирует и открытый долгий /ä/, долготу она объясняет с помощью венгерского *kép*, а открытость – с помощью чувашского *kap*, следуя анализу в WOT. Хотелось бы здесь увидеть еще несколько чувашских примеров. Тут надо бы рассмотреть и такое чувашское фонетическое явление: во многих случаях на месте общетюркского закрытого /*е/ в чувашских данных реконструируется открытый /*ä/. К примеру, общетюркскому *ešik* 'дверь', упомянутому и К. Адягаши (42), в чувашском соответствует *alăk*, первый гласный звук в общетюркском слове – закрытый /е/, тогда как в чувашском он восходит к открытому /ä/. Имеется несколько подобных случаев.

Не только в чувашском языке, но и в остальных языках народов Среднего Поволжья и Южного Приуралья – в марийском, татарском и башкирском – произошло сужение гласных звуков. Это системное, многоступенчатое звукоизменение, вероятно, имеет ареальный характер, то есть эти частичные изменения были вызваны друг другом, но происходили независимо друг от друга. Можно представить, что направление воздействия со временем менялось в зависимости от того, какая языковая общность была культурно и политически доминирующей. В развертывании этого тезиса в книге К. Адягаши сделан значительный шаг вперед. К примеру, по ее мнению (199), протомарийский язык оказал влияние на предка чувашского языка, то есть на $ВБ_3$, через двуязычие. С другой стороны, формирование протомарийских редуцированных звуков происходило не под влиянием татарского, как считал Берецки (201). Согласно мнению К. Адягаши, преобразование системы гласных чувашского языка (то есть то, что она стала более закрытой, а также редукция гласных), началось с частичного копирования кода, затем в результате встречи с «нижними черемисами» данный процесс усилился или ускорился (219). Этот сценарий будет оспариваться или критиковаться многими, однако мы уверены, что эту гипотезу смогут либо подтвердить, либо опровергнуть дальнейшие исследования.

Сегодня я уже сам вижу, что изменения в языковой системе зависят от сильных тенденций и сосуществующих с ними слабых тенденций. Строгий, неограмматический поиск правил в этом смысле имеет высокую эвристическую ценность, но сейчас это только один из возможных подходов среди других методов. Не стоит заблуждаться, описание тенденций происходит после установления правил, а не наоборот. А в книге К. Адягаши тенденции прослеживаются хорошо.

В такой работе, как рецензируемая нами книга, охватывающей обширный материал и систематизирующей многообразные языковые данные, легко найти опечатки и мелкие ошибки. Не лишены всего этого и наши с вами работы. Я здесь хотел бы обратить внимание на некоторые затрудняющие понимание опечатки или ошибки. Нужно убрать этноним *yuwār* на первой странице, отождествлять его с *qabar* нельзя.

На с. 13 К. Адягаши цитирует мою статью, вышедшую в 1974 г. (Рона-Таш 1974) и посвященную возможным тохаро-древнетюркским связям, но эта работа на сегодняшний день может представлять ценность только для истории науки. Связи тохарского языка с алтайскими, а также тохарского и тюркских языков после 1974 г. мало кто исследовал. В конце моей статьи имеется знак вопроса, поставленный для того, чтобы обратили на эти связи внимание. Кратко коснулся этой темы В.В. Иванов (1988). Долгожданный ответ от исследователя тохарского языка прозвучал на конгрессе в 1990 г. и был опубликован в труднодоступном издании (Райнхарт 1994). Я встречался с автором в 1995 г. в Вене, где мы обсудили его статью. Принимая во внимание новейшие результаты тохарских исследований, Райнхарт не соглашается со многими тохарскими этимологиями. По поводу некоторых этимологий он предполагает, что возможно, слово было заимствовано не из тохарского, а попало из какого-либо иранского языка как в тохарский, так и в тюркские языки. Однако с одним из его главных аргументов нельзя соглашаться. Потому что Райнхарт придерживается взглядов о родстве алтайских языков, тогда как в данном споре важными аргументами могли бы быть образцы заимствований из тохарского. Тохарские элементы могли быть важными аргументами в вопросах ротацизма ($z > r$) и ламбдаизма ($š > l$). Принимая во внимание другие данные и факты, относящиеся к направлению этих звукоизменений, стоит пересмотреть ранние иранские и тохарские элементы. Результаты можно ожидать от возобновившихся в последнее

время тохарских исследований. Однако выводов К. Адягаши это непосредственно и напрямую не касается.

На с. 89 представлено огурское спорадическое изменение *t* > *š*. Хотя встречается и такое, это не тот случай. Само изменение **tišlig* > **šišlig* > **šillig* (исходная форма венгерского *süllő*), при котором сначала произошла ассимиляция, то есть /t/ под воздействием последующего /š/ превратился в /š/, а не в /ti/, как это написано у К. Адягаши. Это имеет значение и потому, что доказывает первичность /š/ по отношению к /l/. А это опровергает один из главных аргументов в пользу алтайского языкового родства. На с. 102 имеются опечатки, имеющие отношение к связям тюркского *tüš* 'полдень', которое является только омофоном слова **tüš* 'сон'; для первого из них исходным является чувашское *těl*, для второго – чувашское *tělěk*. Возможно, тут перепутаны две карточки.

В некоторых случаях мое мнение отличается от того, что пишет К. Адягаши, но нет гарантии, что я прав. Переход от ПТ *ogul* 'мальчик' к современному чувашскому *ївăл* она реконструирует так:

ЗДТ/огур. **ogul* > **agul* > ЗДТ/ВБ **'ăvul* > чуваш. *ївăл*,

в то время как я думаю:

ЗДТ/огур. **ogul* > *ōl* (см. венг. *olló*) > *oul* > *au̯ul* (ВБ *awli*) > *ївăл.*

Эта разница не имеет отношения к содержанию книги, но важна для трактовки формирования звукосочетания *VgV. Автор чередует английские термины *(historical) phonetics* и *phonology*, что я делать бы не стал. По моему мнению, о фонетике можем говорить только когда речь идет о живом языке. Однако венгерский термин *hangtörténet* в этом вопросе нейтрален, что, возможно, явилось причиной проблемы для Пала Лиели, которого, кстати, хотелось бы похвалить за перевод.

4. Книга К. Адягаши, хотя ее местами и нелегко воспринимать, является фундаментальным трудом тюркологии, содержит много нового в плане исследования языков Поволжья. Исследователям истории венгерского языка она тоже быть весьма полезной, так как в ней с новых позиций трактуется западно-древнетюркские элементы венгерского языка. Однако данный труд, обогащает, прежде всего, исследования по истории чувашского языка. Книга потенциально содержит в себе основу для более полного, чем имеющиеся сейчас, этимологического словаря чувашского языка. Мы можем только надеяться, что он появится в скором времени.

Сокращения

ВБ = волжско-булгарский
ДТ = древнетюркский
ДУ = древнеудмуртский
ЗБ = западно-балтийский
ЗДТ = западно-древнетюркский
огур. = огурский
ПВ = правенгерский
ПМ = протомарийский
ПП = протопермский
ПС = протосамодийский
ПТ = пратюркский
РДТ = ранний древнетюркский
СЧ = среднечувашский
чуваш. = чувашский
чуваш. А = анатри
чуваш. В = виръял

Литература

EWUng. = *Etymologisches Wőrterbuch des Ungarischen* 1–2. Hrsg. Loránd Benkő. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1993–1995.

WOT. = Róna-Tas, András – Berta, Árpád. *West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian* 1–2. Harrassowitz, Wiesbaden, 2011.

ДТС. – DTS. = *Drevnetjurkskij slovar'*. Red. V.M. Nadelaev – D.M. Nasylov – E.R. Tenišev – A.M. Ščerbak. Nauka, Leningrad (Древнетюркский словарь / ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.: Наука, 1969).

Иванов 1988 – Ivanov, V[jačeslav]. V[sevolodovič]. 1988. K probleme toharo-altajskih leksičeskih svjazej. Iz dokladov pročitannyh na XXIX sessii PIAK. *Voprosy Jazykoznanija* 4: 99–102 (*Иванов Вяч. Вс.* К проблеме тохаро-алтайских лексических связей: из докладов, прочитанных на XXIX сессии ПИАК // Вопросы языкознания. 1988. № 4. С. 99–102).

Клаусон 1972 – Clauson, Sir Gerard 1972. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. The Clarendon Press, Oxford.

Лигети 1986 – Ligeti Lajos 1986. *A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpádkorban.* Akadémiai Kiadó, Budapest.

Райнхарт 1994 – Reinhart, Johannes 1994. Die tocharischen Entlehnungen im Altaischen und die Chronologie der tocharischen Lautgesetze. In: Schlerath, Bernfried ed., *Tocharisch. Akten der Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, Berlin, September 1990.* Tocharian and Indo-European Studies, Supplementary Series 4. Málvísindastofnun Háskólans Islands, Reykjavík. 73–92.

Рона-Таш 1974 – Róna-Tas, András 1974. Tocharische Elemente in den altaischen Sprachen? Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker. In: Hazai, Georg – Zieme, Peter Hrsg., *Protokollband der XII. Tagung der Permanent International Altaistic Conference 1969, in Berlin.* Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients 5. Akademie Verlag, Berlin. 499–504.

ЧГВ, 2020, № 15

© Р.Р. Исхаков. Рец. на: **Егоров Д.В. Верховный бог чувашей *Турă*: опыт историко-этнографической реконструкции**. Чебоксары, 2020. 64 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 30).

Доклад кандидата исторических наук Д.В. Егорова «Верховный бог чувашей *Турă*: опыт историко-этнографической реконструкции» посвящен актуальной, малоизученной теме. Автор предпринял удачную попытку историко-этнографической реконструкции эволюции представлений чувашей о ключевом персонаже их религиозной мифологии – боге-демиурге *Турă*. Весьма значимо, что в исследовании использован междисциплинарный подход – привлечены как методологический аппарат исторических дисциплин, так и научные методы, применяемые в религиозной антропологии, компаративистике, фольклористике. В своем исследовании Д.В. Егоров активно использовал многовековой пласт народной культуры, отложившийся в религиозной лексике, привлек этнографические материалы по религиозной и обрядовой культуре чувашей. Весьма внушительным выглядит привлеченный комплекс неопубликованных источников. Благодаря использованию разноплановых эмпирических данных, автору удалось в широкой исторической ретроспективе проследить и проанализировать генезис представлений чувашей о боге *Турă*, сделать выверенные выводы о значении этого персонажа религиозного пантеона в культурно-религиозной жизни чувашского традиционного общества.

Обращение к теме религиозной мифологии, проведение комплексных исследований, посвященных отдельным представителям религиозного пантеона, является важным направлением в изучении религиозной культуры чувашского народа. В результате сложных соци-

Радик Равильевич И с х а к о в – доктор исторических наук, заведующий Центром изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; e-mail: ishakov83@rambler.ru.

альных процессов, протекавших внутри социума, сложилась система религиозных верований чувашей, на протяжении длительного периода включавших в себя мировоззренческие, психоментальные установки народа. Преломляясь через сознание, эти представления формировали целостную религиозную картину мира человека, жившего в несекуляризованном обществе, формируя определенные стереотипы, этические, культурные, природно-экологические нормы поведения в окружающем мире. Будучи фактом культуры, народные верования определяли культурно-информационную связь между поколениями. В этом смысле они выступали в роли контролирующей системы, которая обеспечивала сохранение народной культуры. Сохранение традиционных основ народной религии у чувашей, несмотря на продолжительный период их взаимодействия с авраамическими верованиями (исламом, а впоследствии с православным христианством), являлось формой рефлексии, направленной на сохранение своей самобытной культуры и идентичности. Традиционные верования, имевшие общую духовную и социальную основу у всех коренных нерусских народов Волго-Уралья и оперировавшие к конкретно-природному миросозерцанию, где каждый элемент, включая обитателей сверхъестественного мира, являлся составной частью единого с человеком микро-макрокосма, с которым он постоянно вступал в открытый контакт, наиболее адекватно отвечали культурно-психологическим особенностям развития их патриархального сельского общества. Можно уверенно утверждать, что именно в чувашской мифологии и религиозном фольклоре «зашифрован» «культурный код» народа, помогающий нам понять важнейшие основы жизни предков чувашей.

Исследование Д.В. Егорова представляет безусловный научный интерес не только для изучения традиционной религии чувашского народа. Как убедительно показано в докладе, религиозно-мифологические представления чувашей о Верховном Боге восходят к общетюркским верованиям, связанным с культом небесного божества – Тенгри. Материалы, привлеченные Д.В. Егоровым, расширяют наши представления об архаичных пластах религиозной культуры тюркских народов. Благодаря особенностям социокультурного развития, чуваши сохранили и пронесли через века элементы древних религиозно-мифологических представлений своих далеких предков – огуро-болгар. Их изучение дает богатую пищу для широких исторических реконструкций. Весьма ценно, что автор в рамках ретроспективного анализа эволюции представлений чувашей о *Турă* активно привлекает исторические данные о верованиях древнетюркских и монгольских народов. Этот исторический нарратив дополняет этнографические сведения более позднего времени и наглядно показывает общую преемственность чувашских и древнетюркских верований.

Исследование состоит из трех разделов. В первой главе прослежен генезис и эволюция представлений о *Турă*. Весьма убедительно выглядит концепция автора о происхождении теонима *Турă* от общетюркского Тенгре. Основываясь на современных исследованиях филологов и компаративистов, Д.В. Егоров обосновал, что процесс трансформации слова «Тенгре» в «Турă» у предков чувашей произошел в раннем Средневековье, в период миграции болгарских племен в Среднее Поволжье. Не вызывает серьезных возражений взгляд автора на формирование и развитие образа Тенгре в древнетюркских и монгольских сообществах Средневековья, а также стратификация этапов эволюции образа *Турă* в системе религии предков чувашей. В целом, можно констатировать, что исследователю удалось показать цельную, непротиворечивую картину становления и трансформации образа Верховного Бога в чувашских народных верованиях.

Вторая глава рецензируемой работы посвящена изучению взглядов чувашей на *Турă*. Рассмотрены: облики, ипостаси и функции этого мифологического персонажа, религиозный пантеон чувашской религии во взаимосвязи с верховным божеством-демиургом. На основе разноплановых источников Д.В. Егоров показал синкретизацию образа *Турă* у чувашей, выявил факторы, повлиявшие на этот процесс.

Третья глава посвящена религиозной обрядности, связанной с Верховным Богом, а также освещению места культа *Турă* в социокультурной жизни чувашского патриархального общества. Автор проанализировал важнейшие элементы религиозной мифологии и обрядности чувашей, связанных с *Турă*, аргументированно показал, что практически все значимые

чувашские праздники аграрного цикла были связаны с чествованием главы чувашского религиозного пантеона.

Подводя итог, отметим, что рецензируемая работа является интересным и значимым, с научной точки зрения, исследованием, в котором обобщаются накопленные в историографии сведения об одном из персонажей чувашской мифологии, а также предлагается концепция эволюции представлений о нем. Данный доклад может стать основой комплексных исследований по религиозной мифологии и системе религии чувашей.

Отмечая безусловные достоинства работы, обратим внимание на некоторые вопросы, возникшие при знакомстве с докладом.

1. На наш взгляд, доклад Д.В. Егорова носит постановочный характер. Как признает сам автор, данное исследование не претендует на решение всех поставленных в ней вопросов (с. 4). Вполне понятно, что в ограниченных рамках научного доклада вряд ли возможно полностью раскрыть такую многогранную тему, учитывая, что для ее комплексного изучения необходимо привлечение обширной эмпирической базы, включающей в себя материалы по народным верованиям и мифологии практически всех тюркских народов обширного Евразийского пространства. В связи с этим в ряде случаев Д.В. Егоров ограничивается постановкой проблемы, не давая однозначного ответа. В частности, в работе ставится вопрос: является ли система религии чувашей формой монотеизма или политеизма? Автор провел обзор разных мнений по этой проблеме, но не представил своего видения решения данного вопроса. Это можно признать историографической лакуной, учитывая, что данная проблема напрямую связана с исследуемой темой, без решения которой невозможно в полной мере раскрыть и охарактеризовать представления чувашей о боге *Турă*.

2. Одной из центральных задач, решаемых в рамках рецензируемой работы, является изучение генезиса и эволюции образа бога *Турă*. Можно признать, что это, действительно, весьма важная, но слабо разработанная в современной историографии тема. Подход автора к решению этой задачи весьма перспективен и заслуживает внимания. В то же время хотелось бы обратить внимание на один момент, который в достаточной мере непроработан в докладе, а именно – не предложена четкая классификация этапов трансформации представлений о боге *Турă*, с обозначением хронологических рамок и социокультурных факторов, повлиявших на этот процесс. И хотя любая такая классификация носит условный характер, тем не менее она позволяет более детально и полно реконструировать эволюцию религиозных взглядов социума.

3. Работу значительно обогатило бы привлечение трудов западноевропейских и американских исследователей, занимающихся социальной и религиозной антропологией доиндустриальных обществ. В частности, в исследованиях Л. Леви-Брюль (по верованиям первобытных обществ), П. Голдена (по религиозным представлениям тюрков Средневековья), И. Левин (по язычеству и синкретизму русского народа) предложены оригинальные концепции адаптации и трансформации религиозных практик традиционных обществ, проведена реконструкция религиозной культуры ряда средневековых сообществ.

4. По нашему мнению, в докладе недостаточное внимание уделено изучению влияния этнокультурных контактов чувашей с соседями на изменения в системе их народной религии, процесса синкретизации образа *Турă* и наделения его новыми качествами.

5. К сожалению, в работе практически не использованы материалы, характеризующие современные представления чувашей о *Турă*. Их привлечение позволило бы оценить результаты длительного процесса эволюции образа Верховного Бога и подвело бы определенный итог работы.

Представленные выше замечания имеют дискуссионный характер и направлены на обсуждение некоторых не решенных в современной историографии проблем, поднятых на страницах доклада Д.В. Егорова. Они не снижают высокой оценки исследования и могут рассматриваться как предложения для дальнейшего улучшения работы.

ЧГВ, 2020, № 15

© И.Г. Петров. Рец. на: **Сергеева Е.В. Чувашская община второй половины XIX – начала XX века: половозрастная стратификация**. Чебоксары, 2020. 48 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 31).

Научный доклад кандидата исторических наук Е.В. Сергеевой представляет несомненный научный интерес, так как он написан по актуальной теме, имеющей отношение к чувашской сельской общине пореформенного периода (второй половины XIX – начала XX в.). Несмотря на то, что указанная тема в том или ином аспекте получила освещение в трудах не одного поколения ученых (В.К. Магницкий, Н.В. Никольский, Г.И. Комиссаров, И.Д. Кузнецов, В.Д. Димитриев, П.В. Денисов, Н.П. Денисова, Н.А. Петров, Г.А. Николаев и др.), не все вопросы оказались глубоко исследованными. Сказанное относится также к такому вопросу, как изучение половой и социовозрастной стратификации чувашской общины в контексте изучения их терминологии. Именно это обстоятельство в конечном итоге сподвигло автора поставить основную цель рецензируемого исследования – «раскрыть половозрастную стратификацию чувашской общины второй половины XIX – начала XX века» (с. 3). Задачами исследования определены изучение во всем многообразии бытовавших в народе терминов, передающих половую и социовозрастную градацию чувашского сельского общества и возрастной символизм различных возрастных групп, то есть отличительные черты между ними. Для удобства раскрытия этой проблемы исследователь предложила рассмотреть ее на примере трех возрастных групп – «дети», «взрослые (молодежь и семейные)», «пожилые люди или старики». Представляется, что для системного и глубокого анализа это вполне удобная и оправданная градация сельского общества. Тем более эффективность и продуктивность такого подхода успешно доказаны другими учеными, которые в своих исследованиях так или иначе касались этой темы.

Структура научного доклада прямо вытекает из поставленных целей и задач и состоит из двух основных глав. В первой его главе (с. 5–15) автор последовательно проанализировала половую и социовозрастную терминологию в контексте обозначения и дифференциации выделенных трех возрастных групп. Во второй главе (с. 16–30) автор сделала акцент на так называемый возрастной символизм, под которым понимается комплекс различных обрядово оформленных акций или ритуальных действий, направленных на закрепление половой принадлежности, поэтапную социализацию подрастающего поколения или переход в ту или иную возрастную группу, а также характерные различия, проявляющиеся в социальном статусе, распорядительных и имущественных правах и обязанностях, а также во внешнем облике, прежде всего, в праздничном и обрядовом костюмах.

Для решения поставленных задач Е.В. Сергеева использовала и проанализировала достаточно солидный и репрезентативный корпус источников. Прежде всего, автором тщательно были изучены опубликованные работы отечественных и чувашских исследователей по сельской общине, традиционной календарной и семейной обрядности, этнопедагогике, этнопсихологии, социологии и т.д. Значительную долю в исследовании заняли аутентичные материалы, извлеченные автором из Словаря чувашского языка Н.И. Ашмарина, архивных фондов ЧГИГН, а также из опубликованных и неопубликованных сборников чувашского устного народного творчества. Многие из них публикуются впервые. Они в своей совокупности не только ярко иллюстрируют и подкрепляют постулируемые автором суждения, но и придают работе особое своеобразие и оригинальность.

Автором подвергнуты беспристрастному анализу не только традиционные и устоявшиеся социальные слои чувашской общины, но и так называемые анормальные социовозрастные категории – безбрачные женщины и мужчины, вдовы и вдовцы, калеки, безродные, женщины, родившие детей вне брака, незаконнорожденные дети, старые девы, неженатые парни и т.д. Такой подход нужно только приветствовать, так как он способствует более адекватному и полному пониманию внутренней структуры чувашской общины.

Игорь Георгиевич П е т р о в – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН; e-mail: ipetrov62@yandex.ru.

Положительной стороной исследования является стиль научного изложения. Это касается не только языка (простота, доступность, логичность), но и структуры научного сочинения: в конце каждого параграфа и главы автор кратко и емко сформулировала полученные в процессе научного анализа выводы и заключения.

В заключение позволю себе остановиться на некоторых замечаниях, которые возникли после ознакомления с научным докладом. Они естественно присутствуют, и это неизбежно. Осветить все аспекты данной темы автору не позволили как ее новизна, так и недостаточная ее изученность. С другой стороны, это, возможно, обусловлено объемом научного доклада, ограниченного строго отведенными рамками. Поэтому нижеследующие замечания я склонен считать не критикой, а скорее дружескими пожеланиями, которые автор может учесть или иметь в виду в будущих исследованиях.

1. На мой взгляд, не совсем корректно сформулировано название научного доклада. Исходя из поставленных целей и задач, его название можно было бы сформулировать предельно конкретно и понятно, например, «Половозрастная стратификация чувашской общины второй половины XIX – начала XX века: терминология возрастных групп, возрастной символизм, гендерные стереотипы», потому что предложенная формулировка доклада априори предполагает, что в нем будет предоставлен также анализ половозрастной стратификации чувашской сельской общины в том числе на основе данных дореволюционной губернской, уездной и земской статистики (распределение населения по полу, возрасту, состоянию в браке, роду занятий и т.д.). Поскольку такой анализ автором не имелся в виду вообще, формулировка доклада нуждается в конкретизации.

2. Слишком лаконично дан текст аннотации научного доклада, а именно не показаны полученные после проведенного исследования результаты.

3. Касательно возрастного символизма девичьего костюма (с. 20–21) можно было бы добавить небольшой раздел об особенностях прически или укладывания волос. Потому что у чувашей, равно как и у других народов, девушка всегда носила одну косу, а женщина – две. В связи с этим в некоторых местностях у чувашей, как и у русских, практиковался обряд расплетения волос и заплетения их по-женски, то есть в две косы.

Здесь же автор вполне справедливо подчеркнула, что платок был воплощением чести девушки (с. 22), однако не посчитала необходимым упомянуть о различиях, существовавших в завязывании платков по-девичьи и по-женски. Вполне допускается, что данная традиция имела узко локальное бытование, но в Башкирии от пожилых чувашских информаторов мне не раз доводилось слышать, что повязывать платки девушкам и замужним женщинам полагалось по-разному: *«хĕрле»* (по-девичьи) и *«хĕрарăмла»* (по-женски).

4. В части характеристики особенностей женской одежды автором почему-то не упомянут интереснейший сюжет о бытовании в прошлом среди средненизовых и низовых чувашей особой свадебной одежды *«пуç сыран кĕпе»*. Название платья ясно свидетельствует о том, что оно носило ярко выраженное ритуальное назначение и присутствовало на чувашской свадьбе далеко не случайно.

В разделах о свадебной обрядности отсутствует сюжет об обряде «окручивания невесты», смыслом которого являлась смена девичьего головного убора (*тухъя*) на женский (*сурпан*). За этим ритуальным действом далеко не случайно закрепился и свой термин – *«сурпан сырăнтарни», «сурпан сырни», «пуç сырни», «пуç шуратни»* и т.д. Именно посредством этих акциональных действий, или обрядов перехода (по Арнольду ван Геннепу), невеста совершала санкционированный обществом символический переход в другую социовозрастную группу – группу замужних женщин и навсегда прощалась с прежним статусом.

В плане возрастного символизма можно было бы остановиться на особенностях одеяния умерших девушек и женщин. Потому что чуваши на похоронах девушек всегда старались одеть по-девичьи (во всяком случае, на голову повязывали платок), а женщин – по-женски (то есть повязывали женский *сурпан*). Иногда в этих целях путем пришивания серебряных монет на *сурпан* или платок умершей женщины создавали имитацию женского головного убора на твердой основе (*хушпу*).

5. На мой взгляд, поверхностно показаны гендерные стереотипы, существовавшие в застольном этикете чувашей. Например, автор совершенно справедливо пишет о раздельном рассаживании членов семьи во время принятия пищи (мужчины – за большой стол, женщины –

отдельно за маленький), но при этом не говорит о том, что такое же рассаживание бытовало при приеме гостей, а также по другим случаям (свадьба, семейно-родовое моление и т.д.). Так, согласно словарю Н.И. Ашмарина, во время свадебного угощения, а также угощения гостей по праздникам и другим случаям за столом в передней части избы (*тӗпел*) сидели женщины, а мужчины сидели за столом около красного угла (*кӗреке*) (Ашмарин: СЧЯ. Вып. 15. С. 70, 71). По А.К. Салмину, по левую сторону от красного угла сидели женщины, а по правую – мужчины. Молодежь располагалась около двери на северной стороне избы. О раздельном рассаживании мужчин и женщин за столами во время угощений писал также Н.А. Архангельский и др. исследователи. По наиболее торжественным или ритуальным случаям место в «*кӗреке*» занимали также старики.

В целом, автору удалось подготовить достаточно емкое и оригинальное научное исследование. Впервые в чувашской этнографии объектом исследования стала чувашская община второй половины XIX – начала XX в. в контексте анализа дефиниций или лексики социовозрастных групп, а также изучения феномена возрастного символизма и гендерных стереотипов. Е.В. Сергеевой удалось осуществить глубокий анализ проблемы и подготовить к обсуждению на научной сессии полноценный исследовательский труд.

Положения и выводы автора вполне аргументированы. В научный оборот введен обширный фактический материал. Автор продемонстрировала безупречное владение методикой сбора и обобщения материала, хорошее знание литературы и источников в рамках выбранной темы.

В заключение хотелось бы отметить, что автором сделана серьезная заявка на глубокое исследование данной проблемы на ближайшую перспективу. Было бы неплохо, если Е.В. Сергеева продолжила это исследование дальше и спустя некоторое время представила научному миру солидное научное сочинение в виде монографии.

ЯКОВЛЕВ ПЕТР ЯКОВЛЕВИЧ

(к 70-летию со дня рождения)

26 августа 70-летний юбилей отметил Петр Яковлевич Яковлев, старший научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук, кандидат филологических наук, член Союза писателей СССР, автор более 30 научных трудов, свыше десятка поэтических сборников, а также книг для детей.

П.Я. Яковлев родился в д. Оба-Сирма Красноармейского района Чувашской АССР. Окончил Большешатьминскую среднюю школу Красноармейского района (1967), чувашское отделение историко-филологического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (1975).

Еще в детстве увлекся поэзией, начал писать стихи. Первые творения увидели свет в районной газете (1967), в студенческие годы его лирические произведения вошли в сборник произведений молодых авторов, выпущенный Чувашским книжным издательством в 1973 г.

Сразу после окончания университета Петр Яковлевич приступил к работе в Научно-исследовательском институте языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР в должности младшего научного сотрудника отдела языка. Начинающий ученый занялся исследованием вопросов акцентуации чувашского языка, опубликовал в сборниках института статьи по этой проблематике. Через три года, в 1978 г., перешел в сельскую школу, стал учителем и заместителем директора Кошкинской восьмилетней школы Красноармейского района. В 1979–1983 гг. преподавал чувашский язык и литературу и являлся заместителем директора в Мартынкинской восьмилетней школе Аликовского района. Молодого человека с поэтическим даром, где бы он ни работал, не оставляло поэтическое вдохновение, и даже всепоглощающая работа с детьми не могла помешать ему творить. А деревенская жизнь, ощущение возвращения к своим корням, бесхитростная красота родных просторов, видимо, воодушевляли его на создание лирических произведений, возвышенных и глубоких одновременно.

В 1983 г. П.Я. Яковлева пригласили на кафедру чувашского языкознания ЧГУ им. И.Н. Ульянова, где он начал работать ассистентом, в 1991 г. стал старшим преподавателем, в 1993 г. занял должность доцента. В 1996 г. получил научное звание доцента. В эти годы он приступил к активной научно-исследовательской деятельности. Продолжил изучение чувашского ударения, опубликовал статьи о параллелях в просодической системе в чувашском и соседних финно-угорских языках, о природе специфики просодики восточночебоксарского говора чувашского языка и др. В 1989 г. в Башкирском государственном университете ус-

пешно защитил диссертацию «Словесное ударение в чувашском языке» на соискание ученой степени кандидата филологических наук (1990).

В поле зрения Петра Яковлевича не только вопросы акцентуации, но и другие нерешенные проблемы чувашской фонетической и фонологической науки. Он занимается анализом систем вокализма и консонантизма, интонационных особенностей и сингармонизма чувашского языка. Обнародовал свои выводы в ряде статей. Наиболее значительными представляются в них положения, касающиеся фонемного состава чувашского языка: о геминации и палатализации согласных, о гласных неполного образования, гармонии гласных. Практически все основные вопросы фонетики и фонологии чувашского языка им представлены в книге «Чăваш фонетики» (Чувашская фонетика). Хотя она анонсируется лишь как учебное пособие для студентов, на самом деле является подлинно научным исследованием с изложением новых соображений по поводу ряда устоявшихся в языкознании взглядов на звуковой строй чувашского языка.

Еще одна сфера, в которой приложил свои силы П.Я. Яковлев, – это теория, история и практика перевода, прежде всего религиозных текстов. Будучи в 2000–2007 гг. сотрудником Научно-исследовательского учреждения «Институт перевода Библии» (г. Москва), он перевел на общедоступный чувашский язык «Четвероевангелие», «Библию для детей», «Новый Завет» и др., опубликовал научные работы о лингвистических особенностях религиозных текстов на чувашском языке XIX – начала XX в., об основных приемах в деятельности переводчиков и т.д. Участвовал в научных мероприятиях Института перевода Библии, выступал с докладами на международных научных конференциях «Перевод Библии в литературах народов России, стран СНГ и Балтии» (2003), «Перевод Библии как фактор сохранения и развития языков народов РФ и СНГ» (2008), научных коллоквиумах (2003, 2005). В переводческой практике Петра Яковлевича была работа с текстом, относящимся также и к китайской культуре; он сделал поэтический перевод на чувашский язык самого известного классического текста на китайском языке для детей (и не только) под названием «Сан цзы цзин» (Троесловие). В свое время этот текст с китайского на русский язык перевел Н.Я. Бичурин, на современный русский язык перевел В.П. Абраменко. В 2013 г. в Москве вышла в свет книга, включающая эти два перевода и перевод на чувашский язык П.Я. Яковлева.

В 2007 г. Петр Яковлевич в очередной раз вернулся к преподавательской работе: стал доцентом, затем – деканом факультета культуры Чувашского государственного института культуры и искусств. Вел лингвистические и культурологические курсы, читал лекции по теории и истории народного художественного творчества, разработал ряд программ, занимался организаторской работой – научно-методическим и учебно-методическим обеспечением учебно-воспитательного процесса на факультете.

С 2012 г. П.Я. Яковлев работает в Чувашском государственном институте гуманитарных наук в должности старшего научного сотрудника. С первых же дней он включился в реализацию проекта, цель которого – создание цикла фундаментальных трудов «Строй чувашского языка», продолжил дальнейшее изучение звукового строя чувашского языка. В подготовленной им монографии рассматриваются основные вопросы чувашской фонетики и фонологии: принципы классификации гласных и согласных, артикуляционно-акустические признаки звуков, особенности сингармонизма и словесного ударения, комбинаторные и позиционные изменения фонем в потоке речи, большое внимание уделено заимствованным фонемам и ударению в заимствованных словах. При этом в ряде случаев ученый предлагает совершенно новые трактовки, не совпадающие с положениями, уже установившимися в чувашском языкознании. Так, он говорит об отсутствии в чувашском языке корреляций и по звонкости-глухости, и по долготе-краткости. С его точки зрения, признание геминации согласных устраняет противоречия при определении системы согласных фонем чувашского языка.

Наряду с работой над основной темой ученый занимается и другими актуальными вопросами чувашской лингвистики, выступает на научных форумах, публикует статьи в научных сборниках, издаваемых в Чебоксарах и Москве, в академических журналах. Является членом Межведомственной комиссии по чувашскому языку, председателем орфографической комиссии.

П.Я. Яковлев не только известный ученый и переводчик, он – один из самых известных современных поэтов (литературный псевдоним – Петĕр Яккусен). Всю жизнь его не покидало творческое вдохновение, лирический герой с годами становится лишь мудрее, но при этом остается все таким же скромным и чистым душой мечтателем, не терпящим неправды. В 1986 г. был принят в Союз писателей СССР. Выпустил поэтические сборники «Тăм тăвайкки вăййисем» (1985), «Уй варринче» (1987), «Юман чĕлхи» (1990), «Çавра кӳлĕ» (1993), «Çĕн уйăх çути» (2006), «Кĕмĕл кимĕ» (2010), «Шурă пĕлĕтсем» (2012) и др. Его перу принадлежат книги детской прозы «Кумаляк» (1984, 2006), «Эснереш» (2007). Творения П. Яккусена представлены в вышедшей в свет в Москве в 2017 г. «Антологии современной поэзии народов России».

Петр Яковлевич – один из опытных научных работников института, своей принципиальностью и широкой эрудицией способствует поддержанию подлинно научной атмосферы в секции языкознания. Его мудрые и ненавязчивые советы, слова поддержки, а иногда даже неодобрения, всегда оказываются к месту. П.Я. Яковлев поистине является подлинным наставником для всех коллег.

За вклад в сохранение и развитие чувашской национальной культуры, языка и литературы присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Чувашской Республики» (2020).

Основные научные труды

Ударение в русских и интернациональных словах, заимствованных в чувашский язык // Труды / Научно-исследовательский институт при Совете министров ЧАССР. Вып. 66: Чувашский язык. Чебоксары, 1976. С. 159–175.

К истории изучения ударения в чувашском языке // Труды / Научно-исследовательский институт при Совете министров ЧАССР. Вып. 74: Вопросы истории и грамматики чувашского языка. Чебоксары, 1977. С. 84–98.

Чĕлхе, сăвă тата аллитераци // Чăваш илемлĕ литература чĕлхи: ст. пуххи / Чăваш наука тĕпчев институчĕ. Шупашкар, 1978. С. 124–135.

Заметки о чувашском ударении: в связи с акцентуацией родственных и контактирующих языков // Исследования по фонетике, морфологии и фразеологии современного чувашского языка: сб. статей / Научно-исследовательский институт при Совете министров ЧАССР. Чебоксары, 1985. С. 45–74.

Словесное ударение в чувашском языке (К вопросу о просодической системе) // Вопросы фонетики, грамматики и ономастики чувашского языка: сб. статей / Научно-исследовательский институт при Совете министров ЧАССР. Чебоксары, 1987. С. 48–53.

О некоторых параллелях в просодической системе чувашского и марийского языков // Межъязыковое взаимодействие в Волго-Камье: межвузовский сб. статей / Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. Чебоксары, 1988. С. 106–110.

Чăваш фонетики: вĕренӳ кĕнеки. Шупашкар: Чăваш патшалăх ун-чĕн изд-ви. 1995. 134 с.; 2-мĕш кăларăм. Шупашкар: Чăваш патшалăх ун-чĕн изд-ви. 2001. 140 с.

Шут хисепĕсен тулли форми çинчен // Чăваш чĕлхе пĕлĕвĕ: ст. пуххи. Шупашкар: Чăваш патшалăх гуманитари ăслăлăхĕсен ин-чĕ, 1999. С. 8–20.

О первом переводе Четвероевангелия на чувашский язык (1820) // Перевод Библии в литературах народов России, стран СНГ и Балтии: Материалы конференции, Москва, 2–3 декабря 1999 г. / Ин-т перевода Библии. М., 2003. С. 183–193.

Из опыта сопоставления «академического» и общедоступного перевода (на материале перевода «Апокалипсиса» на чувашский язык) // Перевод Библии как фактор сохранения и развития языков народов РФ и СНГ: Материалы конференции, Москва, 24–26 сентября 2008 г. / Ин-т языкознания РАН, Ин-т перевода Библии. М., 2008. С. 129–132.

И.Я. Яковлев ертсе пынипе куçарнă Библи тексчĕсен орфографийĕ: пĕрле, уйрăм çырас йĕрке // Чувашская орфография вчера, сегодня, завтра: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции (г. Чебоксары, 12 марта 2015 г.). Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманит. наук, 2015. С. 41–53.

Переводы «Отче наш» в свете становления и развития письменного чувашского языка // Родной язык: лингвистический журнал. 2019. № 1. С. 9–40.

А.П. Долгова

ДЕГТЯРЁВ ГЕННАДИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

(к 60-летию со дня рождения)

Вуншар çулпа шутлатпăр ĕмĕре…
Петĕр Хусанкай

2 августа 2020 г. исполнилось 60 лет со дня рождения известного чувашского языковеда, ономасиолога, лексикографа, специалиста по терминологии и переводчика Геннадия Анатольевича Дегтярёва.

Г.А. Дегтярёв родился в с. Ахманеи Моргаушского района Чувашской АССР. В 1967–1977 гг. учился в Москакасинской и Калайкасинской школах. С ранних лет у юного Геннадия проявилась тяга к родному слову. Мальчик с головой уходил в увлекательный мир чтения. Вероятно, он мог бы сказать о себе словами Жана-Поля Сартра: «Я начал свою жизнь, как, по всей вероятности, и кончу ее – среди книг». Но эта читательская страсть порождает (хотя и не у всех) желание писать самому. Геннадий с 14–15 лет становится активным внештатным корреспондентом районной газеты «Çĕнтерӳ ялавĕ». Тематика его коротких заметок была весьма разнообразна, о чем свидетельствуют их заголовки: «Шурă халатлисем», «Çăкăр пĕçересси – хисеплĕ ĕç», «Агитатор тата вырма», «Ӳсĕме çынсем тăваççĕ», «Çĕнтерӳ çунат хушать», «Амăшĕн савăнăçĕ» и др. В этих корреспонденциях видим реалии жизни, которая окружала подростка. Параллельно он публикует шутливые рассказы с оттенком своеобразной иронии. Это иронически-здравое отношение к происходящему и к самому себе Г.А. Дегтярёву удалось сохранить до настоящего времени. В 1977 г. он становится лауреатом конкурса «Çамрăк журналист» (Молодой журналист), объявленного газетой «Пионер сасси» и Чувашским государственным университетом.

Все эти занятия («читать>писать»), естественно, привели Г.А. Дегтярёва к осознанному решению: стать словесником. В 1977 г. он поступает на отделение чувашского языка и литературы историко-филологического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, вероятно, втайне мечтая о карьере журналиста. Во время учебы он продолжает писать и публиковать социально-бытовые заметки, интересуется творчеством писателей-земляков – Ивана Григорьева, Андрея Петтоки и Михаила Ахманэ (Львова). К этим именам он будет возвращаться и позднее. Но в жизни не всегда мы сами выбираем свою стезю и профессию. Порой они сами «открываются» перед нами, и нужно найти в себе лишь смелость, чтобы пойти по новому, неизведанному пути.

Такая возможность появилась у Г.А. Дегтярёва и его сокурсника В.А. Андреева (1960–2002) после трех лет обучения в ЧГУ. По рекомендации профессоров И.А. Андреева и М.И. Скворцова, обоих направили на турецкое отделение Восточного факультета Ленинградского государственного университета. В 1982 г. Г.А. Дегтярёв получил заветный диплом востоковеда-филолога.

В августе 1982 г. молодой специалист становится ассистентом кафедры чувашского языкознания Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. С сентября 1982 по октябрь 1983 г. он – стажер-исследователь Восточного факультета Ленинградского государственного университета, с декабря 1983 по ноябрь 1986 г. – там же аспирант при кафедре тюркской филологии.

Почти семь лет, проведенных в Ленинграде – Санкт-Петербурге, атмосфера Восточного факультета, по сути являющегося колыбелью классического российского востоковедения, возможность общения и обучения у выдающихся представителей отечественной тюркологии – А.Н. Кононова, С.Н. Иванова, В.Г. Гузева, Д.М. Насилова, С.Г. Кляшторного и др. – были весьма благотворны для творческого становления молодого ученого и получения им глубокого филологического образования.

В декабре 1986 г. Г.А. Дегтярёв начинает свою трудовую деятельность в отделе языкознания Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР (ныне – Чувашский государственный институт гуманитарных наук – ЧГИГН): до февраля 1988 г. являлся и.о. старшего научного сотрудника, с февраля 1988 по январь 2001 г. – старший научный сотрудник, с января 2001 г. – ведущий

научный сотрудник, а с 2013 г. – ведущий научный сотрудник секции словарей филологического направления.

Начав свои исследования с проблем номинации и семасиологии в сфере земледельческой лексики чувашского языка, сбора диалектного материала, Г.А. Дегтярёв постепенно расширяет поле своего научного поиска. Его интересуют пути эволюции и тенденции изменений чувашского языка в новейшее время (постсоветский период).

Успешно защитив в феврале 1988 г. диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологии по теме «Лексика земледелия в чувашском языке» в Институте языкознания АН СССР и тем самым как бы отдав дань традиционной культуре чувашей, которые всегда были отличными хлебопашцами, молодой ученый с головой погружается в актуальную проблематику чувашского языкознания. Время было перестроечное – 2-я половина 80-х гг. XX в. Общество, в том числе и чувашское, жаждало перемен. Г.А. Дегтярёв не ограничивается сугубо академическими штудиями. Он активно выступает на страницах республиканской периодики, участвует в дискуссиях и предпринимает конкретные действия для защиты чувашского языка. Тема «Язык современного чувашского социума в самых разнообразных формах его проявления» с той поры определяет направление его творческих поисков.

В 1990-е гг. Геннадий Анатольевич активно участвует в реализации «Закона о языках в Чувашской Республике»: ведет занятия по практическому курсу чувашского языка в вузах и предприятиях республики, в аппарате Кабинета министров Чувашии, издает учебные пособия «Чувашский язык для начинающих» (1991), «Изучаем чувашский язык» (1995)[1], «Чувашско-турецко-русский разговорник» (1996, в соавт.), совместно с П.К. Андреевым готовит радиоуроки чувашского языка (1995–1996). Книга «Чувашский язык для начинающих», изданная массовым тиражом, стала первым после 60-летнего перерыва учебным пособием по чувашскому языку для русскоязычных читателей республики и чувашской диаспоры. По инициативе Г.А. Дегтярёва был организован цикл радиопередач «Чĕлхе – тĕлĕнтермĕш тĕнче» (Язык – изумительный мир). Он не гнушается «черновой» работы: переводит законы, тексты избирательных бюллетеней и вывесок-названий учреждений, наименования улиц и остановок общественного транспорта. Для Г.А. Дегтярёва в языке нет мелочей. Он «помогает» родному языку, чтобы он «заработал» в полную силу во всех социально-актуализированных сферах жизни.

В канун нового тысячелетия Геннадий Анатольевич публикует статью «Язык современного чувашского социума: основные тенденции развития» (1999), которую можно считать программной. В ней он определяет наиболее актуальные задачи, стоящие перед современным чувашским языкознанием: соотношение социально языковой потребности и языковой компетенции, терминотворчество и гармонизация терминологии, выработка целостной модели культуры чувашской речи, развитие функциональных разновидностей чувашского литературного языка. В ней же обозначены конкретные условия бытования чувашского языка, и именно анализу и решению этих проблем будет посвящена его деятельность в последующие годы.

Г.А. Дегтярёв – признанный специалист по лексике и семасиологии современного чувашского языка. Он – главный редактор и один из авторов толкового словаря чувашского языка «Чăваш чĕлхин ăнлантаруллă сăмах кĕнеки» (Т. 1, 2011; Т. 2, 2014; Т. 3, 2016), а также автор неологического словаря «Чăваш чĕлхин çĕнĕлĕх словарĕ» (Т. 1, 2003; Т. 2, 2017), четырех монографий и более 100 научных статей по актуальным проблемам чувашской и тюркской филологии.

«Неологический словарь…» является пионерской работой в чувашской лексикографии. Она фиксирует те радикальные изменения, которые произошли в лексике чувашского языка в постсоветский период, с начала 1990-х гг.: появление новых слов и значений, семантическая перестройка и переосмысление лексем, возрождение слов, считавшихся архаизмами или устаревшими и т.д. Указанный словарь обогатил лексикографическую картотеку, сделал ее адекватной веяниям нового времени: в нем были учтены многие слова, которые прежде не входили в словник. За составление «Неологического словаря чувашского языка» в 2004 г.

[1] Пособие издавалось в 2010 и 2012 гг.

Г.А. Дегтярёву присужден диплом лауреата Республиканского конкурса «Чувашия – новое время» в номинации «Научно-исследовательский проект».

Геннадий Анатольевич с особой симпатией отзывается о своем руководителе-наставнике по аспирантуре – профессоре С.Н. Иванове, который известен также блистательными переводами средневековой тюркской поэзии. И самого Г.А. Дегтярёва время от времени посещает вдохновение – он автор ряда стихотворений и поэтических переводов.

Благодаря его усилиям были возвращены и введены в контекст чувашской культуры духовное и рукописное наследие А. Петтоки. То, что это возвращение действительно состоялось, свидетельствует любовно подготовленная Г.А. Дегтярёвым в 2005 г. книга «Андрей Петтоки: осмысление жизненного и творческого пути поэта». Говоря несколько перефразированными словами Назыма Хикмета в переводе Дегтярёва и Л. Мартынова:

Эп çунмасан,	*Ведь если я гореть не буду,*
Эс çунмасан,	*И если ты гореть не будешь,*
Эпир çунмасан,	*И если мы гореть не будем,*
Епле тухěç тěттěмрисем çутта, тăван?	*Так кто же здесь рассеет мглу?*

Другой чертой его характера является отзывчивость, он всегда готов прийти на помощь: проконсультировать, отыскать редкое слово в малоизвестных лексиконах, отредактировать текст, сделать корректный перевод термина и т.д.

Круг исследований Г.А. Дегтярёва, в основном, связан с общественно-языковой практикой. Им подготовлены краткие русско-чувашские словари музыкальных, хореографических терминов, по изобразительному искусству. Была разработана базовая терминология для информационно-компьютерных технологий и Интернета. Он являлся научным редактором «Краткого русско-чувашского психиатрического словаря» (2000) и ряда сборников статей. В качестве научного консультанта по терминологии и переводчика на чувашский язык он участвовал в подготовке книг «Халăх эткерě: упраса аталантарас ыйтусем» (Народное наследие: вопросы сохранения и развития) (1996), «Чувашский костюм: от древности до современности» (2002), получивших широкий общественный резонанс. В 2003–2009 гг. принимал участие в переводе Библии на чувашский язык в качестве эксперта-консультанта по языковым вопросам, за что был удостоен в 2010 г. Архиерейской грамоты. Эта работа побудила его к осмыслению и поиску чувашских эквивалентов для христианской терминологии, церковно-религиозной лексики.

Совместно со специалистом-биологом В.А. Яковлевым на основе принципов систематики с использованием народных и диалектных названий птиц им были намечены пути и способы гармонизации терминосистемы: «Опыт нормализации биологической терминологии в чувашском языке: на примере орнитологической номенклатуры» (2014). Терминотворчеством он занимался и в такой экзотической сфере как булгаро-чувашское боевое искусство *вут-шу*.

Г.А. Дегтярёв не замыкается в рамках только отечественных исследований чувашского языка. Он положительно оценивает и немалый вклад турецких филологов в изучение чувашского языка и словесности (см. его обзорные статьи 2013 г. «История турецкого чувашеведения» и «Турецкий дискурс в парадигме зарубежного чувашеведения»).

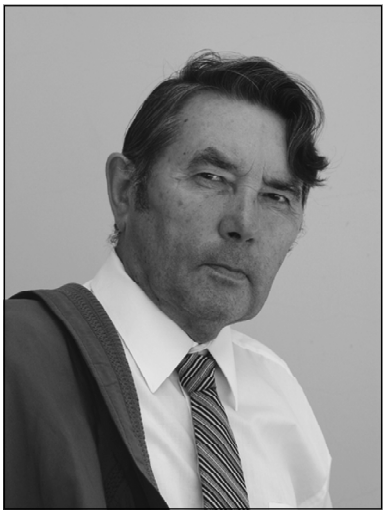
О постоянном интересе Г.А. Дегтярёва к использованию языка как повседневного средства общения и к процессам, происходящим в чувашском языке современности (новосоздание и воссоздание языка, что в сумме есть созидание языка), свидетельствуют две его книги последних лет: «Ěмěрсен чиккинчи чăваш чěлхи» (Чувашский язык на рубеже веков) – 2014, «Тăван чěлхе культури» (Культура чувашской речи) – 2017. В них обобщены результаты изысканий автора в области терминологии, ономасиологии и ортологии. Эти труды можно считать личным вкладом лингвиста Г.А. Дегтярёва в реализацию Закона ЧР «О языках в Чувашской Республике».

Темы «Язык и социум», «Язык и культура» (в самом широком смысле) являются доминирующими в научном творчестве Г.А. Дегтярёва и они весьма актуальны для чувашского

языкового существования сегодня и, вероятно, останутся таковыми в будущем. В настоящее время Геннадий Анатольевич возглавляет авторский коллектив многотомного «Толкового словаря чувашского языка», готовит к публикации 3-й том «Неологического словаря чувашского языка».

С 2005 г. он является членом Межведомственной комиссии по чувашскому языку (много лет был ее ответственным секретарем, а затем – заместителем председателя). В 1988 г. награжден знаком ЦК ВЛКСМ «За отличие в труде». В 2005 г. удостоен Почетной грамоты Чувашской Республики, в 2010 г. – Почетной грамоты Государственного Совета Чувашской Республики, а в 2020 г. награжден нагрудным знаком «За достижения в культуре» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики.

А.П. Хузангай



ТРОФИМОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
(1935–2020)

17 сентября 2020 г. не стало старейшего сотрудника Чувашского государственного института гуманитарных наук, доктора искусствоведения Алексея Александровича Трофимова. Более полувека напряженной творческой жизни в науке, искусстве и на общественном поприще принесли ему широкое признание и уважение коллег, присуждение званий заслуженного деятеля искусств Чувашской Республики, Республики Татарстан и Российской Федерации, почетного члена Российской академии художеств, многих республиканских и российских наград.

Алексей Александрович родился 28 января 1935 г. в д. Верхняя Чувашская Киреметъ (ныне Старая Киреметъ) Аксубаевского района Республики Татарстан. Годы учебы в Аксубаевской средней школе пришлись на тяжелые военные годы. После службы в группе советских войск на территории ГДР в 1954–1957 гг. и работы художником-оформителем там же при Доме офицеров он вернулся в 1959 г. на родину. Знакомство с западноевропейской культурой, посещение музеев, в том числе знаменитой Дрезденской галереи, оставили глубокий след в душе юноши, содействовали развитию природных художественных способностей и побудили его поступить на учебу в Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. Совмещая учебу на факультете теории и истории искусств и работу художником-декоратором в Доме культуры с. Аксубаево, затем учителем рисования и организатором внеклассной работы в Аксубаевской средней школе, он успешно защитил в 1969 г. диплом по специальности «История и теория изобразительного искусства».

В том же 1969 г. А.А. Трофимов был принят на работу в Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров ЧАССР (ныне – Чувашский государственный институт гуманитарных наук), где последовательно занимал должности младшего научного сотрудника (1969–1974), старшего научного сотрудника (1974–1986), заведующего отделом искусствоведения (1986–1996), директора института (1996–2002), главного научного сотрудника отдела искусствоведения (2002–2014), ведущего научного сотрудника (с 2014 г.) искусствоведческого направления.

Интерес к истории родного народа, его духовной и материальной культуре, национальным традициям чувашей определил выбор А.А. Трофимовым главных научных тем. С харак-

терной для него смелостью, он вышел в своих многочисленных экспедиционных поездках за пределы Чувашии и включил в круг исследований сотни известных и вновь открытых памятников культуры и искусства, сопоставлял их и анализировал. Результатом такого глубокого погружения в изучаемый материал стала книга «Орнамент чувашской народной вышивки» (1977) и статьи – «Космогонические представления древних чувашей и отражение их в орнаменте вышивки» (1976), «Антропоморфизация модели мира и народный женский костюм чувашей» (1979) и др. Они явились и основой кандидатской диссертации «Орнамент чувашской народной вышивки» (1981) и докторской – «Чувашская народная культовая скульптура» (1994). Эти труды во многом положили начало возрождению традиционных форм чувашского народного искусства, открыли новые пути для исследователей, стали яркой страницей российского искусствоведения. Их знают и ценят и за пределами страны, его статьи опубликованы на болгарском, венгерском и немецком языках. Наследие А.А. Трофимова – более 200 научных трудов, в том числе 17 монографий, 8 художественных альбомов.

Неравнодушие и профессиональная ответственность Алексея Александровича заставляли его уделять много внимания и сил современным формам развития народного искусства. Он был мудрым наставником для многих мастеров чувашской вышивки, ткачества, резьбы по дереву, гончарного дела. Его деятельность способствовала росту интереса в обществе к традиционной самобытной чувашской культуре.

Будучи ведущим искусствоведом республики, А.А. Трофимов внес значительный вклад в утверждение основ чувашского искусствоведения, в определение приоритетных направлений искусствоведческой науки, связанных с формированием и развитием профессионального изобразительного искусства, исследованием творчества известных чувашских художников, ввел в орбиту научных искусствоведческих интересов новые темы, направления и проблемы.

На протяжении многих лет А.А. Трофимов успешно сочетал научную деятельность с педагогической, он преподавал студентам и аспирантам Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, а также являлся председателем аттестационной комиссии по защите дипломных работ. При его содействии в 1998 г. была открыта аспирантура на базе художественно-графического факультета ЧГПУ им. И.Я. Яковлева по специальности «Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура», под его руководством защищен ряд кандидатских диссертаций.

Мы знали Алексея Александровича и как человека с активной гражданской позицией, который умел доказательно и объективно решать многие жизненные проблемы. Также ему были присущи и человеческая внимательность, и умение создать дружескую творческую атмосферу, и не оставить без внимания проблемы коллег и коллектива.

Выражая Алексею Александровичу последнюю признательность, уважение и любовь, мы сохраним о нем светлую память.

Хроника научной жизни института

2018 г.

25.01.2018 – П.С. Краснов назначен директором Чувашского государственного института гуманитарных наук.

9.02.2018 – итоговая научная сессия института, посвященная Дню российской науки.

21.02.2019 – презентация книги ведущего научного сотрудника института, доктора искусствоведения, профессора А.А. Трофимова «Время. Искусство. Искусствознание» (Чебоксары, 2016) в Российской академии художеств (г. Москва).

19.04.2018 – презентация совместной коллективной монографии ЧГИГН и Института этнологии и антропологии РАН – тома «Чуваши» (М.: Наука, 2017) – академической серии «Народы и культуры».

16.05.2018 – Встреча сотрудников ЧГИГН с Л.В. Марковой – начальником управления культуры и развития туризма администрации г. Чебоксары.

19.05.2018 – сотрудники секции этнологии исторического направления института Г.Б. Матвеев, А.П. Леонтьев и Д.В. Егоров приняли участие в научно-практической конференции «Н.В. Никольский – ученый, просветитель, общественный деятель» (д. Васькино Моргаушского района Чувашской Республики) и митинге, посвященном 140-летию со дня его рождения (д. Юрмекейкино).

1–3.06.2018 – в д. Остана (Италия, регион Пьемонт, провинция Кунео) состоялась церемония вручения премии «Ostana», которая присуждается авторитетной окситанской организацией в Италии (там живут около 200 тысяч окситанцев в регионе Пьемонт) выдающимся деятелям коренных национальных меньшинств. В номинации «перевод» премия присуждена научному сотруднику секции этнологии исторического направления ЧГИГН А.П. Леонтьеву за перевод на чувашский язык более 110 произведений Джека Лондона, Александра Грина, Михаила Лермонтова, Алексея Толстого, Александра Беляева.

8.06.2018 – администрацию Канашского района Чувашской Республики посетил ведущий научный сотрудник отдела социологии исторического направления, кандидат философских наук И.Е. Ильин. В ходе встречи с главой администрации В.Н. Степановым были затронуты вопросы социологического изучения района.

31.05–14.06.2018 – в Лаишевском районе Республики Татарстан работала объединенная археологическая экспедиция ЧГИГН при участии студентов Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, сотрудников Института археологии им. А.Х. Халикова и Приволжского (Казанского) федерального университета (г. Казань). В раскопках приняли участие археологи Е.П. Михайлов (руководитель), Н.С. Березина, Н.С. Мясников, Л.А. Вязов, антрополог Е.М. Макарова. Объектом исследования был памятник археологии «Могильник (языческий) Тарлаши» XVI–XVII вв., расположенный на восточном берегу оз. Архиерейское, южнее с. Тарлаши. Памятник был открыт в 2016 г. сотрудниками Института археологии им. А.Х. Халикова.

16.06.2018 – научные сотрудники искусствоведческого направления ЧГИГН совершили экспедицию в д. Чиганары Чебоксарского района с целью ознакомления с творческой лабораторией заслуженного художника Чувашской Республики Георгия Фомирякова.

18–19.06.2018 – на III Международном форуме «Ұлы Дала» («Великая степь»), организованном Международной тюркской академией (TWESCO) и Администрацией Президента Республики Казахстан, состоялось награждение ведущего научного сотрудника филологического направления ЧГИГН, доктора филологических наук, профессора Н.И. Егорова золотой медалью Международной тюркской академии.

21.06.2018 – директор института П.С. Краснов принял участие в научном семинаре «Книгоиздание и возможности современных авторов» (г. Чебоксары).

22.06.2018 – заместитель директора по науке и развитию Г.А. Николаев и ученый секретарь Д.В. Егоров приняли участие в круглом столе «Роль личности в становлении и развитии марийской гуманитарной науки», посвященном 130-летию со дня рождения первого директора Марийского НИИ В.А. Мухина-Сави (1888–1938) в г. Йошкар-Ола.

26.06–10.07.2018 – археологами ЧГИГН проведены разведочные работы в Яльчикском районе на городище «Большая Таяба».

12.07.2018 – археологи ЧГИГН произвели обследование прилегающей территории Введенского собора, выявили древнюю городскую мостовую.

21.07.2018 – искусствоведы института совершили познавательно-творческую поездку на родину народного художника Чувашии А.П. Рыбкина в д. Вурманкасы Мариинско-Посадского района Чувашской Республики.

14.09.2018 – издан Указ Главы Чувашской Республики М.В. Игнатьева о награждении медалью ордена «За заслуги перед Чувашской Республикой» главного научного сотрудника исторического направления, доктора исторических наук В.П. Иванова за большой вклад в исследование истории и этнологии чувашского народа (вручение медали состоялось 25.12.2018). Данным же Указом награждены Почетной грамотой Чувашской Республики научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН академик В.А. Тишков и ведущий научный сотрудник данного института кандидат исторических наук А.Д. Коростелев, а также присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Чувашской Республики» заведующему кафедрой Самарского государственного социально-педагогического университета, доктору исторических наук, профессору Е.А. Ягафовой за большой вклад в подготовку и издание тома «Чуваши» серии «Народы и культуры» РАН (М.: Наука, 2017) (вручение наград В.А. Тишкову и А.Д. Коростелеву состоялось 27.12.2018 в Москве, Е.А. Ягафовой – 18.10.2018 в Чебоксарах).

17.09.2018 – в Национальной библиотеке Чувашской Республики состоялась презентация монографии доктора искусствоведения, профессора, заслуженного деятеля искусств Чувашской Республики и Российской Федерации М.Г. Кондратьева «Чувашская музыка в зеркале параллелей: к проблеме Волго-Уральской музыкальной цивилизации» (Чебоксары, 2018).

20.09.2018 – в институте состоялся круглый стол «Актуальные вопросы исследования и преподавания чувашского языка», посвященный памятным датам чувашского языкознания – 120-летию со дня рождения А.И. Иванова, 90-летию со дня рождения И.А. Андреева и И.П. Павлова.

20.09.2018 – Ассоциация географии и этнологии Молдовы присвоила звание почетного члена ведущему научному сотруднику исторического направления ЧГИГН кандидату исторических наук Г.Б. Матвееву за выдающийся вклад в области географических и этнологических наук и их продвижение на международном уровне.

25.09.2018 – в институте работал круглый стол «Искусство и личность», посвященный 125-летию со дня рождения И.С. Максимова-Кошкинского. С приветственными словами к собравшимся обратились директор ЧГИГН П.С. Краснов, директор Государственной киностудии «Чувашкино» и архива электронной документации Н.И. Медведев, художественный руководитель Чувашского государственного академического драматического театра им. К. Иванова В.Н. Яковлев.

26–30.09.2018 – состоялась археологическая разведочная экспедиция в Дрожжановский район Республики Татарстан с участием чувашских (Е.П. Михайлов, Н.С. Березина, Н.С. Мясников, А.Ю. Березин) и татарских (Р.Н. Хамзин, А.В. Беляев, Г.Х. Вафина, Л.В. Овечкина) археологов.

2–3.10.2018 – Всероссийская (с международным участием) научная конференция «Проблемы изучения истории и теории музыки народов России», посвященная 100-летию со дня рождения выдающегося деятеля музыкального искусства Чувашии композитора Г.В. Воробьева и 70-летию видного исследователя теории и истории чувашской музыки доктора искусствоведения, профессора М.Г. Кондратьева.

5–8.10.2018 – младший научный сотрудник исторического направления института А.С. Сараев совершил поездку в Финляндию по приглашению Российского центра науки и культуры в г. Хельсинки для участия в научной конференции, посвященной научному наследию выдающегося российского ученого Л.Н. Гумилева.

11.10.2018 – директор института П.С. Краснов, заместитель директора по науке и развитию Г.А. Николаев, а также сотрудники института М.Г. Кондратьев, В.Н. Клементьев, Г.М. Киргизов и др. приняли участие в работе научно-практической конференции «Верховный Совет Чувашской АССР и процессы национально-государственного строительства: исторический опыт и уроки», посвященной 80-летию со дня образования Верховного Совета Чувашской АССР.

18.10.2018 – состоялось заседание Ученого совета института, в рамках которого проводилось чествование доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой Самарского государственного социально-педагогического университета Е.А. Ягафовой в связи с

50-летием со дня рождения и присвоением почетного звания «Заслуженный деятель науки Чувашской Республики».

15–19.10.2018 – состоялась разведочная археологическая экспедиция ЧГИГН в Яльчикский район Чувашской Республики.

29–30.10.2018 – директор института П.С. Краснов принял участие в качестве почетного гостя в конгрессе, посвященном двухсотлетию Института востоковедения Российской академии наук (г. Москва).

26–27.10.2018 – ведущий научный сотрудник филологического направления, кандидат филологических наук Э.Е. Лебедев принял участие в Международной научной конференции «XXXIII Кононовские чтения» (г. Санкт-Петербург, СПбГУ).

1.11.2018 – сотрудники института приняли участие в митинге, посвященном дню рождения народного поэта Кабардино-Балкарии Кайсына Шуваевича Кулиева (г. Чебоксары).

2.11.2018 – сотрудники института Е.В. Сергеева, А.С. Сараев и Е.В. Федотова приняли участие во Всероссийской акции «Большой этнографический диктант».

30.11.2018 – в читальном зале института состоялось заседание Совета по развитию гуманитарной науки в Чувашской Республике с участием Председателя Кабинета министров И.Б. Моторина.

06.12.2018 – ведущий научный сотрудник института, кандидат исторических наук Г.Б. Матвеев и старший научный сотрудник, кандидат филологических наук В.А. Ендеров приняли участие в телепередаче «Тёплё калаçу» ГТРК «Чувашия» о книге «Чувашская мифология: этнографический справочник», увидевшей свет в 2018 г.

06.12.2018 – в Чувашском государственном театре оперы и балета состоялась торжественная церемония награждения деятелей культуры, образования, искусства, общественности республики, посвященная памяти И.Я. Яковлева. Мероприятие организовано Минкультуры Чувашии при поддержке Минобразования Чувашии. Чувашский государственный институт гуманитарных наук удостоен Благодарственного письма Минкультуры Чувашии.

07.12.2018 – состоялось расширенное заседание секции археологии института, посвященное итогам археологических исследований 2018 г. Были презентованы отчеты научных сотрудников института об экспедициях, проведенных в Чувашской Республике и Республике Татарстан. Научный сотрудник, кандидат исторических наук Н.С. Мясников продемонстрировал наиболее ценные находки, выявленные в Тарлашском могильнике Лаишского района Республики Татарстан. Младший научный сотрудник А.Ю. Березин остановился на вопросе исследования Большетаябинского городища в Яльчикском районе. Старший научный сотрудник Е.П. Михайлов обратил внимание на итоги разведочных работ и археологических исследований в исторической части г. Чебоксары.

12.12.2018 – в зале Ученого совета института состоялся круглый стол «Актуальные вопросы чувашской лексикографии». В его работе приняли участие ученые, педагоги, работники культуры, общественные деятели, краеведы, а также студенты ЧГПУ им. И.Я. Яковлева.

18.12.2018 – в институте состоялась презентация монографии ведущего научного сотрудника искусствоведческого направления, доктора искусствоведения, профессора А.А. Трофимова «Время. Искусство. Искусствознание» (Чебоксары, 2016).

21.12.2018 – в институте состоялась презентация научно-популярного издания «Чувашская мифология: этнографический справочник» (Чуваш. кн. изд-во, 2018).

2019 г.

29.01.2019 – посещение делегацией Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее – ЧГИГН) Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан (далее – ИИ АН РТ). На встрече с коллективом ИИ АН РТ директор ЧГИГН П.С. Краснов, заместитель директора по науке и развитию Г.А. Николаев, научные сотрудники В.П. Иванов, В.Н. Клементьев и М.Г. Кондратьев рассказали о научно-исследовательской деятельности института, провели презентацию ряда крупных изданий («Чуваши», 2017; «Чувашская мифология», 2018; «Истоки государственности чувашей», в 2 томах, 2018; и др.). Директор Р.С. Халиков и ведущие ученые института ознакомили чувашских коллег со своими трудами и провели экскурсию по учреждению. Встреча чувашских и татарских ученых завершилась взаимным обменом научными изданиями.

05.02.2019 – в соответствии с распоряжением Главы Чувашской Республики от 04.02.2019 № 39-рг утвержден состав Комиссии при Главе Чувашской Республики по Государственным премиям Чувашской Республики в области науки и техники. В состав комиссии вошли: В.П. Иванов – главный научный сотрудник исторического направления, доктор исторических наук; И.Ю. Кириллова – ведущий научный сотрудник филологического направления, кандидат филологических наук, доцент.

08. 02.2019 – в Чебоксарском филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы (далее – РАНХиГС) состоялась X Всероссийская научно-практическая конференция «Современные вызовы и тенденции развития местного самоуправления», посвященная 550-летию образования г. Чебоксары. В рамках конференции состоялась презентация издания ЧГИГН – монографии «Социокультурные факторы модернизации Чувашии: итоги трех волн исследования» (авторы И.И. Бойко, А.П. Долгова, Н.Г. Семедова-Полупан, В.Т. Тарасов, В.Г. Харитонова).

11.02.2019 – в ЧГИГН состоялся круглый стол «Новые акценты в современных публикациях по этногенезу чувашского народа: основной вектор и научная состоятельность», посвященный 80-летию со дня рождения Василия Васильевича Николаева, видного организатора производства, талантливого ученого, действительного члена Российской академии естественных наук, Российской академии горных наук, Академии технологических наук РФ, почетного члена Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики, заслуженного работника газовой промышленности РФ, дважды лауреата Государственной премии Чувашской Республики в области науки и техники (2001) и литературы и искусства (2006), доктора технических наук, профессора.

13.02.2019 – итоговая научная сессия института, посвященная Дню российской науки. Были заслушаны следующие доклады: В.А. Ендеров «Дух Ийе: опыт религиозно-мифологической реконструкции»; Н.Б. Смирнова «Иностранные военнопленные и интернированные в Чувашии (1942–1949 гг.)»; Н.С. Головина «Женщины в промышленном производстве Чувашии в конце 1950-х – первой половине 1980-х годов: социально-демографический аспект».

14.02.2019 – в ЧГИГН состоялась встреча представителей РОО «Национально-культурное объединение чувашей Республики Башкортостан» (г. Стерлитамак) с членами Чувашского национального конгресса (далее – ЧНК), сотрудниками ЧГИГН и Чувашского республиканского института образования (далее – ЧРИО) по вопросу сотрудничества.

18–22.02.2019 – участие в составе экспертной комиссии городской научно-практической конференции обучающихся «Открытия юных – 2019» сотрудников ЧГИГН Е.В. Федотовой и А.В. Кузнецова (оценивали работы в секции «Человек в истории и культуре»), Г.Г. Ильиной (в секции «Чувашский язык и литература» и «Народная культура: фольклористика и этнография»).

21.02.2019 – в Чувашском государственном педагогическом университете им. И.Я. Яковлева (далее – ЧГПУ) на базе факультета чувашской и русской филологии состоялась межрегиональная научно-практическая конференция «Вопросы современной филологии», в которой принял участие старший научный сотрудник исторического направления ЧГИГН В.А. Ендеров.

26.02.2019 – в Национальной библиотеке Чувашской Республики (далее – НБ ЧР) состоялся круглый стол «Исследователи чувашского языка и их научное наследие», посвященный 90-летию со дня рождения профессора Николая Петрова, 100-летию со дня рождения профессора Михаила Федотова и доцента Александры Канюковой. С сообщениями выступили ученый-тюрколог Н.И. Егоров, научные сотрудники Г.А. Дегтярёв и А.П. Долгова.

28.02.2019 – в Чувашском государственном институте культуры и искусств (далее – ЧГИКИ) состоялась VII Международная научно-практическая конференция «Культура и искусство: традиции и современность», организованная кафедрой народного художественного творчества вуза. С докладами выступили научные сотрудники ЧГИГН Г.Б. Матвеев, В.А. Ендеров.

05.03.2019 – объявлена благодарность и.о. руководителя автономного учреждения «Центр мониторинга и развития образования» г. Чебоксары О.В. Порфирьевой научным сотрудникам ЧГИГН А.В. Кузнецову и Е.В. Федотовой за работу в экспертной комиссии городской научно-практической конференции обучающихся «Открытия юных», состоявшейся 2 марта 2019 г.

12.03.2019 – директор ЧГИГН П.С. Краснов принял участие в заседании Ученого совета ЧРИО, в ходе которого были обсуждены перспективы развития института, проблемы обновления системы повышения квалификации педагогических и руководящих работников системы образования Чувашской Республики и актуальные проблемы дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) руководителей образовательных организаций.

15.03.2019 – в Чувашском национальном музее (далее – ЧНМ) состоялось открытие передвижной выставки «В.К. Магницкий – исследователь Чувашского края», посвященной 180-летию со дня рождения видного историка и этнографа.

19.03.2019 – состоялось совместное заседание секций истории, этнологии, археологии и фольклористики ЧГИГН, посвященное 180-летию со дня рождения В.К. Магницкого.

22.03.2019 – в ЧГИКИ состоялась IV Всероссийская научно-практическая конференция «Сохранение и развитие отечественной хоровой культуры», на которой с докладом выступил главный научный сотрудник ЧГИГН М.Г. Кондратьев.

23.03.2019 – в г. Уфе в рамках празднования 100-летия Республики Башкортостан состоялся Международный научный форум «Единство. Гражданственность. Патриотизм», на котором заместитель директора по науке и развитию ЧГИГН Г.А. Николаев выступил с докладом на тему «Национальные движения нерусских народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в.: некоторые особенности».

04.04.2019 – в НБ ЧР состоялся круглый стол «История чувашской литературы XX века: итоги и перспективы», посвященный обсуждению коллективной монографии «История чувашской литературы XX века» в 2 частях (2015, 2016), представленной ЧГИГН на соискание Государственной премии Чувашской Республики в области науки и техники за 2018 г. (авт. колл. В.Г. Родионов, А.Ф. Мышкина, И.Ю. Кириллова, В.В. Никифорова, Н.Г. Ильина-Ефремова и др.).

09.04.2019 – состоялось торжественное открытие очередного семинара-практикума «Проблемы сохранения традиционной культуры чувашей». О современном состоянии традиционного песенного и инструментального исполнительства рассказал главный научный сотрудник ЧГИГН М.Г. Кондратьев.

11.04.2019 – состоялось занятие в Школе молодых ученых ЧГИГН «Дистанционная работа с архивными фондами России: особенности поиска и перспективы использования». Лектор – кандидат исторических наук, научный сотрудник Д.В. Басманцев.

18.04.2019 – в зале Ученого совета ЧГИГН состоялась презентация двухтомной монографии В.Н. Клементьева «История национальной государственности чувашского народа».

19.04.2019 – ЧГИГН совместно с НБ ЧР провели литературный вечер, посвященный 125-летию со дня рождения народного поэта Чувашии С.В. Эльгера, и презентацию книги Сувара Эрдивана «Семен Эльгер».

22.04.2019 – в Чебоксарской детской музыкальной школе № 5 им. Ф.М. Лукина прошел X Всероссийский фестиваль национальной музыки, поэзии и изобразительного искусства «Тăван Ен» (Край родной); сотрудники искусствоведческого направления ЧГИГН М.Г. Кондратьев, Ю.В. Викторов и Л.И. Бушуева – почетные гости и постоянные участники.

23.04.2019 – в НБ ЧР состоялась презентация научных изданий ЧГИГН в рамках республиканского фестиваля-конкурса «Литературная Чувашия: самая читаемая книга года»: Иванов В.П. «Истоки: Родина и род поэтов К.В. Иванова и Я.Г. Ухсая»; «Чувашская археология: сборник статей» (Вып. 3); «Чувашская мифология: этнографический справочник»; «Чувашская Республика: история и современность»; «Явление Театра народу: сборник статей и материалов».

24.04.2019 – в Чувашском государственном художественном музее (далее – ЧГХМ) состоялось заседание круглого стола «Земля и люди родной Чувашии в произведениях заслуженного художника Российской Федерации А.П. Рыбкина», в котором приняла участие старший научный сотрудник ЧГИГН А.И. Мордвинова.

17.05.2019 – Межрегиональная научно-практическая конференция «Чуваши и марийцы – соседи по “общему дому”». По договоренности организаторов конференции – ЧГИГН и Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (далее – МарНИИЯЛИ) – конференция начала свою работу в с. Большой Сундырь

Моргаушского района ЧР, продолжила в с. Кулаково Горномарийского района Республики Марий Эл, подведение итогов конференции прошло в Центре краеведения и туризма д. Малый Сундырь Чебоксарского района, в состав которого входит музей и этнокомплекс «Чемен карти».

20.05.2019 – в Большекатрасьской средней образовательной школе Чебоксарского района состоялись XVI Абашевские историко-краеведческие чтения (учредитель – музей «Бичурин и современность», партнерская поддержка – ЧГИГН и Большекатрасьское сельское поселение). С докладом выступил старший научный сотрудник ЧГИГН секции археологии Е.П. Михайлов.

21.05.2019 – в Мариинско-Посадском районе состоялся юбилейный вечер, посвященный 20-летию Художественной галереи им. Ю.А. Зайцева. В праздничном мероприятии принял участие старший научный сотрудник ЧГИГН Ю.В. Викторов.

29.05.2019 – решением ВАК Министерства науки и высшего образования РФ заслуженному работнику культуры Чувашской Республики, кандидату искусствоведения, старшему научному сотруднику ЧГИГН Л.И. Бушуевой присвоено ученое звание доцента по специальности «Музыкальное искусство».

30.05.2019 – в НБ ЧР состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Чебоксары: история, этнография, культура». Конференция, приуроченная к 550-летию основания г. Чебоксары, собрала научных работников, преподавателей вузов, музейных и архивных работников, архитекторов не только из Чувашии, но и из республик Марий Эл и Татарстан, Москвы и Нижнего Новгорода.

30.05.2019 – в ЧГИГН состоялось совместное заседание секций фольклористики, литературоведения, искусствоведения и этнологии, посвященное юбилею В.С. Разумова. Участники осветили многогранную деятельность фольклориста. Научный сотрудник А.П. Леонтьев рассказал об основных вехах жизни и деятельности Виктора Семеновича, его племянник Ю.Н. Нигиль поведал о родословной Разумовых. Богатые архивные источники фонда В.С. Разумова подробно осветили ведущий научный сотрудник Г.Г. Ильина («Исторические и топонимические предания»), главный научный сотрудник М.Г. Кондратьев («Разумов – собиратель фольклора»), старший научный сотрудник В.А. Ендеров («Рукописный фонд Разумова»), младший научный сотрудник Т.И. Семенова («Разумов – собиратель чувашских народных песен»), ведущий научный сотрудник Г.Б. Матвеев («Этнографические материалы из фонда Разумова»), старший научный сотрудник Н.Г. Ильина-Ефремова («Разумов – собиратель сказок»). Участники заседания призвали коллег эффективно использовать материалы рукописного фонда В.С. Разумова при подготовке научных статей и монографий.

04.06.2019 – на базе факультета чувашской и русской филологии ЧГПУ им. И.Я. Яковлева прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Национальные языки и литературы в условиях би- и полилингвизма», посвященная 90-летию со дня рождения Л.П. Сергеева – доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного деятеля науки Чувашской Республики, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, лауреата Государственной премии им. К.В. Иванова, лауреата Государственной премии Чувашской Республики в области гуманитарных наук. В работе конференции приняли участие кандидаты филологических наук, ведущие научные сотрудники филологического направления ЧГИГН А.П. Долгова и Г.А. Дегтярёв, младший научный сотрудник филологического направления ЧГИГН И.П. Семёнова.

14.06.2019 – в Школе молодых ученых ЧГИГН состоялась лекция доктора исторических наук, главного научного сотрудника исторического направления И.И. Бойко на тему «Как удачно написать историографическую составляющую научных исследований?».

24.06.2019 – в День Республики на Красной площади г. Чебоксары Глава Чувашской Республики М.В. Игнатьев вручил лауреатам Государственную премию Чувашской Республики в области гуманитарных наук за научное издание «История чувашской литературы XX века: коллективная монография в двух частях» (Указ от 17 июня 2019 г., № 81) (авт. колл. Н.Г. Ефремова-Ильина, И.Ю. Кириллова, А.Ф. Мышкина, В.В. Никифорова, В.Г. Родионов).

28.06.2019 – в Молодежном центре г. Альметьевск РТ состоялся круглый стол по проблемам развития краеведения, сельского и этнического туризма с участием ученых и специалистов, краеведов и сотрудников туристических структур, общественных, религиозных и

молодежных организаций Казани, Чебоксар, Альметьевска, Азнакаево, Бугульмы, Лениногорска и сел Альметьевского района РТ. Ведущий научный сотрудник ЧГИГН Г.Б. Матвеев выступил с докладом по вопросу восстановления и возрождения старинных национальных традиций (праздников, одежды, пищи и др.). Выпускающий редактор ЧГИГН Е.В. Федотова в своем сообщении отметила, что у чувашей, проживающих в Татарстане и придерживающихся дохристианских языческих религиозных традиций старинные национальные традиции, обычаи и праздники сохранились намного лучше, чем у чувашей-христиан Чувашии.

30.06.2019 – подписание ректором ЧГПУ им. И.Н. Ульянова В.Н. Ивановым и директором ЧГИГН П.С. Красновым Договора о сотрудничестве.

2–6.07.2019 – в г. Казани состоялся XIII Конгресс антропологов и этнологов России. Сотрудники секции этнологии ЧГИГН Д.В. Егоров, Г.Б. Матвеев и Е.В. Сергеева приняли участие в секции № 50 «Традиции, идентичность, межэтнические взаимодействия народов Волго-Уральского региона». Темы докладов: «Чувашский пантеон: проблемы классификации мифологических персонажей» (Д.В. Егоров), «Представления о пространстве и времени в традиционном мировоззрении чувашей» (Г.Б. Матвеев), «Застольный этикет в системе традиционного воспитания чувашских детей» (Е.В. Сергеева).

4–18.07.2019 – Чувашская археологическая экспедиция ЧГИГН совместно с коллегами из Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ во второй раз осуществила раскопки Большетаябинского городища в Ялчикском районе Чувашской Республики.

9.07.2019 – в соответствии с распоряжением Главы Чувашской Республики № 279-рг «О назначении ежемесячных государственных стипендий выдающимся деятелям науки, литературы и искусства Чувашской Республики» за создание высокохудожественных произведений и фундаментальные исследования в области науки, литературы и искусства старшему научному сотруднику А.И. Мордвиновой, назначена ежемесячная государственная стипендия в размере 3000 рублей сроком на один год.

30.07.2019 – по заказу ГТРК «Россия» на территории Чувашии прошли съемки документального фильма о многовековой культурной связи России и Китая, в котором ключевое место занимает рассказ об основоположнике научного китаеведения, архимандрите о. Иакинфе (Н. Бичурине). Съемочная группа встретилась с научным сотрудником ЧГИГН Д.В. Басманцевым, изучающим изъятые у Никиты Бичурина рукописи и документы следствия, хранящиеся в фонде Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга. Ведущий научный сотрудник Ю.В. Гусаров ознакомил с письмом из личной переписки Н. Бичурина.

02.08.2019 – в музыкальной гостиной «Мерчен» НБ ЧР состоялся музыкальный вечер «Асламас+», посвященный 95-летию со дня рождения чувашского композитора-классика, заслуженного деятеля искусств Российской Федерации и Чувашской Республики, кавалера орденов Отечественной войны 1-й и 2-й степени Анисима Асламаса (1924–2000) и 60-летию со дня рождения дирижера и пианиста, профессора Брненской консерватории (Чехия) Алексея Асламаса-старшего (1959–2017). В мероприятии принял участие главный научный сотрудник ЧГИГН М.Г. Кондратьев.

15.08.2019 – в Ишакском краеведческом музее (Чебоксарский район) на праздновании 100-летия со дня рождения народного художника РСФСР В.И. Мешкова присутствовал М.Г. Кондратьев.

22.08.2019 – в конференц-зале Государственного исторического архива Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР) состоялась презентация книжной серии, которая включает в себя четыре тома сборников (в пяти книгах) «Чебоксары во второй половине XVI–XX века: документы и материалы из фондов Государственного исторического архива Чувашской Республики» (составители Ю.В. Гусаров, А.А. Чибис, Т.А. Соловьева и др.) и сборник «Чебоксары во второй половине XVI–XVIII века: документы и материалы из фондов Российского государственного архива древних актов» (составитель Д.В. Басманцев).

10–12.09.2019 – по плану ЧГИГН в НБ ЧР состоялась Международная научно-практическая конференция «Поэтическое и культурное пограничье/безграничье творчества Геннадия Айги», посвященная 85-летию со дня рождения выдающегося российского поэта, народного поэта Чувашии, лауреата престижных европейских премий, переводчика Геннадия Айги.

24.09.2019 – в Институте языкознания Российской академии наук (г. Москва) состоялся семинар на тему «Коренные языки и песенная культура», в котором приняла участие старший научный сотрудник ЧГИГН Л.И. Бушуева.

27.09.2019 – при реконструкции Красной площади в Чебоксарах обнаружили человеческие останки. С 1 октября археологи ЧГИГН начали раскопки на этом месте, они сообщили, что здесь мог находиться некрополь Благовещенской церкви, который может датироваться дореволюционным периодом.

11.10.2019 – в ЧРИО прошла Межрегиональная научно-практическая конференция «Фольклор народов Поволжья и Урала: жанры, поэтика, проблемы изучения». В ее работе приняли участие сотрудники ЧГИГН Г.А. Николаев, Г.Г. Ильина, В.Г. Родионов, М.Г. Кондратьев и др.

11.10.2019 – в Урмарском районе д. Шихабылово на ул. Ахплата под эгидой ЧГИГН и Фонда историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова состоялось открытие памятного знака турхану Ахплату, жившему в XVI в. В церемонии приняли участие жители д. Шихабылово, учителя и учащиеся Шихабыловской ООШ, почетные гости директор ЧГИГН П.С. Краснов, главный научный сотрудник ЧГИГН В.П. Иванов, депутаты Государственного Совета Чувашской Республики, руководители Урмарского района и др.

15.10.2019 – в ЧГИГН прошел научный семинар «Проблемы исторической реконструкции чувашских мифонимов». Лекторы – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ЧГИГН В.Г. Родионов и доктор филологических наук, профессор Н.И. Егоров.

24.10.2019 – в Институте археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан прошла торжественная церемония награждения медалью Республики Татарстан «За доблестный труд» доктора исторических наук, профессора Е.П. Казакова. Сотрудники ЧГИГН Е.П. Михайлов и Н.С. Мясников приняли участие в церемонии награждения.

24–26.10.2019 – в Институте филологии и межкультурной коммуникации «Казанского (Приволжского) федерального университета» состоялась Межрегиональная научно-практическая конференция «Национальные литературы республик Поволжья: проблемы межкультурной коммуникации». Ведущий научный сотрудник ЧГИГН А.В. Кузнецов участвовал в качестве модератора секции «Фольклор народов Поволжья», выступил с докладом на тему «“Проклятие” как жанр фольклора и его отражение в системе этикетного общения чувашского народа» (совм. с Н.М. Кузнецовой).

25.10.2019 – в Москве состоялся форум-диалог «Языковая политика: общероссийская экспертиза». Чувашскую Республику представили ректор ЧРИО Ю.Н. Исаев, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин ЧГИКИ Э.В. Фомин, младший научный сотрудник ЧГИГН И.П. Семёнова.

25.10.2019 – состоялся юбилейный вечер народного артиста СССР, лауреата Государственных премий РФ и ЧР, художественного руководителя Чувашского академического театра им. К.В. Иванова Валерия Яковлева «Ватлăх, ан васка». В мероприятии приняли участие директор ЧГИГН П.С. Краснов, главный научный сотрудник ЧГИГН М.Г. Кондратьев, старший научный сотрудник ЧГИГН А.И. Мордвинова.

28.10.2019 – по ул. Афанасьева, д. 9. (г. Чебоксары) открыта мемориальная доска доктору экономических наук, профессору Станиславу Романовичу Малютину (1929–2010). В 1989–1996 гг. он являлся директором НИИЯЛИЭ при Совете министров Чувашской АССР (с 1994 г. ЧГИГН). В торжественной церемонии, приуроченной к 90-летию со дня рождения ученого, принял участие директор ЧГИГН П.С. Краснов.

29.10.2019 – расширенное заседание секций археологии и истории ЧГИГН «Чебоксары – от центра уезда до столицы Чувашии», посвященное 50-летию создания Чебоксарской новостроечной археологической экспедиции Института археологии РАН. В мероприятии приняли участие Е.П. Михайлов, Д.В. Басманцев, Ю.В. Гусаров, Н.С. Березина, А.Ю. Березин.

31.10.2019 – на заседании Ученого совета ЧГУ им. И.Н. Ульянова состоялось вручение диплома ученого звания доцента по специальности «фольклористика» ведущему научному сотруднику секции фольклористики ЧГИГН Г.Г. Ильиной.

01.11.2019 – сотрудники секции этнологии ЧГИГН Е.В. Сергеева и А.С. Сараев приняли участие во Всероссийской акции «Большой этнографический диктант».

05.11.2019 – расширенное заседание секции этнологии исторического направления ЧГИГН по теме «Н.И. Воробьев – исследователь материальной культуры чувашей и татар», посвященное 125-летию со дня рождения ученого.

09.11.2019 – приказом Министерства обороны РФ № 896 – старший научный сотрудник секции археологии ЧГИГН Н.С. Мясников награжден знаком «За отличие в поисковом движении» II степени за большой личный вклад в установлении имен погибших и судеб пропавших без вести военнослужащих.

12–14.11.2019 – в Казанской государственной консерватории им. Н.Г. Жиганова состоялась Международная научная конференция «Музыка в диалоге культур. Музыкальная культура финно-угорского мира: традиции, современность, перспективы». Пленарное заседание открылось докладом главного научного сотрудника ЧГИГН М.Г. Кондратьева на тему «Музыкально-поэтические системы финноязычных народов Поволжья: к проблеме межкультурного диалога».

13.11.2019 – в библиотеке им. М. Сеспеля прошли юбилейные Сеспелевские чтения, в которых принял участие старший научный сотрудник ЧГИГН А.В. Кузнецов.

14–15.11.2019 – в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ в Казани состоялась Всероссийская научная конференция «Институты общинного самоуправления в социальной жизни многонационального крестьянства Волго-Уральского региона (XVIII в. – 20-е гг. XX в.)» в рамках VI Всероссийского научного форума «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья». В нем с докладом на пленарном заседании выступил ученый секретарь ЧГИГН Д.В. Егоров.

16.11.2019 – ЧРИО, ЧГУ им. И.Н. Ульянова, ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, ЧГИГН, ЧГИКИ, Издательский дом «Среда», ЧНК на базе ЧРИО провели Международную научно-практическую конференцию на тему «Актуальные вопросы исследования и преподавания родных языков и литератур», посвященную Году языков коренных народов. В работе конференции принимали активное участие сотрудники ЧГИГН И.И. Бойко, А.П. Долгова, Г.Г. Ильина, И.Ю. Кириллова, А.В. Кузнецов, Э.Е. Лебедев, Е.В. Федотова, В.Г. Харитонова, П.Я. Яковлев.

20.11.2019 – в НБ ЧР состоялся круглый стол, посвященный 120-летию со дня рождения классика чувашской поэзии Михаила Сеспеля. В нем приняли участие научные сотрудники ЧГИГН В.Г. Родионов, В.В. Никифорова, Е.П. Михайлов, Г.Г. Ильина.

26.11.2019 – младший научный сотрудник секции этнологии ЧГИГН А.С. Сараев принял участие в работе круглого стола «Россия как особый тип цивилизации: Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев», состоявшегося в НБ ЧР.

29.11.2019 – в Икковском доме культуры (Чебоксарский район) прошел вечер памяти «Поэт каллех утать ялтан яла», посвященный 130-летию со дня рождения писателя, переводчика, ученого и учителя Н.В. Шубоссинни (Васильев). В мероприятии принял участие главный научный сотрудник ЧГИГН В.Г. Родионов.

10.12.2019 – на базе факультета чувашской и русской филологии ЧГПУ им. И.Я. Яковлева прошла Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция «Русский язык в условиях би- и полилингвизма», посвященная 85-летию доктора педагогических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы РФ, заслуженного учителя ЧАССР, академика НАНИ ЧР, действительного члена Академии педагогических и социальных наук, действительного члена Петровской академии наук и искусств, почетного профессора ЧГПУ им. И.Я. Яковлева Г.А. Анисимова. В работе пленарного заседания конференции приняли участие сотрудники филологического направления ЧГИГН Г.А. Дегтярёв и А.В. Кузнецов.

11.12.2019 – в НБ ЧР состоялся круглый стол «Тюрколог-компаративист, этнограф, просветитель», посвященный 190-летию со дня рождения одного из основоположников отечественного чувашского научного языкознания, тюрколога, педагога и общественного деятеля Н.И. Золотницкого. Мероприятие прошло при участии научных сотрудников ЧГИГН В.Г. Родионова, Е.В. Сергеевой, А.В. Кузнецова, а также доктора филологических наук Н.И. Егорова, редактора сайта «Чăваш халăх сайчĕ» Н.А. Плотникова, работников НБ ЧР.

13.12.2019 – в Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории им. В.М. Васильева прошла презентация сборника материалов Межрегиональной научно-практической конференции «Чуваши и марийцы – соседи по “общему дому”» с участием

директора ЧГИГН П.С. Краснова, заместителя директора по науке и развитию Г.А. Николаева, главного научного сотрудника секции этнологии исторического направления ЧГИГН В.П. Иванова.

13–14.11.2019 – в г. Йошкар-Оле состоялась III Межрегиональная научно-практическая конференция «Города Среднего Поволжья: история и современность», посвященная 100-летию Республики Марий Эл и 435-летию города Йошкар-Олы. В конференции принял участие научный сотрудник ЧГИГН Д.В. Басманцев с докладом «Крепостные акты как источник по истории города Чебоксары XVIII века».

17.12.2019 – в Чебоксарах состоялся XXX Фестиваль композиторов республик Поволжья и Приуралья, объединивший творческие силы современных авторов из Мордовии, Татарстана, Башкортостана, Удмуртии, Марий Эл и Чувашии, в котором принял участие главный научный сотрудник ЧГИГН М.Г. Кондратьев.

18.12.2019 – в Чувашском национальном музее открылась выставка «Вера… Мудрость. Память», посвященная научному и литературному редактору В.А. Прохоровой, долгие годы работавшей в НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР, ныне ЧГИГН. Экспозиция выставки является расширенной предметной иллюстрацией статьи доктора искусствоведения, профессора М.Г. Кондратьева.

27.12.2019 – в объединенном Диссертационном совете ЧГУ им. И.Н. Ульянова состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук научного сотрудника секции фольклористики филологического направления ЧГИГН А.П. Леонтьева.

Подготовила Е.В. Сергеева.

Правила для авторов

1. Материалы для публикации должны соответствовать тематике журнала и представлять оригинальное научное исследование, не издававшееся ранее. Как исключение к печати могут быть приняты сочинения, издававшиеся частично – до 25 % объема. Текст предоставляемой научной продукции должен быть тщательно выверен авторами на предмет наличия орфографических ошибок и опечаток.

2. Предоставляемые в редакционную коллегию материалы должны иметь титульный лист, содержащий следующие сведения: фамилия, имя, отчество автора; почтовый адрес; адрес электронной почты; номер телефона (домашнего, рабочего, мобильного); место работы; должность; ученая степень и ученое звание; тематика научных изысканий. На первой странице рукописи печатаются: название статьи (сообщения); инициалы и фамилия автора (инициалы перед фамилией). Заголовок набирается строчными буквами. На первой странице под текстом указываются: полное имя, отчество и фамилия автора; ученая степень, ученое звание и должность. Форма: Иванов Иван Иванович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературоведения Чувашского государственного университета.

3. Материалы для публикации должны быть напечатаны в 2 экземплярах, на одной стороне листа. В редакционную коллегию они предоставляются вместе с электронным вариантом (на дискете). Распечатанный текст должен быть подписан автором (авторами). Основные параметры верстки печатного и электронного текстов: кегль – 14 пунктов, междустрочный интервал – полуторный, формат страницы – А-4, выравнивание по ширине (для заголовка – по центру), отступ абзаца – 1 см, все поля 2 см, без переносов, нумерация страниц снизу и по центру листа. Гарнитура Times New Roman. Редактор – MS Word. При наличии таблиц и рисунков они должны быть созданы стандартизированными средствами MS Word и внедрены в текст. Таблицы и рисунки должны иметь собственную нумерацию и названия. В таблицах обязательно указываются единицы измерения величин. Названия и нумерация к ним помещаются над конструкцией и набираются полужирным шрифтом 12. Текст внутри таблиц набирается шрифтом 12. Нумерация и пояснения к рисункам помещаются под конструкцией и набираются шрифтом 12. Формулы располагаются по центру страницы. Шрифт для греческих букв Symbol, для всех остальных – Times New Roman. Число таблиц и рисунков в рукописи не должно превышать 6. Фотографии прилагаются в двух файлах – в тексте рукописи и отдельной единицей – с разрешением 300 dpi в формате TIFF, JPEG.

4. Рукописи в редакционную коллегию авторами предоставляются вместе с двумя рецензиями, написанными кандидатами или докторами наук по профильной научной дисциплине. Они должны быть заверены печатью той организации, где работают рецензенты. Решением редакционной коллегии полученные материалы могут быть приняты к печати, отправлены на дополнительное рецензирование или возвращены на доработку. Возвращение рукописи на доработку не означает, что она принята к печати.

Доработанный текст автор вправе вновь предоставить вместе с первоначальным его вариантом и ответами на замечания в редакционную коллегию журнала.

5. Поступившие в редакционную коллегию рукописи, как принятые к печати, так и отклоненные, а также рецензии и сопутствующие материалы поступают в научный архив ЧГИГН. Они авторам не возвращаются.

6. В рукописях допускается использование общеизвестных аббревиатур (СССР, РСФСР и др.). В случае оперирования с малоизвестными аббревиатурами в тексте при первом употреблении им должны предшествовать расшифрованные формы. Например: Всероссийский союз городов (ВСГ). Замена ключевых понятий исследования (например, «СО» вместо «сельское общество») аббревиатурами не допускается.

7. Структура статьи (сообщения) должна определяться соображениями целесообразности. В ее (его) вводной части (не менее 0,5 с.) обязательны постановка проблемы и определение исследовательских задач, в заключительной (не менее 0,5 с.) – полученные в ходе анализа выводы. Статью (сообщение) завершают Примечания и Краткое резюме. Использованная литература и источники указываются в Примечаниях.

8. Ссылки на использованную литературу и источники даются с помощью автоматических номерных сносок в конце текста. Кегль – 14 пунктов. Фамилия и инициалы авторов

исследований в сносках выделяются курсивом. Названия архивов даются аббревиатурами. При первом употреблении аббревиатуры должны быть расшифрованы. Форма: Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ).

9. Источники, представленные для публикации в качестве самостоятельной исследовательской единицы, должны быть оформлены в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990) и иметь Предисловие, Примечания и комментарии.

10. Ориентировочный объем для публикаций: для статьи – до 25 страниц (50 тыс. знаков), сообщения – до 15 страниц (20 тыс. знаков), рецензии – до 7 страниц (12 тыс. знаков), аннотации – до 3 страниц (5 тыс. знаков). В печатный объем входят текст, таблицы, рисунки и список литературы. Источники, представленные к публикации в качестве самостоятельной исследовательской единицы, могут иметь объем до 23 страниц (40 тыс. знаков). Объем Краткого резюме к статье (сообщению) – 8–10 строк.

11. Редакционная коллегия вправе вносить в настоящие Правила изменения.

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Лебедев Э.Е. Ашмарин Николай Иванович (1870–1933) 3
Хузангай А.П. Труды и научная биография выдающегося чувашского языковеда В.Г. Егорова в контексте развития советского языкознания 12

Археология

Михайлов Е.П. Павел Дмитриевич Степанов – исследователь археологии Чувашии 22

История

Охотникова С.В. Проблемы средневековой истории чувашского народа в трудах И.П. Панькова 60
Гусаров Ю.В. Об истории издания сборника трудов и вновь выявленных сочинениях первого чувашского этнографа, историка и писателя С.М. Михайлова 75
Кошкина О.А. Строительство оборонительных рубежей в 1941–1942 годах на территории Марийской и Чувашской АССР 95
Петров И.Г. Патриарх чувашского краеведения (к 90-летию со дня рождения ученого, краеведа и общественного деятеля А.А. Кондратьева) 102

Этнология

Сергеева Е.В. Дети в обрядовой жизни чувашей 119

Искусствоведение

Кондратьев М.Г. Традиционная музыка чувашей как язык культуры 144
Тургай И.В. Батальный жанр в творчестве В.И. Агеева 168

Исторический архив

Николаев Г.А., Исхаков Р.Р. «С этой войной возникла следующая легенда: будто в образе Вильгельма с нами ведет борьбу сам Антихрист с несметным числом преданных ему слуг»: разговоры, слухи и толки о событиях Первой мировой войны в среде чувашей Казанской и Симбирской губерний 180

Научный архив

Салмин А.К. Материалы о чувашах в фонде № 142 Санкт-Петербургского филиала архива Российской Академии наук 212

Рецензии

Рона-Таш А Рец. на: K. Agyagsi. Chuvash historical phonetics. An areal linguistic study, with an appendix on the role of Proto-Mari in the history of Chuvash vocalism. Turcologica. Band 117. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden, 2019. 333 s. 223
Исхаков Р.Р. Рец. на: Егоров Д.В. Верховный бог чувашей Турă: опыт историко-этнографической реконструкции. Чебоксары, 2020. 64 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 30) 234
Петров И.Г. Рец. на: Сергеева Е.В. Чувашская община второй половины XIX – начала XX века: половозрастная стратификация. Чебоксары, 2020. 48 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 31) 237

Наши юбиляры

Яковлев Петр Яковлевич (к 70-летию со дня рождения) 240
Дегтярёв Геннадий Анатольевич (к 60-летию со дня рождения) 243

Памяти коллеги

Трофимов Алексей Александрович (1935–2020) 247

Хроника научной жизни института 249

Правила для авторов 259

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Чувашский гуманитарный вестник
№ 15. 2020

Научный журнал

Редактор *Е.П. Семенова*
Корректор *Л.Н. Сачкова*
Выпускающий редактор *Е.В. Федотова*
Верстка *Н.И. Никифоровой*

Публикуемые материалы
не обязательно отражают точку зрения редколлегии
При перепечатке материалов ссылка
на журнал «Чувашский гуманитарный вестник» обязательна

Подписано к печати 01.12.2020. Дата выхода в свет 21.12.2020. Формат $70\times100^{1}/_{16}$.
Печать оперативная. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Цена свободная.
Уч.-изд. л. 20,78 а.л. Тираж 100 экз. Заказ № 12.

Учредитель: БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-60986 от 5 марта 2015 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издатель – БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики
428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1
тел 8(8352) 45-00-10, 45-00-05, факс 45-00-05
e-mail: human2000@yandex.ru

Адрес редакции: 428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29/I
Тел.: 8(8352) 45-00-10, 45-00-05, факс 45-00-05,
e-mail: human2000@yandex.ru

Оригинал-макет подготовлен РИО ЧГИГН
Отпечатано в РИО ЧГИГН 21.12.2020
г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1

9 772225 731212

ISSN 2225-7314
9 772225 731212 >

Чувашский гуманитарный вестник, 2020, № 15
ISSN 2225-7314